Большой провал

Раскрытые секреты британской разведки

Ричард Томлинсон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор – бывший сотрудник могущественной британской разведки МИ-6. В книге раскрываются способы вербовки и подготовки секретных агентов МИ-6, методы планирования и проведения тайных операций британской разведки как в самой Англии, так и за ее пределами. Появлению этой книги, разрушительной для репутации британской разведки МИ-6, предшествовала невероятная активность спецслужб сразу нескольких стран, газетные разоблачения и судебные тяжбы. На издание произведения долгое время был наложен запрет в Англии, Швейцарии, США, Австралии и других странах. Представители официального Лондона всерьез обсуждали возможность направления по дипломатическим каналам ноты протеста российским властям в связи с изданием на ее территории тиража книги.

- Большой провал. Раскрытые секреты британской разведки МИ-6
  - Предисловие к русскому изданию
  - Глава 1. Выбор цели
  - Глава 2. Подготовка
  - Глава 3. Зачисление на службу
  - Глава 4. Обучение
  - Глава 5. Первое solo
  - Глава 6. Совершенно Секретно
  - Глава 7. Московская операция
  - Глава 8. Готов на все сто
  - Глава 9. В опасности
  - Глава 10. Химическая терапия
  - Глава 11. Соглашение
  - Глава 12. Провал
  - Глава 13. Тюрьма строгого режима
  - Глава 14. В пути
  - Глава 15. Зловещие круги
  - Эпилог

Большой провал. Раскрытые секреты британской разведки МИ-6

Предисловие к русскому изданию

Падение Берлинской стены и окончание "холодной войны" положили начало беспрецедентному кризису в системе разведывательных служб Великобритании. События, большинство из которых МИ-6 не удалось предсказать, в сущности, оставили не у дел как саму МИ-6, так и МИ-5 – службу контрразведки страны. Организациям, созданным, главным образом, для борьбы с угрозой со стороны советского блока, тяжело адаптироваться в новых условиях. Кому теперь нужны сотни специалистов-советологов, только и умеющих давать всеобъемлющие заключения на всевозможные выверты и ухищрения Кремля? Новые обстоятельства требуют новых решений. Меняющийся мир шагает навстречу неопределенному будущему, уже не обремененному противостоянием двух мощных антагонистических блоков, но разведывательные службы Великобритании так и не могут найти в нем свое место.

Да, разведслужбы стали осваивать новые сферы деятельности, борьба с ростом преступности, будь то отмывание денег или контрабанда наркотиков, однако занимаются этим с отвращением, считая, что подобная работа унижает их достоинство. Более того, в эпоху диктата прав человека и свободы слова секретность утратила статус абсолюта. Спецслужбы не сумели быстро приспособиться к создавшемуся положению и теперь задыхаются от внутренних кризисов, один за другим сотрясающих их ведомства. В 1991 году, когда я вступил в ряды сотрудников МИ-6, тема деятельности разведорганов была практически закрыта для прессы, теперь же недели не проходит без того, чтобы газеты и телевидение не сообщили о чем-то сенсационном из этой области.

До недавнего времени сторонники реформ не находили понимания у Уайтхолла. Служба безопасности, по-прежнему удерживающая рычаги власти, демонстрирует завидную хватку. Британское правительство, какая бы партия его ни возглавляла, продолжает целеустремленно преследовать бывших должностных лиц разведслужбы и журналистов в тщетной попытке оградить общественность от "лишней" информации. Я не единственный, кто подвергся гонениям со стороны органов безопасности и Специальной службы. Дэйвид Шейлор и Энни Мейчон, Мартин Ингрэмз, Лайэм Кларджи, Найджел Уайлд, Мартин Брайт, Тони Джерати, Эд Мэлони, Жюли-Энн Дэйвис и Джеймс Стин, – все они пострадали в той или иной степени. Одни стали жертвами судебных запретов, другие – полицейских рейдов, кто-то угодил в

тюрьму.

Ясно, что британские законы устарели. Большинство стран с демократическими режимами руководствуются общепризнанными принципами свободы слова и беспрепятственного доступа к информации. В Великобритании же уровень подотчетности спецслужб общественности сведен к нулю. Комитет парламента по вопросам разведдеятельности и госбезопасности, подчиняющийся только премьер-министру, предлагает довольствоваться лишь видимостью контроля. Большинство западных держав придерживаются куда более прогрессивного взгляда в отношении своих спецслужб. Даже бывший враг Великобритании, Российская Федерация, исповедует значительно более демократичные методы контроля над деятельностью СВР и ФСБ.

Меня критикуют за то, что в своей книге я якобы предал огласке секреты государственной важности. По этому поводу хочу заметить следующее. Во-первых, разведданные в большинстве своем являются действительно секретными лишь несколько дней, а иногда и часов, а я расстался с органами безопасности шесть лет назад. К тому же в силу своего положения младшего сотрудника я даже тогда не имел доступа к сведениям особой важности. МИ-6 выступила против публикации моей книги вовсе не из страха, что я случайно могу выдать государственные тайны. Более разрушительна для репутации МИ-6 история моей жизни после ухода из разведслужбы, изобличающая карательную природу этого ведомства. Вместо того, чтобы спокойно разрешить возникшие между нами мелкие разногласия, оно потратило миллионы долларов из средств налогоплательщиков на то, чтобы посадить меня в тюрьму, преследовать по всему свету, налагая судебные запреты и применяя прочие меры наказания.

Теперь, когда книга опубликована, руководство МИ-6 должно понять, что пора прекратить свою злобную кампанию против меня и переключиться на реализацию необходимых реформ, дабы не допустить повторения подобного позора. Современные демократические страны не должны позволять спецслужбам тратить ежегодно огромные деньги для собственного бесконтрольного существования, свободного от обязанностей перед своими гражданами.

Глава 1. Выбор цели

Август 1976.

Северная Англия.

Сквозь слуховое окно сочился тусклый, сумеречный свет, но его как раз хватало для работы. Было тихо. Покой нарушали только нежно воркующие голуби, да изредка ласточки, вылетавшие из своих гнезд на стропилах на охоту за насекомыми, кружившими в вечернем воздухе. Склонившись над изрезанным дубовым верстаком, я старательно мельчил в белый порошок гранулированный гербицид. Пестом мне служил шестидюймовый болт, ступой – старая стеклянная пепельница. В каких пропорциях смешивать перхлорат натрия и сахарозу, чтобы обеспечить наибольшую вероятность взрыва, я выяснил в городской библиотеке, куда ненадолго забежал накануне. На ржавых кухонных весах я отмерил нужное количество сахара и тоже растер его в пудру. Старая медная трубка диаметром в один дюйм уже была готова: один ее конец я загнул клещами, в середине просверлил небольшую дырочку, которую замотал липкой лентой. Оставалось смешать приготовленные порошки, всыпать несколько граммов этой смеси в трубку и утрамбовать деревянным штифтом. Когда, трубка была набита, я осторожно загнул ее второй конец – слишком резкое давление было чревато преждевременным взрывом. Отмотав пару футов скотча, я разложил эту полоску шириной в два дюйма на верстаке липкой стороной вверх и аккуратно насыпал по всей ее длине остатки белого порошка, затем свернул, как длинную сигарету. Тонкий и неплотно набитый огнепроводный шнур должен гореть не очень быстро, я успею добежать до укрытия. Липкой лентой я прикрепил самодельное взрывное устройство к голени, запал спрятал в носок и выскользнул из сарая.

Над деревней сгущались сумерки. Почти все жители ушли домой ужинать. На дороге, пролегавшей через селение, ни души. Лишь по обочинам стояло несколько стареньких автомобилей. Верхушки травяных стеблей побелели – результат трехмесячной засухи. Я торопливо миновал маленькое здание почты, украдкой бросив взгляд на окна второго этажа. Тюлевые занавеси не шелохнулись. Значит, подозрительный почтмейстер меня не заметил.

В баре на углу толпилась горстка немолодых мужчин, – очевидно, фермеры, судя по их обгорелым лицам и рабочей одежде. Ни один из них не поднял головы от своего стакана, когда мой силуэт мелькнул мимо грязного окна. Я завернул за

угол и стал быстро подниматься по холму к мосту из красного песчаника. Навстречу шел мужчина, выгуливавший собаку, но ни он, ни пес не обратили на меня внимания. Я взглянул на воду через парапет. Река в этом месте была глубокая и обычно бурная, но сейчас движение наблюдалось только в водоворотах, да еще иногда форель выпрыгивала, будоража застывшую гладь.

Я еще раз осмотрелся по сторонам, проверяя, не наблюдают ли за мной, затем махнул через парапет и скрылся из виду. Мост имел три арочные опоры, укрепленные на двух искусственных островках. Под первой аркой находился широкий выступ, сильно размытый наводнениями, случавшимися здесь каждую зиму. Я перелез через ограждение из колючей проволоки, протянутой для того, чтобы овцы с прилегающих полей случайно не свалились в реку, спрыгнул вниз, приземлившись на четвереньки, и на несколько минут замер в ожидании, прислушиваясь, – еще не поздно было отменить операцию. Над головой по мосту проехала машина, но это был единственный звук человеческой деятельности.

Закатав штанину, я отцепил импровизированное взрывное устройство от ноги и палкой, поднятой из воды, стал выкапывать в речном песке лунку для самодельной бомбы, затем рывком содрал с отверстия в трубке, просверленного точно под запал, липкую ленту. Последний взгляд вокруг. Нет, зрителей не видно.

Я поднес зажигалку "Зиппо" к импровизированному шнуру и высек огонь. Шнур зашипел. Несколько секунд я смотрел на него, потом помчался прочь. Времени было достаточно, чтобы добежать до поваленного вяза, прежде чем "бомба" взорвется, мощным гулом оглашая округу. Грохота было больше, чем я ожидал. Из камышовых зарослей на илистом берегу вспорхнула семья напуганных уток, беспечно ворковавшие вяхири внезапно замолчали.

Едва грохочущее эхо откатилось от склонов долины, я осторожно высунулся из своего укрытия, чтобы увидеть последствия взрыва. Пыль еще не осела, но мост стоял на месте. Я довольно улыбнулся. Бесспорно, это был лучший из взрывов, произведенных мною за лето, и отличное развлечение для тринадцатилетнего подростка. Быстрым шагом я направился домой, молясь про себя, чтобы ворчливый почтмейстер не схватил меня за шиворот, когда я буду проходить мимо его дома.

x x x

Мой отец, выходец из семьи ланкаширских фермеров,

познакомился с моей матерью во время учебы в Ньюкаслском университете, где он изучал сельское хозяйство. В 1962 году вместе с сыном Мэтью, которому тогда еще не исполнилось и года, родители эмигрировали в Новую Зеландию. Они поселились в Гамильтоне на острове Северный, где отец устроился на работу консультантом в Министерстве сельского хозяйства Новой Зеландии. Вскоре после их приезда, в 1963 году, родился я, а в 1964 году – Джонатан, мой младший брат. Молодой семье с маленькими детьми в Новой Зеландии, мирной стране с чудесным климатом и обширными пространствами, было обеспечено идиллическое существование, и отец мечтал остаться там навсегда, но мать хотела, чтобы мы получили образование в Англии.

По возвращении на родину в 1968 году отец нашел работу консультанта по вопросам сельского хозяйства в районе, в то время называвшемся графством Камберленд. Родители приступили к поискам постоянного жилья и в одной из деревень в нескольких милях от Пенрита наткнулись на старый каретный сарай. Строение было скромных размеров и в плохом состоянии, но оно находилось в огромном саду с просторными надворными постройками. Матери понравился большой сад, который она сочла отличной игровой площадкой для трех своих юных сыновей. Отец, обожавший мастерить и строить своими руками, рассматривал усадьбу как полигон для приложения своих талантов. Они собрали все деньги, какие имели, заложили все что можно, и вскоре после моего пятого дня рождения мы переехали в этот дом. Мать пошла работать учителем биологии в среднюю школу Пенрита.

На первых порах мы с братьями посещали местную начальную школу, но потом родители решили, что средние школы в районе не дают должного образования. Мэтью, старший из детей, сдал вступительные экзамены в частную школу и был принят на обучение с правом получения стипендии в "Барнард-Касл", привилегированную частную среднюю школу возле Дарема в северо-восточной Англии. Учиться там он начал в 1972 году, а через год в "Барнард-Касл" поступил и я, тоже на правах стипендиата. Спустя два года к нам присоединился Джонатан. Хотя учились мы и бесплатно, родителям все равно ежегодно приходилось отчислять за нас школе определенную сумму, что было весьма накладно для семейного бюджета. Кроме того, определив нас в "Барнард-Касл", они жертвовали не только деньгами, но и душевным спокойствием, поскольку мы все трое ненавидели свою школу.

В "Барнард-Касл" большое внимание уделялось спорту, в

частности, регби. Будучи учеником младших классов, я несколько раз входил в школьные команды по регби и плаванию, но позже утратил интерес к спорту. Наша частная школа исповедовала строгий режим, что у многих учеников вызывало недовольство. Каждый пункт распорядка дня обозначался звонками – занятия в классах, прием пищи, подготовка домашних заданий, приготовление ко сну, отбой, посещение часовни.

Жизнь под диктовку. Приятные моменты там тоже были, но главные впечатления, вынесенные мною из "Барнард-Касл", – это холод, голод и скука. Особенно утомляли службы в часовне, которую в будни мы посещали один раз в день, а по воскресеньям – дважды.

Пережить все это помогали каникулы, особенно летние. Через деревню протекала речка Идеи. Я часами торчал на мосту с местными мальчишками, вырезая свои инициалы на парапете, или гонял на велосипеде. Летом после обеда мы подолгу резвились в реке – купались, перебирались через пороги на старых автомобильных баллонах. Меня интересовала техника, и я много времени проводил в мастерской отца, размещавшейся в большом сарае возле нашего дома, где с удовольствием возился с его инструментами, каждый раз вымазываясь до неузнаваемости. Из металлолома и мотора от старого черпакового подъемника фирмы "Бригз энд Стрэттон", вызволенного с соседней фермы, мы соорудили коляску, которой мучили газон – детище матери. К коляске мы присоединили старый мотороллер "Ламбретта", тоже немедленно разобранный на части и переделанный. В саду хватало места только на то, чтобы запускать его на третьей скорости, поэтому однажды, когда родителей не было дома, я выкатил свое изобретение на деревенскую дорогу с намерением испытать его полную мощность. В результате я едва не врезался в автомобиль ворчливого почтмейстера, за что тот несколько лет злился на меня.

Школа нечасто дарила мне радость, но тем не менее я занимался упорно, старательно и заработал стипендию Кембриджского университета, где собирался изучать инженерное дело. По окончании школы у меня выдался свободный год, который я провел в Южной Африке, работая на компанию "Де Бирс", куда меня устроил брат отца – научный сотрудник фирмы, занимающейся добычей и обработкой алмазов. Чистое, синее небо, бескрайние просторы африканских высокогорных степей, хорошая пища и вино явились приятным разнообразием для ученика "Барнард-Касл", воспитанного в спартанских условиях. На инженерный факультет Кембриджского университета набирались студенты, владевшие навыками рабочих профессий, – это было

одно из главных требований к поступающим, – поэтому первые несколько месяцев на службе в "Де Бирс" я осваивал токарный станок и сварочный аппарат. Потом мне поручили интересный проект.

Природные алмазы образуются в земной коре из чистого углерода под воздействием высокого давления при высокой температуре. Сотрудники "Де Бирс" выдвинули теорию получения алмазов искусственным путем при взрывах под действием возникающих на мгновение требуемых температуры и давления. Мне поручили провести необходимые исследования. Несколько месяцев я с удовольствием проектировал и конструировал бомбы из пластиковой взрывчатки, одна другой мощнее, с сердечником из измельченного углерода. С помощью южноафриканских военных специалистов мы взрывали их на подступах к Йоханнесбургу. Шуму было много. Возможно, в результате взрывов и образовалось несколько алмазов, но в огромных воронках от взорванных бомб мы не нашли ни одного.

Летом 1981 года я покинул Южную Африку. Уезжать не хотелось, но впереди меня ждал Кембридж.

Глава 2. Подготовка

Пятница, 8 июня 1984 г.

Гонвилл-энд-Киз, Кембридж.

Завершилась жаркая майская неделя, заканчивались пьяные сборища, которые выпускники устраивали в саду, отмечая успешную сдачу выпускных экзаменов. Я только что покинул вечеринку студентов колледжа "Киз", на которой мой научный руководитель сообщил мне, что по итогам выпускных экзаменов по курсу авиационного машиностроения решением педсовета мне присужден диплом с отличием. Вечернее солнце, бросающее косые лучи на территорию "Гонвилла", усугубляло эффект чрезмерной дозы довольно крепкого "Пимза". Меня клонило в сон, и я решил вернуться в свою комнату.

– Томлинсон? – окликнул меня кто-то. – Вы ведь Томлинсон, верно? Я обернулся и увидел доктора Кристофера Пилчарда, наставника по курсу юриспруденции. Он обращался ко мне из открытого окна своего кабинета на первом этаже. Его лицо было мне знакомо, но мы никогда не общались, и потому меня удивило, что ему известна моя фамилия. В колледже Пилчарда узнавали по рыжему парику, который он не снимал с тех пор, как облысел, – последствие велосипедной аварии, случившейся много лет назад. Будучи слегка навеселе, я с трудом удержался от соблазна пощупать его искусственные волосы.

– Томлинсон, вы уже думали о том, чем будете заниматься, когда покинете наше заведение?

– Да, сэр, – осторожно отвечал я, недоумевая, почему его это интересует. – Я поступлю на службу в морскую авиацию.

Пилчард презрительно фыркнул, словно не одобрял профессию военного.

– Послушайте, Томлинсон, если вдруг передумаете и пожелаете попробовать себя в какой-то другой сфере государственной службы, дайте мне знать. – С этими словами он нырнул назад в свой кабинет, осторожно, чтобы не зацепиться париком за переплет, убрав голову из окна.

Польщенный, я продолжал путь к своему корпусу. Мне только что сделали замаскированное предложение стать сотрудником британской разведывательной службы, более известной под своим кодовым наименованием военного времени – МИ-6. В каждом колледже Оксфорда и Кембриджа, да и в других ведущих университетах Великобритании имелся свой вербовщик вроде Пилчарда – преподаватель-ставленник МИ-6, выискивающий для британской разведки подходящие кандидатуры. Вербовщики

Оксфорда и Кембриджа на протяжении ряда поколений поставляли МИ-6 подающих надежды патриотов, которых они отбирали умело и осмотрительно. Но система не всегда срабатывала безошибочно – Филби, Маклин и Берджесс были завербованы в МИ-6 таким же образом.

Предложение Пилчарда меня заинтриговало. В открытое окно моей комнаты на верхнем этаже струился вечерний свет, а я лежал на своей узкой кровати и размышлял, почему из всех выпускников выбрали именно меня.

Когда я поступал в университет в 1981 году, мои планы не ограничивались только учебой. Мой дядя в Южной Африке в свое время был членом эскадрильи Кембриджского университета – аэроклуба под эгидой ВВС Великобритании, и он настоятельно советовал мне вступить в него. Разве мог я упустить шанс научиться летать, как настоящий военный летчик, тем более что за это еще и платили небольшое жалованье? Аэроклуб заменял мне и факультативы, и всякую иную общественную деятельность. Азы летного мастерства мы осваивали на "бульдоге" – надежном учебном двухместном самолете. Мой инструктор, капитан авиации Стэн Уитчелл, в ту пору один из старейших действующих офицеров ВВС, в качестве летчика-истребителя участвовал в операции "Битва за Англию". Два раза в неделю я сбегал с лекций по специальности и на велосипеде отправлялся брать уроки пилотирования на аэродром Маршалла, находившийся в семи километрах от центра Кембриджа.

Другим моим увлечением стало подводное плавание, к которому я пристрастился под влиянием фильмов Жака Кусто. Пройдя необходимую подготовку в университетском клубе, пасхальные каникулы я провел на Корнуолле, днем обследуя рифы и обломки погибших судов в холодных мутных водах Ла-Манша, а вечерами напиваясь крепкого местного пива в пабах старых рыбацких деревушек, жители которых промышляли контрабандой. Это не шло ни в какое сравнение с раем, изображенным в фильмах Кусто, но все же я отлично развеялся.

В 1983 году на каникулах я работал в местной пекаре не, что позволило мне скопить денег на двухмесячное путешествие по Таиланду и Малайзии. Однако бюджет у меня был скудный, и возвращался я назад самолетом "Аэрофлота" по самому дешевому билету, который мне удалось достать. Для дозаправки планировалось сделать короткую остановку в Москве, где мы приземлились на следующий день после того, как Миг-17 русских ВВС сбил в районе Сахалина корейский авиалайнер, летевший рейсом No 007. Все 269 пассажиров "Боинга-747" погибли. В наказание правительства стран Запада отлучили самолеты

"Аэрофлота" от своих воздушных трасс. Запрещение последовало сразу же, после того как самолет, на котором я летел, сел в московском аэропорту Шереметьево. Вместе с остальными двумястами пассажирами нашего рейса я застрял в Москве на целых два дня, ожидая, когда за нами из Лондона вышлют самолет авиакомпании "Бритиш эйрвейз". "Аэрофлот" разместил нас в дешевой гостинице возле аэропорта, но выдать наш багаж отказался, и мы остались в том, в чем вылетели из душного Бангкока. Однако я вовсе не собирался упускать неожиданно представившуюся мне возможность посмотреть Москву из-за неподходящего наряда. В полете я познакомился с одним австралийцем, и вдвоем с ним мы отправились бродить по туманному городу под холодным осенним дождем. Кислые москвичи с удивлением взирали на наши футболки и резиновые шлепанцы.

"Возможно, выбранная мною специализация и страсть к путешествиям и побудили Пилчарда сделать мне предложение", – предположил я. Несколько лет спустя я узнал, что МИ-6 испытывала нехватку кадров с хорошим техническим образованием, необходимым для понимания аспектов ее работы, которая все чаще требовала добротных академических знаний, и Пилчарду наряду с другими университетскими вербовщиками было поручено заняться поиском выпускников-технарей вроде меня.

О деятельности МИ-6 я знал немного – в основном по романам Джона Ле Карре, – и в моем представлении это была скучная, кабинетная работа. Я также резко отличался от других выпускников, к которым Пилчард обращался с подобным предложением. То были, как правило, студенты гуманитарных факультетов из состоятельных семей, не вылезавшие из бара при колледже. Хлопок по плечу от Пилчарда они расценивали как обязательный ритуал, знак того, что они оставили свой след в жизни университета. "Если МИ-6 нужны именно такие люди, значит, мне там не место", – решил я.

Вдохновленный книгами, прочитанными мною на досуге в Кембридже, я мечтал о профессии, которая наполнит мою жизнь приключениями, даст возможность попутешествовать; например, Уилфред Тезигер, исследователь пустынь, пересек аравийскую пустыню Эмпти-Квотер, когда ему было едва за двадцать, а сэр Фрэнсис Чичестер в одиночку совершил кругосветное плавание. Мне хотелось приключений, которые обеспечивала бы стабильная, хорошо оплачиваемая работа, и я решил, что смогу совместить подобное на службе в вооруженных силах. Больше всего мне импонировали военно-морские силы.

Предложение Пилчарда я счел интересным, но рассматривать его серьезно не стал, поскольку меня ждали более срочные проекты. Через две недели мне предстояло с пятью приятелями вылететь в Манилу в составе исследовательской экспедиции, организованной университетом для изучения влияния загрязнения окружающей среды на хрупкие коралловые рифы Филиппинского архипелага.

x x x

Спустя три месяца после возвращения с Дальнего Востока я предпринял длительную поездку из Камбрии в Портсмут для прохождения собеседования в специальной комиссии Адмиралтейства, отбирающей кандидатов для службы в ВМС. Успешно сдав экзамены и практические испытания, я уже считал себя зачисленным в ряды ВМС и совершенно не испытывал страха перед медицинской комиссией, которая была назначена на следующий день. Как выяснилось, напрасно. В выписке из моей истории болезни указывалось, что в возрасте семи лет я перенес легкую форму астмы. На этом основании меня и отсеяли. Хирург в звании лейтенант-коммандера объяснил, что будущий военно-морской летчик в процессе обучения подвергается тяжелым физическим нагрузкам и потому велик риск, что у него разовьется перенесенная в детстве болезнь, что повлияет на его боеспособность. Дорога в ВМС была мне отрезана. Я приуныл.

А спустя несколько дней после неудачного собеседования, спустившись в метро на станции "Кенсингтон", я случайно обратил внимание на плакат с изображением девушки, пробирающейся по тропическому болоту по пояс в воде. Это была реклама фирмы "Рали", организующей приключенческую экспедицию для молодежи. Я загорелся. Мне требовалось именно такое испытание, чтобы оправиться от разочарования. Я послал заявку и через несколько месяцев уже был на пути к Карибскому морю, где участников экспедиции, жаждущих познать тонкости управления парусником, ждал бриг "Зебу" с четырехугольными парусами.

Вернувшись в Великобританию спустя три месяца, я по-прежнему не имел склонности к какому-либо определенному роду деятельности и потому решил продолжить учебу в университете. Я подал заявление, и был уведомлен, что мне предоставляется стипендия имени Кеннеди для учебы в Массачусетс ком технологическом институте в США с последующим присвоением степени магистра. Фантастический

приз, особенно с учетом того, что в стипендию была включена стоимость билета до Нью-Йорка на лайнере "Куин Элизабет-2".

К занятиям я приступил в сентябре 1985 года и поначалу был в шоке. В Кембридже студенты выпускного курса вели беззаботную, веселую жизнь, здесь же приходилось корпеть над учебниками, не разгибаясь. Осенью 1986 года, незадолго до окончания института, комиссия по присуждению стипендий фонда "Ротари" оповестила меня, что их организация готова оплатить еще один год моей учебы в любой стране по моему выбору. Куда же поехать? В технологическом институте я завел дружбу со студентами из Аргентины и под впечатлением их рассказов о перонистах, радикализме, военных переворотах и проблеме Мальвинских островов, решил лично познакомиться с их страной. Спустя несколько месяцев, в январе 1987 года, самолет швейцарской авиакомпании перенес меня в Буэнос-Айрес.

x x x

Зажав сумку между коленями, я приготовился к неминуемому столкновению. Уже в третий раз водитель такси бросал свой разбитый "рено-12", визжащий старыми покрышками, в обгон рычащего автобуса "мерседес", пытаясь втиснуться в узкую щель на крайней полосе автострады. Путешествие из аэропорта к центру Буэнос-Айреса характеризовало Аргентину не с самой лучшей стороны. Когда мы проехали огромный рекламный щит с лозунгом "Las Malvinas son Argentinas" (Мальвинские острова – Аргентине – исп.) переливающийся синими и белыми огнями, угрюмый таксист, который на протяжении нескольких километров только сердито поглядывал на меня в зеркало заднего обзора, сделав последнюю затяжку, швырнул окурок в темноту за окном и спросил подозрительно:

– De donde es, Usted? (откуда будешь, приятель? – исп.)

В первую минуту я решил солгать. Война за Фолклендские (Мальвинские) острова окончилась всего несколько лет назад, и я не был уверен, что местный житель благосклонно отнесется к гостю из Англии. Однако любопытно было проверить его реакцию, и я ответил осторожно:

– Soy Britannico.

Водитель опять взглянул на меня в зеркало, словно не расслышал моих слов.

– Britannico... Inglaterra, – громче повторил я.

Угрюмый взгляд водителя заставил меня усомниться в

дипломатичности моей реплики. И вдруг глаза его просияли.

– Senora Тэтчер, – произнес он. – Хорошая женщина. Вот бы ее сюда. Сразу бы стало лучше. – Таксист взмахнул рукой, обнажив в улыбке полный рот золотых зубов.

Подобным образом будут реагировать многие аргентинцы, с которыми мне предстоит общаться в текущем учебном году. Из их памяти еще не стерлись горькие события войны за Фолклендские острова, но давние культурные и торговые связи с Великобританией перебивали возникшую антипатию.

В тот вечер, устроившись в дешевой гостинице, я встретился за ужином с Энди Шуйлером, американским студентом, которому тоже была присуждена стипендия фонда "Ротари". Забавный спокойный парень, в Станфорде он специализировался по проблемам Латинской Америки. На следующий день мы сняли на двоих квартиру в центре Буэнос-Айреса.

Стипендия "Ротари" выделялась главным образом на то, чтобы дать возможность ее владельцу познакомиться, с культурой других народов, посещая различные страны и устанавливая дружеские связи с новыми людьми. Но мы также не должны были забывать и об образовании. Мы с Шуйлером записались на вечерний курс политологии при аспирантуре университета Буэнос-Айреса. Наша аудитория состояла из старших офицеров, журналистов левого толка, честолюбивых политиков и католического священника из партии перонистов – микромир противоборствующих сторон аргентинского общества.

Демократия, проповедуемая партией радикалов во главе с ее лидером Раулем Альфонсином, после долгих лет тиранического правления военной хунты находилась пока еще в зачаточном состоянии. Будучи представителями империалистов "Yanquis" и "Britannicos", мы, разумеется, не рассчитывали на снисхождение со стороны других студентов, когда в аудитории возникали пылкие, зачастую с оскорблениями, политические дебаты. Шуйлер вскоре втянулся в активную политику, посещал митинги, демонстрации и студенческие собрания. В пасхальное воскресенье 1987 года правительство Альфонсина едва не пало в ходе попытки военного переворота, и я вместе с Шуйлером отправился к "Каса росада" (Дому президента), чтобы посмотреть, как страстные аргентинцы ратуют в поддержку демократии.

В другие дни наши с Шуйлером пути пересекались нечасто. Он занимался своими делами, я – своими. Я решил обогатить свой летный опыт, и один из офицеров ВВС, посещавший наш курс, порекомендовал мне инструктора, Родольфо Зигера, базировавшегося на аэродроме Сан-Фернандо, который находился в двух часах езды от центра Буэнос-Айреса, если добираться туда

автобусом "Колективо". Немецкий иммигрант, во время Второй мировой войны Зигер служил в "Люфтваффе" и в качестве пилота "мессершмитта" Ме-109 участвовал в "Битве за Англию". Вся его семья погибла во время бомбардировок Дрездена, и после войны Зигер эмигрировал в Аргентину, где переквалифицировался в пилота гражданской авиации. Он работал в авиакомпании "Аэролинеас Аргентинас", откуда и вышел на пенсию в чине старшего пилота. На пенсию особо не разживешься, поэтому он приобрел старенький самолетик "лускомбе силвэр" 1930 года выпуска, такой же допотопный, как автомобиль "ситроен 2CV", и стал давать уроки всем желающим. Машина его была не настолько надежная, чтобы сдавать на ней экзамен на право получения лицензии аргентинского пилота, но за ее аренду он брал недорого, да и мне любопытно было поучиться у человека, с которым, возможно, сражался в воздушных боях капитан авиации Уитчелл.

По прошествии нескольких недель, готовясь к практическим и теоретическим экзаменам, я узнал еще об одном аспекте бизнеса Родольфо. В ту пору в Аргентине были установлены высокие пошлины на ввоз бытовой электронной техники, а в Парагвае, всего лишь за несколько сот километров, эти товары пошлиной не облагались, так что контрабанда была неизбежна. Аргентинские таможенники, естественно, старались пресекать подобный промысел. Раз в неделю Родольфо перелетал через реку Плате, садился на фунтовую летную полосу в Парагвае и загружал свой "лускомбе" видеомагнитофонами и телевизорами. Маломощный самолет с трудом поднимался в воздух, и Родольфо пускался в обратный путь, пересекая реку во мраке ночи на бреющем полете, чтобы самолет не засекли радары аргентинских пограничников.

Однажды мы отправились в Мендосу, к подножию Анд. Родольфо удалось отыскать очень нужную и редкую запчасть к старому самолету, которую требовалось забрать с территории Чили почти на самой границе. Он попросил меня помочь. Маломощный "лускомбе" не мог перелететь через Анды, и потому этот отрезок пути предстояло преодолеть на автобусе. По прибытии на удаленный пограничный пост, примостившийся под сенью Аннапурны, я вдруг сообразил, что угодил в переплет. Вообще-то у меня было два паспорта – новозеландский и английский. Первый был незаменим для пересечения границы Аргентины, поскольку аргентинские власти в отличие от британцев не требовали визы у граждан Новой Зеландии. В Чили же, наоборот, в более выгодном положении находились британцы, им для въезда и выезда виза не требовалась, и потому там

удобнее было пользоваться английским паспортом. Но я, собираясь в поездку в спешке, взял с собой только один документ – английский. Рассчитывать на то, что два неприветливых аргентинских пограничника, поднявшихся в автобус на пропускном пункте, посмотрят сквозь пальцы на отсутствие штампа, не приходилось.

Сообразив, что мой новозеландский паспорт с аргентинскими печатями лежит под замком в тумбочке возле моей кровати в Буэнос-Айресе, я решил попытаться проникнуть через границу обманным путем. Выбора у меня все равно не было. Я заявил, что у меня украли мой новозеландский паспорт и я еду в Сантьяго, где находилось единственное на всем южном континенте посольство Новой Зеландии, чтобы его восстановить. Пограничник постарше поверил моему объяснению, но молодой проявил подозрительность и приказал мне выйти из автобуса, чтобы произвести досмотр моих вещей. Вскоре в моем рюкзаке он обнаружил английский паспорт без соответствующих штампов и арестовал меня по подозрению в нелегальном въезде в страну.

Сотрудники пограничной полиции эскортировали меня в полицейский участок Мендосы, где меня обыскали с ног до головы и бросили в грязную камеру, в которой из обстановки имелись только сырой матрас и ведро. В этой камере я проскучал два часа, после чего меня препроводили в один из кабинетов, где за железным столом сидели два мрачных офицера. К моему неописуемому изумлению, выяснилось, что меня подозревают в шпионаже. Начался допрос. Полицейские интересовались, чем я занимаюсь, где проживаю, кто мои друзья, и аккуратно записывали мои ответы в маленькие черные блокноты. Через час мне уже казалось, что нелепее вопросов я не слыхал в жизни.

– Как зовут вашу собаку? – спросил один из офицеров.

– Джесси, – ответил я, едва скрывая раздражение.

Ночевать меня отправили в ту же грязную камеру, а утром я предстал перед полковником ВВС Аргентины, специально прилетевшим из Буэнос-Айреса, чтобы допросить меня.

– Как зовут вашу собаку? – грозно осведомился он.

– Вчера меня уже спрашивал об этом один из здешних, – с невинным видом отвечал я, недоумевая, с чего вдруг мой щенок из породы лейкленд-терьеров стал представлять опасность для "аргентинских ястребов". Позже я понял, что они испытывали мою "легенду". Если я и впрямь безобидный студент, прибывший на учебу в Аргентину по обмену, значит, я без труда должен вспомнить такие несущественные детали, как кличка моего пса. Шпиону же гораздо сложнее изо дня в день отвечать правильно на нелогичные тривиальные вопросы. Полученный урок сослужил

мне добрую службу, когда я стал разведчиком.

Чуть позже в тот же день аргентинская полиция отпустила меня на свободу, но только после того, как по настоянию ее сотрудников я принял участие в спонтанно организованном матче по регби. По мнению аргентинских блюстителей закона, каждый настоящий новозеландец должен быть отличным крайним нападающим. Я пытался протестовать, но меня даже слушать не хотели. Мендоса – одна из ведущих провинций Аргентины по регби, и в ее команде есть очень хорошие игроки. В Буэнос-Айрес я возвращался на следующий день с подбитым глазом.

– Неужто повстречал кого из моих друзей-гестаповцев? – хохотнул Родольфо. Я не был уверен, что он шутит.

Спустя несколько недель один мой приятель-дипломат пригласил меня на ужин в посольство Швейцарии. После войны за Фолклендские острова дипломатические связи между Великобританией и Аргентиной еще не были восстановлены, и потому британские интересы в этой стране представляли несколько английских дипломатов, работавших на территории посольства Швейцарии. Мой друг швейцарец познакомил меня с одним из них, вторым секретарем, – высоким, долговязым парнем чуть старше меня. Узнав, что я обучаюсь летному делу, мой новый знакомый пришел в восторг и стал пытливо расспрашивать меня о том, каковы дальность полета и грузоподъемность "лускомбе". Правда, когда я сообщил, что этот самолет с трудом поднимается в воздух с телевизором и видеомагнитофоном на борту, он, как мне показалось, несколько сник.

Став сотрудником МИ-6, я узнал, что этот долговязый парень, Марк Фримен, работал на разведслужбу. В Буэнос-Айресе он осуществлял операцию МИ-6 против аргентинских ВМС, завершившуюся победой английской разведки.

Не сумев предсказать вторжение аргентинцев на Фолклендские острова в апреле 1982 года, МИ-6 сильно подмочила свою репутацию в глазах английского правительства. Чтобы избежать повторения подобной ошибки, МИ-6 бросила в этот регион дополнительные ресурсы, вдвое увеличив свою агентурную сеть в Буэнос-Айресе, настроив новых постов подслушивания в чилийских Андах, чтобы на раннем этапе узнавать обо всех перемещениях аргентинской авиации, и открыв новую точку в составе одного человека в Уругвае. Эти усилия обеспечили непрерывный поток информации.

Одно из сообщений вызвало особый интерес в Штабе военной разведки Уайтхолла. Аргентинцы разрабатывали новую секретную морскую мину в пластмассовом корпусе с электронным устройством, отличающим по шумам английские

суда от аргентинских. Традиционными средствами минообнаружения эту мину было трудно отследить. Штаб счел, что это очень опасное оружие, и пожелал ознакомиться с ее характеристиками. МИ-6 завербовала французского специалиста по оружию, принимавшего участие в разработке данного проекта на военно-морской базе Рио-Гальегос. Ему был присвоен псевдоним FORFEIT.

Вывезти мину с территории базы Рио-Гальегос не представляло особой трудности, поскольку FORFEIT имел высшую форму допуска к секретной работе и пользовался доверием у аргентинской охраны. Он погрузил одну из мин в багажник своего автомобиля и выехал с базы, заявив, что едет испытывать ее на другую военно-морскую базу в Комодоро-Ривадавия. Далее предстояло вывезти мину из Аргентины, и это был самый сложный этап операции.

Вариантов переправки мины в Великобританию насчитывалось немного. В частности, подводную лодку к берегам недружественной Аргентины МИ-6 не могла послать, потому что в этом случае исключалась всякая возможность доказать свою непричастность к похищению секретного оружия. МИ-6 решила завербовать какого-нибудь пилота, который согласился бы переправить мину на своем легком самолете через реку Плате в Уругвай. Вот почему Фримен расстроился, когда узнал, что у "лускомбе" очень маленькая грузоподъемность. В итоге некий сотрудник МИ-6, действовавший под "крышей" датского инженера-химика, встретился с агентом FORFEIT в одном из частных гаражей Буэнос-Айреса, переложил мину в багажник арендованной машины и на ней перевез ее в Уругвай. Предварительные наблюдения показали, что пограничная полиция редко досматривает автомобили, но на всякий случай у датского инженера было припасено правдоподобное объяснение: странный бочкообразный кусок пластмассы в багажнике его машины – всего лишь безобидный прибор для химической промышленности. В результате никакого объяснения не потребовалось. Он беспрепятственно довез мину до Монтевидео. Там ее тайком погрузили на английский военный корабль, зашедший в порт на дозаправку после визита на Фолклендские острова, и переправили в Великобританию.

В декабре 1987 года я возвращался в Лондон рейсом швейцарской авиакомпании. Поднявшись на борт самолета, я взял экземпляр "Нации", самой популярной аргентинской газеты. На пятой странице было помещено сообщение об аварии маломощного самолета, разбившегося при попытке сесть ночью на аэродром с грунтовой полосой неподалеку от Буэнос-Айреса.

Пилот получил серьезные травмы. Полиция расследовала причины аварии, в том числе и слухи о том, что пилот занимался контрабандой. Имя летчика не называлось, но я понял, что речь идет о Родольфо.

x x x

И вот я в Лондоне. За душой ни гроша. Мне нужна работа, желательно что-нибудь связанное с риском и поездками за границу. Я написал Пилчарду, спрашивая, осталось ли в силе предложение, которое он сделал мне в 1984 году. Сам Пилчард мне не ответил, но через пару недель я получил письмо на бланке Министерства иностранных дел и по делам Содружества, подписанное неким господином М. Э. Халлидеем, приглашавшим меня прибыть на собеседование по адресу: Лондон SW1, Карлтон-Гарденз, 3.

Сидя на кожаном диване в холле элегантного здания, созданного архитектором Джоном Нэшем, выходящего окнами на Сент-Джеймсский парк в центральной части Лондона, я совсем не нервничал. Скорее, был заинтригован и изнывал от любопытства. Гораздо больше, чем предстоящее собеседование, меня волновал тикающий счетчик на автостоянке в квартале отсюда, где я оставил свой старенький побитый "БМВ". Я глянул на часы, надеясь, что пробуду здесь недолго. На маленьком столике со стеклянной поверхностью, стоявшем передо мной, лежало несколько экземпляров "Экономиста" и "Файнэншл таймс". Чтобы скоротать время, я взял один из номеров.

Вскоре я услышал шаги. Кто-то спускался со второго этажа. На мраморный пол, стуча высокими тонкими каблучками, ступила высокая миловидная девушка. Я отложил "Экономист" и поднялся.

– Мистер Томлинсон? – уточнила она с улыбкой. Я кивнул. – Господин Халлидей ждет вас. Кстати, меня зовут Кэтлин. – Мы обменялись рукопожатием, и она повела меня на второй этаж, где препроводила в один из кабинетов.

Я увидел маленького щуплого человечка, с бородой, в старомодном коричневом костюме с большими лацканами и туфлях цвета корнуолского пирожка. Халлидей поздоровался со мной и усадил в низкое кресло, а сам устроился напротив, по другую сторону журнального столика.

– Вам известно, зачем вас пригласили сюда? – осведомился он.

– Нет, не догадываюсь, – осторожно ответил я.

– Так, для начала позвольте попросить вас ознакомиться вот с этим и подписать. – Халлидей вручил мне листок бумаги с отпечатанным текстом и шариковую ручку "Байро". Это была выдержка из Закона об охране государственной тайны 1989 года, с пометкой в верхней части страницы "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО"; надпись была сделана красными чернилами. Я прочитал текст, не колеблясь поставил свою подпись и вернул документ.

– А теперь прочтите вот это, – приказал он, передавая мне зеленую папку.

Халлидей поднялся и пересел за стол у окна, предоставив мне время спокойно ознакомиться с содержанием примерно тридцати страниц в прозрачных пластиковых чехлах, на которых объяснялось, что МИ-6 – это британская служба внешней разведки, учрежденная Форин офис с целью получения информации из секретных источников о политической, военной, экономической и коммерческой деятельности иностранных государств. Два абзаца давали представление о процедуре отбора будущих сотрудников, которая была фактически аналогична порядку приема на работу в Форин офис, с той лишь разницей, что в данном случае кандидат должен был пройти дополнительный раунд собеседований. Описывались также процедуры проверки кандидата на пригодность к службе в данной организации и его личной жизни, затем в общих чертах излагалось, как будет строиться его карьера в МИ-6. Полгода подготовки, первая загранкомандировка после двух лет кабинетной работы в Лондоне, затем попеременно три года дома, три – за границей, и так до выхода на пенсию. Обязательный пенсионный возраст для всех сотрудников – 55 лет. В конце была представлена шкала оплаты труда. Жалованье сотрудников МИ-6 не шло ни в какое сравнение с заработками в частных компаниях, но прожить на такие деньги было можно.

Я закрыл папку и положил ее на журнальный столик. Халлидей покинул свой стол и вернулся ко мне.

– Ну, что скажете? – спросил он с нотками нетерпения в голосе, будто я только что закончил осмотр подержанной машины, которую он стремился мне продать.

– Мне хотелось бы узнать больше, – уклончиво ответил я.

Халлидей задал мне стандартные вопросы, без которых не обходится ни одно собеседование, и разбавил их одним необычным дополнением.

– Сотрудникам МИ-6 зачастую приходится давать краткие характеристики самых разных людей, вступающих в контакт с нашей службой. Так сказать, делать словесные портреты. Вы можете описать в двух словах кого-нибудь из ваших знакомых?

Я подумал с минуту и описал Родольфо.

Халлидей дал мне понять, что желает убедиться в моей готовности посвятить свою жизнь работе в МИ-6, откуда просто так никого не увольняли.

– Я готов служить, – заверил я. – Как раз искал что-то подобное.

Уже истекали последние минуты оплаченного времени на автостоянке, когда Халлидей наконец-то меня отпустил, пообещав на прощание, что очень скоро я получу от него письменное уведомление.

Через две недели пришло письмо с приглашением на повторное собеседование. Я был польщен, но мне не улыбалась перспектива торчать два или три года за столом в лондонской конторе; я предпочел бы сразу уехать за границу. Поэтому я скомкал письмо и бросил его в корзину для использованных бумаг.

Тяга к путешествиям не покидала меня, но я не мог потакать своему желанию, поскольку долги требовали, чтобы прежде я начал зарабатывать. Почти все мои друзья по университету уже успешно делали карьеру в лондонских банках и фирмах. Их образ жизни меня не привлекал, но с практической точки зрения это был самый верный способ скопить немного денег. То были первые годы экономического подъема периода правления Тэтчер, и найти высокооплачиваемую работу было несложно. Меня наняла консультационная фирма "Буз Аллен энд Гамильтон", располагавшаяся в Мейфэре, за жалованье втрое выше того, что предлагала МИ-6. Солидные чеки согревали душу, но уже через пару недель я понял, что мне эта работа не по душе. На письмо Халлидея я так и не ответил, что было не только ошибкой, но и грубостью с моей стороны. Поэтому я написал ему, объяснив, что устроился в одну компанию и считаю неразумным увольняться из нее, не проработав и года, но хотел бы поддерживать с ним связь. Халлидей в ответном письме в вежливой форме выразил свое понимание.

Сидячая работа в консультационной фирме не приносила удовлетворения, и я стал искать что-нибудь более интересное. Однажды в газете я наткнулся на объявление с призывом вступать в территориальную армию (ТА), добровольческий резерв сухопутных войск Великобритании. Я счел, что это будет идеальное поприще для моей незадействованной энергии, тем более что сборы устраивались только по уик-эндам и раз в год две недели в лагере. Это означало, что мне не придется бросать работу, которая неплохо меня кормила. Я подал заявление, и через несколько дней мне по почте прислали информационный

буклет для новобранцев. Листая глянцевую брошюру, я бегло просматривал информацию о различных резервных формированиях, но просто так, из любопытства. Выбор я сделал сразу: Специальная десантно-воздушная служба. Я позвонил по указанному номеру, и скрипучий голос с шотландским акцентом рявкнул в трубку, чтобы в следующую субботу я явился в казармы герцога Йоркского на Кингз-роуд в центральной части Лондона для проверки на пригодность по состоянию здоровья, имея при себе кроссовки и спортивный костюм.

Первое испытание – требовалось пробежать вокруг казарм пять миль меньше чем за сорок минут – любой тренированный юноша мог пройти с относительной легкостью. Но это был лишь предварительный этап процесса скрупулезного отбора. Инструктор по физподготовке, проводивший экзамен, сказал, что мы должны являться в казармы каждый второй уик-энд на протяжении всего следующего года для прохождения комплекса серьезных испытаний на выдержку и выносливость, а также пройти двухнедельные лагерные сборы с повышенной нагрузкой.

Между выходными, посвященными службе в территориальной армии, все мои помыслы и усилия были направлены на то, чтобы подготовиться к очередному отборочному экзамену. Перед тем как отправиться утром в "Буз Аллен энд Гамильтон", я дважды обегал Гайд-Парк, а на работе с тоской поглядывал на часы, дожидаясь вечера, чтобы помчаться в расположенный по соседству спортивный клуб "Лэндсдоун" и в его бассейне проплыть пару километров. Цели, стоявшие передо мной, отвергали тот образ жизни, который вели мои коллеги, прожигавшие свое свободное время в барах и ресторанах. Рядом с ними меня не покидало чувство исключительности, особенно усилившееся, после того как я был зачислен в SAS. Каждое утро, садясь за свой стол на работе, я искренне пытался понять, что движет ими в их ежедневных усилиях добиваться новых высот в компании.

Особенно удивлял меня Эрнст Голдштейн. Ему оставалось подождать всего несколько лет, чтобы получить солидный капитал, переданный в доверительную собственность до его тридцатилетия, но он уже сейчас жил так, будто владел огромным наследством, напропалую занимая деньги тут и там на свое неоправданно расточительное бытие, хотя как консультанту по вопросам управления ему платили неплохое жалованье. Он часами висел на телефоне, главным образом болтая с приятелями, организуя роскошные вечеринки, и от случая к случаю с клиентами, которых он подобострастно величал "сэрами". Как только у него на столе звонил телефон, его рука

бросалась на трубку, словно атакующая кобра, и срывала ее с рычага еще до того, как затихал первый звонок. "Голдштейн на проводе", – произносил он с раздражающим энтузиазмом в голосе. Однажды весь штат сотрудников задержался в офисе допоздна, работая над "жизненно важным" проектом. Голдштейн ненадолго отлучился из комнаты, а я тем временем незаметно проник в его закуток и намазал суперклеем телефонную трубку, наглухо прикрепив ее к аппарату. Через несколько минут он вернулся в сопровождении исполнительного директора и начал с жаром обсуждать с ним данные о доходах и расходах компании. Я позвонил ему по внутренней линии. Рука Голдштейна, как обычно, стремительно, словно лягушачий язык, рванулась к трубке, но на этот раз он поднес ее к уху вместе с аппаратом, со стуком врезавшимся в его щеку. Хуже того, поскольку рычаг по-прежнему был придавлен, телефон продолжал звонить. Голдштейн в исступлении размахивал дребезжащим аппаратом вокруг себя, словно пытался стряхнуть с руки вцепившуюся в нее бешеную собаку. Наконец отчаянным усилием он содрал трубку, но только вместе с верхней частью аппарата, вывалив на стол провода и звонки. Все сотрудники в комнате покатывались со смеху, но Голдштейн, не замечая всего происходящего, поднес трубку к уху и, как всегда, елейным голосом произнес: "Голдштейн на проводе". Исполнительный директор, с трудом сдерживая смех, чтобы не утратить достоинства в глазах подчиненных, поспешил удалиться,

Вскоре после этого я уволился, но тучи надо мной начали сгущаться еще до инцидента с телефоном. Исполнительный директор заметил мое халатное отношение к работе и стал всячески пытаться выжить меня из компании.

Прыжки с парашютом были обязательным пунктом программы подготовки, и я записался на ближайший учебный курс на базе ВВС Брайз-Нортон. Спустя две недели, имея за плечами двенадцать прыжков, я получил от RAF – Королевских военно-воздушных сил – желанный нагрудный знак парашютиста. Я также изучил курс средств связи, освоив скоростную азбуку Морзе и методы работы с шифровальной рацией PRC-319, и прошел начальный курс немецкого языка.

Сдав экзамен на вождение мотоцикла, я купил старенький, потрепанный "БМВ" – легкий мотоцикл для езды по бездорожью с объемом двигателя 800 куб. см. Приключения Тезигера по-прежнему не давали мне покоя, я мечтал сам покорять широкие просторы пустынь, поэтому в один прекрасный день купил в специализированном магазине "Станфордз" карту Сахары фирмы "Мишлен", привесил на бок мотоцикла несколько канистр,

упаковал необходимое снаряжение и холодным апрельским утром отправился в Африку.

x x x

Поначалу мое путешествие проходило гладко. Неприятности начались, когда я съехал с гудронированного шоссе у Таманрассета, расположенного на юге Алжира. Рыхлый песок сразу выявил все недостатки перегруженного мотоцикла с неподходящими для бездорожья шинами, управляемого неопытным водителем. В первый день я преодолел всего лишь пять миль, то застревая в песке, то ставя тяжелый мотоцикл на колеса после очередного завала. В результате одного жесткого падения вилки колес настолько изогнулись, что переднее колесо стало задевать за кожух двигателя. Мне ничего не оставалось делать, как снять их и вывернуть подпорки на 180 градусов, – иначе ехать было невозможно. После этой операции колесо перестало задевать двигатель, но управлять мотоциклом сделалось еще труднее. К счастью, на следующее утро я опять упал так, что вилки выпрямились и управление наладилось. Сразу же к югу от пыльной заброшенной алжирской деревушки Ин-Геззам проходила граница с Нигером, обозначенная ветхой деревянной хижиной, на которой развевался флаг этой страны. В ней размещался небольшой военный отряд. Возле хижины сидели в ожидании несколько бродячих торговцев-туарегов в оранжевых халатах; под выцветшим тентом, прячась от солнца, фыркали их верблюды. Нигерские пограничники во главе с тучным капитаном в форме цвета хаки и темных очках рылись в тюках туарегов. По другую сторону хижины я увидел три аккуратно припаркованных мотоцикла "БМВ" с немецкими номерами. Без единой вмятинки и царапинки. Их хозяева расположились лагерем рядом под брезентовым навесом, коротая время за чтением книг и журналов, а также готовя себе пищу. Вид у них был скучающий, утомленный, и, когда я подошел поздороваться с ними, они не проявили ко мне интереса.

– Давно вы здесь? – осведомился я.

– Drei Tag, – ответил один из мотоциклистов, рослый ариец с короткой стрижкой в дорогом спортивном костюме. – Вон тот ублюдок нас не пропускает, – зло добавил он, кивком показав на тучного капитана.

– Как катается, гладко? – весело спросил я, пытаясь поднять ему настроение.

Немец глянул на меня, потом на мой мотоцикл, рассматривая

повреждения.

– Jah. – Он сделал многозначительную паузу. – Ни разу не упали.

Я оставил их читать журналы, а сам направился к капитану, чтобы представиться. Тот сердито смотрел на меня сквозь темные очки, всем своим видом излучая враждебность. Должно быть, немцы успели поскандалить с ним, и потому от меня он тоже, вероятно, ожидал неприятностей.

– Attendez-la, (подождите-ка – франц.) – рявкнул он, отправляя меня дожидаться своей очереди вместе с остальными мотоциклистами.

Не протестуя, я на плохом французском поинтересовался, долго ли мне предстоит ждать. Он понял, что я не ищу конфликта, и чуть успокоился. Подойдя к нему ближе, я заметил на нагрудном кармане его рубашки значок парашютиста.

– Ah, vous etes parachuttste, (а, вы парашютист – франц.) – с уважением произнес я.

Капитан мгновенно позабыл про свой гнев, словно капризный ребенок, которого угостили конфеткой. Он приосанился, расправил грудь и с гордостью сообщил:

– Je suis le parachutiste le plus experimente de Гагтее du Niger. – Затем хвастливо поведал мне волнующую историю своих четырнадцати прыжков с парашютом в нигерской армии.

Нескольких льстивых фраз оказалось достаточно. Спустя полчаса капитан уже поставил штамп в моем паспорте и махнул рукой, пропуская меня через границу. Удаляясь в южном направлении, я увидел в единственное уцелевшее зеркало, как немцы сердито выражают ему свое недовольство тем, что он позволил мне проехать раньше них.

Через несколько дней я сделал остановку в Агадесе. Это был первый город, повстречавшийся мне на пути, в южной части Сахары. Потягивая пиво за стойкой одного из небольших уличных баров, я увидел еще одного путешествующего мотоциклиста. Переднее колесо его машины было деформировано, вилки покорежены, поэтому мотоцикл подскакивал на дороге, словно старая кляча. Возле бара мотоциклист затормозил и тяжело слез со своей двухколесной машины, скорее просто бросив ее на землю, чем поставив на боковую подпорку, затем подошел к стойке и заказал кружку пива. Выяснилось, что его зовут Педро, он с Мальорки, работает упаковщиком апельсинов. Попивая пиво, мы со смехом рассказывали друг другу о своих авариях. Педро не говорил по-французски, поэтому на следующий день я взял на себя роль переводчика между ним и местным кузнецом, к которому он повез чинить свой мотоцикл. Вместе с Педро я

доехал до Ломе, столицы Того и главного порта страны. Это был конечный пункт моего путешествия. Я погрузил свой побитый мотоцикл на грузовой самолет авиакомпании "Сабена" и отправился в Европу, а Педро продолжал колесить по Западной Африке. Спустя несколько лет я навестил его на Мальорке, и он поведал мне о своих дальнейших приключениях. Он заехал в бандитский городок Либревиль в Сьерра-Леоне, и там на одном из светофоров двое мужчин сшибли его с мотоцикла и ограбили. Один вдобавок еще и укусил его, не только оставив на щеке безобразный шрам, но и заразив его СПИДом.

Из Сахары я вернулся как раз вовремя, чтобы в составе подразделения территориальной армии принять участие в натовских учениях по ведению групповой глубинной разведки (LRRP), проводившихся в Бельгии. Всем странам-участницам НАТО было предложено прислать на эти учения свои группы глубинной разведки. Приехали и американские рейнджеры, и датские джегеры, и их немецкие коллеги, разведывательная рота Французского иностранного легиона, отряд специального назначения из Испании с зонтиками, которые зачем-то были включены в комплект полевого снаряжения его солдат, греческие спецназовцы, как клоуны, размалевавшие свои лица ярко-зеленой маскирующей мазью, унылые голландцы, отбывающие воинскую повинность, португальцы, канадцы и турки. Мы представляли Великобританию. Командовал нашей группой Иан – бывший сержант Королевского танкового полка. Ливерпулец Мак считался главным разведчиком. Четвертым в команде был Джок, изъяснявшийся на диалекте шотландских горцев, который мы понимали с трудом. Меня Иан назначил связистом, и это подразумевало, что, помимо личного снаряжения – винтовки SA80 калибра 5,68, телескопического дневного прицела SUSAT, ночного прицела с усилением изображения и аптечки, я должен был таскать сверхвысокочастотную рацию PRC-319, DMHD (прибор ввода первичной цифровой информации), кодовые книги и одноразовые шифроблокноты (OPTs). С самораскрывающимся парашютом на спине, с запасным на груди, с ремней которого свисал весь вышеперечисленный груз, я с трудом дотащился до транспортного самолета "Трансолл", чтобы вылететь в зону десантирования.

На рассвете мы группами десантировались в равнинном районе северной Бельгии. Бельгийская армия, которой отводилась роль "противника", бросила крупные силы – вертолеты, наземные войска, поисковых собак, – чтобы захватить нас в плен. Перед нами стояла задача – немедленно уйти из зоны десантирования и быстро найти укрытие. Мы забрались в

небольшую рощу у пруда, и я настроил рацию. Остальные тем временем установили наблюдение и вскипятили воду. В считанные минуты DMHD получил колонку из сорока цифр. С помощью шифроблокнотов и кодовых книг я расшифровал донесение. Нам было приказано установить наблюдательный пост на дороге примерно в десяти километрах от нашего нынешнего укрытия и докладывать о передвижениях войск "противника". Чтобы нас не обнаружили, мы сразу тронулись в путь и добрались до указанного места за несколько часов, остававшихся до наступления дня.

По аналогичной схеме мы действовали следующие четыре дня. Ночью совершали длинный переход, иногда до сорока километров, а в течение дня сидели в укрытии на очередном наблюдательном посту, откуда слали донесения в штаб британского командования о передвижениях бельгийской армии. Между сменами на посту и сеансами радиосвязи нам удавалось перехватить несколько часов сна.

К концу первой недели мы обросли щетиной и покрылись грязью, маскировочный крем и глина въелись в волосы и бороды, под ногти забилась земля, сырая одежда, не просыхавшая от постоянных дождей, смердела. Ко всему прочему у нас кончилось продовольствие. При наличии времени раздобыть пищу и питье не было большой проблемой: на полях созревали картофель и репа, в канавах и прудах плескалась вода. Но руководство давило на нас, требуя новых и новых данных, и добывать пропитание было просто некогда.

Учения близились к концу, но самое трудное еще ждало нас впереди. В ту ночь нам предписывалось встретиться с нашим агентом, действовавшим на территории "противника", по другую сторону хорошо охраняемого Альберт-канала. Естественно, все мосты, равно как и пешеходные дороги вдоль канала, патрулировались. Минувшей ночью мы слышали затяжную перестрелку. Это были обнаружены отряды голландцев и немцев, начавшие учение на день раньше нас. За последние два дня мы съели только по нескольку карамелек и печений, найденных в одном из тайников, местонахождение которых нам сообщали по рации. На наших картах был обозначен пруд в той роще, где мы сейчас укрывались, но, как выяснилось, он пересох, превратившись в вонючее болото, кишащее комарами. А это означало, что мы остались и без воды.

– Нам нужна еда, – постановил Иан под одобрительный ропот остальных членов группы. – Томлинсон, ты, кажется, говоришь по-французски? Давай переоденься в гражданку и попробуй раздобыть нам что-нибудь.

Пока я переодевался, Джок зачерпнул из пруда вонючей жижи, снял с поверхности комариные личинки и поставил ее кипятиться, чтобы я мог умыться и побриться. Час спустя я уже был более или менее похож на человека. С горстью бельгийских франков в кармане я двинулся к одному из ближайших селений.

В Зиттарт я добрался к обеду и, приняв невозмутимый вид, вошел в бар, обратив на себя внимание пожилого мужчины с бокалом "Стелла Артуа" в руках. Двое коротко стриженных молодых парней с пушистыми усами играли в бильярд. Сбоку от стойки находился небольшой прилавок, над которым висели подсвеченные фотографии с изображением блюд быстрого приготовления. Я заказал для нашей группы восемь порций гамбургеров с чипсами и, пока их подогревали и жарили, попросил для себя бокал "Стеллы". Голодный желудок и регулярные недосыпания усилили действие алкоголя, в голове у меня вскоре загудело, и неожиданно для себя я разговорился с барменом.

– Откуда ты? – спросил он, заметив, что я коряво изъясняюсь по-французски.

Бельгийские средства массовой информации оповестили своих граждан о том, что на территории их страны проводятся учения НАТО, и объявили, что лицам из гражданского населения, которые посодействуют в поимке солдат, гарантируется вознаграждение, поэтому мне пришлось солгать.

– Из Швеции, – ляпнул я, назвав первую попавшуюся страну, не входящую в НАТО, и стал на ходу сочинять ответы на вопросы любопытного бармена. – Да, меня зовут Рикард, живу в Гетеборге, работаю инженером на автозаводе, выпускающем "саабы", сейчас в отпуске, еду с друзьями в Париж. Прямо у вашего городка сломалась машина, радиатор перегрелся.

Ложь легко слетала с моих уст. Двое парней у бильярда закончили партию и подошли к стойке, чтобы познакомиться с иностранцем.

– Ну и как жизнь в Швеции? – поинтересовался один. – Хорошо получаешь?

Я назвал цифру наобум, но она произвела на парня впечатление.

– Вам приходится служить в армии? – спросил его приятель.

– Да, два года, – ответил я, зная это от своих друзей-шведов, живших в Лондоне.

– А вам? – в свою очередь осведомился я.

– Тоже на два года призывают, – недовольно протянул парень помоложе. – Еще полгода осталось мучиться. Столько времени потрачено впустую. Сейчас НАТО проводит здесь какие-то тупые

учения.

– Да, я видел несколько колонн и вертолеты, – вставил я небрежным тоном.

В разговор включился второй парень.

– Мы всю прошлую ночь таскались туда-сюда вдоль Альберт-канала, там, возле Стрелена, стреляли холостыми в придурков-немцев, пытавшихся переплыть на другой берег. Сегодня мы, естественно, тоже должны патрулировать, да только наш лейтенант свалился вчера и сломал ребро. Бедолага уверен, что мы и без него будем нести службу. – Парни язвительно расхохотались.

Спустя двадцать минут я покинул бар, унося с собой пакет с гамбургерами для моих приятелей-шведов, пять литров воды для автомобильного радиатора и ценную информацию. Я сообщил Иану то, что узнал в баре, и мы в ту ночь спокойно переплыли канал возле Стрелена. Кроме нас, только еще два отряда сумели достичь финишной точки, не попав в плен. На подведении итогов в конце учений, когда давалась оценка действий каждой из групп-участников, наша вошла в десятку лучших. Мы уступили только четырем отрядам датских джегеров, одному португальскому и нескольким отрядам американских рейнджеров. Это был неплохой результат, если учесть, что мы всего лишь резервисты, а все остальные – представители элитных частей своих профессиональных армий.

x x x

Спустя две недели, находясь в родительском доме, я опять написал господину Халлидею, выражая свою готовность вступить в ряды МИ-6. Занятия в территориальной армии мне нравились, но нужно было где-то работать, а начинать службу в регулярной армии в двадцать семь лет было уже поздно. Поступив в МИ-6, я стал бы государственным служащим, что само по себе очень почетно. К тому же эта работа обеспечивала возможность служебного роста, стабильность, разнообразие, хороший заработок, различные льготы и, вероятно, приключения. Я с огромным удовлетворением вспоминал эпизод с солдатами бельгийской армии, у которых выудил важные сведения. Если в МИ-6 мне придется заниматься чем-то подобным, значит, я буду на своем месте. Халлидей отозвался быстро, приглашая меня на собеседование по тому же адресу.

"Интересно, вспомнит ли меня Халлидей?" – думал я, звоня в дверь дома на Карлтон-Гарденз во второй раз. Как и тогда, в его

кабинет на втором этаже меня проводила Кэтлин. Халлидей заметно изменился со времени нашей последней встречи – подрос на шесть дюймов, сбрил бороду и приобрел более приличный костюм.

– Прошу садиться. – Он подвел меня к тому же низкому креслу, которое я занимал на прошлом собеседовании. – Надеюсь, вы уже догадались, что я не тот самый Халлидей, с которым вы встречались прежде, – сказал он. – Халлидей – псевдоним, который мы используем в процессе вербовки.

– Да, я, разумеется, знаю об этом, – сболтнул я.

Халлидей наградил меня проницательной улыбкой, естественно, сразу раскусив мою жалкую ложь. Процедура данного собеседования во многом повторяла первую: я опять поставил подпись на документе с выдержкой из Закона об охране государственной тайны и ознакомился с содержанием той же зеленой папки. Правда, новый Халлидей задавал более пытливые вопросы.

– Сотрудникам МИ-6, – говорил он, – зачастую приходится пускать в ход все свое обаяние, сообразительность и хитрость, чтобы убедить человека поступить вопреки собственному желанию или выпытать сведения, которые он не должен разглашать. Вы можете привести подобные примеры из своей жизни?

Я подумал несколько секунд и затем рассказал ему, как лестью вынудил капитана нигерской армии пропустить меня быстро через границу и разговорил бельгийских солдат, снабдивших меня полезной информацией. Кажется, обе истории понравились вербовщику МИ-6.

Через несколько недель Халлидей прислал мне письмо с приглашением на очередной раунд экзаменов и собеседований в Уайтхолле. МИ-6 – отдел Министерства по делам государственной службы, поэтому будущие сотрудники Разведывательной службы сначала должны выдержать те же экзамены, что и неиссякаемый поток кандидатов в другие государственные ведомства, будь то МИД, Казначейство или Министерство торговли и промышленности. Однако поступающие на службу в МИ-6 проходили испытания отдельно от остальных, поскольку уже на этой ранней стадии отбора их личности были засекречены.

Перед первым экзаменом в комнате ожидания вместе со мной сидели еще пять кандидатов. Один – сын сотрудника МИ-6, второй работал в Специальном управлении Столичной полиции, третий – в разведуправлении Министерства обороны, еще один – в коммерческом банке и последний являлся сотрудником

консультационной фирмы по политическим вопросам в Оксфорде. Нам были предложены тесты с набором ответов, наподобие тех, что печатались в популярной книге 1960-х годов для желающих "узнать коэффициент своего умственного развития". Например, нужно было исключить лишнюю фигуру из набора причудливых образцов или угадать правильный ход в домино. Затем был дан простой тест на знание арифметики и еще один, тоже несложный, но требовавший гораздо больше времени, на проверку навыков письма. После обеда мы в индивидуальном порядке обсудили пару вопросов современной политической обстановки с одним из сотрудников МИ-6, проводившим экзамены, а потом собрались на групповой семинар. Нас попросили представить свои рекомендации некой британской компании, занимающейся разработкой высоких технологий, в которой двое инженеров, работающих по обмену, были уличены в шпионаже. Громче всех кричал полицейский, упрямо настаивавший на том, что китайских шпионов следует немедленно арестовать. Консультант по политическим вопросам пытался вразумить его, объясняя, что жесткие меры могут привести к разрыву англо-китайских отношений, но полицейский, не стесняясь в выражениях, заявил, что тот порет чушь. Дискуссия вылилась в злобную перепалку, которую не предотвратило даже дипломатичное вмешательство сотрудника коммерческого банка.

Не имея представления о критериях отбора, я не мог оценить свои результаты, поэтому после экзаменов я и еще несколько участников данного испытания отправились вместе в пивную "Адмирал Нельсон", находившуюся на противоположной стороне улицы, чтобы обсудить события дня. Обходительный консультант по политическим вопросам (он носил очки) сказал мне, что не станет дальше бороться за место в МИ-6, независимо от того, выдержал он сегодняшний тур или нет, если туда принимают таких агрессивных типов, как полицейский.

Последний этап отборочного процесса – долгое собеседование, проводимое комиссией сотрудников МИ-6, – состоялся через несколько дней в доме на Карлтон-Гарденз. Собеседование началось с опозданием из-за того, что у одного из трех членов комиссии лопнуло колесо на мотоцикле. Наконец они все сели в ряд за столом, "Халлидей" расположился сзади. Меня подробно расспрашивали о современном положении дел в стране и за рубежом, о причинах, побудивших меня искать работу в МИ-6, и о моих честолюбивых планах на перспективу, выясняли, действительно ли я желаю посвятить свою жизнь службе в разведке. Если я не знал ответа на какой-то вопрос, то честно это признавал.

Карлтон-Гарденз я покинул спустя час, уверенный, что не выдержал испытания, но несколькими неделями позже на мое имя пришло письмо с уведомлением об обратном. Я был в восторге. Меня брали на работу в МИ-6 при условии, что я успешно пройду проверку на благонадежность, – последний барьер.

Многим государственным служащим требуется форма допуска "проверку на благонадежность прошел". Это означает, что в ходе поверхностного расследования установлено: данное лицо к уголовной ответственности не привлекалось, не исповедует крайних политических взглядов, свободно от алкогольной зависимости и пристрастия к наркотикам, не имеет финансовых проблем. Кандидаты в МИ-6 подвергаются более серьезной проверке и в случае успешного ее прохождения, получают форму допуска EPV – "специальную проверку на лояльность прошел". Это весьма трудоемкий процесс, в котором задействованы около десятка проверяющих. Сначала сведения обо мне запросили в базе данных МИ-6, в результате чего стало известно про мою краткую встречу с Фрименом в Буэнос-Айресе, которую он зафиксировал в своем отчете. В базах данных МИ-5 и Специального управлен3ия Департамента уголовного розыска никакой информации обо мне не содержалось. Была также проведена проверка моей кредитоспособности. У меня были некоторые долги, но это сочли допустимым, поскольку я не так давно завершил образование в университете, но, если бы были обнаружены факты отказа возвращения займов или задолженности крупных сумм, меня признали бы негодным.

Первый раунд проверки на лояльность закончился для меня благополучно, и я был приглашен на собеседование по вопросам моей личной жизни к проверяющему с отеческим лицом, которому было поручено мое дело. В прошлом он возглавлял управление Восточной Европы. Его интересовали мои политические взгляды, контакты с экстремистскими организациями как правого, так и левого толка, связи с иностранцами, отношение к алкоголю и наркотикам. Анкетные данные оценивались строго, но не так, как в прошлом. За последние годы МИ-6 значительно снизила требования к своим кандидатам. Еще совсем недавно бывший член такой организации, как Движение за ядерное разоружение, не мог рассчитывать на место в рядах МИ-6, а теперь – пожалуйста. Не отвергались и те, кто когда-то баловался наркотиками. Однако проверяющий не собирался верить мне на слово. Он попросил назвать восемь человек, с которыми я был хорошо знаком в тот или иной период своей жизни после окончания школы. Всех этих

людей опросили, чтобы проверить мои заявления. Если бы МИ-6 стало известно, что я пытался скрыть какой-то неприглядный факт своей биографии, формы допуска EPV я бы не получил. Но я ничего не утаил, и спустя два месяца мне прислали в простом конверте фотокопию письма с уведомлением о присвоении мне высшей формы допуска и приглашением на работу. Я понятия не имел, чем мне предстоит заниматься на новой службе. На гербовой бумаге МИДа сообщалось только, что мне предписывается "безотлагательно прибыть в Сенчури-хаус по адресу: Вестминстер-Бридж-роуд, 100 к 10.00 в понедельник 2 сентября 1991 г. При себе иметь паспорт".

Глава 3. Зачисление на службу

Понедельник, 2 сентября 1991 г.

Сенчури-хаус, Ламбет, Лондон.

Накануне первого рабочего дня в МИ-6 я очень нервничал. Ночью почти не спал, а утром, чтобы взбодриться, выпил слишком много кофе. Я жил неподалеку, километрах в трех от Сенчури-хаус, расположенного в захолустном пригороде Ламбете в южной части Лондона, и решил пройтись пешком. От волнения и переизбытка кофеина у меня потели ладони. Двадцатиэтажное административное здание из бетона, заляпанное брызгами грязи от автомобилей и птичьим пометом, неприметное и без вывески, как-то не вдохновляло, – не то что шикарная контора фирмы "Буз Аллен энд Гамильтон" в Мейфэре. Глядя на зеркальные окна, я попытался представить себе, что происходит там, внутри. Какие принимаются решения, какие приводятся аргументы, какие тайны скрывают от нас, находящихся вне этих стен? От сознания того, что скоро и меня допустят в это здание, я испытывал волнение.

Никаких особых мер охраны я не увидел. Две камеры видеонаблюдения, сетки на окнах нижних этажей, а в остальном Сенчури-хаус мало чем отличался от других недорогих административных зданий Лондона. К входу стекались сотрудники, некоторые шли с зонтиками и газетами под мышкой, другие – просто сунув руки в карманы или со спортивной сумкой через плечо.

Я толкнул тяжелую стеклянную дверь, вытер ноги о коврик у входа, прошел через вторую тяжелую дверь и попал в мрачный вестибюль. Стены коричнево-грибного оттенка и серый линолеум на полу напомнили мне о захолустной гостинице, в которой я жил во время краткого пребывания в Москве. Прямо против входа – бюро приема посетителей: стеклянная будка со стенками до самого потолка и с небольшим окошком в сторону входной двери. В будке – два охранника за допотопными телефонами фирмы "Бейклайт". Справа и слева от будки – два лифта, у которых, нетерпеливо нажимая на кнопки вызова, собирались кучками прибывающие сотрудники. В углу стояло искусственное дерево с запылившимися листьями, и это несколько оживляло мрачную обстановку.

Полный охранник в синей форме вышел из будки и, излучая отеческое дружелюбие, приблизился ко мне.

– Ваш пропуск, сэр, – бодрым голосом произнес он. Я не сразу ответил, и он заметил мое замешательство.

– Вы, должно быть, направлены на IONEC? – догадался он.

– IONEC? А что это такое?

Охранник широко улыбнулся.

– Так называется учебный курс, которым вы будете заниматься ближайшие полгода. Курс начальной подготовки сотрудников разведки, – терпеливо объяснил он. – Как ваша фамилия?

– Томлинсон, – ответил я. – Тэ-О…

– Понятно, понятно, – прервал он меня, как бы ища мою фамилию в списке, который держал в памяти. – Паспорт у вас с собой?

Я протянул паспорт старого образца в твердой синей обложке, изрядно потрепанный, с обвисшими углами.

– Добро пожаловать, сэр. – Он указал в сторону приемной справа от входа, где стоял журнальный столик, заваленный газетами.

Там уже сидели два молодых человека. Они тихо беседовали, время от времени с любопытством и как-то по-свойски поглядывая на меня. Один из них, тот, что помоложе, уверенно шагнул ко мне и улыбнулся.

– Привет, меня зовут Маркхем, Эндрю Маркхем.

Затем он представил своего товарища. Его я видел раньше: мы вместе сдавали экзамены для поступления на государственную службу. Звали его Терри Фортон.

– Я так и знал, что тебя примут, – с улыбкой сообщил он. – Помнишь того мужика из Специального управления, который был готов арестовать всех без разбора? Просто фашист какой-то. Слава богу, его здесь нет, – рассмеялся он.

– Кажется, впервые за много лет на курсе нет ни одной женщины, – вступил в разговор Маркхем. – Всего нас девять человек. С одним мы вместе учились в Оксфорде. Он окончил университет с дипломом первой степени по двум специальностям в области физики, и я, когда узнал, что он решил поступить на службу в это учреждение, просто ушам своим не поверил. Еще двое – бывшие военные, один служил в Шотландском гвардейском полку, – добавил он с уважением.

Следующим пришел слушатель, который был похож на шотландского гвардейца. Он смело подошел к нам. Военная выправка, безукоризненная прическа, волосы напомажены, костюм в тонкую полоску, дорогая рубашка, начищенные до блеска оксфордские туфли.

– Иан Касл, – представился он.

Несколько минут спустя прибыл еще один молодой человек, в щегольском костюме и ярком галстуке, какие носят банкиры в лондонском Сити. Касл смерил его наряд презрительным

взглядом. Звали его Крис Барт. Маркхем неохотно пожал ему руку, буркнув "очень приятно" себе под нос. В последующие десять минут подошли и остальные, и мы коротали время за светской беседой.

Часы на стене над будкой охранника показывали пять минут одиннадцатого. Маркхем с нетерпением взглянул на свои часы.

– Еще один должен подойти, – фыркнул он. – Как можно опаздывать в первый день работы в МИ-6?

В этот момент в дверь ворвался высокий сутулый блондин и с беспокойством глянул в нашу сторону. Охранник схватил его за руку.

– Ваша фамилия, сэр?

– Спенсер, – настороженно ответил он.

– Предъявите паспорт, – потребовал охранник.

На лице Спенсера отразилось удивление и замешательство.

– Зачем? Мы же на территории Англии, не так ли? Охранник удивился.

– Я должен проверить документ, удостоверяющий вашу личность, сэр.

– Я, кажется, его забыл, – робко ответил Спенсер, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Минут десять охранник тщательно сверял со своими записями биографические данные Спенсера, после чего его все же пропустил.

Вскоре после этого к нам вышли двое мужчин. Они как будто наблюдали за нами из укрытия. Судя по тону, это были наши наставники.

– Мы рады приветствовать участников IONEC-89, 89-й набор слушателей подготовительных курсов сотрудников разведки за период после окончания Второй мировой войны, – объявил один из них, тот, что был старше по возрасту. Его звали Джонатан Болл. Он почти непрерывно курил. Ветеран "холодной войны", Болл будет нашим основным инструктором на ближайшие полгода. В МИ-6 его называли TD-7. Ему под 50, судя по красному лицу, большой любитель выпить. Круглолицый, пухленький, всем своим видом и какой-то особой нетвердой походкой он напоминал мне большого ребенка. Его коллега, Ник Лонг, немного шепелявил. Ему лет 25-26, одет в элегантный костюм с массивными накладками в плечах и с щегольским носовым платком в нагрудном кармане. Лонг был преданным помощником Джонатана Болла, его должность называлась TD-8. Болл объявил, что сначала мы идем на встречу с Шефом, кабинет которого находится на восемнадцатом этаже, и повел нас к лифту.

Потом мы долго ждали лифт, а когда он наконец приехал,

выяснилось, что все мы в кабину не поместимся. Лонг вызвался идти пешком, а остальные кое-как втиснулись в кабину. На 18-м этаже было так же мрачно, как и в вестибюле. Стены не видели свежей краски уже много лет, грязный линолеум местами протерся до дыр. Проходя друг за другом по коридору к залу заседаний, мы увидели, что в одном из маленьких кабинетов притаился какой-то старик – в измятом синем костюме, таком же, как у охранника, только воротник рубашки и галстук сбились набок. Увидев нас, старик украдкой прошмыгнул за стол, как будто стеснялся нас. Должно быть, уборщик, только что принесший чай и печенье, которые теперь стояли на большом столе с пластиковым покрытием в центре зала. Пока мы рассаживались за столом, как раз подоспел и Лонг, немного раскрасневшийся от бега.

Мы еще не успели занять места, а Барт, увидев в центре стола блюдце с угощением, потянулся и взял два печенья с заварным кремом. Касл наградил его свирепым взглядом.

– Вот печенье, угощайтесь, – быстро вставил Лонг. Но Барт невозмутимо продолжал жевать, не обращая внимания на дипломатические уловки Лонга. Фортон хмыкнул.

Попивая чуть теплый чаек из казенных чашек, мы слушали рассказ Болла о начальнике МИ-6.

– Колин Макколл начинал с самых низов, рядовым оперативником. Это вам не какой-нибудь чиновник с Уайтхолла, в отличие от целого ряда его предшественников, – фыркнул Болл. – Он пользуется среди нас большим уважением.

Макколл, сын врача из Шропшира, пришел в МИ-6 в 1950 году. Первые два назначения – Лаос и Вьетнам, где он завоевал репутацию увлеченного драматурга и музыканта. Лонг поведал нам о том, как, работая в Лаосе, Макколл во время визита членов королевской фамилии исполнил перед ними импровизацию на флейте, чем сразу же заслужил симпатии высоких гостей. В середине 60-х годов Макколл служил в Варшаве, неустанно зарабатывая репутацию дальновидного и толкового разведчика. Его последнее заграничное назначение – Женева, куда он был направлен в 1973 году в качестве руководителя резидентуры. В апреле 1989 года он был назначен начальником МИ-6.

– Вообще-то у нас тут не очень соблюдаются всякие формальности, – добавил Болл. – Но к нашему Шефу мы всегда проявляем должное почтение. При его появлении мы встаем.

Мы допили чай, доели печенье и немного расслабились, но в этот момент появился тот самый растрепанный старик, который пытался спрятаться от нас. Никто и не взглянул на него, полагая, что он пришел убрать со стола. Лонг тихонько кашлянул, и Касл

мгновенно вскочил и вытянулся в струнку, как на плацу. Он быстрее всех сообразил, что неопрятный старик в измятом костюме, – никакой не уборщик, а сэр Колин Макколл. Все остальные тоже повскакали с мест, при этом стул Барта с грохотом повалился на пол.

– Прошу вас, – пробормотал Шеф, едва заметным жестом предлагая нам сесть. Он быстро оглядел собравшихся, моргая при этом, словно сова от дневного света, но в его твердом взгляде сразу чувствовался острый ум. – Поздравляю. Все вы прошли отбор и зачислены на службу. Скоро вы предпримете первые шаги своей карьеры, которая, я надеюсь, будет долгой и плодотворной.

В голосе его слышался начальственный тон, казалось, что звучит густой баритон священника.

– Наша служба и сегодня является одной из ведущих разведок мира. Она играет важную роль в сохранении позиций Британии на переднем крае международного сообщества. Заверяю вас, что, несмотря на происходящие сегодня в мире изменения: падение "железного занавеса", сближение Британии с нашими европейскими партнерами, проблемы на Ближнем Востоке, – впереди у МИ-6 яркое, надежное и увлекательное будущее.

Мне тогда показалось странным, что Макколл решил особо подчеркнуть надежность перспектив МИ-6. Мне и в голову не приходило сомневаться в этом; очевидно, Макколл был лучше осведомлен, чем мы.

– О твердой решимости правительства развивать деятельность МИ-6 свидетельствует хотя бы то, что в скором времени мы переедем в прекрасное новое, современное, специально построенное сооружение; оно заменит нам это стареющее здание, которое, тем не менее, нам всем очень дорого. В отличие от Сенчури-хаус новая штаб-квартира займет достойное место в архитектурном облике Лондона. На мой взгляд, это символично: МИ-6, до недавнего времени тайное, секретное ведомство, станет более подотчетным общественности и парламенту.

Далее Макколл рассказал о новых законах, в то время как раз подготовленных для обсуждения в парламенте, в которых впервые будет официально признано существование МИ-6.

– Так что на протяжении службы вы станете свидетелями глубоких преобразований в управлении и организации деятельности нашего ведомства.

Я и представить себе не мог, какие драматические последствия будут иметь эти преобразования лично для меня всего лишь четыре года спустя.

Потом Макколл говорил о том, каким образом, по его

мнению, будут меняться приоритеты разведслужбы.

– "Холодная война" окончена, и бывший Советский Союз разваливается, превращаясь в хаотичное нагромождение республик. Однако это вовсе не означает, что мы можем хоть на минуту ослабить бдительность. Россия по-прежнему представляет и будет представлять собой серьезную военную угрозу.

Макколл моргнул и сделал паузу, чтобы придать дополнительный вес своим словам.

– Возможно, у России нет теперь агрессивных военных намерений, но ее военные возможности никуда не делись. Непредсказуемость и нестабильность нового режима делают его еще более опасным. И в течение многих и многих лет МИ-6 будет играть важную роль, предупреждая нашу страну об опасностях, подстерегающих ее на долгом пути к демократии.

Макколл очень убедительно и авторитетно доказывал нам важность ожидающей нас деятельности.

– Главными союзниками для нас по-прежнему будут наши американские братья, – продолжал он. – Взаимоотношения между МИ-6 и ЦРУ – основа особых отношений между нашими странами. Подвергать эти отношения опасности никак нельзя.

Макколл объяснил механизм поддержания взаимоотношений проинформировал об уровне взаимодействия между двумя спецслужбами.

– У американцев просто сказочные технические возможности, у нас их нет и не будет. Чтобы иметь доступ к их достижениям, мы должны быть для них ценным партнером, используя для этого наши преимущества – коварство и природную хитрость – в получении агентурных разведсведений.

Макколл расплылся в улыбке, а я вдруг подумал, что у этого внешне непритязательного человека за плечами, должно быть, увлекательнейшая жизнь.

– По целому ряду направлений требования по добыванию разведданных, возлагаемые на нас, стремительно возрастают. У нас с давних пор имеются интересы на Ближнем Востоке, но к традиционным проблемам политической нестабильности и государственного терроризма сегодня следует добавить еще одну угрозу – угрозу попадания в руки стран-изгоев ядерного, химического и биологического оружия. Существует реальная опасность, что в ходе распада СССР технология, кадры и материалы, имеющие отношение к этим видам оружия массового поражения, уйдут из-под контроля и попадут в руки таких стран, как Иран и Ирак. Это приведет к убийственным последствиям, и наша задача – сделать все, чтобы этого не допустить. – Макколл опять помолчал, подчеркивая важность произнесенных слов. –

Кроме того, будет возрастать значение коммерческого шпионажа. Министерство финансов настойчиво требует, чтобы наше ведомство отрабатывало выделяемые ему бюджетные средства, и коммерческий шпионаж – одна из возможностей, которая позволит нам вносить непосредственный вклад в укрепление платежного баланса страны.

Макколл потер руки и откинулся к спинке стула: выступление окончено. Болл поднялся со своего места.

– Благодарю вас, сэр, за прекрасное, глубокое выступление. Уверен, что у слушателей к вам множество вопросов.

Он с надеждой повернулся к нам, умоляя взглядом, чтобы кто-нибудь задал толковый вопрос, а не просто попросил принести еще печенья. Спенсер застенчиво смотрел в потолок. Первым, конечно же, нашелся словоохотливый и активный Маркхем.

– Скажите, сэр, по мере сближения Британии с Европой будет ли происходить ослабление особых взаимоотношений между МИ-6 и ЦРУ?

– Нет, – твердо ответил Макколл. – Наши отношения с американцами всегда будут иметь большее значение, чем связи с любыми европейскими разведками.

Касл, проявляя остроту ума, которую впоследствии все мы смогли оценить по достоинству, услышал в ответе нечто большее, чем произнес Макколл.

– Означает ли это, сэр, что мы ведем разведывательную деятельность в отношении других европейских стран?

Макколл ответил не сразу, на мгновение он растерялся.

– Да, это так. Всегда есть потребность в разведданных, касающихся намерений наших европейских партнеров в области экономики, а в данный момент особый интерес представляют позиции этих стран на переговорах по Маастрихтскому договору.

Фортон поправил очки и, немного заикаясь от волнения, решился задать дерзкий вопрос.

– Сэр, а зачем вообще нам нужна разведслужба? – Остальные слушатели беспокойно взглянули на Фортона, но тот отважно продолжал: – Ведь на мировой арене есть более мощные страны, с гораздо более развитой экономикой, которые ведут внешнюю разведку в минимальных объемах или вообще не ведут. Например, Япония или Германия. Те средства, которые Великобритания направляет на финансирование МИ-6, – нельзя ли их использовать с большей пользой на другие цели, скажем, на развитие здравоохранения или образования?

По лицу Макколла скользнула улыбка; видимо, и его самого беспокоили подобные мысли.

– Вы забываете, молодой человек, что Великобритания по-прежнему является членом Совета безопасности ООН, в отличие от Германии и Японии. У Великобритании имеются международные обязательства, несоизмеримые с уровнем ее экономического благосостояния.

Макколл улыбнулся, поблагодарил нас за внимание, пожелал успехов в нашей будущей деятельности и ушел, при этом все мы поднялись с мест.

Болл и Лонг просто сияли от облегчения. Мы вполне достойно вели себя в присутствии Шефа, по крайней мере, идиотских вопросов никто не задавал. Ход курса начальной подготовки всегда контролирует вышестоящее начальство, и от успеха или неуспеха того или иного курса зависит дальнейшая карьера инструкторов. Болл и Лонг уже видели, что группа подобралась хорошая. Тем временем Болл продолжал:

– За полгода у вас будет время поближе познакомиться с нами и друг с другом, вы наверняка подружитесь и пронесете эту дружбу через все годы службы. – Он улыбнулся, переступая с ноги на ногу. – Но, чтобы как-то начать, так сказать, сделать первый удар по мячу, сейчас каждый из вас по очереди скажет о себе несколько слов: представьтесь и кратко расскажите о вашей деятельности до поступления к нам.

Он обвел всех нас взглядом, и я про себя подумал: "Только бы не меня".

– Давайте вы первый, Терри, – наконец произнес он, указывая на Фортона, сидевшего с краю.

Фортон, 24 лет, был среди нас самым вдумчивым. Он происходил из семьи ученых либеральных взглядов, проявлял глубокий интерес к политике. Изучал политику, философию и экономику в Оксфорде и, несомненно, получил бы диплом с отличием, если бы меньше времени проводил в студенческом баре. По окончании университета он года два работал в консультационной фирме по политическим вопросам "Оксфорд аналитика", затем подал заявление о приеме на службу в FCO. Рассмотрев его заявление, чиновник управления кадров FCO предложил ему подумать о службе в МИ-6. И Фортон согласился, к большому неудовольствию его отца, убежденного противника всяких тайн в системе государственного управления.

Двадцатитрехлетний Эндрю Маркхем был самым молодым членом группы. Окончил Оксфорд по специальности "французский и испанский языки". Во время учебы принимал активное участие в художественной самодеятельности, считался звездой многих соревнований по различным видам спорта.

Энди Хейр, 34-х лет, после окончания Даремского

университета поступил на службу в армию, в разведку.

– В завершающий период службы в армии я был откомандирован в качестве начальника отделения генерал-адъютантской службы в один из Специальных воздушно-десантных полков территориальной армии, где под моим началом проходил службу вот этот молодой человек. – Он кивнул в мою сторону. Теперь и я его вспомнил. Как-то зимой в горах Брекон-Биконс, ночью, под ледяным дождем, он строго отчитал меня за то, что я пукнул на плацу.

Хейр рассказал, что поступить на службу в МИ-6 ему порекомендовал армейский офицер, работающий в Сандхерсте. В Военном училище сухопутных войск в Сандхерсте на постоянной основе работает вербовщик МИ-6, действующий под псевдонимом ASSUMPTION. Там есть еще один вербовщик, под псевдонимом PACKET, который работает с курсантами из числа иностранцев и передает в МИ-6 информацию о тех, кто может быть использован в качестве осведомителей. Агент PACKET, в частности, прославился тем, что в 60-х годах пытался завербовать молодого курсанта из Ливии, которого звали Муамар Каддафи.

Джеймс Баркинг, 26 лет, окончил Оксфордский университет с дипломом второй степени по специальности "юриспруденция", после чего в течение ряда лет стажировался в одной из юридических фирм, но эта работа его не прельщала. Как-то на вечеринке случайно познакомился с отставным сотрудником МИ-6, в результате чего был принят на службу в это ведомство.

Следующим был Барт. Он только что окончил Оксфордский университет, получил диплом первой степени по специальности "физика", никакого другого опыта у него практически не было, но это не помешало ему довольно долго рассказывать о себе. Как и я, он был завербован в соответствии с программой МИ-6 по привлечению сотрудников, имеющих высшее образование в области точных и технических наук, для участия в операциях по недопущению распространения оружия массового поражения.

Мартин Ричардс был самым старшим в группе, ему было лет 45. Предложение поступить на службу в МИ-6 он получил еще в годы учебы в Оксфорде, но тогда отказался стать сотрудником разведки. Он был принят в нефтяную компанию "Шелл" и почти все время проработал на Ближнем Востоке. Как и многие другие сотрудники "Шелл", Ричардс поддерживал связи с МИ-6 и вот, 22 года спустя, наконец принял предложение поступить на службу в разведку. Из-за возраста возможности служебного роста для него были ограничены, но его взяли именно для работы в качестве специалиста по нефтяной промышленности ближневосточных стран.

Следующим был Касл. Щеголяя произношением представителя высшего общества, он говорил сжато, четко выговаривая слова. Учился в Итоне, затем в колледже Магдалины Оксфордского университета. 28 лет, недавно женился. Несколько лет успешно работал в торговом банке в лондонском Сити, где зарабатывал намного больше, чем платят в МИ-6. Касл и не скрывал, что собирается поработать в разведке лишь несколько лет, так как жалованье его не устраивает. Судя по военной выправке и безукоризненному костюму в тонкую полоску, все полагали, что именно он служил в Шотландском гвардейском полку. Но он ничего не сказал о службе в армии, и я решил, что он поскромничал.

Все мы повернулись к Спенсеру, теперь была его очередь. Он мечтательно смотрел в окно, не обращая внимания на происходящее.

– А? Что? Извините. – Он рассмеялся, лишь немного смущенный тем, что задремал.

Он поднялся и стал рассказывать о себе.

– Учился я ни шатко ни валко в Сент-Андрусском университете в Шотландии, никак не мог решить, какие предметы изучать, так что учился долго. Окончив университет, я так и не решил, чем буду заниматься, и пошел в армию, надеясь, что, может, там наконец определюсь. Но так, в общем-то, и не определился, и вот теперь я здесь.

Мы посмеялись над таким самоуничижительным повествованием. Хейр просто не мог поверить, что Спенсер служил в армии.

– В каком полку служили? – скептически бросил он.

– Я прослужил несколько лет в Шотландском гвардейском полку, – ответил Спенсер.

Вопреки внешней неорганизованности и мечтательности, Спенсер, оказывается, был отважным парнем.

Опытный скалолаз, он некоторое время работал в Афганистане по линии благотворительного фонда "Хэло траст", занимавшегося разминированием минных полей, установленных советскими войсками. Он был завербован сотрудником МИ-6 в Кабуле, имевшим связи с этим фондом.

Инструкторы тоже немного рассказали о себе. Болл в 70-х годах работал в Чехословакии и Восточной Германии, но затем разочаровался в службе и ушел в частное охранное агентство "Контрол рискс", где проработал десять лет. Затем эта его деятельность резко оборвалась, и в середине 80-х он вернулся в МИ-6. В те годы из разведслужбы никого не сокращали и не увольняли, и вернуться в МИ-6 даже после продолжительного

перерыва было несложным и обычным делом.

Лонг рассказал, что пришел в МИ-6 сразу по окончании Оксфордского университета, вскоре после начала Фолклендской войны был направлен в Уругвай, затем в Нью-Йорк, где работал в. британской миссии при ООН.

Я обвел взглядом сидевших за столом. Удивительное дело: у новобранцев было много общего. Анкетные данные почти у всех одинаковые, все европейцы, все мужского пола все выходцы из среднего класса. Все получили университетское образование, причем почти все окончили Оксфорд или Кембридж. Такая однородность новобранцев соответствовала и общей однородности сотрудников МИ-6. Статистика разведслужбы по набору кадров опровергает утверждения ее представителей о том, что их ведомство всем обеспечивает равные возможности при приеме на работу. В период моей службы женщины составляли лишь 10 процентов от общего числа сотрудников, чернокожих вообще не было, только у одного сотрудника один из родителей был азиатского происхождения; среди служащих не было ни одного инвалида, хотя подходящих должностей для них там множество. Но тогда меня все это не волновало. Я с большим воодушевлением мечтал о предстоящей новой деятельности, хотелось поскорее приступить к занятиям.

Глава 4. Обучение

Понедельник, 9 декабря 1991 г.

Портсмут, Англия.

Микроавтобус со слушателями IONEC мчался сквозь темноту и дождь к центру Портсмута. В нем царило напряженное молчание. Было 8.30 вечера, и улицы почти опустели, лишь немногочисленные одинокие прохожие спешили в пивные, ежась под зонтиками. За рулем сидел Болл. Лонг молча восседал рядом с ним. Не произнося ни слова, они высаживали нас одного за другим на темных улочках или пустынных автостоянках. Первым вышел Касл в броском костюме, защищенный от дождя длинной курткой, и уверенно зашагал к своему объекту. За ним последовал Спенсер, робко юркнув под зонтиком в темноту. Потом настал мой черед, Маркхем пожелал мне удачи, я вышел из задней дверцы микроавтобуса и направился к нужной мне пивной.

Целью IONEC являлась подготовка новичков до профессионального уровня, необходимого для работы в МИ-6 на невысоких административных должностях. Половина занятий проходила в классах. Там мы изучали ведение дел в ведомстве, теоретические основы того, как сближаться с нужными людьми, вербовать их, манипулировать ими и получать от них информацию, выслушивали рассказы о проведенных операциях, общались с представителями других отделов ведомства. Остальное время шло на учения типа БЕЗУПРЕЧНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ, первое из многих все усложнявшихся испытаний, составлявших основу обучения.

Данные нам инструкции были простыми, но для новичков-шпионов нервирующими. Каждому из нас отвели определенную пивную в центре Портсмута, где нам требовалось познакомиться с одним из посетителей и, прибегая к любым хитростям, какие придут на ум, выведать его фамилию, адрес, дату рождения, род занятий и номер паспорта. Нам дали вымышленные имена, но мы сами должны были придумать биографические подробности своих фиктивных личностей.

Болл объяснил, что цель этого учения троякая. Во-первых, это мягкое введение в использование "легенды" в реальных условиях, очень важное для разведчика искусство. Во-вторых, испытание находчивости и хитрости в разработке надежного плана для достижения цели. В третьих, это продемонстрирует нам работу и громадный объем памяти CCI, компьютеризированной системы оперативного учета лиц и объектов, представляющих интерес для

разведки МИ-6. ССІ хранила сведения обо всех людях, с которыми кто-либо из сотрудников МИ-6 вступал в оперативный контакт с начала сбора этих сведений в 1945 году. Биографические данные наших наугад выбранных жертв будут введены в компьютер для проверки. Объем банка данных, объяснил Болл, таков, что слушатель подготовительных курсов в портсмутских пивных редко не натыкается хотя бы на одного человека, сведения о котором есть в ССІ.

Распахнув толстую псевдовикторианскую дверь пивной "Погребок" на Грейт Саутси-стрит, я заволновался. Это испытание, хотя и простое, было нашим первым, и мне хотелось начать удачно. Нам выдали по восемнадцать с половиной фунтов, чтобы взять себе и собеседникам по паре стаканчиков. Оглядывая зал по пути к стойке, я со страхом обнаружил, что в пивной никого нет. Заказывая кружку "Гиннесса", я отверг бармена как потенциальную добычу. Этого пожилого, толстого, угрюмого человека вряд ли удалось бы разговорить. Я сел в обитую красным бархатом нишу, из которой был виден вход, и стал ожидать лучшего.

Время шло, я выпил половину второй кружки пива, и тут появились первые посетители – целующаяся парочка. Ей вряд ли захотелось бы общаться с незнакомцем. Потом ввалилась шумная компания молодых людей, собравшихся поиграть в пул. Затесаться в их общество и выбрать одного для разговора было бы нелегко. До возвращения микроавтобуса оставалось всего двадцать минут, а поскольку я не мог похвастаться ничем, кроме трех осушенных кружек, положение мое становилось затруднительным.

Наконец мне повезло: вошли две девушки, взяли виски и устроились в одной из ниш. Обе двадцати с небольшим лет, в повседневной одежде, одна хорошенькая, другая не очень и притом полноватая. Очевидно, они вместе снимали квартиру и решили немного расслабиться. Действовать мне требовалось быстро, время поджимало, да и игроки в пул заметили девушек и явно имели на них виды.

Клянясь мысленно, что это в последний раз, я взял свою кружку, подошел к их столу и спросил, можно ли присоединиться к ним. Девушки к моему облегчению согласились.

– Вы не здешний, да? – спросила толстушка.

– Почему вы так решили? – поинтересовался я.

– По вашему выговору, вы с севера, – ответила она. – Что делаете здесь?

Ее любопытство меня ободрило, предоставлялась возможность осуществить мой план.

– Я шкипер яхты, отвозил одну графиню из Шотландии в Шербур.

Девушки с интересом слушали мою наглую ложь.

– Но мой напарник заболел и поехал домой. Я зашел в Портсмут подыскать нового и пополнить припасы.

Мы заговорили о яхте, плавании, моем несуществующем напарнике, о том, почему я избрал это занятие. Я все выдумывал с ходу, полагаясь на свой небольшой опыт хождения под парусами. Как и в Бельгии в разговоре с солдатами в баре, меня волновало, что искусство обмана дается так легко, и удивляло, до чего доверчивыми могут быть незнакомцы. Девушки поведали мне, что они медсестры и приехали в Портсмут недавно, кстати, они уже совершали прогулки на парусниках и теперь, живя в портовом городе, были бы не прочь продолжить.

– Не знаете кого-нибудь, кто хотел бы провести выходные на яхте? – спросил я. Девушки переглянулись, убеждаясь, что обе подумали одно и то же. – Может быть, вы сами? – не отставал я.

– Конечно, – неуверенно ответила хорошенькая и, глянув на подругу, продолжала, словно отвечая за нее. – Конечно, в ближайший уик-энд мы свободны.

Дальше дело пошло легче. Чтобы иметь возможность связаться с ними, я спросил их фамилии, адреса и номера телефонов, которые они аккуратно записали печатными буквами в мой блокнот. Под предлогом, что мне нужно заранее оформить на них пропуск в таможенном управлении, я спросил, могут ли они уточнить номера своих паспортов. Проблемы это не составило. Хорошенькая позвонила домой третьей соквартирнице и попросила ее прочесть номера вслух. За несколько минут все данные, которые требовались Боллу и Лонгу, были у меня в блокноте. Завершив свою миссию, я попрощался с несчастными девушками и пообещал вскоре позвонить. Микроавтобус заполнился оживленной болтовней, когда остальные, кое-кто слегка навеселе, принялись восторженно описывать, как выведали у наивных завсегдатаев пивнушек личные данные. Маркхем притворился студентом из Парижа и поинтересовался с липовым французским акцентом, правда ли, что номера всех английских паспортов оканчиваются тремя шестерками, как утверждала его мать, сотрудница Французского паспортного агентства. Удивленная жертва подняла его на смех, и Маркхем побился об заклад на пять фунтов, что так оно и есть. Собеседник поспешил домой за паспортом, довольный возможностью легко содрать деньги с глупого француза. Не менее довольный Маркхем записал номер.

Касл, вспомнив о своем прошлом в Сити, представился

консультантом по организации сбыта и раздал всем сидевшим в пивной заранее приготовленный опросный лист. Там были вопросы якобы от крупной пивоваренной компании о том, что клиенты предпочитают пить, а внизу находилась графа, куда требовалось вписать фамилию, адрес и номер паспорта. Касл с полчаса потягивал в одиночестве апельсиновый сок, довольный тем, что почти половина клиентов вписала паспортные номера и теперь он может прикарманить полученные на выпивку деньги.

Хейр обнаружил в пабе пившего в одиночестве старика, на голове у которого был темно-бордовый берет десантника времен Второй мировой войны. Одинокий ветеран обрадовался возможности поговорить с человеком, интересующимся его боевым прошлым, и охотно назвал свой армейский личный номер, пригодный для CCI так же, как номер паспорта.

– Все на месте? – крикнул Болл с водительского сиденья, повернувшись к шумевшей позади ватаге. Лонг провел перекличку, напрягая голос, чтобы его было слышно сквозь болтовню. Сильно захмелевший Барт, отрыгнув, ответил, что на месте все, кроме Спенсера. Подождав несколько минут, Болл решил ехать по Лондон-роуд к "Карете и лошадям" – скандально известной пивной. Снаружи Спенсера не оказалось, Лонг отправился искать его. Будущий разведчик из МИ-6 был обнаружен мертвецки пьяным в веселой компании. Он не придумал никакого плана и, не зная, что делать, решил попытать счастья у игрового автомата. Когда он дернул рычаг в третий раз, машина под звон колокольчиков извергла свое содержимое. Собралась толпа взглянуть на счастливчика, и покладистый Спенсер угостил всех выпивкой, его угостили в ответ, этим дело не ограничилось, и образовалась компания. Спенсер безнадежно опьянел, забыл о скучной задаче раздобыть личные сведения и наслаждался обществом новых друзей, покуда Лонг не оттащил его в микроавтобус.

Когда мы вернулись на учебную базу, все были в приподнятом настроении, между нами уже возникало чувство товарищества, ощущение противостояния общему врагу. Какую-то минуту я размышлял на заднем сиденье о моральной стороне своего поступка. Хорошо ли так, походя, обманывать людей? Ведь девушки могли целую неделю дожидаться морской прогулки на яхте, которая так и не состоится. Когда мы въезжали через ворота с опускающейся решеткой в Форт, секретное учебное заведение, основную базу IONEC, я отбросил эти мысли. Мы лгали ради своей страны, и это служило достаточным оправданием. Сам не сознавая того, я сделал первый шаг на длинном пути превращения в разведчика.

x x x

Форт Монктон, самый большой и лучше всех сохранившийся из четырех прибрежных фортов, возведенных Генрихом VIII для защиты стратегически важной портсмутской гавани от французского флота, является, как отмечено на картах военно-геодезического управления, впечатляющей военной учебной базой. Располагается он на открытой, продуваемой ветрами южной оконечности полуострова Госпорт, к нему ведет короткая извилистая дорога, проходящая рядом с полем для гольфа. Официально именуемый "Военное учебное заведение No1", Форт служил до 1956 года учебной базой инженерных войск. Когда инженерам он стал больше не нужен, его без шума прибрала к рукам МИ-6. Этот переход совершился в такой тайне, что отдел снабжения Министерства обороны продолжает оплачивать содержание Форта, понятия не имея, что министерству он уже не принадлежит.

Попасть за толстые стены из серого камня можно только по подъемному мосту над крепостным рвом без воды и через охраняемые ворота, ведущие в центральный двор. Прямо над воротами находятся роскошные апартаменты, предназначенные для Шефа, часто приезжающего сюда. По остальным трем сторонам двора расположены три основных корпуса: Восточное крыло, Главное и Западное. Восточное является автономным, в нем находятся спальни, кухни, столовые и бары. В корпусах расположены учебные помещения, необходимые для подготовки офицеров секретной службы: спортзал, закрытый тир, фотостудии, технические мастерские, лаборатории и лекционные залы. Есть даже маленький музей, где хранятся сувениры от руководителя SOE – английской спецслужбы времен Второй мировой войны, занимавшейся работой на оккупированной немцами территории Европы, и устарелое шпионское оборудование времен войны "холодной". За Восточным крылом находятся вертолетная площадка и открытый тир для стрельбы из пистолетов и автоматов. Не забыт и отдых – на западной стороне есть открытый теннисный корт и площадка для крокета, закрытый корт для сквоша.

Главное крыло, расположенное напротив ворот, являлось нашим домом. Мы высыпали из микроавтобуса и пошли во внутренний бар выпить еще. Алкоголь имеет немалое значение в жизни МИ-6, и Болл с Лонгом подстрекали нас к тому, чтобы выпивать каждый вечер. Вскоре бар в Главном крыле, украшенный военными эмблемами и сувенирами операций SOE, стал нашим центром разгрузки.

Тем же вечером Болл и Лонг ввели результаты нашей работы в компьютер CCI. Трое из наших собеседников значились в компьютерной памяти. Старый десантник Хейра оказался Уолтером Митти, не принимавшим участия в военных действиях, у одного из респондентов Касла было богатое уголовное прошлое, а хорошенькая девушка, с которой общался я, была младшей сестрой одной из секретарш в МИ-5.

x x x

Невзрачное здание из желтого кирпича, расположенное прямо напротив полицейского участка на лондонской Бороу Хай-стрит в Саутуорке, официально является государственным архивом. На самом деле там до недавнего времени размещалась еще одна школа МИ-6. Во время учебы на курсах мы проводили одну неделю в Боро, другую – в Форте. Занятия в Боро посвящались административным и теоретическим аспектам работы, там Болл и Лонг знакомили нас с историей, целью и образом действий ведомства.

Корни МИ-6 находились в Бюро секретной службы, основанной отчасти в ответ на англо-бурскую войну, заставшую Британию врасплох, отчасти в ответ на усиливающуюся воинственность Германии. 30 марта 1909 года одна из подкомиссий Комитета имперской обороны собралась на закрытое совещание в одном из правительственных учреждений на Уайтхолле. Первым взял слово полковник Джеймс Эдмондс. Он был главой МО-5, предшественницы нынешней МИ-5, задачей которой было разоблачать иностранных шпионов в Британии. Штат ее состоял из двух человек, годовой бюджет равнялся 200 фунтов. У Эдмондса были честолюбивые планы, в том числе увеличение ресурсов своего ведомства, дабы оно могло вести шпионаж за границей, главным образом в России и Германии. Однако лорд Эшер, председатель комитета, усомнился в рассказах Эдмондса об успехах немецких шпионов в Англии и потребовал представить подробный список дел в подтверждение его доводов.

Отнюдь не сдавшийся Эдмондс прибегнул к тактике, которую успешно использовали многие его преемники в МИ-6. Сфабриковал свидетельства для подкрепления своих соображений, представил Эшеру вымышленный список шпионов, заимствованный из популярного в то время романа Уильяма ле Кэ "Шпионы кайзера". Когда Эшер потребовал дополнительных подтверждений, Эдмондс заявил, что подобные откровения

поставят под угрозу безопасность его осведомителей. К этой освященной временем лжи часто прибегали его преемники, чтобы избавиться от затруднительных запросов правительства. Эдмондс одержал верх в этом споре и добился бюджета, позволявшего расширить МО-5, превратить его в Бюро секретной службы. В 1911 году парламент принял закон об охране государственной тайны, дав тем самым Эдмондсу широкие драконовские полномочия брать под стражу любого, заподозренного в помощи "врагу", которым в то время была Германия. Этот примитивный закон до сих пор сохраняется в своде законов Британии, и даже в настоящее время многие отбывают длительные сроки заключения за его нарушения. В течение обеих мировых войн Бюро секретной службы процветало и в 1948 году было переименовано в МИ-6.

Вкупе с американским ЦРУ и недавно преобразованной разведслужбой России МИ-6 обладает одной из немногих поистине глобальных разведсетей, но штат ее, составляющий примерно 2300 человек, намного меньше, чем у русских и американцев. Около 350 человек являются разведчиками, в число которых стремились попасть и мы. Около 800 заняты в основном технической и административной работой. Остальные сотрудники – это секретарши, канцеляристы, охранники, повара, водители, уборщицы и механики.

Около половины разведчиков и большая часть технического состава находятся в Лондоне. Главная задача их – поддерживать тех, кто работает за границей, планировать операции, осуществлять связь с иностранными разведслужбами и поставлять разведданные тем, кто принимает решения на Уайтхолле. Разведывательная "продукция" МИ-6 именуется СХ, это анахронизм тех времен, когда Шефом был Мэнсфилд Каммингс. Служба тогда была настолько секретной, что донесения разведчиков не выходили за стены МИ-6 и потому помечались "Каммингсу исключительно", сокращенному до СХ. Разведданные ничего не стоят, если их не сообщают тем, кто принимает решения, и сейчас донесения СХ распространяются гораздо шире. Министерство иностранных дел и Министерство обороны являются самыми важными "клиентами", однако СХ может получить любой правительственный департамент, если материал имеет к нему отношение. Даже некоторые крупные британские компании, такие как "Бритиш аэроспейс", "Шелл", "Бритиш пейтент", "Бритиш эйрвейз", держат в штате офицера связи МИ-6, получающего СХ.

Большую часть СХ собирают разведчики, подвизающиеся в британских посольствах под дипломатической крышей. Обычно они работают в маленьких укромных секциях в здании

посольства, где размещаются так называемые резидентуры. Они имеют собственную надежно защищенную связь с Центром, вход в комнаты поста разрешен только сотрудникам МИ-6. Эти комнаты часто проверяются на наличие подслушивающих устройств, и во многих резидентурах есть специальные "надежные" комнаты для важных совещаний.

Во всем мире около пятидесяти резидентур. Размер их отражает важность принимающей страны для британских интересов. Резидентуры в шпионских столицах мира – Женеве, Москве, Вене, Нью-Йорке и Гонконге – могут иметь в своем составе до пяти разведчиков, трех-четырех технических служащих и с полдюжины секретарш. В большинстве из них в Западной Европе работают два-три человека, а в Третьем мире обычно – один разведчик и секретарша, хотя есть исключения. В Джакарте, например, работают трое, поскольку Индонезия – выгодный клиент для британской военной промышленности, в Лагосе – тоже трое благодаря британской заинтересованности в нефтяной индустрии Нигерии. Глава резидентуры – обычно старший офицер сорока с лишним лет, работающий под видом советника Министерства иностранных дел. Как правило, он "засвечен" секретной службе принимающей страны и занимается главным образом связью, другие разведчики большей частью "незасвечены" и часть своего времени шпионят против принимающего государства.

Одни резидентуры, например в Москве и в Пекине, существуют главным образом для шпионажа против принимающей страны, другие не шпионят совсем. У Австрии нет интересных для Британии секретов, однако МИ-6 содержит в Вене большую резидентуру для шпионажа за иранской и русской общинами, торговлей оружием и международным агентством по атомной энергии, расположенным в окрестностях города. Точно так же нью-йоркская резидентура существует лишь затем, чтобы руководить агентурой в ООН.

Резидентурам оказывают помощь из Центра в Лондоне. На каждой есть P офицер, занимающийся "продукцией", он определяет ее стратегию и цели, планирует операции и руководит ими, распоряжается бюджетом. R офицеры занимаются распределением разведпродукции клиентам. Эти P и R офицеры организованы в пирамидальные структуры, "управления", с региональным или функциональным центром.

Когда я поступил в МИ-6, там было семь управлений, самыми крупными и мощным являлись Восточноевропейское и Западноевропейское. Ближневосточное и Дальневосточное управления увеличивались, в то время как Африканское и

Западное полушария (Латинская Америка и Карибский бассейн) уменьшались. Глобальное управление занималось расширяющейся торговлей оружием, торговлей наркотиками в крупных масштабах и международным отмыванием денег.

Управления образуют "зубы" ведомства, группируются в директорат продукции и распределения. Наряду с ним существуют два крупных, громоздких директората, они занимаются административным руководством и техническим обеспечением. Четверо директоров из Правления осуществляют контроль за общей стратегией и административное руководство директоратами; ими командует Шеф.

x x x

Одну из первых лекций в Боро прочитал нам Болл. Речь шла об охране нашей "крыши" как работников дипломатической службы. Сообщать ближайшим родственникам о своем подлинном занятии нам дозволялось после того, как получим письменное разрешение из отдела личного состава, но говорить случайным знакомым, что мы служим в МИ-6, было запрещено. Болл объяснил – им нужно говорить, что работаем в FCO на Кинг Чарльз-стрит. Чтобы соответствовать "легенде", мы должны были знать, как вести себя, и со знанием дела говорить о жизни и работе настоящего дипломата.

Болл приписал каждого из нас к определенному департаменту в Министерстве. Потом несколько дней подряд мы ездили на Уайтхолл, знакомились с "коллегами", разузнавали подробности их работы, запоминали обстановку комнат, маршруты проезда на автобусах и метро от наших домов до Уайтхолла, названия лучших местных пивных.

Однажды после очередной лекции Болл пригласил нас к себе на вечеринку.

– У моей жены день рождения, – сказал он, – и я до того доволен тем, как весь курс ладит друг с другом, что хотел бы дать ей возможность познакомиться со всеми вами.

В МИ-6 тесное общение офицеров и их жен – дело обычное, особенно в IONEC, поэтому приглашение Болла не показалось нам странным.

– Жена зовет и нескольких своих друзей, а поскольку никто из них отношения к МИ-6 не имеет, вам предоставляется возможность опробовать свои "легенды" в компанейской обстановке, – добавил Болл.

В назначенный вечер мы явились толпой к уютному дому

Болла в Айлингтоне с букетами цветов и поздравительными открытками имениннице. Началась долгая попойка, друзья его жены оказались веселыми, общительными, интересными. Я долгое время разговаривал с водолазом, организовавшим судоремонтный бизнес. Хейр обнаружил собрата, бывшего офицера армейской разведки. Маркхем, любитель хорошего вина, нашел родственную душу, виноторговца. Лестно было видеть, что все гости живо интересуются нашей работой на дипломатическом поприще. Однако после уроков Болла отвечать на их вопросы было нетрудно.

Среди гостей была привлекательная блондинка, и Спенсер, осмелевший после нескольких баночек пива, вскоре с головой ушел в оживленный разговор с ней. Она работала продавщицей дамского белья и манекенщицей и приводила Спенсера в восторг описанием некоторых своих товаров. Они обменялись номерами телефонов и условились встретиться на будущей неделе.

Наутро мы собрались в Боро, как обычно, к десяти утра. Все разговоры велись только о прошлом вечере. Бывший армейский разведчик впечатления на Хейра не произвел: "Нес какую-то чушь. Не носил он камуфляжной робы, это дважды два". Маркхем тоже скептически отзывался о невежестве, которое проявил виноторговец. Спенсер, пыжась от гордости, пересказал свой разговор с блондинкой и с сияющей улыбкой объявил, что она приняла его приглашение поужинать в ресторане.

Сразу после десяти Болл вошел в класс и поздоровался. Выглядел он не таким веселым, как обычно, и все внезапно притихли.

– Надеюсь, вчера вечером вы недурно провели время, – сказал Болл, поеживаясь с неловкостью, будто скрывал что-то. Спенсер так и лучился самодовольством. – Однако я должен извиниться. – Он сделал паузу. – Гости на вечеринке были не друзьями моей жены, а офицерами из МИ-5. Целью этого учения было убедиться, что вы все усвоили уроки, касающиеся "легенды".

Когда стало ясно, что нас так легко обвели вокруг пальца, в классе воцарилась гробовая тишина. Забавно было обманывать людей с улицы, ничего не подозревающих в БЕЗУПРЕЧНОМ НЕЗНАКОМЦЕ, однако меняться с ними ролями нам не понравилось. Хейр очень расстроился из-за того, что остался в дураках.

– Когда я был в армии, – заявил он негодующе, – студенты быстро теряли доверие к руководству, если их вводили в обман.

Только Фортон сообразил, как развеять гнетущую атмосферу, со смешком указав на Спенсера.

– Как настроение, Алекс? – насмешливо спросил он. – Все-

таки идешь на свидание?

Бедняга Спенсер, посерев, уставился в пол.

Впоследствии, когда друзья или родственники спрашивали нас о работе, отделаться от их любопытства не составляло труда. Поначалу было забавно "лгать в интересах национальной безопасности", но это привело к переменам в моих отношениях с друзьями. Утверждение Карла Юнга: "Обладание секретами действует, как духовный яд, отчуждающий их обладателя от сообщества", справедливо.

x x x

Основу работы разведчика составляют отбор людей, готовых выдавать или продавать секреты своей страны, сближение с ними, вербовка, а затем руководство этими информантами. Первые недели занятий мы осваивали это мастерство в серии кратких учений. Из Сенчури-хаус приезжали опытные разведчики представляться бразильскими генералами, русскими учеными, иранскими революционерами или теми, кто требовался по условиям учения. Мы выступали в роли выполняющих задание разведчиков, овладевали искусством знакомиться с объектами, сближаться, вербовать их и вытягивать сведения. Учились писать отчеты о контактах, описывали обстоятельства встречи и составляли псевдодонесения СХ с добытой информацией. Затем исполнители ролей устраивали нам опрос, а Болл и Лонг оценивали наши успехи. Некоторые учения проводились на публике, и человеку, случайно слушавшему нас, разговоры должны были казаться странными, особенно когда исполнители самых колоритных ролей использовали одеяния и акцент своих персонажей.

Типичное учение представлял БЕЗУПРЕЧНЫЙ ПАССАЖИР. После усвоенных нами в БЕЗУПРЕЧНОЕ НЕЗНАКОМЦЕ уроков решено было двинуться дальше, проверить нашу способность сближаться с объектом. Зачастую разведчики из МИ-6 пользуются для этого ограниченностью пространства в общественном транспорте, особенно в самолетах, потому что объекту там деваться некуда. В этом задании нам дали установку: МИ-6 получила сообщение, что южноафриканский дипломат, поддающийся влиянию из-за финансовых проблем, в пятницу вечером выезжает из Портсмута в Лондон. Нам поручалось сесть в тот же поезд, разыскать этого дипломата среди пассажиров, втянуть его в разговор и так с ним сблизиться, чтобы он принял предложение выпить по стаканчику, когда приедем на вокзал

Ватерлоо. Болл описал нам внешность нашего объекта и в дополнение сообщил лишь, что он радикальный сторонник политики апартеида и не расстается с журналом "Экономист", эта привычка поможет нам отыскать его в переполненном поезде.

Мне повезло, мой объект, когда я его нашел, сидел в купе один. "Южноафриканский дипломат" оказался приветливым, покладистым, и я уладил с ним вопрос о выпивке на вокзале без проблем. У Баркинга учение прошло не так гладко. Он тоже обнаружил свой объект без труда и втянул в разговор. Вскоре, едва Баркинг, изображавший из себя студента-политолога, "узнал", что его собеседник южноафриканский дипломат, речь зашла о политике апартеида. Баркинг решил, что лучший способ склонить собеседника пойти выпить – притвориться общительным единомышленником. И они принялись горячо обсуждать достоинства раздельного обучения цветных и белых, недопустимость смешанных браков и невозможность предоставления цветным права участвовать в выборах.

Баркинг сосредоточился на задании, радовался сочувственной реакции, которую его экстремистские взгляды вызывали у мнимого южноафриканца, поэтому почти не обращал внимания на вошедших в купе двух мужчин с бородками, в твидовых пиджаках. Не замечал, что его речи их раздражают. В конце концов эти преподаватели политологии из Портсмутского политехнического, придерживавшиеся левых взглядов, не смогли больше выносить расистской болтовни Баркинга и яростно ринулись в спор. Баркинг, памятуя о недавней "вечеринке", решил, что это люди из МИ-6, отправленные посмотреть, как он поведет себя в таком сложном положении, и оценить его действиям. Сдать свои позиции он отказался, и учение из спокойной попытки завоевать доверие дипломата перешло в ожесточенную перебранку четырех человек, длившуюся до конца пути.

x x x

В последующие две недели мы усиленно занимались в Форте "техникой" шпионажа. Этот термин обозначает способность разведчика встречаться или поддерживать связь с агентом, не вызывая подозрений у контрразведки. Сюда входят наблюдение, антинаблюдение, контрнаблюдение, скоротечный контакт, закладка писем в тайники и извлечение их оттуда. Все это требует хитрости, сноровки, некоторых актерских способностей, но главное – тщательного планирования и подготовки.

Отправляясь на тайную встречу с информантом, разведчик должен первым делом убедиться, что за ним не следят, но делать это нужно незаметно. Нервозные оглядывания или частые остановки, дабы завязать шнурки на обуви, четко подскажут наблюдателям, что объект что-то затевает. Мастерство антинаблюдения заключается в том, чтобы выглядеть безобидным дипломатом и вместе с тем распознавать любой "хвост". Этому служат походы или поездки якобы совершенно невинного свойства, например, объезд магазинов по заранее намеченному маршруту, имеющему "наблюдательные ловушки". Например, эскалаторы во многих универмагах расположены рядом, и с одного можно обозревать другой, не вызывая никаких подозрений. На маршруте может быть пять-шесть таких наблюдательных ловушек, и, чтобы проделать его весь, иногда уходит несколько часов. В каждой из них разведчик должен запоминать всех, кто находится позади. Большинство будут обычными покупателями, но среди них могут находиться ведущие слежку сыщики. Болл учил нас, что для опознания сыщика нужно заметить одно и то же лицо не менее трех раз.

Группы наблюдения стараются затруднить опознание, используя для слежки неприметных "серых людей", не слишком рослых и не слишком низких, неброско одетых, ничем не привлекающих внимания в толпе. Наиболее изощренные наблюдатели, например в России, используют такие уловки, как одежда, которую можно носить на обе стороны и изменение внешности, что затрудняет повторное обнаружение. В Москве строго соблюдаются правила антинаблюдения, и на избавление от "хвоста" может уйти целый день "езды по магазинам" с женой и детьми. "Московские правила" используются также в Иране и Южной Африке, так как контрразведки там работают мастерски. А вот в большинстве южноамериканских стран антинаблюдение труда не составляет, наблюдатели там словно бы учились своему ремеслу по детективным фильмам и щеголяют кожаными куртками, усищами и темными очками.

Иногда единственными способами связи с агентами могут быть скоротечный контакт или тайник. Скоротечный контакт – это мимолетная встреча с агентом, при которой передаются сведения или инструкции. Она основана на тщательной координации, обе стороны прибывают в указанное место одновременно. Наблюдатели не могут подойти слишком близко из опасения засветиться. Это дает возможность сойтись с агентом в "мертвом пространстве", например, за поворотом коридора или перехода. Нас учили следить за приближением агента к мертвому пространству с наблюдательного пункта, например, из-за столика

в кафе. Предварительно рассчитав с точностью до секунды, сколько времени потребуется каждому, чтобы подойти к условленному месту, теоретически возможно встретиться в нужной точке незаметно для наблюдателей. На практике проводить скоротечные контакты без сучка, без задоринки трудно, и мы старательно отрабатывали их.

Большинство этих учений проходило в Портсмуте, где мы поочередно играли роли разведчика и агента, "Разведчик" находил подходящее место для скоротечного контакта, затем в Форте писал "агенту" инструкции о том, где оно расположено. За нами обычно следили сотрудники МИ-5, специального управления портсмутской полиции, таможенники или армейские разведчики, поэтому перед попыткой контакта приходилось "избавляться от хвоста", иногда мы опознавали наблюдателей, иногда нет. Во время одного из учений играть агента настала очередь Спенсера, я тщательно спланировал скоротечный контакт с ним на черной лестнице портсмутской ратуши. Наблюдателей я засек по пути в библиотеку, но, рассчитывая, что они не пойдут вплотную за мной по безлюдной лестнице, дабы зафиксировать скоротечный контакт, я не отказался от своего плана. Спенсер, перед тем как я вышел с лестницы на улицу, в холодный декабрьский день, вместо обычных кассеты с фотопленкой или конверта вручил мне бросающееся в глаза мороженое. Наблюдатели заметили мое причудливое приобретение и доложили о нем руководству.

Осваивали мы и технику пользования тайником. Требуется незаметно спрятать туда письмо, откуда потом его сможет извлечь другая сторона. Письмо обычно кладется в маленький контейнер, например, в кассету от фотопленки, место выбирается такое, чтобы ее можно было спрятать или забрать даже будучи под наблюдением. Такие места подбирать гораздо легче, чем для скоротечного контакта. Находить тайник в незнакомом окружении требовалось меньше, чем за час, за вынимающимся кирпичом в стене, в трухлявом пеньке или в трещине выступающей скалы. Недостаток тайников заключается в том, что их подчас обнаруживают случайные люди, обычно дети, которые могут поставить в известность полицию. В таком случае вынимать письмо из тайника рискованно, потому что контрразведка может устроить засаду.

Несколько дней спустя во время учений с тайниками Я отомстил Спенсеру. В Винчестерском соборе возле четвертой от западной стены скамьи стоит небольшая статуя святого Иуды. Сидя на скамье, будто в молитве или раздумье, можно незаметно запустить руку за ноги статуи. Я решил использовать ее в

качестве тайника, но вместо кассеты положил туда взведенную мышеловку.

Бедняге Хейру пришлось еще хуже. Вопреки совету Болла не устраивать тайников в общественных туалетах, которые часто осматривает контрразведка, Баркинг оставил ему письмо в сливном бачке туалета портсмутской пивной "Мистер Пиквик". Бачок расположен высоко на стене, и Хейру пришлось влезть на унитаз, чтобы до него дотянуться. К несчастью, джентльмену в соседней кабинке это не понравилось, и он в ярости вызвал полицию. Хейру учинили допрос. Поскольку сказать правду было нельзя, он униженно признался в гомосексуализме и, слава Богу, отделался предупреждением.

x x x

Каждый вечер после дня лекций или беготни по всему Портсмуту для отработки техники антинаблюдения мы слушали приезжавших лекторов, обычно сотрудников нашего ведомства. Они рассказывали о тех операциях, в которых принимали участие, чтобы мы поняли, как можно применять полученные знания. Однажды Болл объявил, что у нас особый гость, к которому следует относиться с величайшим уважением. Олег Гордиевский, так называемый "алмаз в венце" русских перебежчиков, работающих в МИ-6, поведал нам историю своего перехода на службу Британии. Он рассказывал ее каждому новому курсу IONEC, рисуя красочную картину шпионской техники в действии.

Первый контакт с МИ-6 Гордиевский установил в 1974 году, тогда он был разведчиком КГБ, работал в Лондоне под "крышей" русского посольства, в качестве пресс-атташе. Сблизился с ним за игрой в бадминтон и в конце концов завербовал его Колин Фигерс, ставший впоследствии Шефом. В течение одиннадцати лет Гордиевский снабжал МИ-6 ценнейшей информацией из недр КГБ. Гордиевского очень берегли, о его существовании знали всего несколько сотрудников, и, чтобы не расширять крут посвященных, многим разведчикам дозволяли проводить бесполезные операции, которые, по сведениям Гордиевского, проваливались. Однако, несмотря на все предосторожности, Гордиевский в конце концов неизбежно должен был попасть под подозрение своего московского начальства. Во время проводимого дома отпуска его арестовали, подвергли допросу. В конце концов Гордиевского выпустили, но временно отстранили от работы и отобрали паспорт, а КГБ продолжал расследовать дело. Гордиевекому удалось сообщить о своем положении в

московскую резидентуру, где опытный разведчик достопочтенный Реймонд Хорнер был вторым лицом.

У каждой резидентуры есть, по меньшей мере, один план вывоза перебежчиков за границу в чрезвычайных обстоятельствах. Московский план предусматривал тайную переправку агента через русскую границу в нейтральную Финляндию. Маршрут из Москвы был уже намечен, а в распоряжении Хорнера официально находился "Сааб-90", в 1985 году единственный европейский автомобиль, в багажнике которого легко мог уместиться взрослый человек. Эта замечательная иностранная машина вызывала у коллег Хорнера по дипломатической работе легкое недовольство, им приходилось ездить на гораздо худших английских моделях, и они считали, что исключение из этого правила сделано достопочтенному Хорнеру благодаря его титулу.

Гордиевский каждый вечер прогуливался в парке Горького, за ним непрерывно следовали по пятам наблюдатели. Хорнер нашел участок мертвого пространства, где Гордиевский мог моментально скрыться с их глаз. План, требующий секундной точности, был согласован по письмам в тайнике. В назначенный день Хорнер несколько часов колесил по Москве якобы по заданиям, на самом деле тщательно проверяя, не следят ли за ним. С военной точностью он появился в нужном месте одновременно с Гордиевским, а тот запрыгнул в просторный багажник "сааба". Хорнер выехал из Москвы, и начался десятичасовой, выматывающий нервы путь к финской границе. КГБ устанавливал на большинстве дипломатических машин подслушивающие устройства, и Хорнер не осмеливался общаться со своим спрятанным пассажиром. Даже когда граница осталась позади, говорить в открытую было рискованно, хотя он, должно быть, с трудом сдерживал торжествующий вопль. Дабы сообщить пассажиру, что опасность позади, он завел любимую музыку Гордиевского на автомобильном стереомагнитофоне. Гордиевский по сей день значится в МИ-6 под кодовым прозвищем OVATION.

Современному шпиону не нужна та устарелая техника, которой пользовались во времена "холодной войны". Электроника и компьютеры упростили связь с агентами шифрованная электронная почта зачастую проще и безопаснее скоротечного контакта или тайников. На традиционную технику при нашем обучении делался упор отчасти потому, что Болл являлся ее энтузиастом. Другая причина в том, что для планирования и проведения таких операций требуется больше собранности и мужества, чем для нажатия компьютерной кнопки, и это лучше укрепляет профессиональную дисциплину. Пользование такой

техникой благотворнее сказывается на моральном состоянии и укреплении чувства локтя, чем сидение перед компьютерным экраном. Эти учения нам нравились. Единственным исключением оказался Ричардс. Тихий, книжный человек, он находил их довольно глупыми. Однажды он не вернулся в Форт, потом позвонил руководству и сказал, что больше не может продолжать подготовку. Ему пришлось уйти из МИ-6, и его устроили обратно в компанию "Шелл".

Тайнопись, именуемая у школьников "невидимые чернила", все еще важна в работе разведчика, однако современная ее техника сложнее "лимонного сока в авторучке", известного по журналу "Бойс оун". Существует совместный Отдел МИ-5 и МИ-6, занимающийся разработками и преподаванием новейшей техники тайнописи. В нем работают три человека. У Отдела имеется несколько различных техник, но метод, который нам преподавали и которым сотрудники МИ-6 пользуются повсеместно, представляет собой удивительно простую "офсетную" технику. Как и множество великих изобретений, она появилась на свет случайно.

Вначале сложность при пользовании невидимыми чернилами заключалась в том, что пишущий не видел только что написанного. Были созданы видимые чернила, которые обесцвечивались вскоре после высыхания, но они оставляли желать лучшего, так как углубления, сделанные пером, можно было обнаружить, и само по себе хранение специфических чернил могло оказаться уликой.

Решение проблемы пришло неожиданно в середине 1980 года, когда техник из Отдела проявлял написанное традиционной тайнописью донесение агента из России. Секретное сообщение содержалось на оборотной стороне конверта с безобидным "липовым" письмом внутри и было отправлено из Москвы. Когда техник обрабатывал конверт проявляющей жидкостью, начало проявляться секретное сообщение. Но, к его изумлению, появились и другие буквы кириллицы, написанные другим почерком и зеркально перевернутые. Пристальное изучение показало, что это адрес в Киеве. Но кто был адресатом, и как эта надпись оказалась поверх сообщения?

Существовало лишь одно логичное объяснение этой загадки. Когда агент опустил письмо, задняя часть конверта легла в ящике на другой конверт. Адрес на втором конверте был написан чернилами, обладающими возможностью переносить невидимые химикалии на бумагу при соприкосновении с ней. Техник понял, что адрес написан ручкой, которую можно свободно купить. Если удастся установить, что это за ручка, появится в высшей степени

простое и не могущее служить уликой средство тайнописи. МИ-6 организовала систематические поиски этой ручки по всему миру. Каждой резидентуре было предложено отправить секретаршу в местный писчебумажный магазин и купить все разновидности ручек, какие есть в наличии. Отдел вскоре принялся опробовать их. Каждой писали несколько букв, сверху прижимали листок бумаги, потом обрабатывали его проявляющей жидкостью. Потребовалось несколько недель, чтобы найти эту чудесную ручку – шариковую "Пентел".

"Офсетная" техника обладает двумя достоинствами: агент или разведчик видит, что пишет, перед тем как сделать офсетную копию, и поскольку эта ручка свободно продается, она не является уличающей ни в малейшей степени. Офсет уже регулярно используют разведчики МИ-6 за границей для записи разведданных после разговора с агентом, эта техника раскрыта нескольким особо доверенным агентам, но держится в секрете даже от служб, с которыми существует взаимодействие, например, от ЦРУ.

Многие другие технические средства используются для связи между агентами, разведчиками и Центром. Разработка и внедрение этих систем является обязанностью отдела, именуемого TOS/AC (отдел технической и оперативной поддержки и связи с агентами). Однажды утром его сотрудники принесли свои последние новинки, чтобы показать их слушателям IONEC. Существенная черта этих новинок в том, что они не являются уличающими, то есть идентичны свободно продающемуся оснащению или совершенно неотличимы от него. Особенно оригинальными были магнитофоны "Петтл". У любой обычной аудиокассеты две дорожки, идущие параллельно друг другу, по одной на каждой ее стороне. В магнитофонах "Петтл" можно использовать часть пленки, находящуюся между дорожками. Специалисты TOS/AS продемонстрировали обычный персональный стереомагнитофон, который делает записи на обеих сторонах пленки при стандартном использовании. Но если ее перевернуть верхней стороной вниз, выключается один из микропереключателей, поэтому нажим кнопок "стоп" и "запись" одновременно приводит к записи на центральной дорожке, а нажим кнопок "стоп" и "воспроизведение" воспроизводит запись. Демонстрировались также модифицированные настольные компьютеры. Съемные гибкие диски, используемые в обычных компьютерах, имеют скрытое пространство, достаточное, чтобы спрятать там простую систему обработки текста и систему отыскивания файла. Введение с клавиатуры короткой команды дисковой операционной системе включает текстовый процессор,

что дает возможность тайно записывать сведения. После отключения программного обеспечения компьютер возвращается в обычный режим работы, оставляя секретные файлы невидимыми даже опытному специалисту по компьютерам.

Учились мы пользоваться и ближней агентурной радиосвязью. Этой системой пользуются только давние, очень доверенные агенты в таких странах, как Россия и ЮАР. Агент пишет донесение на настольном компьютере, затем вводит его в передатчик – ящичек величиной с сигаретную пачку. Приемник обычно установлен в британском посольстве и постоянно посылает запрашивающий сигнал малой мощности. Когда агент находится достаточно близко, в машине или на своих двоих, его передатчик включается и передает сообщение кратким импульсом очень высокой частоты. Передатчик замаскирован под безобидный предмет. В течение долгого времени были популярны куклы "Гарфилдский кот", так как их лапы с присосками позволяли агенту прикрепить передатчик к боковому окошку машины и подавать особенно ясный сигнал, проезжая мимо посольства.

Для разведчика важно и умение фотографировать, чтобы делать моментальные снимки объекта или переснимать секретные документы. Фотоделу нас обучал инструктор из отдела технической поддержки. Он показал нам, как снимать объект с дальнего расстояния, используя большие телеобъективы, как делать четкие крупные планы документов. МИ-6, когда возможно, пользуется имеющимся в продаже фотооборудованием, поскольку что-то изготовленное специально может оказаться уликой. Но мы практиковались с такими устройствами, как миниатюрная фотокамера и специально изготовленные разборные фотокамеры для съемки документов. Однако забавнее всего были уроки скрытой фотографии, когда мы снимали случайных людей разнообразными фотоаппаратами и кинокамерами, спрятанными в портфелях или сумках. В подвале Форта мы учились проявлять пленки, так как в каждой резидентуре МИ-6 за рубежом есть темная комната, в которой нам нужно уметь работать.

x x x

Дважды в неделю в маленьком спортзале Форта у нас проходили занятия по самообороне. Билл, наш инструктор, был сержантом в морской пехоте и несколько лет работал в полиции Лас-Вегаса. Ростом лишь чуть выше пяти футов, он мог любого из нас бросить на пол или взять на болевой прием за несколько

секунд. В считанные недели мы научились валить приемами дзюдо нападающих, защищаться от ножа, высвобождаться из захватов головы и рук, обезоруживать вооруженного пистолетом. Это было очень весело и полезно для морального состояния, но особой практической пользы не приносило. Автоинспектор больше нуждается в самообороне, чем разведчик из МИ-6. Физическое насилие никогда умышленно не применяется. Билл мог припомнить лишь один случай, когда его наука использовалась на практике, притом даже не при исполнении служебных обязанностей. Женщина-офицер защитилась от пьяного наглеца, ткнув его в глаз туго скрученным журналом "Экономист".

Обучали нас и обращению с оружием, но как и в случае с самообороной, больше для забавы и укрепления духа, чем для практических целей. Никто из разведчиков МИ-6 не носил с собой оружия, никто ни разу не применял его в гневе. Наш инструктор Том Никсон, бывший сержант специальной воздушно-десантной службы, в мае 1980 года участвовал в осаде иранского посольства возле Принс-Гейт. Под его умелым руководством мы практиковались дважды в неделю в открытом тире на западной стороне Форта и в маленьком закрытом, устроенном знаменитого "дома убийств" в казармах воздушных десантников в Херфорде. Стреляли мы главным образом из девятимиллиметрового браунинга, состоящего на вооружении британских вооруженных сил, но тренировались и с иностранным оружием, например, с израильскими автоматами "узи" и немецкими "Хеклер и Кох".

x x x

Руководство и лекторы учили нас планировать и осуществлять операции по установке подслушивающих устройств, хотя это и не входит в обязанности разведчика. В ведомстве около сотни офицеров, специально подготовленных для выполнения подобных задач: слесари, специалисты по отпиранию замков, звукоинженеры, электрики. Но разведчику нужно знать ремесла и возможности этих специалистов, чтобы при необходимости их использовать. Болл устроил нам учение БЕЗУПРЕЧНЫЙ СОСЕД, где мы должны были планировать подобные операции. Посвятив нас в сценарий, он добавил: "Вообразите, что IRA приобрела дом в Госпорте, неподалеку от Форта, и есть сведения, что его будут использовать для планирования кампании по организации взрывов". В течение двух недель нам предстояло собрать все сведения о доме, узнать его план, а также обитателей, их

распорядок дня, и потом рекомендовать, когда и как проникнуть в дом, чтобы установить скрытые подслушивающие устройства. Всем поручили произвести разведку в разных домах, принадлежащих ничего не подозревающим людям.

– Есть ли какие-то ограничения в том, что можно делать? – спросил Хейр, когда инструктаж окончился.

– Нет, делайте, что хотите, – ответил Болл. – Только не попадайтесь.

В тот вечер я взял в фотолаборатории сумку с потайной камерой и отправился к своему объекту – средней величины семейному дому, стоящему в небольшом саду фасадом на Гомер-лейн. Позади него находился небольшой сад, примыкающий к территориям Стенли-парка и школы. Стиснув сумку, чтобы привести камеру в действие, я заснял дом, израсходовав всю пленку, и перед сном проявил ее. Наутро отправился в госпортскую ратушу на Уолпол-роуд, раздобыл копию списка избирателей, откуда узнал имена и профессии жильцов. Выдав себя за студента-архитектора, в департаменте по строительству раздобыл план дома, сказав, что он нужен мне для проекта дизайна. Чиновник не позволил вынести фотокопии, но разрешил изучить их в приемной, где оставшись один, я переснял их. Едва я покончил с этим, как вошел Касл. Эта же хитрость ему удалась, однако пришедший через час Спенсер оказался менее счастливым. Чиновник насторожился: столь частые просьбы планов домов показались ему странными. Он позвал своего начальника, и тот отказался поверить заверениям Спенсера, что он работник строительной компании.

Потом каждые свободные от занятий полчаса я наблюдал за домом, чтобы составить подробную картину распорядка дня его обитателей. Лучшим местом для подслушивающих устройств была бы кухня, где собиралась вся семья. Но мне требовались более подробные сведения. Однажды вечером я побежал трусцой к дому и обнаружил, что в нем никого нет. Это был мой шанс. Удостоверясь, что никто не смотрит, я перелез через забор со стороны Стенли-парка, пробрался через кустарник и подошел к живой изгороди позади дома. Испуганный кот прошмыгнул у меня между ногами и спрятался под лежавший поблизости виндсерфер. Присев на корточки в тени, я несколько минут прислушивался. Стояла тишина, поэтому я встал и заглянул в кухонное окно. Когда глаза привыкли к полумраку, набросал в блокноте план кухни. Собравшись уходить, я заметил, что в двери оставлен ключ. Вспомнив слова Болла "только не попадайтесь", я повернул ключ, распахнул толчком дверь и быстро сделал детальные снимки кухни. Мое вторжение в чужой дом было

безнравственным и противозаконным, но в эйфории слушателя IONEC это казалось полностью оправданным. Болл вознаградил мои усилия высшими отметками за это учение.

x x x

Занятия в Форте начинались в девять утра, типичный день включал в себя несколько лекций, стрельбу из пистолетов или уроки самообороны, во второй половине дня снова лекции, затем ужин, иногда еще вечерние занятия, потом писание до ночи отчета об учениях. Общение после этого в баре было обязательным, поэтому зачастую мы укладывались спать только под утро. Для компенсации долгих трудов по будням в пятницу занятия прекращались после обеда, и мы могли не появляться в Форте до десяти часов в понедельник. Первые несколько недель учебы я снимал комнату в Лондоне у старого кембриджского друга, но когда уяснил, что работа в МИ-6 – это пожизненно, почувствовал необходимость обзавестись собственностью. Нашел домик с садом на Ричборн-террес в приятном, но несколько обветшалом пригороде Кеннингтон. Домик был плохо отделанным, сад жутко запущенным, но большего я себе позволить не мог и очень гордился своим приобретением. Все выходные копал землю, что-то сажал, красил, пилил.

В Лондоне я тоже не скучал в одиночестве. Однажды Джулиан, друг-англичанин, с которым мы познакомились в Аргентине, пригласил меня на вечерние гонки картов на крытом треке, чтобы отметить день рождения. Я провел много часов, разъезжая по саду матери в самодельном карте, высоко оценил свои шансы на гонках и стал дожидаться этого события.

Трек выстроен в старом автовокзале в Клефеме. Джулиан пригласил около тридцати друзей, в том числе несколько очень хорошеньких девушек. Одна из них тут же привлекла мое внимание. Покуда мы толклись, разбирая шлемы и ожидая своих заездов, я не мог отвести от нее глаз. Высокая, ростом почти пять футов десять дюймов, она то и дело отбрасывала с лица длинные, блестящие темные волосы, широко открывала ярко-голубые глаза всякий раз, когда смеялась. Мешковатый гоночный комбинезон перетянула старым школьным галстуком, подчеркивая стройность талии. Я наблюдал за ней в одном из заездов, машину она вела, как старуха, семенящая к универсаму за банкой "вискаса". Вскоре лидеры гонки стали настигать ее, обойдя на целый круг, и распорядители гонок выкинули синие флаги, означающие, что она должна уступить дорогу. Но тщетно. Круг за кругом лидеры

висели у нее на бампере, пытаясь обогнать. Будучи легче мужчин, она могла быстрее увеличивать скорость на прямой, потом осторожно огибала повороты. Распорядители оживленнее замахали флагами, но ничего не добились. Она лишь сняла с руля руку и помахала им в ответ. Я узнал у Джулиана, что ее зовут Сара.

После гонок мы отправились поужинать в расположенный неподалеку итальянский ресторан. Пока мы ждали, когда нас усадят, я к своему удивлению обнаружил, что она как будто бы хочет сесть рядом со мной. Мы разговаривали весь вечер и два дня спустя снова встретились за ужином.

x x x

Хотя основная деятельность МИ-6 заключается в работе с агентурой, хартия ее, именуемая "Книга приказов", требует от разведчиков обладать способностью планировать и осуществлять "специальные операции" почти военного характера. У офицеров МИ-6 нет необходимой военной подготовки, чтобы проводить эти операции самим. Их задача – наметить цели операции и добиться у министра иностранных дел политического урегулирования. После этого в дело вступают офицеры и солдаты из всех трех родов вооруженных сил.

Военно-воздушные силы предоставляют небольшую группу из десятка летчиков, именуемую "Особый отряд". Отбирают их за выдающееся летное мастерство, большинство уже имеет опыт службы в эскадрильях специального назначения, обслуживающих воздушных десантников и катерную службу десантно-диверсионных частей. Они управляют транспортными самолетами "Геркулес" С-130, вертолетами "Пума", обучены летать на разных военных и гражданских самолетах. С-130 используются для доставки в зарубежные резидентуры или возвращения оттуда оборудования, слишком громоздкого или опасного для перевозки в дипломатическом багаже. "Пума" используется для перевозки сотрудников МИ-6 и высокопоставленных лиц по Англии, в том числе и по маршруту между Управлением и Фортом. Этот вертолет часто можно видеть на вертодроме в Бэттерси или над Лондоном во время таких перелетов, от обычных "Пум" военно-воздушных сил они отличаются большими подвесными топливными баками.

Армия предоставляет группу из полка воздушных десантников, именуемую RWW – "Революционным боевым крылом", базирующуюся в Херфорде, а флот – небольшое

подразделение катеров, находящееся в Пуле. В МИ-6 они выполняют сходные роли и именуются в ведомстве общим названием Инкремент. Чтобы стать пригодными для службы в Инкременте, военнослужащие должны прослужить не менее пяти лет и получить звание сержанта. МИ-6 устраивает им проверку и проводит с ними краткий вводный курс, посвященный деятельности и задачам ведомства. Если кандидаты в Инкремент еще не овладели искусством слежки, то проходят трехнедельный курс в Форте. В Херфорде и Пуле их уже значительное военное мастерство совершенствуется на курсах, где они обучаются проведению взрывов и диверсий в сложных условиях, новейшим способам охраны высокопоставленных лиц и организации партизанской войны. Отрабатывают новейшие способы высадки, например, парашютирования с большой высоты с гражданских самолетов или тайной высадки с подводной лодки. Моряки приобретают высокую квалификацию и получают на свои вымышленные имена удостоверения, например шкипера торгового судна, дающие им возможность взять напрокат, скажем, рыболовный траулер.

Большинство слушателей IONEC с нетерпением дожидались военной недели, посвященной знакомству с Инкрементом и Особым отрядом. Нам выдали солдатскую робу и сапоги, выглядевшие реликтом времен Второй мировой войны, потом усадили в "Пуму" Особого отряда. Уже стемнело, и отсек был залит тусклым светом от красных лампочек запасного выхода. Используя инфракрасные приборы ночного видения, два летчика демонстрировали впечатляющее мастерство полета ночью на малых высотах над холмистыми полями, зачастую опускаясь ниже допустимого предела в пятьдесят футов – такая привилегия дана лишь Особому отряду. Каждые несколько минут кто-нибудь из летчиков выкрикивал по переговорному устройству: "Все там хорошо себя чувствуют? Пойте, если начнет мутить". Никто не отвечал, однако Барт был бледен. Через полчаса "Пума" зависла в двух футах над землей на углу темного поля.

– Прыгайте! – кричал командующий высадкой офицер, выталкивая нас в темноту. "Пума" с шумом улетела. Когда глаза привыкли к темноте, я понял, что мы находимся в учебной зоне воздушных десантников Понтрилас в Уэльсе.

– И что нам теперь делать? – спросил Хейр, ни к кому конкретно не обращаясь. – Притворяться овцами?

Барт застонал, и его вырвало. Он забрызгал сапоги Касла, но не успели мы засмеяться, как из-за находившейся поблизости живой изгороди послышался властный голос:

– Сюда, ребята!

Мы поплелись к поджидавшим нас двум людям, силуэты которых виднелись в темноте: Один из них был ростом от силы пять футов шесть дюймов, хрупкого сложения. Другой щеголял типично солдатскими усиками. Первым заговорил он с сильным бирмингемским акцентом.

– Я Барри, заместитель командира RWW. Цель этого учения – дать вам представление о нашей работе, чтобы вы, удобно сидя за письменными столами, понимали каково нам в полевых условиях.

С этими словами он повернулся и пошел, рассчитывая, что мы последуем за ним. Низенький напарник Барри оказался более дружелюбным и, быстро вышагивая рядом, представился Малышом.

Малыш тоже был сержантом RWW, одним из старейших членов отряда. Нетрудно было понять, чем он ценен: его щуплость и неприметность являлись достоинствами в секретной работе. Он объяснил:

– Я как-то целый вечер пытался убедить матушку, что служу десантником, но даже она мне не поверила. Трудно было вообразить, как Малыш прошел отбор, но проходить его должны все члены RWW. Единственное исключение делается для немногих женщин из армейской разведки, которых иногда откомандировывают в этот отряд.

Минут десять мы молча плелись под моросящим дождем, потом Барри приказал остановиться. Малыш вытащил из маленького рюкзака складную лопату и начал рыть землю. Примерно через минуту он откопал завинчивающийся пластиковый контейнер размером с пивной бочонок. Это был тайник, такой же, как я откапывал в Бельгии. В нем находился запас продовольствия, воды, карты, компас и деньги.

– Мы часто закапываем подобные за границей, для обеспечения срочного бегства вашего брата, – объяснил Малыш. Затем показал, как зарыть контейнер, не оставив никаких следов, и объяснил, как обозначить его местонахождение. Закончив демонстрацию, он повел нас обратно на то поле, с которого мы пришли. Извлек из рюкзака восемь натовского образца фонариков с инфракрасными фильтрами, раздал их нам и выстроил нас в форме буквы Т, принятого в НАТО посадочного знака для вертолетов. Мы подняли фонарики к небу, и через несколько3 секунд "Пума" с шумом появилась из темноты. Мы прошли в заднюю часть отсека, стараясь держаться подальше от Барта.

Через несколько минут нас высадили на маленьком военном аэродроме. Уже наступила полночь, похолодало, моросящий дождь перешел в ливень. Фортону все это начинало надоедать, и у Касла уже был скучающий вид. Мы последовали за Малышом в

небольшое классное помещение под аэродромной командно-диспетчерской башней. В глубине его нас поджидала довольно небрежно одетая женщина лет двадцати восьми. Представилась она нам как Мere, капитан секретной армейской службы помощи агентам, прикомандированная к RWW, и прочла нам лекцию о следующей стадии учения, срочном вывозе агента на "Геркулесе" Особого отряда. Объяснила, как мы должны встать, образуя посадочный знак на взлетно-посадочной полосе, как пользоваться инфракрасными фонариками для наведения самолета, затем рассчитала нас по порядку номеров и указала каждому место в посадочном знаке. Повернувшись к Барри, стоявшему в глубине помещения, отрывисто приказала:

– Раздайте рации, сержант.

Барри сердито взглянул на нее, потом выдал каждому из нас по портативной рации "моторола". Мегс велела мне и Фортону стоять друг напротив друга в дальнем конце посадочного знака, и мы поплелись по взлетно-посадочной полосе...

С громом и свистом появился "Геркулес". С реверсирующими на полную мощность винтами, с визгом шин, самолет остановился, сделав на удивление короткий пробег, открылся грузовой люк, оттуда стремительно выехал "рейнджровер" и помчался по взлетно-посадочной полосе к командно-диспетчерской башне. Мы, как инструктировала нас Мегс, побежали к самолету и влезли в просторный отсек. "Геркулес" резко развернулся, понесся по полосе в обратную сторону, заставив нас вжаться в тканевые сиденья, оторвался, описал узкий круг и приземлился снова. Когда колеса шасси коснулись покрытия, грузовой люк был уже наполовину открыт, и нам был виден мчащийся следом "рейнджровер". Не успел самолет остановиться, как машина на бешеной скорости подъехала к люку, команда RWW прицепила к ней ремни, и через несколько секунд после посадки мы снова оказались в воздухе.

– Вот так мы производим срочный вывоз, – прокричал Барри сквозь рев двигателей.

Ночь мы провели в Стирлинг-лайнс, штаб-квартире воздушных десантников в Херфорде, обедали в офицерской столовой. Это было честью, поскольку никому, кроме личного состава десантников, не разрешается входить в это здание. После обеда Барри поднялся и сказал:

– Я организовал интересную встречу. Уверен, после нее вы будете стыдиться своего поведения.

Сердито глянув на Фортона, он повел нас в комнату для совещаний, находящуюся рядом со столовой. Нас поджидал коренастый, темноволосый военный, стоявший возле

проекционного фонаря. Когда мы расселись, он бесстрастно изучал стену позади нас, пока все не притихли. Тогда он спокойно представился и потом в течение часа рассказывал, как во время войны в Заливе его поисковый отряд из восьми человек, Браво-два-ноль, был обнаружен и попал в засаду, как он оказался в плену, как его несколько месяцев пытали иракцы. В голосе его не было и следа хвастовства, волнения или юмора, словно речь шла о самом обычном путешествии. Закончив, он поблагодарил нас за внимание и ушел. Мы молча прошли к бару. Через несколько минут тишину нарушил Спенсер.

– Да, об этом можно написать потрясающую книгу.

На сей раз Спенсер оказался прав. Когда год спустя вышла книга Энди Макнеба, она стала мировом бестселлером.

Наутро мы сели в "Пуму" и полетели на базу подразделения катеров, находящуюся в Пуле, Дорсет. Отряд моряков в Инкременте значительно меньше, чем в RWW, всего около пятнадцати человек. Естественно, ориентирован он на морские операции, в него входят опытные аквалангисты, специалисты по подводным взрывам. Многие из них служили в антитеррористическом подразделении морской пехоты или в горных и полярных частях. МИ-6 сперва использовала этих людей для того, чтобы устанавливать маяки слежения на судах, пока они стоят в гавани. Маяки эти величиной с кирпич, для эффективной работы их требуется устанавливать высоко на надпалубных сооружениях. В закрытом бассейне один из членов отряда продемонстрировал нам легкий водолазный костюм, рециркулярный дыхательный аппарат и компактную складную лестницу, применяемые для того, чтобы тайком подплыть к стоящему в гавани судну и взобраться на борт.

Кроме того, моряки Инкремента используют подводную мини-лодку МИ-6. Она примерно вдвое длиннее легковой машины, командир и штурман сидят верхом на передней цилиндрической части корпуса, одетые в водолазные костюмы с дыхательными аппаратами. Задняя часть представляет собой пассажирский отсек, в котором с трудом умещаются четыре человека. При погружении отсек заполняется водой, сидящие в водолазных костюмах пассажиры дышат воздухом, который подается по трубкам из находящегося на борту баллона. Мини-лодка используется для высадки агентов во враждебные страны и для вывоза разоблаченных агентов.

Отряды десантников и моряков дополняются другими специалистами, которые принимают участие в операциях Инкремента от случая к случаю, во время военной недели нас ознакомили с их мастерством. Эта группа из двадцати или около

того мужчин и женщин, коллективно именуемых "Неизвестными", включает разнообразных специалистов. Лишь небольшое "ядро", которое постоянно находится в готовности, получает от МИ-6 скромное жалованье. Остальные работают бесплатно и берут на основной работе отпуск, чтобы участвовать в операциях. Основная их специальность – наблюдение и контрнаблюдение. Чтобы они не выделялись на улицах иностранных городов, многие вербуются из национальных меньшинств, хорошо владеют иностранными языками. Один – летчик, он, хотя постоянно работает в компании воздушных такси, готов бросить все, чтобы помочь МИ-6 в проведении операций. Другой, владелец яхты, предоставляет ее по первой просьбе. "Неизвестные" имеют в МИ-6 непонятный статус. Поскольку этих людей рассматривают как агентов, а не кадровых служащих, мы имеем с ними дело под вымышленными именами. К тому же они не находятся под покровительством ведомства. Если во время операции будет схвачен солдат Инкремента, МИ-6 предпримет дипломатические усилия для его освобождения, но у "Неизвестных" такой надежды нет. От них отрекутся, и добиться освобождения они смогут лишь собственными силами. Поэтому, отправляясь за границу, они всякий раз подвергаются огромному личному риску.

x x x

Хотя Болл и Лонг постоянно оценивали наши успехи, особое значение придавалось нашим действиям в заключительном учении, именуемом SOLO. Обычно оно проводилось в Норвегии при содействии ее секретной службы. Однако наше SOLO впервые должно было пройти под покровительством SISMI – итальянской секретной службы.

Решение перенести SOLO в Италию было принято по политическим мотивам на высоком уровне в обеих странах. МИ-6 сотрудничала с SISMI и раньше, однако отношения были натянутыми, непрочными. МИ-6 считала южно-европейские секретные службы непрофессиональными, ненадежными, поэтому SISMI предпочитала сотрудничать с ЦРУ и BND (немецкой внешней разведкой). Однако недавние события сблизили МИ-6 и SISMI. Последняя успешно действовала против норовистого южного соседа, Ливии, и МИ-6 хотела получить доступ к этим сведениям. Притом в отношениях SISMI и BND наступил сложный период, поэтому итальянцы сочли укрепление связи с МИ-6 хорошей страховочной политикой. МИ-6 предложила сотрудничество в учениях как средство укрепления отношений,

таким образом, появилось на свет итальянское SOLO. В свою очередь МИ-6 предложила принимать в Англии рекрутов SISMI.

Учитывая политические аспекты этого решения, было важно, чтобы учение прошло успешно. Болл с Лонгом провели в Италии месяц, прежде чем начали планировать это учение с помощью SISMI и Римской резидентуры.

Болл велел нам вообразить себя служащими управления, которое противодействует операциям Ирландской республиканской армии за пределами Соединенного королевства. В разведсводке Государственного штаба по коммуникациям сообщалось, что IRA сотрудничает с итальянской мафией в контрабанде изготовленных в Китае переносных зенитных ракет SA-14 на Сицилию, откуда они будут тайно переправлены в Северную Ирландию для использования против британских армейских вертолетов. Наша учебная миссия заключалась в том, чтобы отправиться в Италию, выслушать там отчет APOKALYPSE, внедренного в IRA агента, написать СХ и передать его в скоротечном контакте Эрику, курьеру, который даст нам дальнейшие указания. Из оборудования нам выдавались только авторучки "Пентел" для тайнописи и проявляющая жидкость, замаскированная под лосьон. Спланировать операцию мы должны были сами за две недели, и хотя она казалась простой, я не ждал легкого времяпрепровождения...

Глава 5. Первое solo

Воскресенье, 23 февраля 1992 г.

Аэропорт Хитроу.

"Вот черт", – подумал я, когда высокая, длинноногая блондинка села в кресло у прохода. Первый раз в жизни довелось оказаться в самолете рядом с интересной женщиной, а у меня вымышленные имя и биография. Хотя скорее всего это хитрость; Болл с Лонгом наверняка позаботились, чтобы в полете рядом с каждым из нас сидела хорошенькая подставная женщина, в надежде, что кто-то проколется и расскажет о своей подлинной жизни. На инструктаже по SOLO Болл предупредил нас, что один слушатель как-то попался на такую хитрость. Он ждал в манчестерском аэропорту рейса на Амстердам, рядом с ним села женщина. Завела разговор, поначалу он отвечал, придерживаясь "легенды". Увлекаясь этой женщиной все больше и больше, захотел встретиться с ней, сказал сдуру, что он носящий псевдоним разведчик из МИ-6, и дал домашний телефон. Когда слушатель отчитывался после учения, вошла его новая пассия и сказала, что она таможенница. Понятно, что этого человека не допустили к настоящей разведработе. Нет, Боллу не удастся заставить меня повторить эту ошибку в двухчасовом полете от Хитроу до римского аэропорта Фьюмичино. Девушка с улыбкой повернулась ко мне.

– Привет, меня зовут Ребекка. Надолго в Рим?

Руководство явно рассчитывало, что я выдам хотя бы часть своей "легенды". Я играл роль сухаря-ученого и надеялся, что мой холодный ответ оттолкнет ее:

– Меня зовут Дэн, я держу путь в Веллетри, всего на неделю.

– Вот как? – отозвалась она. – Что за дела там у вас?

– Я историк, пишу последиссертационную работу о противоположных подходах к восстановлению городов после Второй мировой войны в Соединенном Королевстве и в Италии.

К моему облегчению, ее дружелюбная улыбка увяла. Достав объемистую научную книгу о послевоенном городском строительстве в Италии, я приступил к серьезному чтению, а девушка, пожав плечами, достала из сумки журнал "Хелло". До конца полета мы больше не разговаривали.

Веллетри в феврале место не заманчивое, и было нелегко придумать правдоподобное объяснение поездки среди зимы в этот ничем не примечательный городишко. Значительной промышленности там нет, поэтому деловая "легенда" исключалась. Журналистика, другое прикрытие, которым

постоянно пользуются разведчики из МИ-6, тоже не годилось. В библиотечных архивах я выяснил, что в Веллетри не происходило почти ничего, заслуживающего внимания. Собственно, в итальянском туристском агентстве в Лондоне об этом городке сообщалось только, что американцы в конце войны подвергли его сильным бомбардировкам, тесня отступающую немецкую армию на север. За отсутствием чего-то более убедительного эта бомбардировка должна была стать основой объяснения моего визита.

В свободное время за две недели до начала УЧЕНИЯ SOLO я собрал пухлую папку записей, фотокопий и газетных вырезок о Веллетри. В архивах Имперского военного музея, находящегося буквально в двух шагах от Сенчури-хаус, оказалось много подробностей о событиях военного времени в этом городке. Обнаружив в приложении к газете "Гардиан" объявление о вакантном месте преподавателя в университетском колледже, доктора наук с диссертацией о послевоенном восстановлении городов, я подал заявление на подложное имя, с подложными документами, сработанными техническим отделом. Вскоре меня пригласили на собеседование. Я, разумеется, не пошел на него, но приглашение, которое я сунул в портфель, могло прибавить достоверности моей легенде, что я Дэниел Нунен, историк, занимающийся научной работой после защиты докторской диссертации.

Прибыв на маленький железнодорожный вокзал Веллетри холодным утром понедельника, я чувствовал себя уверенно и вполне готовым к учению. После регистрации в пансионате "Арена", крохотном заведении, предоставлявшем ночлег и завтрак на виа Каннетоли я до вечера изучал узкие мощеные улицы и кривые переулки средневекового города на вершине холма. Сперва ознакомился с кафе "Леони" на корсо делла Репубблика рядом с пьяцца Каироли, где была назначена встреча с Эриком, потом отыскал бар "Венеция" на виа Лата, где должен был встретиться с APOCALYPSE.

Болл сказал, что во время всего учения мы будем находиться под наблюдением итальянских служб. Возможно, это был блеф, итальянцы вряд ли стали бы отвлекать своих немногочисленных сотрудников на наше учение, однако, не желая рисковать, я мысленно отметил хорошие антинаблюдательные ловушки. Вместе с тем я пытался целиком погрузиться в свою легенду, мысленно повторял каждую ее подробность, старался думать и вести себя, как настоящий историк в научной командировке. Останавливался осмотреть и сфотографировать все здания довоенной постройки. В моем исследовании я должен был

определить места, где падали американские бомбы, поэтому я осматривал все восстановленное и реконструированное. Все наблюдения я детально записывал в блокнот, создавая документацию для подкрепления "легенды".

Вечер у меня прошел за скромным ужином пиццей и кьянти в баре "Чентрале" на главной площади города. Ночной жизни в Веллетри, судя по всему, не было, поэтому я рано лег спать в дешевом пансионате. Назавтра предстоял трудный день, и требовалось как следует выспаться.

Во вторник я пришел в бар "Венеция" в 10.50, за десять минут до того, как должен был появиться APOCALYPSE, заказал капуччино и сел за самый дальний от стойки столик спиной к стене, чтобы видеть тихую улочку за окнами. Другие пять или шесть столиков пустовали, единственный, кроме меня, посетитель – старик, потягивал бренди у стойки. На нем был выгоревший черный берет и стеганая куртка, один ее карман почти оторван. На мозолистой правой руке недоставало двух пальцев, под его табуретом дремала старая овчарка. Я достал из сумки журнал "Экономист" и положил перед собой. Это был знак для APOCALYPSE: все чисто.

Я заметил его на улице как раз перед тем, как он вошел в кафе. Лет сорока пяти, крепко сложенный, с аккуратной короткой прической, в ворсистой шерстяной куртке, джинсах и сапогах. Одетый таким образом, он походил на британца, военного или отставника. Не взглянув на меня, он подошел к стойке и заказал кофе. Овчарка потянула носом воздух, негромко заворчала и вновь погрузилась в дремоту.

APOCALYPSE подошел с кофе к моему столику:

– Вы не против, если я сяду? – осторожно спросил он меня. Я не поднялся, чтобы приветствовать его – это показало бы наблюдателю, что мы ожидали друг друга, – но жестом предложил ему сесть и, следуя указаниям Болла, представился как преемник Питера, с которым он контактировал прежде. Придумал правдоподобное объяснение нашей встречи по возможности быстро, как нас учили.

– Если кто-нибудь спросит, как мы встретились, скажите, что зашли в кафе, увидели у меня журнал "Экономист" и подошли поговорить с соотечественником. APOCALYPSE кивнул, но по-прежнему казался настороженным. Болл учил нас, устанавливая отношения с агентом, успокаивать его нервозность или подозрительность.

– Хорошие сапоги, – сказал я, указав кивком на его обувь. – Здесь купили?

Военные любят говорить о сапогах, и APOCALYPSE не был

исключением.

– Да, замечательная обувка, не могу пожаловаться. – Он начал успокаиваться, и было самое время приступать к опросу.

Он сказал, что приехал в Италию для встречи с итальянским мафиозо, получившим доступ к советскому оружию благодаря связи с ливийским правительством, договорился с ним о покупке двадцати зенитных ракет SA-14. Груз будет отправлен из Триполи на "диком судне" к ирландскому побережью, где под покровом ночи его выгрузят на надувные плоты. После доставки на сушу ракеты будут перевезены в надежное укрытие неподалеку от границы.

Это была важная информация, но APOCALYPSE не знал подробностей, которые дали бы возможность действовать на ее основании. МИ-6 потребовались бы название "дикого судна" и точная дата его прибытия в Ирландию. APOCALYPSE пообещал это выяснить у своего источника. Мы условились встретиться через два дня, но в другом месте, "Баре ди Поньенте" на западной окраине города. Я напомнил APOCALYPSE наше объяснение случайной встречи и вышел.

Поспешив обратно в пансионат "Арена", я заперся в скромной комнатке и выданной мне авторучкой "Пентел" записал полученные сведения печатными буквами в стандартной форме донесений. Наверху краткое, в одну строку, резюме данных. Затем дату встречи, на которой получены сведения. Краткая характеристика источника. "Превосходный источник с прямым доступом, в прошлом сообщавший достоверные сведения". Затем изложение сведений. Все это уместилось на одной странице из моего блока растворимой в воде бумаги. Положив этот лист надписью вверх на стоявшую возле кровати тумбочку, я накрыл его сверху листом обычной бумаги и положил на них книгу "Теория послевоенного восстановления городов". Пяти минут для переноса текста на обычную бумагу было достаточно, лист растворимой бумаги отправился в унитаз, через несколько секунд на поверхности воды осталась только полупрозрачная пленка, которую я поспешил смыть. Возвратясь в спальню, я взял оставшийся лист, вложил в плотный конверт и сунул его между страницами "Газетта делло спорт". Действовать приходилось быстро, поскольку до встречи с Эриком в два часа времени оставалось немного.

Эрик сидел в переполненном кафе "Леони" среди пришедших на обеденный перерыв конторских служащих, его темную куртку и красный галстук, опознавательные детали, сообщенные Боллом, заметить было нетрудно. Перед Эриком на стойке стояла почти допитая кружка пива, и лежала сложенная "Газетта делло спорт".

Протиснувшись между ним и другим посетителем, я положил свою газету рядом с его и заказал кофе. Эрик, ни слова не говоря, взял мою газету и ушел. Я неторопливо пил кофе и покинул кафе через четверть часа после Эрика с его газетой под мышкой. Если за нами и велось наблюдение, лишь самый тонкий наблюдатель мог заметить скоротечный контакт.

Следующая предусмотренная встреча должна была состояться только на другое утро, но до вечера дел у меня было много. Болл велел нам обследовать дом, чему мы научились в БЕЗУПРЕЧНОМ СОСЕДЕ. Сценарий был тем же. Дом номер 41 по виа Антонио Груиначи на восточной окраине города предположительно был приобретен IRA, и я должен был помочь техническому отделу спланировать установку подслушивающих устройств. В тот день, беззаботно прогуливаясь, я впервые оглядел его. Трехэтажный особняк, видимо, построенный после войны, оштукатуренный, окрашенный в кремовый цвет; в палисадник вела железная калитка. На подъездной аллее стояла новая, дорогая "ланча". Я напряг зрение, чтобы прочесть надпись на табличке, висящей на столбе калитки. "Studio di Architectura, M di Rossi, Pietrangelo Di Vito, M Caracci". Я постарался запомнить как можно больше деталей, однако никакое словесное описание не может заменить хорошей фотографии. Скрытыми фотокамерами нас не снабдили, они были бы слишком уличающими, если б нас арестовали, а наш арест почти наверняка входил в программу учения. Снимок я сделал открыто, своим "Пентаксом" собираясь утверждать, если меня арестуют, что мне он нужен для работы. Этого должно быть достаточно, чтобы сделать хорошее донесение, похуже, чем в БЕЗУПРЕЧНОМ СОСЕДЕ, но, учитывая ограниченное время, вполне удовлетворительное. Оставшееся до вечера время я работал, как настоящий ученый, приехавший в командировку. Мария Виалли, привлекательная младшая сотрудница в плановом отделе ратуши, дала мне карты города до и после войны, фотокопии городской документации.

– Вам повезло, – сказала она на хорошем английском – Священник, проживший здесь всю жизнь, демонстрирует свою коллекцию видов города с сорок пятого года по настоящее время. Вам стоит поговорить с ним.

Она дала мне визитную карточку на тот случай, если мне понадобится снова увидеться с ней. В галерее, расположенной этажом ниже ратуши, монсеньер Берлинджери играл роль экскурсовода, смиренно показывая зрителям свои картины. Он был рад продемонстрировать мне свое собрание, и два часа спустя, когда осмотр закончился, я вложил ему в руку свою визитную карточку, чтобы он, если потребуется, мог назвать мою

фамилию.

Наутро Эрик ждал меня в третьем кафе неподалеку от городской площади. На сей раз кое-что было заложено в обеих газетах. В моей лежали отчет об осмотре дома и кассета с непроявленной пленкой, в газете Эрика должно было находиться сообщение для меня.

Возвратясь в "Арену", я обнаружил в плотном конверте чистый лист бумаги. К моему удивлению, там еще оказалась пачка пятидесятифунтовых банкнот на сумму в тысячу фунтов. Снедаемый любопытством, я смочил комок ваты обработанным лосьоном, провел им по чистому листу и стал ждать. Ничего. Перевернул лист и проделал то же самое. На сей раз постепенно стали проступать печатные буквы, сперва они были бледно-розовыми, потом стали темно-красными. Это было письмо от римской резидентуры.

НАЧАЛО

1. ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПЕРВОЙ УДАЧНОЙ ВСТРЕЧЕЙ С APOCALYPSE. ДОНЕСЕНИЕ БЫЛО ПРЕВОСХОДНЫМ, НО, КАК ВЫ САМИ ОТМЕЧАЕТЕ, НАМ НУЖНЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ: К СОЖАЛЕНИЮ, APOCALYPSE ВЧЕРА В 19.00 ПОЗВОНИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ ДЛЯ СРОЧНЫХ КОНТАКТОВ. ЕГО МАФИОЗО ТРЕБУЕТ ВСТРЕЧИ В МИЛАНЕ В 21.00 СЕГОДНЯ. ВАМ НЕОБХОДИМО ОПРОСИТЬ APOCALYPSE СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ. МЫ ОПАСАЕМСЯ, ЧТО ОН МОЖЕТ ПОПАСТЬ В БЕДУ. ШЛЕМ 1000 ФУНТОВ, ЧТОБЫ ЗАПЛАТИТЬ ЕМУ, ЕСЛИ ОН ПОПРОСИТ.

2. ВАМ НУЖНО ВЕЧЕРОМ ВЫЕХАТЬ В МИЛАН. ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВЫ РИМСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ ВСТРЕТИТСЯ С ВАМИ В ВЕСТИБЮЛЕ ОТЕЛЯ "ТРЕВИЗО" В 21.30. APOCALYPSE ЕДЕТ В МИЛАН ПОСЛЕ ВАШЕЙ ВСТРЕЧИ. ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ЕХАТЬ С НИМ.

GRSOOO

КОНЕЦ

Последняя фраза не понравилась мне. Нас учили не позволять агентам играть при встрече ведущую роль, а если я сяду в его машину, APOCALYPSE станет хозяином положения. Будь эта операция настоящей, я бы взял напрокат машину и поехал в Милан самостоятельно. Но это было учение, и, возможно, существовала дополнительная программа. Может, Болл и Лонг с помощью легкой уловки испытывают мою инициативность? Или хотят посадить меня в одну машину с APOCALYPSE, чтобы легче было произвести арест? Уклонение от необходимого ареста вызовет у руководства недовольство, потому что наиболее важная часть учения – стадия допроса. Вопреки

собственной интуиции я нехотя решил ехать с APOCALYPSE.

Детектора дыма в комнате не было, но я все равно взял лист бумаги с инструкциями, аккуратно сложил гармошкой и поставил в пустую раковину в туалете. При горении сверху бумага испускает меньше дыма, чем подожженная снизу. Пламя зажигалки коснулось бумаги, пропитанной жидкостью, основу которого составляет спирт, и она быстро сгорела. Я смыл пепел, стараясь, чтобы в раковине не осталось ни малейших его следов.

С APOCALYPSE я встретился уже под вечер в маленьком кафе за городской церковью. Он приехал рано и сидел в одиночестве за угловым столиком. В школе только что окончились занятия, за другими столиками теснились хихикающие подростки, и APOCALYPSE, судя по виду, чувствовал себя слегка не в своей тарелке.

– Может, пойдем в другое место? – предложил я.

– У нас дел всего на минуту. Я раздобыл вам еще кое-какие сведения, – прошептал он. Полез в свой маленький рюкзак и протянул мне три фотокопии. На них были технические характеристики ракет SA-14. – У меня есть сведения о "диком судне" и погрузке. Вам нужно их записать, – настойчиво проговорил он.

Я достал блокнот, и он продиктовал мне название вымышленного судна, дату отплытия, предполагаемую дату прибытия в Ирландию, номер коносамента и номер сертификата конечного пользователя, который ливийцы использовали для приобретения оружия.

Я догадался: APOCALYPSE загружает меня документацией, чтобы при аресте у допрашивающих оказалось много уличающего материала. Но выбросить бумаги я не мог. По сценарию учения их надлежало отдать заместителю главы римской резидентуры в отеле "Тревизо", и руководству не понравилось бы, если б я их выбросил. APOCALYPSE извинился и пошел в туалет, а я тем временем сунул листок бумаги в носок. Прочие бумаги пришлось пока оставить в карманах.

APOCALYPSE вернулся и сел.

– Послушайте, я должен ехать сегодня в Милан. На встречу с мафиози. Не знаю, что им нужно. Хочу, чтобы на всякий случай вы поехали со мной.

Приглашение отдавало ловушкой, но руководству требовалось, чтобы я в нее угодил.

– Да, вчера вечером мне пришло такое указание, – ответил я. – Вещи у меня собраны. Едем.

Через несколько минут мы неслись к Риму по 57-й автостраде во взятой напрокат "панде" APOCALYPSE. Погруженный в

раздумья, он молчал. Лишь когда мы приблизились к центру столицы, он обратился ко мне:

– Я должен позвонить своей подружке. Больше минуты это не займет.

Он подъехал к заправочной станции на виа 20 Сеттембре и вылез из машины. Я догадался – он звонит руководству, что мы скоро прибудем на место ареста.

Взяв монету в пятьсот лир, я частично отвернул винты изящной панели сбоку от своих ног, сунул в щель три листа со сведениями о ракетах SA-14 и едва завинтил их снова, как вернулся APOCALYPSE.

– Все в порядке, – объявил он. – Едем в Милан. Мы поехали на север по запруженным машинами римским улицам и, уже приближаясь к автостраде A-1, наткнулись на дорожный пост карабинеров. Четверо полицейских в форме разговаривали с водителем старого "фиата-500", тут же стояли их темно-синие "альфа-ромео". Когда мы приблизились, один из них рукой в белой перчатке сделал нам знак прижаться к обочине.

– Черт! – воскликнул APOCALYPSE с несколько преувеличенной злостью. Когда мы остановились, маленький "фиат" умчался в синем облаке выхлопных газов.

Один из карабинеров с важным видом подошел к окошку APOCALYPSE, глаза его были скрыты темными очками.

– Documenti, – отрывисто потребовал он, щелкнув пальцами. APOCALYPSE недоуменно поглядел на меня.

– Ему нужны ваши водительские права и страховой полис, – пояснил я.

– У меня их нет. – APOCALYPSE пожал плечами. Карабинер ответил ему свирепым взглядом.

– Documenti, – повторил он, потом произнес по-английски с сильным акцентом. – Паспорт. APOCALYPSE снова пожал плечами.

– Я оставил его в отеле, – неторопливо ответил он.

Карабинер жестом поманил к себе начальника, тот с надменным видом подошел и выкрикнул несколько распоряжений.

– Chiavi, – раздраженно потребовал он.

А тем временем первый карабинер пошел к переду нашей машины, чтобы проверить ее номер через регистрационный центр. Начальник сунул в окошко руку, выдернул ключи зажигания и приказал нам выйти, двое основательно вооруженных полицейских принялись обыскивать багажник.

– Чья это машина? – спросил начальник по-английски с акцентом.

– Взята напрокат в гараже Герца, – ответил APOCALYPSE.

Начальник, велев нам подождать, пошел к рации. Я ожидал ареста, но все же не понимал, мнимый это арест или мы все-таки напоролись на один из беспорядочно разбросанных дорожных постов. Не планировало же руководство мнимый арест до мельчайших деталей? Может, этот пост настоящий? Неужели учение провалится с таким треском?

Начальник вернулся, отдал подчиненным несколько отрывистых приказов, потом обратился к нам:

– В сведениях о вашей машине есть кое-какие неточности. Вам придется поехать с нами в участок, там разберемся.

Нас усадили на задние сиденья разных "альфа-ромео", карабинеры устроились по обе стороны от меня, положив автоматы на колени. Двое других сели в "панду" APOCALYPSE. С воем сирен, с включенными мигалками мы помчались по автостраде, все водители уступали нам дорогу.

Километров через десять мы свернули и подъехали к полицейскому участку в тени эстакады, охранники молча вытащили меня из "альфа-ромео", привели в просторную комнату и толкнули в кресло перед массивным железным столом. Надо мной встали четверо вооруженных стражей. Вошел еще один полицейский, и охранявшие меня вытянулись в струнку. Он был в штатском и безукоризненно говорил по-английски.

– Прошу прошения, что с вами обошлись таким образом, но мы получили сведения, что два человека, связанные с мафией, едут в Милан в машине, похожей на вашу. Нам нужно исключить вас из числа подозреваемых. Он вручил мне несколько бланков и потребовал вписать в них фамилию, адрес, род занятий, дату рождения. Руководство проверяло, помним ли мы данные вымышленной биографии. Я заполнил бланки и вернул ему. Штатский принялся допрашивать меня, я отвечал уверенно, решив, что не позволю ему изобличить себя так легко. Один из тех карабинеров, что арестовали нас, вошел и перебил ход допроса.

– Capitano, ho trovato niente nella macchina (капитан, я ничего не нахожу в машине – итал.).

Язык похож на испанский, и я понял, что они не нашли во взятой напрокат машине ничего уличающего. Капитан, свирепо взглянув на подчиненного, раздраженно приказал продолжать поиски. В конце концов, они должны были найти бумаги, спрятанные в панели дверцы, но я надеялся, что это случится нескоро. И тем временем мысленно повторял, что буду говорить, когда их обнаружат. Капитан вежливо допрашивал меня целый час, цепляясь к каждой детали моей "легенды". Это напоминало

полицейский допрос в Аргентине. Я не отклонялся от своей "легенды", поводов задерживать меня не оставалось, но тут вернулись карабинеры, торжествующе неся фотокопии. Капитан изучал их несколько минут, потом обратился ко мне.

– Итак, доктор Нунен, если вы действительно историк, как утверждаете, то как объясните наличие этих бумаг в своей машине? – Он перетасовал их передо мной. – Это, судя по всему, детальное описание противовертолетных ракет, которые, как нам известно, мафия только что приобрела у Ливии.

Я придал лицу наивное выражение.

– Эти бумаги я вижу впервые, – ответил я, пожав плечами. – Должно быть, их оставил в машине прежний наниматель.

Ответ был правдоподобным, капитан не обнаружил ни малейшей шероховатости в моей "легенде", но я понимал, что сейчас он меня не отпустит, руководству хотелось, чтобы он в конце концов уличил меня. Капитан поднялся и вышел.

Вернулся он через полчаса, настроенный еще более враждебно:

– Доктор Нунен, я не верю вашим показаниям. И беру вас под арест на основании антитеррористических законов, вызывать адвоката вы не имеете права.

Капитан щелкнул пальцами, двое охранников надели на меня наручники и, пригнув голову, потащили из комнаты. Руки их были будто клеши. Если они играли роль, получалось у них недурно. Когда они тащили меня к патрульным "альфа-ромео", я мельком увидел "панду". Колеса были сняты, передние сиденья и все коврики вытащены, капот открыт. Я не смог сдержать глупой ухмылки. Один из охранников заметил ее и, когда меня заталкивали на заднее сиденье "альфы", словно случайно сильно ударил меня головой о стойку дверцы.

Вооруженные карабинеры сели по бокам от меня. Один из них завязал мне глаза, злобно стянул браслеты наручников на два деления, и они врезались мне в запястья. Минут через сорок они вытащили меня из машины, одеревенелого, с болью во всем теле, и, не развязывая глаз, ввели в здание. Тогда я не знал этого, но оказался в главной штаб-квартире карабинеров на окраине Рима. Когда повязку с глаз сняли, я увидел, что нахожусь в крохотной, от силы десять на десять футов камере, обстановка ее состояла из койки с тюфяком и подушкой. В углу находился туалет континентального типа – отверстие в полу, над ним душ.

Один из охранников снял с меня наручники, возобновив ток крови в моих онемелых руках, и приказал раздеться. Когда я снимал какую-то вещь, он встряхивал ее, старательно ища спрятанные предметы. Листок бумаги с данными судна и

сертификатов конечных пользователей все еще находился в моем правом носке. Я оперся о тюфяк и снял носок, зажав свернутую бумагу между большим пальцем и ладонью. Протянув носок охраннику левой рукой, оперся на правую и снял левый. Пока охранник осматривал его и тряс, я сунул обвиняющую улику под подушку.

Мою одежду затолкали в черный мешок, карабинеры выдали мне серый комбинезон, несколько маловатый, снова завязали глаза, потом уложили вниз лицом на койку и примкнули к ней наручниками. Тяжелая дверь с лязгом захлопнулась, но я ждал, напряженно прислушиваясь, минут пять и лишь потом пошевелился. Цепочка между браслетами была короткой, но ведя ими вдоль поперечины основы кровати, я нашарил под подушкой свернутую бумагу, отправил ее в рот и проглотил.

Лежать прикованным к койке было одиноко и слегка унизительно, но это же просто учение. Я пытался представить себе, каково быть схваченным полицией, будучи на настоящей работе. Болл говорил нам, что за всю историю МИ-6 такое случилось с разведчиком лишь один раз. Он работал в Женеве, и один из постояльцев в его отеле был убит. Кто-то из служащих видел, как разведчик в тот вечер разговаривал с этим постояльцем, поэтому подозрение пало на него. В четыре утра полицейские ворвались в номер и арестовали его. Надежную "легенду" разведчика не удалось развалить на допросе, и его в конце концов освободили.

Казалось, прошло много часов, прежде чем дверь открылась снова. Охранники отомкнули меня от койки, защелкнули наручники на запястьях, подняли меня на ноги, потащили по коридору, и я оказался на желанном свежем воздухе. Очевидно, только что стемнело, пахло росой. Охранники повели меня вверх по ступеням в какое-то здание. Я услышал, как они пошептались о чем-то по-итальянски, а потом уловил легкое веяние хорошо знакомого запаха крепких сигарет и виски, указывающего, что Болл рядом. Охранники провели меня несколько ярдов, усадили в какое-то кресло, освободив их, завели руки за спину, опять надели наручники и сняли повязку с глаз.

Я находился в большой комнате с высоким потолком, величиной со школьную столовую или армейский спортзал. Футах в двадцати от меня за длинным столом на небольшом возвышении сидели трое допрашивающих. Атлетического сложения мужчина сорока с лишним лет, чьи тщательно причесанные черные волосы и совершенно симметричные усики наводили на мысль, что он проводит немало времени перед зеркалом, сидел посередине. Справа от него расположился

капитан, который уже меня допрашивал. Слева – темноволосая женщина, глубокие морщины на ее некогда привлекательном лице объяснялись отвратительно пахнувшей сигаретой, которую она держала в пальцах. Все трое взирали на меня бесстрастно, надменно, мне показалось, что прошло несколько минут, прежде чем усатый заговорил.

– Итак, доктор Нунен, – властно начал он, – я узнал от своих коллег, что вы историк, приехавший в наш город Веллетри. – Он сделал впечатляющую паузу. – Так вот, слушайте. Мы не верим вашим показаниям. У нас есть сведения, что вы участвуете в. контрабанде оружия для IRA с Сицилии. Что можете сказать в свое оправдание?

– Это вздор! – ответил я с убедительным раздражением. – Ваши сведения ложны, и вы арестовали невиновного человека.

Усатый допрашивал меня минут двадцать, делая упор на деталях моей "легенды". Дата рождения, адрес, место работы, стаж, имена членов семьи. Не спросил только о кличке моей собаки. Затем настал черед морщинистой.

– Кто такая Мария Виалли? Где вы познакомились с ней? – вкрадчиво спросила она, держа в пальцах ее визитную карточку.

– Почему бы не позвонить ей и не спросить у нее? – ответил я. – И монсеньеру Берлинджери, священнику церкви Марии Магдалины?

Допрашивающие переглянулись, пытаясь придумать еще какой-нибудь уличающий вопрос. Это не удавалось.

Усатый щелкнул пальцами, охранники подскочили ко мне с глазной повязкой и оттащили меня обратно в камеру. Дали стакан воды и ломтик хлеба, потом опять примкнули к койке. Казалось, прошло четыре-пять часов, прежде чем они снова отвели меня в ту же комнату. Трио стало задавать мне те же самые вопросы, только на сей раз более раздраженно.

– Мы допросили вашего спутника, вместе с которым вас арестовали, – резко произнес усатый. – Скажите, доктор Нунен, где вы познакомились с ним?

В надежде, что APOCALYPSE придерживался условленного объяснения, я ответил, что он увидел у меня в кафе журнал "Экономист" и представился как соотечественник. APOCALYPSE, должно быть, так и сказал, потому что усатый как будто остался доволен моим ответом. Он переменил тактику.

– Вы знаете, кто я? – И продолжал, не дожидаясь ответа. – Я майор Клаудио Пагалукка, карабинер-десантник. – Он гордо выпятил грудь. – У меня три медали за храбрость. Знаете, что это за служба?

Меня так и подмывало ответить дерзостью, но я прикусил

губу:

– Нет, понятия не имею. Я ученый, подобные вещи меня не интересуют.

Из Пагалукки словно бы выпустили воздух. Карабинеры-десантники – аналог наших воздушных десантников. Они действуют против мафии, наносят неожиданные удары по убежищам мафиози в сицилийских долинах. Хейр при этом же вопросе не удержался от того, чтобы не кольнуть Пагалукки. "Автоинспекторы-парашютисты, да?" – сказал он. Пагалукка продержал его в камере на несколько часов дольше, чем всех нас.

В перерывах между допросами никакого физического воздействия не было, дискомфорт причиняла только скука. Трудность заключалась в том, чтобы от допроса к допросу помнить каждую мелочь "легенды", малейшая оплошность была бы замечена, за нее бы безжалостно ухватились, а исправить ее было бы очень трудно. На третьем допросе развалить мою "легенду" не удалось. Пагалукка сдался, и лишь морщинистая задала несколько легких вопросов. Последний допрос длился минут десять, и я понял, что меня вскоре освободят.

Я провел немного времени в своей камере, потом дверь открылась снова. Охранники сняли повязку с глаз и наручники, отдали мешок с моей одеждой. Я нашарил в нем свои часы. Было пять вечера, со времени ареста прошло чуть больше суток. Когда я оделся, охранники повели меня в вечерней темноте к другому зданию, мы поднялись по ступенькам крыльца, там они пожали мне руку и, дружелюбно улыбаясь, показали, чтобы я шел внутрь.

Болл, Лонг, Эрик и APOCALYPSE ждали меня в комнате, чтобы пожать мне руку.

– Поздравляю, – сказал Болл. – Пришлось отпустить вас довольно скоро. Мы просто не смогли ни к чему придраться, вы превосходно сработали. – Он подвел меня к столу с едой, пивом, вином. – Порасспросим вас как следует попозже. А пока выпейте.

За пивом Болл объяснил, что происходит.

– Кое-кто из остальных вскоре будет здесь, но им предстоит дать еще некоторые объяснения.

Слушатели один за другим возвращались из заключения и усаживались с нами за накрытый стол. Спенсера отпустили вторым, примерно через час после меня. Он выдавал себя за священника, и, хотя довольно долго отстаивал свою "легенду", она провалилась, когда его попросили прочесть несколько молитв, а он даже не знал до конца "Отче наш". Маркхем перепугался, увидев дорожный пост, и выбросил на ходу в окно машины бумаги с тысячей фунтов, создав хаос на автостраде. Барт действовал успешно. Его "легенду" ученого Пагалукке

развалить было трудно, а цепкая память помогала Барту не проколоться в мелочах. Костюм и роль бизнесмена у Касла оказались неправдоподобными в маленьком рыночном городишке, и его "легенда" провалилась. Версия Фортона – певчий церковного хора, совершающий тур по римским церквам. Когда Пагалукка попросил его продемонстрировать свои певческие способности, Фортон запел и, к раздражению майора, не останавливался.

Болл одиноко стоял в углу, как всегда с сигаретой в одной руке и стаканом виски в другой, слегка покачиваясь взад-вперед с довольной улыбкой на лице. В этом учении мне не давала покоя еще одна загадка.

– Джонатан, – спросил я, – а где та хорошенькая блондинка, которую вы усадили рядом со мной в самолете? Она здесь не появится?

– Какая блондинка? – проговорил он с искренним недоумением.

– Да будет вам, – сказал я, – та девушка, которую вы подсадили ко мне в самолет для проверки моей легенды.

– К нам она не имеет никакого отношения! – заверил меня Болл и рассмеялся. – Упустил возможность.

x x x

Наутро мы вылетели из Рима в Саутгемптон на "Геркулесе" С-130, прошли очень низко над Альпами. Прибыв вечером в Форт, очень радовались, что учеба осталась позади. Мы провели вместе несколько напряженных месяцев, хорошо узнали друг друга. Даже Барт и Маркхем стали теперь друзьями. Выпускники одного курса обычно сохраняют друг с другом связь на протяжении всей службы, и никто не сомневался, что мы будем поддерживать ее тоже, но тогда нам не терпелось включиться в новую работу. На другой день нам должны были объявить оценки наших успехов и первые назначения.

В МИ-6 существует официальная система оценки успехов. Примерно каждые шесть месяцев кураторы подводят итог успехам подчиненных – SAF (Бланк оценок личного состава). Главная часть SAF – общая оценка успехов или разряд. Чаще всего присваивается третий разряд, означающий средние, удовлетворительные успехи. Первый разряд – успехи выдающиеся, второй – выше средних, четвертый – ниже средних, пятый означает совершенно недостаточные успехи и может привести к быстрому увольнению из ведомства. Каждый SAF

отправляется в департамент кадров и играет важную роль в определении дальнейшей карьеры разведчика, в частности, места службы и должности. Наши SAF должны были подготовить Болл с Лонгом, и наутро они, предоставив нас самим себе, принялись обсуждать наши оценки.

Покуда они думали, Никсон, не давая нам бездельничать, устроил соревнования по стрельбе в открытом тире Форта. Мы были уже довольно опытными стрелками и могли без риска брать в руки браунинг, что по сравнению с первыми днями учебы являлось шагом вперед. Большинству из нас почти всегда удавалось поразить центр мишени 12 (в половину человеческого роста) с десяти метров навскидку, и мы кучно стреляли с этого расстояния из автомата MP-5 "Хеклер и Кох", Хейр с иронией заметил, что он за время учебы IONEC расстрелял больше девятимиллиметровых патронов, чем за восемь лет армейской службы. Наша огневая подготовка представляла собой расточительную блажь, но всем нам она нравилась, даже тихий либерал Фортон, поначалу неприязненно относившийся к оружию, теперь стрелял с наслаждением. Одним из заданий Никсона было как можно быстрее сбивать пустые банки из-под пива из автомата, поставленного на одиночную стрельбу. Фортон вышел победителем, так как перевел оружие в режим автоматической стрельбы и поливал пулями ряд банок с восторженной улыбкой.

Пока шло соревнование, нас по одному вызвали в штаб руководства учениями. Барт отправился первым и, возвратясь, объявил, что получил второй разряд и назначен в отдел противодействия распространению ядерного оружия. Я был разочарован, что не получил этого места. Касл со вторым разрядом стал младшим R-офицером в Ближневосточном управлении, Маркхем получил второй разряд и был назначен в отдел P Западноевропейского управления. Хейр тоже со вторым разрядом получил назначение в общий с МИ-5 отдел по борьбе с террористами на Ближнем Востоке. Спенсер, очень довольный своим вторым разрядом, стал офицером по разведке целей в Восточноевропейском управлении. Фортона сурово осудили за учение SOLO и за подражание Фрэнку Синатре. Он получил третий разряд и, к его большому разочарованию, был назначен в отдел R Африканского управления. Меня позвали из тира, когда Фортон, хохоча как маньяк, намеревался разнести старый сейф из магазинного охотничьего ружья "Ремингтон вингмастер".

– Поздравляю, – сказал Болл, пожимая мне руку. – Ваши успехи на протяжении всей учебы были выдающимися. Вы ни разу не совершили ложного шага, и нам остается только присвоить

вам первый разряд. – Лонг улыбался в глубине комнаты, а Болл продолжал. – Это замечательное достижение. Мы навели справки в департаменте кадров, оказывается, в IONEC еще никто не получал первого разряда.

Болл протянул мне мой SAF и позволил его прочесть. Он был заполнен пылкими похвалами, и я почувствовал законную гордость.

– С такой оценкой мы решили направить вас в отдел SOV/OPS (подразделение, занимающееся разведывательными операциями по Советскому Союзу), – объявил Болл.

– Это замечательное место, – добавил Лонг. – Будете много путешествовать и принимать участие в очень интересных операциях. Руководитель SOV/OPS просил назначить к нему именно вас.

Глава 6. Совершенно Секретно

Понедельник, 30 марта 1992 г.

Сенчури-хаус, Лондон.

"Любопытно, если правда". В ручке кончились чернила на букве с и неизвестный автор, не потрудясь взять другую, просто нацарапал остальные в графе "замечания клиента" в самом низу моего первого донесения СХ, которое только что положили в мою корзину входящих бумаг. Я написал его неделю назад, после опроса мелкого британского бизнесмена, недавно вернувшегося из поездки на Урал. Он показывал несколько промышленных алмазов, которые, по словам его русского агента, получены с помощью управляемого взрыва; такой метод я безуспешно опробовал в Южной Африке. Возвратясь в Сенчури-хаус, я рассказал об этом главе отдела SOV/OPS.

– Я написал бы это в форме донесения СХ, – сказал он с притворной искренностью, чуть склонив голову набок. Рику Фаулкруку я не особенно доверял и заподозрил, что его совет дан скорее для того, чтобы я чувствовал себя полезным, чем из-за подлинной необходимости в столь незначительных сведениях.

Однако же донесение я написал, наложил гриф "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО" (TOP SECRET) и отправил его R/CEE/D координатору Восточноевропейского управления. Он классифицировал его "двумя звездочками" и направил в соответствующий отдел штаба военной разведки (DIS).

x x x

Две звездочки означают, что сведения представляют собой лишь незначительный интерес и прочтет их только младший офицер отдела; донесение с тремя звездочками может заставить задуматься главу иностранного отдела Министерства обороны; донесение с четырьмя звездочками может попасть к важному чину какого-нибудь департамента на Уайтхолле; а пятизвездное донесение будет рассматриваться на уровне Кабинета министров. Большая часть продукции МИ-6 получает двухзвездную классификацию, и донесения обычно возвращаются от скептических, ничуть не заинтересованных клиентов с резолюцией "любопытно, если правда".

Способности разведчика получать от источника СХ высокой оценки придается очень большое значение. Каждому зарубежному и центральному постам дается задание ежегодно поставлять

столько-то СХ донесений. При этом открываются возможности для злоупотреблений, поскольку МИ-6 сама оценивает важность каждого донесения, точность которого зависит от честности писавшего его разведчика. Как и в других сферах, сотрудники МИ-6 не всегда добросовестны. Одни имеют репутацию "выдумщиков СХ", другие оказывают давление на координаторов, чтобы те завышали оценки их донесений. Эти проблемы существуют повсюду, однако несколько обманщиков были разоблачены. Один из них стал легендой МИ-6.

В семидесятых годах, когда Британия вела переговоры о вхождении в Общеевропейскую сельскохозяйственную политику, тактика и переговорная позиция Франции были очень важны. Глава парижской резидентуры возложил на своего заместителя добывание этих сведений, и тот завербовал агента во французском министерстве сельского хозяйства. Вскоре пошел поток двух– и трехзвездных донесений. В Сенчури-хаус удивлялись финансовым запросам нового источника, но его сведения стоили больших денег. В течение нескольких лет этот агент являлся главным поставщиком разведпродукции парижской резидентуры.

Когда двухлетний срок пребывания заместителя в Париже подошел к концу, передача дел его преемнику поначалу шла гладко. Но всякий раз, когда назначалась встреча с основным агентом, заместитель находил какую-то причину для отмены этой встречи. В конце концов это вызвало подозрения у руководства МИ-6, и в Париж для беседы с заместителем отправился офицер отдела безопасности (SB). Заместитель раскололся и признался в том, чего его коллеги начинали опасаться. Как в романе Грэма Грина "Наш человек в Гаване", он выдумал агента, фабриковал донесения и прикарманивал причитавшиеся агенту деньги. Со службы его уволили, но под суд не отдали. Из опасения огласки МИ-6 купила молчание запятнавшего себя разведчика выходным пособием и использовала свои связи для устройства его на теплую должность в банке Мидленда. В конце концов этот человек возвысился и стал одной из самых выдающихся персон в Сити.

x x x

Я зашел узнать, не хочет ли чаю Анна, сидевшая в соседнем кабинете. Она передавала совершенно секретную телеграмму Фаулкрука и, когда я вошел, закрыла текст. Я как стажер не мог быть посвящен в подобные сведения. Анна пошла в наше

ведомство по стопам брата и сестры. МИ-6 любит набирать людей из одной семьи, поскольку это упрощает процесс проверки.

– Ушла та телеграмма в Москву? – спросил я.

– Ты классифицировал ее "обычная". Уйдет во второй половине дня, – ответила Анна, не отводя глаз от экрана компьютера. – У меня более важное поручение от мистера Фаулкрука, он выйдет из себя, если я не выполню его немедленно.

Фаулкрук, бывший армейский офицер, служивший только в вооруженных силах и в МИ-6, затребовал меня в SOV/OPS, наивно полагая, что я за несколько отвратительных месяцев работы в должности консультанта по вопросам управления приобрел бесценные познания в области русской экономики. К счастью, вскоре он перейдет на новое место, и у нас с Анной должен будет появиться другой начальник.

Я заварил чай, уселся за свой обшарпанный письменный стол казенного образца и стал смотреть с тринадцатого этажа на панораму Лондона, от Кэнери-варф на востоке до Овального крикетного поля на юге. Этот впечатляющий вид контрастировал с унылым кабинетом. Стены его были покрыты картами Советского Союза, подвешенными над невысокими, серыми, как паутина, сейфами. Отстающие наклейки на старых сейфах призывали нас убедиться, что они надежно заперты.

Необходимость бдительности была нашей постоянной заботой во время учебы IONEC. Каждый вечер перед уходом из кабинета мы должны были убеждаться, что все документы, все бумажки, пусть даже самого безобидного свойства находятся под крепким запором. Охранники еженощно усердно осматривали каждую комнату, и, если обнаруживали какую-то оплошность, виновный получал письменное "Предупреждение о нарушении правил бдительности". Пол, клерк GS, деливший со мной кабинет, получил однажды такое предупреждение за то, что после вечернего футбольного матча оставил на вешалке рубашку с монограммой. Три предупреждения в год влекли за собой официальный выговор от департамента кадров, что могло означать отстранение от службы за границей.

Я включил свой терминал ATHS (Автоматизированная система обработки шифротелеграмм) и стал ждать, когда он прогреется. ATHS представляла собой допотопную внутреннюю сетевую компьютерную систему, созданную за большие деньги специально для МИ-6. Установка ее велась так медленно, что она оказалась устаревшей еще до того, как начала наконец работать в январе 1990 года. Она должна была позволять разведчикам отправлять и получать телеграммы, сидя за столом, не тратя

времени на секретарш и писанину. Но текстовый процессор был до того сложным, что пользовались им лишь компьютерно грамотные молодые офицеры. Система обработки сообщений была столь медлительной и ненадежной, что зачастую проще и быстрее было прибегать к перу и бумаге. Когда прошла чуть ли не вечность, дисплей прогрелся, и я прошелся по нескольким экранам в поисках телеграмм. Их не было, поэтому пришлось подумать над другим занятием.

Вот так проходили мои первые дни в SOV/OPS. Чувство новизны стало притупляться, а медлительная рутина после суматохи IONEC вызывала разочарование. Каждые несколько дней я опрашивал какого-нибудь агента, большей частью британских бизнесменов с интересами в России, потом до вечера записывал полученные сведения. Пока что я составил лишь одно малозаметное донесение СХ. Непохоже было, что мой вклад жизненно важен для проведения британской внешней политики, если только мы не пытались поддерживать благосостояние какого-нибудь экспортирующего бумагу государства.

x x x

Когда я начал работать в Восточноевропейском управлении, перемены наступали как в самом управлении, так и в той географической зоне, которой мы занимались. Недавно рухнула Берлинская стена, каждый день приносил новые вести о развале Советского Союза и о переориентации стран бывшего советского блока на Запад. Воздействию цунами, разрушавшего советскую административную машину, подвергся даже КГБ. Под руководством Евгения Примакова он был преобразован в две новые организации. СВР, нечто вроде МИ-6, стала заниматься сбором развединформации за рубежом. Контрразведка была возложена на ФСБ, приблизительный аналог британской МИ-5.

В Сенчури-хаус удовлетворение, вызванное крушением Советской империи, победой над старым врагом, сочеталось с осторожностью. МИ-6 приходилось пересматривать свою стратегию, одной из первых перемен явилось вступление во взаимодействие с СВР и ФСБ. Всего несколько лет назад такое было немыслимо. Обе стороны признали, что диалог будет взаимовыгодным, поэтому глава московской резидентуры Джон Редд был "выдан" СВР и программа регулярных деловых встреч начала действовать. Для разведки в России по-прежнему приходилось делать больше усилий, чем в любой другой стране, но масштабы ее стали иными. Небывалая политическая

открытость, принесенная гласностью, привела к тому, что информация, считавшаяся прежде разведданными, стала вполне доступной. Теперь было легко узнать из газет, что производит, к примеру, такой-то завод на Урале. То, что интересовало МИ-6, находилось на более высоком уровне; на языке разведчиков, "порог" донесений СХ стал выше.

Поскольку я был стажером, меня не посвящали в самые тайные русские дела, именуемые "совершенно секретными", являвшиеся источником большей части важных разведданных. Я должен был начинать с самой нижней ступени, утешаясь тем, что иногда наиболее продуктивные дела исходят из неприметных, неожиданных источников.

Именно руководствуясь этой мыслью, Стюарт Рассел, только что сменивший Фаулкрука, дал мне первое серьезное поручение. Рассел служил в Лиссабоне, в Стокгольме, последнее время – в Москве. Теперь он находился на том решающем этапе, когда требовалось зарекомендовать себя птицей высокого полета, иначе его карьера могла завершиться какой-нибудь незначительной должностью в Главном управлении, или в какой-нибудь сонной резидентуре в Африке или на Дальнем Востоке и вынужденной отставкой в пятьдесят пять лет. Он мечтал возглавить венскую резидентуру, одну из самых крупных и самых важных, где можно было как-то проявить себя. Но сперва был вынужден разбираться с делами SOV/OPS после неспособного Фаулкрука.

Рассел вызвал меня на пятнадцатый этаж в свой кабинет, украшенный картинами и сувенирами, приобретенными в заграничных резидентурах. Сидя спиной к великолепному виду на Ламбетский дворец и на Темзу, новый руководитель SOV/OPS читал телеграмму от Редд а, где сообщалось о первой деловой встрече с коллегой из ФСБ. Важнейшей задачей в начинавшемся сотрудничестве было установление взаимного доверия. Редд и его коллега пришли к нему, обменявшись сведениями о разведчиках, выявленных обеими сторонами за последние десять лет.

– Меня раскрыли, когда я работал там, и прозвали Черно-бурой Лисицей, – хихикнул Рассел. Это прозвище отчасти оправдывалось его густыми, гладкими серебристо-седыми волосами, но и служило признанием его хитрости при отрыве от наблюдения.

Бросив телеграмму в корзину для исходящих бумаг, Рассел обрисовал мою задачу.

– Нужно, чтобы вы разработали операцию для изучения русских военных журналистов и вербовки одного, имеющего хороший доступ к военным секретам, – объяснил он. – Журналисты, как вам известно, обычно не бывают хорошими

агентами. Они стремятся опубликовать все, что знают, и тем самым делают свои сведения непригодными для СХ. Однако иногда у них ест хорошие связи с теми, кто принимает ключевые решения, что подчас дает им доступ к секретным сведениям, которые никогда не попадут в печать.

Рассел ставил передо мной цель: отыскать такого журналиста и сблизиться с ним.

– Предлагаю организовать фиктивное информационное агентство в Лондоне, использовать его для установления первого контакта, потом посмотреть, к чему он приведет, – посоветовал Рассел. – И повидайтесь с NORTHSTAR: у него наверняка найдется много идей для вас, – добавил он, словно ему это только что пришло в голову.

NORTHSTAR – таково было кодовое имя Михаила Бутхова, офицера КГБ, год назад переметнувшегося в МИ-6. Он работал в Норвегии как журналист ТАСС, знал многих из настоящих русских журналистов. И предположительно мог дать большой список фамилий для раскручивания операции.

Я взял в подземном гараже Сенчури-хаус темно-бордовый "форд-скерра", одну из множества столь же не бросающихся в глаза машин с подложными регистрационными номерами, чтобы нельзя было установить их принадлежность МИ-6. Путь до живописной деревушки Пэнгборн возле самого Рединга занял у меня два часа. NORTHSTAR, разумеется, был материально вознагражден за свой переход. Его современный четырехкомнатный особняк окружал большой сад, на подъездной аллее стояли новенький "ровер-стерлинг" и красный спортивный "ситроен" его любовницы Марии. Судя по царапинам и вмятинам на нем, Мария не овладела искусством езды по переполненным машинами британским дорогам.

– Входите, – пригласил NORTHSTAR на безупречном английском с едва заметным русским акцентом. Провел меня в гостиную и усадил на обитый черной кожей диван. Комната была скудно обставлена совершенно новой, безликой мебелью; главное место в ней занимали дорогостоящий телевизор и магнитофон с высокой точностью воспроизведения звука.

NORTHSTAR узнал меня, так как приезжал на краткую встречу со слушателями IONEC. Поездки в Форт благотворно сказывались на его духе, так как он страдал от синдрома бесполезности. Из него вытянули все мельчайшие подробности об учебе, коллегах из КГБ, работе. Пьянящие дни обращения с ним как с важным лицом, приемы с шампанским, расточительные поездки на встречи с дружественными спецслужбами в Вашингтон, Париж и Сидней остались позади. Его полезность

Западу и связанное с ней чувство собственной значительности ушли в прошлое. Он заскучал и пал духом. МИ-6 пыталась найти ему новое занятие, но безуспешно. Опыт работы в разведке не особенно ценится, а столь же увлекательных занятий ничтожно мало. Так что, хотя МИ-6 снабдила его прекрасным домом, пожизненной пенсией, убедила русских отпустить к нему любовницу и дочку, он не находил себе места.

NORTHSTAR приготовил кофе и повел меня в кабинет, где можно было поговорить с глазу на глаз. На столе с компьютером и несколькими справочниками лежали недостроенная модель истребителя с вертикальным взлетом и тюбики клея. Я сел в обитое черной кожей кресло и обрисовал ему замысел Рассела.

– Почему не поручить это мне? – спросил NORTHSTAR, прежде чем я закончил. – Я работал журналистом в ТАСС, я профессиональный разведчик, русский – мой родной язык. У меня есть все необходимые данные.

Доводы его были убедительны, но русские все еще страдали из-за его измены. Если они узнают, что мы используем его в операции против них, это может повредить едва начавшемуся сотрудничеству.

– Выясню, можно ли поручить это вам, – ответил я, – Но ничего не обещаю.

Возвратясь в Сенчури-хаус, я написал подробные предложения и положил документ в корзину для исходящих бумаг. Сперва Рассел как мой непосредственный руководитель пожелает сделать свои замечания. Затем офицер Р5, занимающийся продукцией московской резидентуры, захочет проверить, нет ли тут связи с другими операциями, проходящими под его контролем. SBO/1, офицер отдела безопасности, наблюдающий за операциями в России, должен будет высказать свои соображения. R/CEE, координатор Восточноевропейского управления, захочет высказать свое мнение о том, сможет ли эта операция дать нужные сведения. И, наконец, главу Восточноевропейского управления (C/CEE) нужно будет поставить в известность о том, что делают его подчиненные. Такое хождение бумаг по инстанциям типично, и зачастую на принятие решения уходит несколько недель. В коммерческой организации подобный процесс оказался бы до невозможности обременительным, но достоинство работы, где поставлены на карту национальная безопасность и жизни людей, заключается в том, что в ней обычно исключается принятие ошибочных решений. Недостаток в том, что, даже когда становится совершенно ясно, что решение ошибочно, дать обратный ход очень трудно, так как многие офицеры, причастные к такому решению, упорно отстаивают его,

каким бы глупым оно ни выглядело задним числом.

К счастью, это решение было принято быстро. Всего несколько дней спустя рассыльный опустил мое предложение в корзинку для входящих бумаг. Каракули, написанные разными людьми, сводились к согласию позволить NORTHSTAR участвовать в операции, но ни в коем случае не поручать ее ему одному. Я должен был находиться рядом и руководить всеми его действиями.

Начать операцию было несложно. Из оборудования требовался только аппарат факсимильной связи, его представил технический отдел (TOS). Я назвал свое информационное агентство TRUFAX (true – правдивый, истинный – англ.) с намеком на истинные факты, которые надеялся получать с помощью факсимильного аппарата, и для привлекательного созвучия с русским информационным агентством "Интерфакс". В обычных условиях операции подобного рода велись бы из Сенчури-хаус с использованием телефонного номера, относящегося к другому району, и дивертора вызова, которые производит британская фирма "Телеком". Но NORTHSTAR, как и других перебежчиков, не пускали в это здание, поэтому я снял крохотную контору, в которой едва уместился письменный стол, на верхнем этаже административного здания на Кондуит-стрит. TOS изготовил маленькую медную табличку с надписью TRUFAX, которую смотритель здания присоединил к другим табличкам на наружной двери, а G/REP, отдел типографских работ и фальсификата, снабдил меня фирменной бумагой с изящной надписью TRUEFAX наверху. Я взял себе новый псевдоним – Бен Пресли, получил соответствующие паспорт и водительские права в центральном отделе оснащения (CF). Снабжение "легендой" NORTHSTAR требовало большей изобретательности. Любой русский журналист, общаясь с ним, наверняка спросил бы его о прошлом и о том, как он оказался на Западе. Для обсуждения подходящей "легенды" требовалась мудрость более опытного разведчика, поэтому я отправился к заместителю начальника отдела безопасности (SBO/1) Джону Бидду.

SB наблюдает за безопасностью операций во всех управлениях. Сотрудников его в разговорах иногда называют "ветеранами", так как после пятидесяти пяти лет, обычного в МИ-6 возраста выхода в отставку, их вновь приглашают на службу благодаря их богатому оперативному опыту. Хотя роль "ветеранов" консультативная, пренебречь их советами может только дурак. Бидд во время "холодной войны" возглавлял Восточноевропейское управление, поэтому его опыт был особенно ценен.

Бидд сидел в кабинете на двадцатом этаже, посмеиваясь своим мыслям. Он анализировал предложенный техническим отделом план установки подслушивающего устройства в жилом лиссабонском доме, в квартире на верхнем этаже, где предположительно жил русский разведчик из СВР. Одна из секретарш лиссабонской резидентуры снимала квартиру тремя этажами ниже в том же старом, ветхом доме, и TOS предлагал разместить в ее квартире звукозаписывающее оборудование. Они нашли способ тайком проникнуть на чердак над квартирой объекта, где подобрать место для установки маленького микрофона будет нетрудно. По техническим причинам установить радиосвязь между микрофоном и звукозаписывающим оборудованием было невозможно, поэтому их требовалось соединить тонким проводом, идущим с чердака в квартиру секретарши. Скрыть провод можно было, только пропустив его вниз по изогнутой водосточной трубе.

После испытаний различных технических приспособлений, оказавшихся непригодными, технический отдел осенила идея использовать мышь. Его сотрудники считали, что, высунувшись из слухового окна под покровом ночи, они смогут опустить с помощью удилища мышку, привязанную к концу лески, в верхнюю часть водосточной трубы. Потом опустят ее по вертикальной секции к первому повороту трубы под прямым углом. Оттуда мышь побежит по горизонтальной секции к следующей вертикальной и так далее, до самого низа, где ее снова поймают. Потом провод можно будет привязать к леске и протянуть через трубу.

Испытание этого способа на водосточных трубах Сенчури-хаус с использованием трех белых мышей, одолженных в Научно-исследовательском институте химического и биологического оружия в Портон-даун, оказалось более-менее успешным. Одна мышь, по кличке Микки, была нормальной и восторженно носилась по трубам. Вторая, Трикки, пыталась взобраться обратно по леске, пока находилась в воздухе, но, очутившись в горизонтальной трубе, сообразила, что делать. Третья, названная Чикки, оказалась неспособной путешествовать по трубам, и ее отправили обратно в Портон-даун. Микки и на всякий случай Трикки предстояло лететь в Лиссабон в "Геркулесе" SD, поскольку вывозить мышей из страны открыто, без специальных экспортных лицензий было запрещено. Дилемма Бидда заключалась в том, этично ли использовать животных в шпионских операциях.

– Думаю, Микки и Трикки повезло больше, чем Чикки, – хихикнул Бидд, – так что, пожалуй, это этично.

Он вывел каракулями свою одобрительную резолюцию в

нижней части плана и положил его в корзинку для исходящих бумаг. Продолжая посмеиваться, Бидд перенес внимание на меня.

– Чем могу быть полезен, молодой человек? – доброжелательно спросил он.

Сдерживая улыбку, я объяснил, что его помощь нужна для создания подходящей легенды для NORTH-STAR, чтобы он мог принять участие в операции TRU-FAX. Бидд быстро придумал легенду.

– Ему нужно говорить, что он отпрыск семьи российских немцев в Поволжье, – предложил он. – В последнее время Германия многим из них выдала паспорта. Нужно придумать ему звучащий по-немецки псевдоним – может, Валерий Рубен?

На другой день Валерий Рубен работал в конторе TRUFAX на Кондуит-стрит. За неделю он установил контакты почти с двадцатью журналистами из Москвы, Ленинграда и Киева, и на его факсимильный аппарат заструился поток сведений. К классу СХ они не относились, но это было только начало. Требовалось время, чтобы установить, у кого из журналистов есть доступ к секретам, у кого его нет.

NORTHSTAR быстро сосредоточил усилия на одном многообещающем журналисте из Москвы, Павле Фельгенгауэре, сорокалетнем, независимом, пишущем на военные темы. Судя по всему, он обладал данными, необходимыми для ценного агента. Главное, он имел превосходный доступ к секретам, поскольку был близок с ельцинским министром обороны Павлом Грачевым. Материалы, которые Фельгенгауэр публиковал после встреч с ним, были дразняще близки к порогу СХ, поэтому мы решили напористо сближаться с ним.

NORTHSTAR подолгу разговаривал с Фельгенгауэром по телефону из конторы TRUFAX. В надежде найти для него мотивировку шпионить на нас, мы постепенно собрали сведения о характере его работы, стиле жизни и устремлениях. Но сближение с ним по телефону шло медленно. Чтобы добиться успеха, нам требовалось встретиться с ним лично, поэтому мы уговаривали его приехать в Лондон. Хотя он и принимал плату за свои материалы – мы переправили ему почти восемь тысяч фунтов наличными с курьером, – но постоянно находил повод отменить или отложить заранее условленные поездки за границу.

В конце концов, мы нехотя, разочарованно признали, что Фельгенгауэр, скорее всего, ведет с нами игру, возможно, в сотрудничестве с русской разведкой. Мы установили с ним контакт, но теперь он просто издевался над нами, принимая от нас деньги и бросая в ответ подачки псевдоразведданых, чтобы поддерживать к себе интерес. Это была классическая подрывная

тактика, ее не раз использовала русская разведка для распыления денежных средств МИ-6. Рассел, к глубокому разочарованию NORTHSTAR, через три месяца прикрыл TRUEFAX. В общей сложности он обошелся нам в сорок тысяч фунтов и не принес ни единого донесения СХ. TRUEFAX, видимо, надо было считать "экспериментом".

x x x

Рассел тем временем преобразовывал SOV/OPS. В отличие от других отделов, регулярно проводивших настоящие секретные операции в своих странах, SOV/OPS до сих пор ограничивал свои операции русскими, выезжающими за пределы СССР. Теперь, когда КГБ был реформирован и ослаблен, Рассел предложил усилить его отдел и начинать вести настоящие секретные операции в самом сердце России. Он переименовал отдел в Восточноевропейское управление (UKA), приведя его название в соответствие с другими секретными подразделениями, расположенными в Сенчури-хаус. Потом стал настойчиво требовать в департаменте кадров пополнения. Одним из первых к нам пришел Спенсер, скучавший на своей работе офицера по разведке целей и стремившийся заниматься настоящей секретной работой. Рассел предоставил ему стол в моем кабинете и поручил работу с MASTERWORK, Платон Обухов, русский дипломат, еще не достигший тридцати лет, был сыном бывшего заместителя министра иностранных дел в СССР, работавшего на переговорах по ОСВ-2. Прямой доступ MASTERWORK в российское министерство иностранных дел не имел значения, но его отец был все влиятелен в Москве и обеспечивал MASTERWORK доступ к элите международной политики.

Спенсер собирался встретиться с MASTERWORK для опросов в Таллинне, столице новой Республики Эстония. Это место было безопасным, так как Эстония заигрывала с Западом, и опасаться ФСБ там приходилось гораздо меньше, чем в России, а русские все еще могли свободно ездить туда без визы. Спенсер выбрал себе одну из излюбленных в МИ-6 ролей независимого журналиста, и отправился в I/OPS по поводу обеспечения запасного варианта и документов.

I/OPS заботится о разведчиках-журналистах не только для создания им прикрытия, но и для распространения пропаганды МИ-6. К примеру, в 1992 году, во время подготовки к выборам генерального секретаря ООН, она провела операцию по очернению египетского кандидата Бутроса Гали, которого ЦРУ

считало опасным франкофобом. ЦРУ, по конституции, запрещено манипулировать американской прессой, поэтому оно попросило помощи у МИ-6. I/OPS, используя контакты в британских и американских средствах массовой информации, организовал серию материалов, представляющих Бутроса Гали неуравновешенным человеком, утверждающим, что он верит в существование НЛО и жизнь на других планетах. Правда, эта операция оказалась неудачной, и Бутрос Гали был переизбран, однако впоследствии подобная кампания помешала ему быть избранным, как это обычно бывает, на второй срок.

– Просто возмутительно! – рассмеялся Спенсер, возвратясь из I/OPS. – У них в списках значится редактор журнала "Спектейтор" под кодовым именем SMALL-BROW. Он согласился отправить меня в Таллинн как независимого журналиста, сотрудничающего с его журналом. При одном условии – что я напишу статью, которую он опубликует, если захочет. Этот наглый тип хочет получить материал за счет налогоплательщиков?

Честолюбивые стремления Рассела расширить роль UKA зиждились на его способности убедить главное управление, что настоящие секретные операции в России практичны и безопасны. Дабы доказать, что подобные операции может проводить откомандированный разведчик (VCO), он попросил меня разработать "легенды", пригодные для использования в России. С самого начала было ясно, что я не гожусь для работы в России. Я только что окончил IONEC, и столь ответственную работу мне бы не доверили. От меня требовалось лишь подготовить основу, которой потом воспользуются другие. Но все равно задание было интересным.

Как бы тщательно ни были подготовлены "легенды", они не могут быть так богаты и разнообразны, как настоящая жизнь. Предусматривать каждую мелочь было бы бессмысленно и слишком накладно, поэтому от меня требовалось скроить "легенду", способную выдержать вероятную проверку русских. Для этого первым делом требовалось разобраться, какие работы можно выполнять в России VCO. Скорее всего, простые задачи, на которые у разведчика резидентуры уходит много времени – например, отправлять письма. Отправление агенту письма с тайнописью связано с риском, так как после нескольких часов, а то и целого дня ухода от "хвоста", невозможно быть уверенным, что наблюдатели не заметят опускания корреспонденции в почтовый ящик и не опустят сверху сигнального письма. Это даст ФСБ возможность узнать адреса на конвертах под сигнальным письмом и установить затем все связанные с секретностью должности адресатов. Поэтому отправление писем у сотрудников

московской резидентуры непопулярно. Но если откомандированный разведчик сможет въехать в Россию, не привлекая к себе внимания, отправка писем будет простой и относительно дешевой. Мы знали от таких перебежчиков, как NORTHSTAR и OVATION, что даже у ФСБ не хватит наблюдателей следить за каждым английским бизнесменом, приехавшим в страну.

ФСБ очень внимательно относится к заявлениям о выдаче виз приезжающим, изучает каждую деталь документов – в поисках несоответствий. Легче всего проверить дату рождения, поскольку в Соединенном Королевстве каждое рождение регистрируется в Доме святой Екатерины. Доступ туда открыт. Так как все рождения записываются последовательно, вписать туда новое задним числом невозможно. МИ-6 не использует имен умерших детей, как это описано в книге Фредерика Форсайта "День шакала", из опасения, что разгневанные родственники подадут в суд, если операция провалится и будет публично разоблачена. Для большей части операций отсутствие регистрации рождения не проблема, поскольку контрразведчики противной стороны не настолько любопытны. Но чтобы пройти проверку для выдачи виз, проводимую ФСБ, надо основательно потрудиться.

Решение оказалось очень простым. Мое рождение не зарегистрировано в Доме святой Екатерины, так как я, хоть и являюсь гражданином Соединенного Королевства, родился в Новой Зеландии. Сведения о рождении в Новой Зеландии доступны, как и во многих странах, но вряд ли дело обстоит так повсюду. Резидентура в Буэнос-Айресе навела справки, и оказалось, что в Аргентине нет поддающейся проверке регистрации рождений, поэтому ФСБ было бы трудно проверить правильность утверждения, что я родился в Аргентине у родителей-британцев.

Я попросил G/REP сфабриковать аргентинское свидетельство о рождении на основании подлинного, хранившегося у них в личном деле. Потом через паспортный отдел CF раздобыл британский паспорт на имя Алекса Хантли, родившегося в Буэнос-Айресе 13 января 1963 года. Меня снабдили водительскими правами и обеспечили надежный адрес прикрытия (АСА). Хранители АСА – агенты-"домовладельцы", обеспечивают откомандированному разведчику проверяемый домашний адрес. Помимо адреса, CF организовал банковский счет и кредитную карточку в Нэтвестском банке.

Все досье департамента социального страхования (DSS) на пятьдесят четыре миллиона жителей Британии компьютеризированы. CF иногда использует эти записи для

наведения справок о людях, которые его интересуют. Что, если ФСБ сможет подключиться к компьютеру DSS? Это нетрудно, так как он связан с каждым крупным отделением департамента, а процесс вхождения в компьютер несложен. Чтобы мой псевдоним мог выдержать проверку, нужно было ввести все его данные в центральный компьютер DSS. Раньше этого не делалось, но после нескольких недель переговоров с DSS у Алекса Хантли появилось полное досье с номером национального страхования и регистрационной карточкой.

Следующей задачей было составление биографии моего псевдонима. Каждая ее деталь должна была быть правдоподобной, но не поддающейся проверке. Изучение справочника по частным школам показало, что Скортонская классическая школа в Ричмонде, Северный Йоркшир, ликвидирована в конце восьмидесятых годов и общедоступных сведений о ее выпускниках не сохранилось, так что я мог спокойно утверждать, что учился там. Архивы университета в Буэнос-Айресе были безнадежно запутанными, поэтому англо-аргентинец Алекс Хантли получил там диплом экономиста, что подтверждалось сфабрикованным G/REP документом. По учебе в Массачусетском технологическом институте я знал о маленьком университете в Бостоне – Массачусетском коммьюнити-колледже, который прекратил свое существование, так что я удостоил Хантли диплома оттуда. Затем, просматривая данные Компани-хаус, отобрал для биографии несколько маленьких компаний и консультаций, которые обанкротились вскоре после того, как Хантли якобы ушел оттуда. Затем внес в компьютер DSS налоговые сведения в соответствии с его трудовым стажем. Хантли требовалось достоверное теперешнее занятие. Обычно фиктивный адрес места работы (BCA) обеспечивается крупными службами секретарей-телефонисток, где небольшой взнос гарантирует почтовый адрес и отвечающую на звонки секретаршу. Правда, это очень легко проверяется ФСБ. Мне требовалось более надежное прикрытие.

В CF существовал список мелких компаний, где управляющие готовы были подтверждать, что разведчик МИ-6 является их служащим, и там мне предложили маленькую инвестиционную компанию в Суссексе, "Ист-Юропиен инвестмент", которая работала в Чехословакии, Польше и Венгрии, но не в России. Это давало превосходное прикрытие. Хотя фирма не вела дел с Россией, было бы вполне достоверно, если бы Алекс Хантли начал исследовать там деловые возможности. Я отправился к управляющему, и он оформил меня консультантом.

Костяк моей фиктивной жизни был создан, но ему

требовалось обрасти плотью. Постоянное пользование кредитной карточкой Хантли составляло правдивую картину платежей по счетам, а перевод зарплаты консультанта из "Ист-Юропиен инвестмент" на мой банковский счет гарантировал, что при проверке он покажется правдоподобным. Документы моего псевдонима были перемешаны со всевозможным "хламом бумажника", сфабрикованным G/REP по моему заказу. Я выбрал себе членские карточки ночных клубов "Бродяги" и "Аннабел", и мы с Сарой провели там несколько веселых вечеров, чтобы Алекс Хантли был знаком швейцарам.

Мое досье на Хантли пополнялось правдоподобными сведениями, но какой-нибудь подлинный документ был бы очень кстати. МИ-6 нередко добывает и подлинные документы через дружественные спецслужбы, например, австрийскую и датскую, для "операций под прикрытием". Резидентура в Буэнос-Айресе только что вошла в тесное сотрудничество с Аргентинской службой безопасности, и я отбил туда телеграфный запрос, не может ли SIDE (Секретариат государственной разведки Аргентины) снабдить Хантли документами. Я ожидал незамедлительного насмешливого ответа и был приятно удивлен: SIDE согласилась выполнить нашу просьбу при том условии, что эти документы не будут использоваться для операций в Южной Америке. Через две недели на мой стол легли подлинные аргентинский паспорт, водительские права и удостоверение личности. Я тут же предоставил их в распоряжение G/REP, чтобы сотрудники могли изучить и сфотографировать их на тот случай, если в будущем потребуется сфабриковать подобные документы.

Потребовалось чуть больше двух месяцев, чтобы создать Хантли "легенду", которой Рассел и Бидд остались бы довольны, и я отдал досье в CEE для ознакомления. Резолюция была следующей: "Блестящая работа. Она явится надежным основанием для будущих операций VCO в России". Это высокая похвала, и я был доволен собственным вкладом в общее дело.

x x x

Тем временем Спенсер вернулся со своего секретного задания в Эстонии.

– MASTEWORK сущий псих! – объявил он, ставя на стол портфель. – Совершенно спятивший! Чего ж Болл учил нас на курсах, что вербуют только психически здоровых агентов?

Спенсер рассказал, что MASTERWORK явился на встречу в шляпе Микки-Мауса и принес рукопись идиотской книги,

которую сейчас пишет.

– Этот тип нуждается в психиатрической помощи, использовать его как агента нельзя, – заключил Спенсер.

Но P5 не согласился с его суждением, так как MASTERWORK помогал сотрудникам управления встречаться с нужными людьми, и Спенсеру было приказано видеться с ним в Таллинне раз в два месяца. Потом связь с этим человеком перешла к московской резидентуре. Работа с ним кончилась после того, как в апреле 1996 года тайная встреча с ним в московском ресторане была грубо прервана ФСБ. MASTERWORK арестовали, обвинили в "разглашении секретных сведений политического и оборонного характера иностранной разведслужбе". Встречавшаяся с ним женщина и еще трое разведчиков московской резидентуры были выдворены из России. В июле 2000 года, после четырех лет, проведенных в психиатрической больнице, MASTERWORK приговорили к одиннадцати годам тюремного заключения. Русские обратили на него внимание из-за громкого хвастовства, что он шпион, но основная вина лежит на МИ-6 – ей не следовало работать с явно психически ненормальным агентом.

x x x

Мне как стажеру полагалось использовать каждую возможность учиться на опыте старших коллег. Одной из главных задач UKA являлось приобретение новейшего русского вооружения. Рассел велел мне прочесть дело об одной удачной покупке, и добавил: "Это классическая операция. Вы многое почерпнете, ознакомясь с ней".

BATTLE был одним из нескольких торговцев оружием, связанных с МИ-6. Такие люди являются хорошими источниками сведений о международной торговле оружием и могут быть полезны в создании выгодной конъюнктуры для британских компаний. BATTLE, англоиранский мультимиллионер, получал от МИ-6 за поставку таких данных сто тысяч фунтов в год. В конце 1991 у года Объединенные Арабские Эмираты обратились к BATTLE с просьбой организовать покупку партии новых БМП-3, бронетранспортеров для личного состава. Эти машины, тогда лучшие в русской армии, представляют собой хорошо бронированное гусеничное десантное транспортное средство, вмещающее семерых пехотинцев и трех членов экипажа. Министерство обороны прослышало, что их технические данные лучше, чем у западных аналогов, и обратилось к МИ-6 за сведениями.

BATTLE принялся за дело, совершал регулярные авиарейсы между Курганом, где находится конструкторское бюро БМП, и Абу-Даби. В конце концов, он договорился с русскими о продаже партии БМП-3, экспортного варианта с заниженными техническими данными, этому государству в районе Персидского залива. Бывая в Лондоне, BATTLE всякий раз виделся со своим руководителем из МИ-6 и в один из визитов сказал, что, когда он в последний раз был в Кургане, ему показали усовершенствованный вариант БМП-3. МИ-6 упоручила ему попытаться приобрести одну машину. В следующую поездку, имея при себе пятьсот тысяч фунтов на подкуп и сфабрикованный сертификат конечного пользователя, BATTLE уговорил своего агента спрятать одну из усовершенствованных машин среди двадцати БПМ-3 экспортного варианта.

Партия БМП-3 отправилась из Кургана по железной дороге в польский порт Гданьск. Двадцать машин для ОАЕ были погружены на контейнеровоз и отправлены в Абу-Даби. Оставшаяся машина с помощью польского агента под покровом темноты была погружена на специально зафрахтованное "дикое" судно и отправлена в военный порт Марчвуд в Саутгемптоне. Оттуда ее переправили в Научно-исследовательский институт вооружения (RARDE) для детального изучения и полевых испытаний.

Новая игрушка произвела сильное впечатление на инженеров института. Они установили, что огневая мощь БМП-3 значительно выше, чем у всех, имеющихся в арсенале Соединенного Королевства. Полевые испытания на полигоне в Шотландии, где машина была замаскирована фибергласовой оболочкой от русских спутников, показали, что ее маневренность, проходимость и скорость тоже выше, чем у западных аналогов. Сложная и дорогостоящая операция завершилась блестящим успехом, и RARDE пригласил большую часть сотрудников Восточноевропейского управления в свой центр неподалеку от Камберли, чтобы выразить благодарность.

Читая досье BATTLE, я наткнулся на одну деталь, которая тогда была малозначительной, но оказалась очень важной пять лет спустя. Некоторые из описанных встреч происходили в отеле "Риц" в Париже, сведения о них поставлял информатор из служащих отеля. Кодового прозвища у информатора не было, именовался он просто номером его личного дела. В досье BATTLE этот номер приводился несколько раз, поэтому, заинтересовавшись, кто за ним скрывается, я позвонил в центральную регистратуру и запросил личное дело под этим номером. Меня не удивило, что информатором оказался

начальник охраны отеля и что он получал от МИ-6 плату за свои сведения. Начальники охраны отелей являются полезными информаторами для спецслужб, потому что имеют доступ к списку гостей и могут содействовать в установке подслушивающих устройств. Удивило, что он был француз, так как в IONEC нам говорили, что французов вербовать в МИ-6 очень трудно, и потому его фамилия мне запомнилась. Хотя в той операции он был мелкой сошкой и его имя ничего не говорило мне, я теперь не сомневаюсь: то был Анри Поль, погибший пять лет спустя в той же автомобильной катастрофе, что и Доди аль-Файед с принцессой Уэльской.

x x x

Большинство успехов в шпионаже приходит после долгих, методичных поисков и тщательного отбора ниточек и контактов, но иногда стоящая ниточка появляется внезапно. Именно так и произошло, когда однажды утром в июне 1992 года мне позвонил бывший коллега по ТА и попросил какого-то совета. Этот сержант, превосходный бегун на дальние дистанции, недавно ездил в Москву, где принимал участие в марафоне. После финиша к нему подошел один из зрителей, говоривший по-английски. Он оказался полковником стратегических ракетных войск. Они подружились, и сержант пригласил полковника навестить его, если тот будет в Англии, хотя почти не надеялся, что это когда-нибудь произойдет. Но полковник собрался в Англию и должен был прилететь в аэропорт "Гэтвик" на следующей неделе.

– Заинтересованы в том, чтобы встретиться с ним? – спросил мой бывший коллега.

Рассел согласился, что проявить интерес стоит. На другой день я сел в поезд до Клэктон-он-Си – он находится в двух часах езды к востоку от Лондона – и отправился в гости к сержанту.

Терри Раймен встретил меня у парадной двери и провел в аккуратную гостиную небольшого дома с верандой. Ему было уже за сорок, он начал седеть, носил очки, но гордился своей подтянутостью. Кормился он работой на такси в Лондоне.

Раймен подробнее рассказал о том, что я уже слышал по телефону. Когда один друг предложил ему участвовать в московском марафоне, Раймен не стал колебаться. Он много лет готовился к войне против Советского Союза, научился распознавать советские танки и бронемашины, изучал советскую военную тактику, стрелял по злобным изображениям русских на

стрельбище и хотел лично ознакомиться с этой страной и ее людьми. Когда после забега ему представился настоящий русский, хорошо говоривший по-английски, Раймен пришел в восторг.

Полковник Александр Симаков пригласил Раймена в гости. Квартира его находилась в далеком северном пригороде Москвы, он жил там вместе с женой, дочерью и тещей. Раймен был поражен жилищными условиями офицера с довольно высоким званием. Симаков жаловался на зарплату, на тесноту и сказал, что завидует образу жизни англичан.

– Говорит, что едет в Англию только с целью повидать Стратфорд, Оксфорд и Кембридж, – сказал Раймен. – Но, – тут он заговорщически понизил голос, – по-моему, хочет переметнуться и остаться в Англии.

– Ладно, когда появится, выясним, знает ли он что-то стоящее, – ответил я.

Симаков должен был предложить нечто особо секретное, чтобы его приняли, как перебежчика. Многие разведчики из Совблока, когда вместе с Берлинской стеной рухнул их мир, предлагали МИ-6 свои услуги, и почти все были отвергнуты. МИ-6 располагала средствами только для приема перебежчиков высокого полета, таких, как OVATION и NORTHSTAR, но даже им пришлось несколько лет работать en poste, прежде чем их допустили в Британию. Даже Виктор Ощенко, офицер КГБ, специалист по науке и технологии, предложивший свои услуги в июле 1992 года, с трудом убедил МИ-6, что достоин статуса перебежчика. Признание Ощенко в том, что, работая в Лондоне в середине восьмидесятых годов, он завербовал ведающего сбытом инженера фирмы "Джек-Маркони", было воспринято как маловажное. Я видел доклад МИ-5, где говорилось, что инженер Майкл Джон Смит не выдавал никаких наносящих ущерб секретов. Это не помешало МИ-5 арестовать Смита в операции-ловушке, и этот документ не был предъявлен для защиты его на суде. Смита приговорили к двадцати пяти годам заключения, судья заявил в резюме присяжным, что Смит причинил неисчислимый ущерб национальной безопасности Британии.

Поскольку Ощенко добивался статуса перебежчика с таким трудом, я бы посоветовал Симакову вернуться в Россию и зарабатывать этот статус, регулярно поставляя сведения московской резидентуре. Если они окажутся ценными, то он мог бы получать неплохое жалованье, поступающее на его счет в Соединенном Королевстве, и его новоявленное богатство не вызывало бы подозрений. Возможно, после отставки ему дозволили бы выехать в Британию и тратить свои деньги, но даже

и тут МИ-6, по всей видимости, стала бы убеждать его, что жить на родине лучше. Моей задачей на встрече с Симаковым было определить его возможности и побуждения, завербовать его, если в том будет смысл, потом убедить, что наилучшим выбором для него будет возвращение в Россию.

На следующей неделе Раймен, открывая мне дверь, выглядел мрачно. Привел меня в гостиную, там царила полутьма, так как шторы были задернуты для защиты от послеполуденного солнца. Толстый, бледный, небритый человек в обтягивающей синтетической тенниске и джинсах грузно поднялся с дивана, встав босыми ногами на пол. Раймен холодно представил меня, раздернул шторы и нашел повод уйти. Симаков злобно глянул на закрывшуюся дверь.

Возле дивана стояли два больших красных чемодана, связанных вместе веревкой. Рядом с ними – мятая картонная коробка с книгами и журналами, несколько раскрытых журналов валялось на низком кофейном столике рядом с немытыми чашками и обертками от бисквитов.

– Я переметнулся, – торжественно заявил Симаков с сильным русским акцентом. Сделал паузу, потом, поняв, что я не собираюсь восторженно обнимать его, поправил диванные подушки и сел снова.

– Расскажите сперва кое-что о себе, – попросил я, отложив разговор о его перебежничестве на потом. Симаков на хорошем английском изложил свою биографию. Родился он в бедной семье, в селе к северу от Киева; когда ему было пять лет, отец погиб в катастрофе на шахте, мать, когда ему шел восьмой год, умерла от туберкулеза, поэтому его и двух младших сестренок растила бабушка со стороны матери. Возможно, юному Симакову пришлось бы идти по отцовским стопам на донбасские шахты, не проявись у него в раннем возрасте талант к математике. Учился он лучше всех в классе, правда, пропустил одну четверть, когда сломал ногу и не мог ходить в школу за пять километров. С выражением гордости на лице Симаков порылся в коробке и достал в подтверждение школьные табели. Успехи в математике были единственной его надеждой избавиться от нищеты.

После школы Симаков поступил в военное училище в Киеве. Благодаря успехам в учебе был направлен в ракетные войска стратегического назначения на исследовательскую работу. Поступил в адъюнктуру в Ленинграде и защитил диссертацию. Занятия английским языком пробудили у него неугасающий интерес к Англии и в особенности к английской литературе; о пьесах Шекспира он знал гораздо больше меня. После защиты диссертации Симакова направили на ракетный полигон на

Камчатке, и он весь срок службы проработал инженером-испытателем. В сорок с лишним лет он вышел в отставку, но не смог найти другой работы и вынужден был поселиться с женой и восьмилетней дочерью в двухкомнатной квартире старой тещи. Его военная пенсия обесценилась инфляцией, дочь заболела астмой, жена пришла в отчаяние. Жизнь стала невыносимой.

Терпение его подошло к концу, когда однажды утром он обнаружил свою "Ладу" стоящей со снятыми колесами на кирпичах. Поклявшись перебраться в Англию, где, как он наивно верил, ничего подобного не случается, Симаков принялся рыскать по улицам Москвы в поисках англичанина, который помог бы ему осуществить этот план, и наткнулся на Раймена. Судьба решила свести их вместе в трагедии, начало которой, как я видел, близилось.

Запросы Симакова были совершенно нереальными. За свой переход он хотел получить дом с соломенной крышей и полным цветов садом, сто тысяч долларов и "форд-орион". Он достал из коробки журнал "Автокар" и ткнул пальцем в фотографию машины своей мечты.

Поставить его на место – непростая задача. Убедить Министерство внутренних дел позволить ему остаться в Британии было бы трудно. МИ-6 могла попросить министра внутренних дел сделать для него исключение, только если бы он обладал какими-то секретами. Если бы он предоставил достаточное количество секретных материалов, он мог бы получить единовременно несколько тысяч фунтов. А потом ему пришлось бы полагаться на поддержку Департамента социального страхования. Скверный характер Симакова не облегчал положения вещей. Он быстро надоел Раймену, но настолько привык к тесноте в квартире тещи, что не мог понять, почему Раймен по горло сыт его пребыванием на диване.

– Не понимаю я Терри, – сказал Симаков, почесывая живот. – В Москве он вел себя словно брат после долгой разлуки. А теперь знать меня не хочет.

Раймен точно так же был недоволен создавшимся положением. Он считал, что исполнил свой долг, и ждал, что я избавлю его от Симакова.

– Жена готова от меня уйти, – объяснил он, когда Симаков не мог нас слышать. – Ему нельзя долго здесь оставаться.

Я не мог сразу же решить этой проблемы. Все зависело от того, какими секретами располагал Симаков, но я был не в состоянии оценить его сведения, для этого требовался технический специалист. Простясь с этой странной парой в Клэктоне, я вернулся в Сенчури-хаус.

В МИ-6 было около пятнадцати офицеров, дававших заключения в тех областях, в которых разведчики с их более широким профилем деятельности специалистами быть не могли. Например, в том, что касалось химического, ядерного и биологического оружия, баллистических ракет или зон особых интересов, скажем, нефтедобывающей промышленности Ближнего Востока. Мартина Ричардса, бросившего в свое время IONEC, готовили к работе в этом отделе.

Малкольм Найтли был специалистом по ракетам в Восточноевропейском управлении. Физик по образованию, он стал знатоком советских ракет в штабе военной разведки (DIS). Работал в МИ-6 уже два года прикомандированным, но надеялся стать постоянным сотрудником, судя по тому, как долго засиживался перед полной корзинкой входящих бумаг. Я организовал Найтли встречу с Симаковым в "Комнате 14", апартаментах МИ-6 для собеседований в здании Адмиралтейства на Уайтхолле.

– Этот человек – сущий клад, – сказал мне потом. Найтли. – Мы должны добиться для него возможности жить в Англии.

И объяснил, что Симаков принимал участие во всех испытаниях советских ракет с 1984 по 1990 год. Его сведения будут бесценны для DIS, GCHQ и, что еще более важно, для американцев. Найтли зарезервировал "Комнату 14" для целого ряда еженедельных бесед.

– Мы решили рекомендовать министру иностранных дел дать ему полный статус перебежчика, – сказал мне Рассел, когда первые отчеты дошли до него. – Вам нужно присвоить ему кодовое имя, написать представление министру иностранных дел и уладить вопрос о его переселении с AR (структурой, занимающейся переселением агентов).

AR облегчает перебежчикам вхождение в новую жизнь, когда они перестают быть полезными для МИ-6. У OVATION, NORTHSTAR и других знаменитых перебежчиков были закрепленные за ними офицеры AR, помогавшие им найти жилье, приспособиться к жизни в Британии, оформить пенсии и по возможности найти приличную работу. AR связалась с клэктонским отделением DSS и нашла маленький коттедж для Симакова, так что, по крайней мере, он больше не стеснял Раймена. Через несколько недель к Симакову вылетели жена с дочерью, и AR позаботилась о пособиях из Департамента социального страхования и об устройстве девочки в школу.

Я написал "представление" министру иностранных дел, указав, что есть основания разрешить SOU – Симакову было присвоено это кодовое имя – остаться в Соединенном

Королевстве. МИ-6 не нуждается в разрешении проводить небольшие операции, такие, как TRUFAX. Но те, которые могут иметь затруднительные последствия или, как в данном случае, затрагивать интересы другой государственной службы, требуют разрешения министра иностранных дел. Дуглас Херд был очень придирчив при рассмотрении представлений, поэтому доводы мне требовалось подбирать тщательно.

Тем временем Найтли завершил очередной долгий опрос SOU. Под вечер он заглянул ко мне в кабинет, сжимая толстую пачку бумаг с записями, сделанными во время четырехчасовой беседы.

– Этот человек для нас просто неоценим, – восторженно произнес Найтли. – Он только что указал расположение новых стратегических командных пунктов русского министерства обороны. – Найтли продемонстрировал схематическую карту, где были указаны расположение и планировка новых, совершенно секретных командных пунктов где-то на Урале. Это был русский аналог американского комплекса NORAD в горах штата Колорадо. – Я подам это как СХ с пятью звездами. Донесение дойдет до премьер-министра, – сказал Найтли. Впоследствии он сообщил мне, что это донесение, в конце концов, попало в кабинет президента Джорджа Буша.

– Но сведений еще будет множество, – добавил он. – Кажется, SOU оставил блокнот с записями об испытаниях в швейной шкатулке своей тещи в Москве. Если мы сможем раздобыть этот блокнот, дел у нас будет по горло.

Найтли объяснил, что в блокноте отмечены пертурбации в траекториях всех баллистических ракет, выпущенных с камчатского полигона с конца 1987 года по начало 1990-го. В нарушение всех правил, SOU старательно записывал данные после каждого испытания в две обычные школьные тетрадки. Такие подробности позволят штабу военной разведки определить точность и дальность действия советских ракет.

Более того, Найтли собирался передать эти данные американцам, чтобы те смогли использовать их для усовершенствования установок противоракетной обороны. Это принесло бы большую славу МИ-6.

– Мы должны вывезти из Москвы этот блокнот, – заключил Найтли.

Глава 7. Московская операция

Среда, 11 ноября 1992 г.

Зеркальный зал гостиницы "Метрополь", Москва.

Я увидел Голдстайна в противоположном углу заполненного людьми зала приемов за секунду до того, как он заметил меня. Чуть располнел, ворот рубашки, должно быть, на пару размеров больше. Он все так же обожал галстуки от Гермеса, туфли "Гуччи" и дорогущие итальянские костюмы, что было чересчур крикливо даже для вкусов такой разношерстной публики, как эти собравшиеся в элегантном зеркальном зале делегаты конференции. Последний раз я встречался с ним более пяти лет назад, вскоре после истории с прослушкой. Однако это несомненно он. Что было уже совсем плохо и заставило меня внутренне сжаться, так это его взметнувшаяся вверх бровь и подобие дружеской улыбки в мою сторону, означавшие, что и он меня не забыл. Адреналин ударил мне в кровь не потому, что я терпеть не мог Голдстайна, вовсе нет, а потому, что в тот момент мне меньше всего хотелось напороться на кого-то, кто знал меня как Ричарда Томлинсона. Такая нечаянная встреча вполне могла привести к тому, что мне пришлось бы отменить операцию и позорно вернуться в Лондон с пустыми руками. А ведь мне стоило такого труда убедить Рассела, Бидда, P5 и C/CEE, что я именно тот человек, которого следует отправить в Москву за тетрадями Симакова. В конце концов, их добил мой аргумент, что поскольку именно я разрабатывал "легенду" Хантли как раз для подобной операции, то лучше моей кандидатуры им не найти. И все равно они неохотно отправили меня, сравнительно малоопытного сотрудника, на задание, которое могло быть сопряжено с риском. И Голдстайн – намеренно или по воле случая – делал этот риск вполне ощутимым.

Первый день работы конференции "Как делать бизнес в обновленной России-1992", организованной газетой "Файнэншл таймс" и проводившейся в роскошных интерьерах только что отремонтированного отеля "Метрополь" в самом центре Москвы, был более чем успешным. Зарегистрировавшись как Алекс Хантли из компании "Ист-Юропиен инвестмент", я легко затесался в толпу из иностранных бизнесменов, дипломатов и госслужащих, каждый из которых выложил полторы тысячи фунтов за участие в трехдневном мероприятии. Когда с докладами в день открытия было покончено, мы перебрались в импозантный зал с зеркалами, чтобы отдохнуть и пообщаться за бокалом шампанского. Сибирские предприниматели болтали с чиновниками Всемирного

банка и МВФ, прощупывая почву относительно инвестиций в реконструкцию своих устаревших заводов. Нувориши из нефтяных баронов Казахстана обхаживали представителей "Бритиш петролеум", "Шелл" и "Амоко", обсуждая с ними условия создания совместных предприятий для освоения своих нефтяных и газовых месторождений. Торговцы из Армении и Грузии, алчущие доступа к дешевым кредитам и теоретическим познаниям, которые предоставляет финансируемый правительством Великобритании "Ноу-хау фанд", искали расположения британских дипломатов и сотрудников торгпредства. Российские политики фланировали по залу в сопровождении изящных переводчиц и на полном серьезе убеждали каждого, кто готов был слушать, что вкладывать деньги в их страну совершенно безопасно, несмотря на постоянную политическую нестабильность. Журналисты ловили обрывки разговоров в надежде по крупицам наклевать на статейку.

А ведь всего за несколько лет до этого, при прежнем советском, коммунистическом режиме, подобная свобода торговать, обмениваться информацией и дружить была совершенно немыслима. В России – стране только что победившего капитализма, перемены происходили в таком бешеном темпе, что это граничило с хаосом. Умные, предприимчивые, бесчестные и жадные в одночасье сколачивали себе состояния. Неосторожные или неудачливые с такой же легкостью все теряли. Свирепствовала инфляция, превращая в ничто зарплаты, сбережения, пенсии и сами жизни миллионов работников государственного сектора, которые не обладали нужной квалификацией или сноровкой, чтобы приспособиться к меняющимся временам. По всей стране десятки тысяч рабочих и инженеров военно-промышленного комплекса, который прежде финансировался государством, становились безработными, в то время как элита Москвы и Санкт-Петербурга вовсю делила между собой профессиональные ниши, которые были созданы капитализмом и системой свободной торговли: в банковском деле, в управленческом консалтинге, в импортно-экспортной торговле, в сфере финансовой отчетности и, к сожалению, не в последнюю очередь в организованной преступности.

И все же посреди всей этой неразберихи кое-что оставалось неизменным. Для двух древнейших в мире профессий в новой России наступила эпоха процветания, и представители обеих слетелись в "Метрополь" на запах власти и денег, который воцарился в отеле во время проведения конференции "Файнэншл таймс". Вечером накануне ее открытия облаченные в мини-юбки жрицы первой профессии расселись в Артистическом баре

"Метрополя", пытаясь ввести в соблазн делегатов. И хотя в отличие от девиц из бара мы старались скрыть, кто мы такие, я был там далеко не единственным представителем второй из самых древних профессий. Некоторые из американских "дипломатов", что попивали липковатое от избытка сахара грузинское шампанское под небрежную болтовню о рекламе обезболивающих таблеток и дипломатических перипетиях, отчеты свои посылали в Лэнгли, а вовсе не в государственный департамент в Вашингтоне. Любезными и вроде бы ни к чему не обязывающими, расспросами они аккуратно прощупывали каждого русского, с которым встречались. Имеет ли он доступ к каким-либо секретам? Есть ли в нем те своеобразные психологические черты, что необходимы хорошему шпиону? И если да, то нуждается ли он в деньгах и готов ли продать секретную информацию?

Несомненно, там присутствовали и агенты ФСБ, но сказать определенно, кто именно, было невозможно. Скрываясь под личиной журналистов, бизнесменов, а может быть, даже одетых в смокинги официантов, они исподволь вели наблюдение за всеми делегатами и за дипломатами в особенности. Соглядатаи из ФСБ уже "наизусть знали физиономии, характеры, увлечения, детали биографий и даже ресторанные пристрастия всех подозреваемых иностранных разведчиков. Группы наружного наблюдения тайком следовали за их машинами по пути от дома до "Метрополя". Все их перемещения отслеживались. Стоило одному из них побеседовать с каким-нибудь русским слишком долго или оживленно, как личность этого русского тут же устанавливалась и бралась на заметку, заводилось досье, проверялись его место работы, материальное положение, наличие доступа к тайнам. И если дипломат снова вступал в контакт с тем же русским, поднималась тревога. Ничто не было оставлено на волю случая. После того как один из дипломатов, извинившись, посещал туалет, отхожее место тщательно проверяли: не сделал ли он закладку в тайник, чтобы ее потом смог забрать агент?

Я видел, как лавирует среди делегатов Гай Уилер, заместитель резидента в Москве, работавший под прикрытием советника по вопросам торговли посольства Великобритании. Прежде я встречался с ним лишь однажды, когда он ненадолго прилетал в Лондон на время отпуска, но зато имел с ним обширную переписку шифрованными телеграммами, в которых мы согласовывали все детали предстоящей операции. Уилер был живым воплощением классического образа британского шпиона. Получив степень бакалавра гуманитарных наук в Оксфорде, он недолго проработал в одном из старинных семейных банков Сити.

Обходительный, прекрасно воспитанный, немного скучноватый, он идеально вписался в свою дипломатическую "легенду" и к работе относился крайне серьезно, недовольно хмурясь в ответ на шутки или легкомысленные ремарки, связанные со шпионским бизнесом. Подобно многим офицерам разведки, прошедшим через опыт работы в Москве, Уилер приобрел раздражающую привычку говорить чуть слышно, даже когда поблизости и в помине не могло быть посторонних ушей.

Уилер бросил взгляд в мою сторону и столь же быстро отвел глаза. Подойти ко мне и поздороваться он не мог: наблюдатели из ФСБ тут же сообразили бы, что мы знакомы. В то же время его беглый взгляд, в котором промелькнуло узнавание, придал мне ободряющей уверенности, что я здесь не в полном одиночестве, что есть хоть кто-то, кто может оценить мою работу.

Работая под дипломатическим прикрытием, Уилер занимался спокойной, чистой, своего рода джентльменской разновидностью шпионажа. Будь он уличен в деятельности, "несовместимой со статусом дипломата", его просто объявили бы persona non grata и отправили ближайшим самолетом домой. Разгорелся бы небольшой международный скандальчик, последовала бы ответная высылка с противоположной стороны, но никаких более серьезных мер в отношении разведчика, защищенного дипломатическим иммунитетом, предпринимать бы не стали. Гораздо сложнее и опаснее работать по "легенде" бизнесмена, журналиста или представителя любой другой профессии, потому что на них дипломатический иммунитет не распространяется.

С того момента, как Голдстайн заметил меня, действовать нужно было быстро. Он знал меня как Ричарда Томлинсона и явно все еще меня помнил. Ему стоило бросить всего несколько слов, чтобы от моей "легенды" не осталось камня на камне. Я уже мысленно видел свои имя и фотографию на первых полосах газет всего мира под заголовками об аресте британского шпиона. Ведь даже если я буду цепляться за свою выдуманную историю, русские в нее не поверят. Теоретически, в соответствии с российскими законами, за шпионаж меня могли приговорить к пожизненному заключению или даже расстрелу, но на деле русские не стали бы прибегать к таким драконовским наказаниям. Зато они, несомненно, постарались бы выжать из такого инцидента все, что поставило бы Великобританию в максимально неудобное положение.

Не замечать Голдстайна или делать вид, что мы не знакомы, было бы просто глупо. Он слишком хорошо меня знал, и такое поведение вызвало бы у него подозрения. Я решил взять быка за рога и довериться Голдстайну в надежде, что он не подведет.

Вежливо ускользнув от мсье Пуатье, француза из Лилля, специалиста по системам водоснабжения и канализации, который увлеченно описывал перспективы инвестиций в подлежащую скорой приватизации московскую канализационную систему, я направился в сторону Голдстайна. Он заметил мое приближение и тоже освободился от общества своих собеседников-бизнесменов.

– Привет, Эрнст! Рад снова тебя видеть. Я – Алекс. Помнишь, несколько лет назад мы работали вместе? – Я представился вымышленным именем, полагаясь на то, что Голдстайн поначалу растеряется.

– Конечно, я тебя помню. Только прости, как ты сказал, тебя зовут? – спросил он недоуменно.

– Не пойти ли нам подышать свежим воздухом, Эрнст? Прогуляемся немного. Мне нужно сообщить тебе нечто важное.

С некоторой неохотой Голдстайн согласился, мы выскользнули через боковую дверь, спустились по ступенькам и вышли в сыроватый вечерний воздух проспекта Маркса. Сидевшая на нижней ступеньке старуха, завернувшаяся в грязное одеяло, подняла на нас просительный взгляд. Протягивая к нам помятую жестяную банку, она что-то неразборчиво бормотала по-русски. И хотя мы не поняли ни слова, в ее голосе отчетливо звучало отчаяние. Эта фигура резко контрастировала с той обстановкой роскоши, которую мы только что покинули, и живо напоминала, какие страдания выпали в обновленной России на долю менее удачливых. На мгновение мне стало стыдно, что я прибыл сюда, чтобы шпионить, пользуясь воцарившимся хаосом. Все это были лишь игрушки в сравнении с той реальностью, в которой приходилось существовать этой пожилой женщине. Запустив руку в карман пиджака, я выгреб для нее все оказавшиеся в нем рубли.

Какое-то время мы с Голдстайном шли молча. Мы оба понимали, насколько наши маленькие проблемки и волнения тривиальны в сравнении с ситуацией этой бабульки. Я заговорил первым:

– Прости, Эрнст, за излишний драматизм, но, как полагаю, ты хотел бы услышать мои объяснения?

– Да. Что происходит? Помнится, тебя звали Ричардом. Почему же теперь ты Алекс?

Вкратце я поведал ему, как случилось, что я оказался в Москве под вымышленным именем. Голдстайн постарался скрыть свое изумление, но был явно заинтригован. Моя история произвела на него впечатление.

– Уверен, ты понимаешь, в каком я окажусь дерьме у себя на родине, если хоть что-то из того, что я тебе сказал, выплывет наружу, но ты ведь наверняка из тех, кто умеет держать язык за

зубами, – сказал я, надеясь, что Голдстайн клюнет на мою маленькую лесть. – До окончания конференции нам с тобой лучше не общаться. Конечно, мы будем здороваться, но продолжительных разговоров нужно избегать. Когда вернемся в Лондон, угощу тебя обедом, тогда и поговорим как следует, – предложил я и сменил тему, поскольку мы уже приближались к главному входу в отель, у которого могла дежурить наружка ФСБ в ожидании, когда Уилер и другие подозреваемые в шпионаже лица начнут разъезжаться. Голдстайну хотелось вернуться в зал приемов, и потому, поболтав с ним еще немного, я пожал ему руку и поднялся наверх в свой номер, чтобы все хорошенько обдумать.

На эту операцию ушли месяцы планирования и подготовки, к тому же на нее уже были потрачены приличные деньги. Если я сейчас прерву ее осуществление, все пойдет насмарку. А с другой стороны, мог ли я полностью положиться на Голдстайна? Он сообщил мне, что вечером того же дня у него ужин с несколькими приближенными Ельцина, во время которого он рассчитывает провернуть крупную сделку. Одно его неосторожное слово под воздействием лишней рюмки водки, и я могу оказаться в Лефортовской тюрьме. И все же, хотя я очень нервничал при мысли о необходимости продолжать операцию, отступать было уже поздно. Завтра я заполучу тетради, как и было намечено. Приняв это решение, я встал, прихватил свою спортивную экипировку и спустился в оздоровительный центр при гостинице.

Высокий длинноногий мужчина пятидесяти, но в хорошей для своего возраста форме, занимал один из тренажеров – беговых дорожек. Для разминки я встал на такой же рядом с ним.

– Добрый день, – приветствовал он меня в той доброжелательной, но снисходительной манере, в какой армейские офицеры обращаются к своим солдатам. Мы представились друг другу. Он был из "Контрол риске" – агентства корпоративной безопасности, которое готовило консультационный отчет для своих клиентов, пожелавших вложить деньги в России.

– Чертовски рад, что оказался здесь, – сказал он. – Я впервые в России, здесь интересно. Вот только до сих пор не возьму в толк, как мне дали визу.

– Почему это? – спросил я.

– Я ведь армейский полковник. Они тут повсюду за мной следят. – Он кивнул в сторону молодого человека, упражнявшегося на гребном тренажере. – С этим все в порядке. Можно разговаривать свободно. Он англичанин, работает на "Морган Гренфелл". Я уже успел проверить, – сообщил полковник

заговорщическим шепотом.

Я сдержал позыв рассмеяться над его разыгравшимся воображением и сосредоточился на беге. Полковника я снова увидел следующим утром на проспекте Маркса. Он изучал лица прохожих с сосредоточенностью полицейского, высматривающего на трибуне во время футбольного матча лица известных хулиганов. Пройдя метров пятьдесят, он вдруг остановился и наклонился, чтобы заняться шнурками своих ботинок, осторожно оглядываясь в поисках привидевшегося ему "хвоста".

x x x

В то утро я побывал на последних лекциях в "Метрополе". Гвоздем программы стало выступление Виктора Черномырдина – будущего премьер-министра, а тогда главы Газпрома, огромной российской газодобывающей корпорации. Послушать его приехали несколько работников британского посольства, включая и Уилера, чье прикрытие давало ему удобный предлог побывать на подобном мероприятии. Я тоже что-то царапал в блокноте, чтобы соответствовать "легенде", но содержания лекции почти не улавливал. Мыслями я полностью сосредоточился на предстоящем деле.

Наскоро пообедав, я поднялся к себе в номер, хорошенько запер дверь и вынул из "дипломата" тетрадь для записей формата А4 производства фирмы "У.Х.Смит". Страниц двадцать в ее начале я заполнил записями с конференции, которые в Лондоне были никому не нужны. А вот пятую страницу с конца я аккуратнейшим образом вырвал, перешел в ванную и расстелил ее на пластмассовой крышке унитаза, после чего достал из дорожного несессера флакон лосьона после бритья "Ральф Лорен поло спорт". Смочив небольшой ватный шарик подмененным содержимым флакона, я стал медленно и методично водить им по поверхности бумаги. Через несколько секунд на нем стали проступать крупные русские буквы, выведенные почерком Симакова, которые постепенно темнели, приобретая насыщенный розовый цвет. Я тщательно просушил бумагу гостиничным феном, стараясь не помять ее слишком сильно и в то же время хотя бы частично удалить резкий парфюмерный запах. Листок выглядел теперь как самое обычное письмо, только написанное несколько необычными розовыми чернилами. Затем я потянул за мягкую, телячьей кожи внутреннюю обивку "дипломата", которым меня снабдили в отделе технического обеспечения, отодрал ее от "липучки", крепившей ее к корпусу чемоданчика, вложил письмо в

образовавшуюся узкую щель и вернул обивку в первоначальное положение. Обнаружить такой тайник можно было только при тщательном обыске.

Р5, в свое время работавший в московской резидентуре, объяснил, что такому новичку в разведке, каким был я, не стоило даже пытаться применять методы обнаружения слежки в российской столице. "Их служба наружного наблюдения действительно работает очень хорошо, – говорил он. – Даже разведчикам с большим опытом обнаружения "хвостов" в Москве приходится тяжело. Обычно требуется месяцев шесть, чтобы вновь прибывший наш сотрудник научился четко их вычислять. Тебе нет смысла даже пробовать". Тем не менее по дороге от "Метрополя" до станции метро я не удержался от того, чтобы не использовать все попадавшиеся мне естественные ловушки для соглядатаев, вроде лестниц, где со следующего пролета хорошо виден предыдущий, подземные переходы под улицами с оживленным движением, крупный универсальный магазин. Никаких очевидных признаков слежки за собой я не заметил.

Поездка в Зеленоград – пригород Москвы, где располагалась российская версия Силиконовой долины, была делом долгим, утомительным и сложным. Немногие из жителей этого городка ведали, что своим появлением он был обязан двум эксцентричным перебежчикам из США, помогавшим в годы Второй мировой войны советскому шпиону Джулиусу Розенбергу, потом укрывшимся в СССР и ненадолго возглавившим советскую микроэлектронику. Теперь в Зеленограде царило запустение. Брошенная недостроенной высотка на центральной площади возвышалась над статуей Ленина символом горькой судьбы, постигшей прежнюю гордость российской науки и техники.

Р5 приказал мне пользоваться только обычным городским транспортом, поскольку риск, что водитель предоставленного "Метрополем" такси доложит куда следует об иностранце, совершившем поездку по необычному маршруту, был слишком велик. Одряхлевшая, но удобная система Московского метрополитена позволяла мне проделать только часть маршрута; далее мне предстояло продолжить путь автобусами. Симаков дал на этот счет четкие указания. Сначала до метро "Речной вокзал" – конечной остановки на зеленой линии, затем автобусом номер 400 до Зеленограда, где нужно было пересесть на местный автобус. Однако этой информации было уже больше года, а московская резидентура не в состоянии была перепроверить ее, поскольку подозрения могла вызвать поездка в Зеленоград любого из ее сотрудников, даже одного из секретарей, наружное наблюдение за которыми не было постоянным. Оставалось только

надеяться, что маршруты за это время не изменились, а если даже изменились, у меня всегда оставалась возможность сориентироваться, читая написанные кириллицей указатели направлений, расположенные над лобовым стеклом автобусов.

В три часа дня автобус подвез меня к небольшому, запущенному скверу рядом с домом, где прежде жил SOU. Он считал, что выйти из автобуса лучше всего здесь. Этот жилой квартал выглядел безлюдным и наводил тоску, которая еще более усугублялась пасмурным небом над головой. Повсюду стояли серые, уродливые, почти не отличимые друг от друга многоквартирные дома, которые преобладали по всей Москве. Больше всего поражало отсутствие ярких красок. Трава пожухла, деревья стояли голыми, и даже несколько припаркованных в округе "Жигулей" имели тусклую серую или коричневую окраску. Одна из машин была без колес и стояла на подложенных под нее кирпичах. "Уж не Симакова ли это старый лимузин?" – промелькнула у меня мысль. За исключением пары малышей, раскачивавшихся на единственных исправных качелях в сквере, вокруг никого не было видно. Я определил свое местонахождение, припомнив детали нарисованного SOU плана. В точном соответствии с ним я увидел поодаль, на противоположной стороне широкой проезжей части, угол темно-зеленого дома, который выглядывал из-за другого, точно такого же. Я пересек улицу по пешеходному переходу, имея последнюю возможность проверить, нет ли за мной слежки.

Домофон при входе в подъезд оказался сломанным, и потому отпала нужда воспользоваться комбинацией цифр, которую я заучил наизусть еще в Лондоне. В замусоренном подъезде воняло мочой и блевотиной, стены были испещрены надписями. Я без особой надежды потыкал в кнопку вызова лифта. Симаков говорил, что лифт в его доме не работал годами. Вот и сейчас он не подавал никаких признаков жизни, и мне пришлось начать малоприятное восхождение на восьмой этаж, думая про себя, что теперь стало понятно, почему пожилая теща Симакова едва ли вообще выходит из дома.

Я слегка постучал в ободранную металлическую дверь квартиры номер 82а, но ответа не последовало. Я постучал еще, чуть посильнее, но за дверью по-прежнему царило молчание. Обеспокоенный, что мой визит совпал с одним из тех редких случаев, когда теща Симакова куда-то уезжала, я забарабанил со всей силы. Наконец, я услышал нервный женский голос:

– Кто там?

В ответ я выдал тщательно заученную и отрепетированную тираду по-русски:

– Меня зовут Алекс. Я английский друг вашей дочери и ее мужа. У меня для вас письмо.

Она произнесла фразу, которую мой скудный запас русских слов не позволил понять даже приблизительно, и я лишь снова повторил заученное. В двери отсутствовала прорезь для корреспонденции, куда я мог бы опустить письмо Симакова, и потому у меня просто не было другого выхода, кроме как завоевать ее доверие и сделать так, чтобы она открыла дверь. После того как я повторил свой текст трижды, опасаясь, как бы не привлечь чрезмерного любопытства соседей, внутри лязгнул тяжелый засов, и дверь, удерживаемая цепочкой, приоткрылась на несколько сантиметров. Я просунул письмо в щель и успел только заметить, как его взяла морщинистая рука. Дверь снова закрыли и бесстрастно заперли на засов.

Я подождал минут пять, глядя вниз на улицу сквозь узкое грязное оконце рядом с мусоропроводом, и постучал снова. На этот раз дверь тут же распахнулась, и крошечная старая леди пригласила меня войти в тускло освещенную квартиру, беззубо улыбаясь мне и жестом указывая, что я могу сесть на диван. Это был единственный более или менее приличный предмет меблировки в чистенькой, но плоховато обставленной комнате. Старушка пробормотала что-то, воспринятое мною как формула гостеприимства. Поэтому я энергично закивал в ответ, и она тут же пропала на кухне. Симаков рассказывал мне, что по российским стандартам его теща считалась достаточно обеспеченной женщиной, но, осмотревшись в этой малогабаритной квартирке, я стал понимать, почему он и его семья предпочли отсюда сбежать. Как и обещал Симаков, в одном из углов комнаты стояла корзинка для шитья, в которой, если он прав, все еще должны были лежать две синие ученические тетради.

Через несколько минут старушка вернулась с чашкой крепкого переслащенного чая, который я принялся прихлебывать скорее из вежливости, нежели жажды. В письме SOU указал некоторые из своих личных вещей, за которыми я якобы и приехал. Хозяйка захлопотала, забегала по квартире, и в центре комнаты стала постепенно расти куча из книг, одежды и разных безделушек (каждый из найденных предметов она отмечала в списке). Выжидая момента завладеть тетрадями, я подумал, как похоже это на Симакова: воспользоваться случаем, чтобы я притащил в Англию чуть ли не все его старые пожитки.

Когда его теще снова что-то понадобилось на кухне, я вскочил с дивана и бросился к корзине. Как и уверял Симаков, там по-прежнему лежали две ученические тетради. Я быстро

заглянул в них и увидел, что они сплошь исписаны рядами цифр. Спрятать тетради я предпочел в одну из еще не до конца заполненных вещами картонных коробок, которая была поменьше других.

Взглянув на тикавший на серванте механический будильник, я увидел, что было уже четыре часа, то есть оставалось всего полчаса до наступления темноты. Блуждать во мраке, добираясь до центра Москвы с помощью плохо знакомой системы общественного транспорта, было бы нелегко. Настала пора убираться отсюда. Чаша моего терпения переполнилась, когда старушка добавила к куче вещей пару ярко-красных вязаных свитеров Симакова. На языке жестов я, как сумел, объяснил ей, что возьму только одну коробку. До нее дошло, и она стала отбирать то, что было важнее. Пять минут спустя я уже выходил из этой мрачноватой квартиры.

Не без труда я спустился по лестнице и перешел улицу к автобусной остановке, держа "дипломат" в одной руке, а другой прижимая к себе тяжеленную коробку с бесценными тетрадками. Велик был искус выбросить избыточный груз. Кстати, о том, стоит ли везти в Лондон симаковское барахло, возникли ожесточенные дебаты еще в нашей штаб-квартире. Р5 резко выступал против, считая, что этим мы создаем себе дополнительную головную боль и берем на себя излишние обязательства. В пику ему начальник SB считал, что только так я получу благовидный предлог посетить тещу Симакова. Если бы меня задержали на обратном пути в отель, я мог бы прикинуться невинной овечкой: что, мол, Симаков – мой лондонский приятель – попросил привезти кое-какую одежду, а про какие-то там стратегически важные тетради я и знать не знаю. В конце концов, мудрость начальника отдела безопасности возобладала, и мне пришлось тащиться обратно в "Метрополь" с тяжелой ношей.

На следующее утро после неспешного завтрака в Боярском зале ресторана "Метрополь" я позвонил в посольство Великобритании и попросил разрешения поместить библиотеку торгового представительства якобы для того, чтобы получить некую информацию для "Ист-Юропиен инвестмент". Как и было намечено, на мой звонок ответил один из секретарей МИ-6, который поинтересовался, не пожелаю ли я встретиться с советником посольства по вопросам торговли. Встреча была означена на 11.30, и я отправился пешком в недальний путь от "Метрополя" через Красную площадь, затем по мосту на другой берег Москвы-реки к Британскому посольству, что находилось прямо напротив Кремля. Р5 и начальник отдела безопасности сошлись во мнении, что мне нужно будет избавиться от тетрадей

как можно скорее, и по плану я должен был оставить их в посольстве, чтобы потом их переправили в Лондон диппочтой. Что даже такой вариант действий не был полностью безопасен. Персонал резидентуры в своей работе исходил из того, что прослушиваются все помещения посольства, за исключением специально оборудованной комнаты, которую подвергали регулярным электронным "чисткам". Кроме того, как и большинство посольств иностранных государств, наше нанимало на работу клерков, шоферов и уборщиц из числа местных жителей, каждый из которых, как предполагалось, строчил донесения в ФСБ. Здание посольства находилось под наблюдением. Мой телефонный звонок был наверняка перехвачен, и соглядатаям на тайном посту через реку от посольства сообщено, что в 11.30 должен появиться некий бизнесмен.

После того как я показал дежурной паспорт на имя Хантли, она провела меня в коммерческий отдел, где, к своей радости, я увидел сидевшего за столом Уилера.

– О, мистер Хантли, я полагаю? – Он приподнялся из-за стола, чтобы поздороваться со мной. Мы обменялись рукопожатиями, делая вид, что никогда прежде не встречались.

– Присаживайтесь, мистер Хантли.

– Простите, что вы сказали? – переспросил я. Уилеру пришлось повторить фразу громче, сопроводив свои слова приглашающим жестом.

– Чем могу служить?

Десять минут спустя я уже возвращался в отель с "дипломатом", набитым брошюрами о возможностях бизнеса в России, изданными посольством и министерством торговли и промышленности. Самое главное, я сбыл с рук тетради SOU. По заранее оговоренному плану я как бы случайно оставил на столе Уилера свой номер "Файнэншл таймс", в который были вложены тетради. Я еще не успею дойти до собора Василия Блаженного, как данные по запускам ракет уже будут в руках секретаря резидентуры, который подготовит их к отправке очередной дипломатической почтой. Учитывая, что она отправлялась в Лондон тем же вечером, в Сенчури-хаус тетради окажутся раньше, чем туда попаду я сам.

Как и многие другие делегаты конференции, я вылетел в Лондон на следующий день. Был в числе пассажиров и мой знакомый полковник, который исподтишка бросал взгляды через плечо, даже когда мы уже занимали места в "Боинге-757"компании "Бритиш эйрвейз".

x x x

После того как я отчитался об успешной миссии в Москве, Рассел предложил мне стать представителем UKA в комитете МИ-6 по легальным прикрытиям. Этот аналитический орган был создан для того, чтобы могли обмениваться между собой идеями и опытом все резидентуры, работавшие под "крышами" легальных британских представительств, а также UKA (управление Восточной Европы), UKB (управление Западной Европы), UKC (управление Африки, то есть в первую очередь Южно-Африканской Республики), UKD (управление Ближнего Востока, исключая Иран), UKJ (управление Японии), UKO (управление Индии и Пакистана) и UKP (управление Ирана). В комитет входили посланцы от каждой из резидентур, почти все офицеры отдела обеспечения безопасности операций SB и представители центрального аппарата. Резидентуры постоянно разрабатывали новаторские варианты прикрытий, и присутствие на заседаниях комитета давало увлекательную возможность заглянуть в процесс работы этой "творческой кухни". К примеру, Кеннет Роберте, бывший офицер полка Блэкуотч и журналист "Таймс", работавший теперь в отделе UKO, сумел убедить видного члена палаты лордов от консервативной партии назначить его своим личным эмиссаром в Индии. Это давало Робертсу беспрецедентно свободный доступ в самые высшие круги индийского общества, который он в полной мере использовал, чтобы присылать в центр ценнейшие донесения о программе разработки Индией собственного ядерного оружия.

Ник Лонг, обучавшийся вместе со мной на подготовительных курсах, разъезжал теперь по Южной Африке под видом торговца кормами для кур. Под такой "крышей" он имел удобную возможность встречаться со своими агентами в Африканском национальном конгрессе (ANC) и партии Инката в самых отдаленных сельских районах. Еще один наш офицер, который прежде чем прийти работать в МИ-6, получил профессию хирурга-ветеринара, только что вернулся из оплаченной ODA – Департамента развития заморских территорий – поездки по Ирану, где обучал местных ветеринаров приемам иммунизации скота от различных заболеваний. Маршрут поездки проходил через большинство иранских центров ветеринарных исследований, под вывеской которых могли скрываться заводы по производству биологического оружия, поэтому МИ-6 сочла необходимым внедрить в команду врачей соответственно подготовленного разведчика.

На одном из заседаний зашла речь о том, какие существуют

возможности для засылки "нелегалов" во враждебные нам страны. "Нелегалами" называются тщательно подготовленные агенты разведки для работы под тем или иным недипломатическим прикрытием в течение длительного времени, не вызывая подозрений. Советская разведка широко использовала таких агентов на Западе приблизительно до 1970 года. В 60-е годы трое активно работавших русских "нелегалов" были разоблачены в Великобритании. Первым из них стал сотрудник КГБ Конон Трофимович Молодый, который под именем Гордона Лонсдейла (давно умершего канадца финского происхождения) владел в Лондоне фирмой по сдаче в аренду игровых автоматов, являвшейся прикрытием для его шпионской деятельности с 1955 по 1960 год, когда он был разоблачен и арестован. Двумя другими были Моррис и Лона Коэны – американцы, которых КГБ завербовало и снабдило фальшивыми новозеландскими документами. Они вели шпионскую работу в Лондоне под видом четы букинистов Питера и Хелен Крюгеров.

Недавние перебежчики, агенты NORTHSTAR и OVATION, засвидетельствовали, что КГБ больше "нелегалов" не использует. Там поняли, что затраты на подготовку таких агентов крайне редко компенсируются их шпионским "уловом". Комитет по легальным прикрытиям быстро пришел к такому же выводу. В заключении комитета говорилось, что подготовка одного разведчика-"нелегала" до необходимого уровня имеет смысл только в том случае, если у него на контроле будет находиться один, а еще лучше два крайне ценных агента, высокое положение которых в обществе сделает невозможными оперативные контакты с ними сотрудников местной резидентуры. К тому же Россия оставалась единственной страной, где от иностранного разведчика действительно требовался высокий уровень обученности, а служба контрразведки была по-настоящему мощной, чтобы оправдать наши затраты на подготовку.

Впрочем, представители UKC заявляли, что к таким странам следует отнести и ЮАР. Даже после краха апартеида британские интересы на южной оконечности африканского континента оставались настолько обширными, что МИ-6 продолжала вести там активную работу. Кроме того, в период правления режима апартеида она настолько успешно занималась там вербовочными операциями, что целый ряд ее агентов добились теперь высоких постов в Африканском национальном конгрессе. Как не без сарказма говорил Лонг: "Просто поразительно, сколь многие из тех, кто шпионил на нас по так называемым идеологическим мотивам, продолжают с довольным видом класть себе в карман вознаграждение за шпионаж и теперь, когда апартеида уже нет".

Вернувшись к себе в отдел несколько дней спустя, я снова стал раздумывать над проблемой "нелегалов", и тут меня осенило, что подходили мы к ней не с той стороны. Вместо того чтобы вкладывать огромный труд в разработку фальшивой "легенды" и прикрытия для уже действующего офицера МИ-6, почему бы нам не подыскать человека, не связанного со спецслужбами, но с подходящими профессиональными и личностными характеристиками. Его можно было бы тайно, под чужим именем провести через систему обучения IONEC, а потом отправить в интересующую нас страну уже под своим именем и под прикрытием его подлинной профессии.

Расселу идея приглянулась, и он попросил меня написать меморандум с детальной разработкой этого плана. Тем временем Лесли Милтон – мой приятель еще со студенческой скамьи в Кембридже, сменив несколько мест работы в Сити и получив степень магистра по специальности "экономическое управление", стал независимым консультантом по инвестициям в Лондоне. Он не был женат, и потому ничто не мешало ему отправиться заниматься бизнесом за границу. Более того, родился он в Нью-Йорке и в дополнение к британскому паспорту имел еще и американский, что позволяло ему еще более дистанцироваться от подозрений в связи с МИ-6.

Мой план одобрили, Милтона завербовали в МИ-6, и в марте 1993 года он приступил к обучению. Его настоящее имя и прежняя биография оставались тайной для большинства сотрудников нашей штаб-квартиры и даже соучеников по IONEC. Ему присвоили псевдоним Чарльз Дерри, и под этим именем включили в список дипломатов, то есть штатных сотрудников FCO. А несколько месяцев спустя, когда он успешно окончил курсы, по нашей конторе был пущен слух, что у него тяжело заболел отец и ему пришлось уйти из МИ-6, чтобы взять на себя ведение семейного бизнеса. Он с грустью в глазах распрощался с коллегами и пропал.

Примерно через месяц он вынырнул в Йоханнесбурге под своим настоящим именем в роли финансового консультанта из Америки. Он снял небольшой отдельно стоящий дом в престижном районе Парквью и открыл консультационную фирму, оказывающую услуги тем, кто желал вложить средства в развивающуюся экономику простившейся с апартеидом Южной Африки. Его жилище находилось в удобной близости от домов двух наиболее важных агентов МИ-6 в ЮАР – большого армейского чина и крупного правительственного чиновника. Оба были завербованы в самом начале подъема по карьерной лестнице, но достигли потом таких высот, что ни один сотрудник

резидентуры не мог бы контактировать с ними, не вызывая подозрений.

Милтон же встречался с этими агентами два раза в месяц у себя дома или же вполне открыто в ресторанах и барах самых фешенебельных кварталов Йоханнесбурга. Эти встречи ни у кого не вызывали любопытства, но если бы кто-то и поинтересовался, то получил бы вполне правдивый ответ, что Милтон консультировал их по финансовым вопросам. Правдивый потому, что Милтон и в самом деле помогал им вкладывать весьма существенные шпионские гонорары таким образом, чтобы ни коллеги, ни даже жены и другие члены семей не заметили роста их благосостояния. Свои донесения с информацией, полученной во время этих встреч, Милтон кодировал с помощью весьма надежной и в то же время продающейся в обыкновенных магазинах компьютерной программы PGP и отправлял в Лондон через Интернет.

Операция была простой, экономичной и совершенно безопасной. Если бы даже южноафриканские спецслужбы в чем-то заподозрили Милтона, им бы никогда не удалось обнаружить ни малейших улик, чтобы привлечь к суду его самого или его агентов, к тому же американский паспорт Милтона направил бы все подозрения в сторону Лэнгли, а не Сенчури-хаус.

Помимо России, UKA отвечало за проведение операций под легальным прикрытием в других странах Восточной Европы. Причем со времени окончания "холодной войны" до начала 1992 года только Россия и представляла сколько-нибудь существенный интерес. Однако распад Югославии породил новые проблемы. Хорватия и Словения уже были признаны Европейским сообществом в качестве независимых государств. МИ-6 испытывала все возрастающие трудности в стремлении контролировать этот регион, поскольку в каждой из получивших независимость стран нужно было создавать резидентуру.

x x x

Помимо двух сотрудников, которые уже работали в Белграде, в штате МИ-6 имелся всего лишь один офицер, владевший сербскохорватским. Но и он только что прошел длительное обучение финскому языку и готовился на три года отбыть в Хельсинки. Департаменту кадров не улыбалось, чтобы потраченные на него деньги вылетели в трубу из-за вынужденного переезда на Балканы, и потому трое других сотрудников были срочно командированы на ускоренные курсы

сербскохорватского. Однако овладеть им в той степени, которая необходима для работы в стране, они могли не ранее, чем через девять месяцев. А до того времени помощь белградской резидентуре призвано было оказать UKA. Поскольку никто из нас сербскохорватским не владел, возможности наши оказались весьма ограниченными. В лучшем случае мы могли, вероятно, поддерживать связь с теми из их агентов, которые говорили по-английски. Рассел распорядился, чтобы я побеседовал с P4 – штабным офицером, который курировал операции на Балканах.

P4 получил свое назначение годом ранее, когда это была непыльная, но и не особенно перспективная должность, то есть до того, как в Югославии началась серьезная заваруха. Прежде он некоторое время служил в Северной Ирландии, пока ответственность за эту провинцию не перешла к МИ-5, потом выполнял необременительные обязанности связного в нескольких спокойных европейских странах. В конторе он был знаменит, главным образом, своей манерой одеваться, которая наверняка привела бы в восторг какого-нибудь болгарского таксиста. За глаза ему прилепили кличку Щеголь, хотя Стиляга или Пижон подошли бы ему в той же степени. Неожиданно и резко возросшая важность должности P4 подарила ему шанс побороться за более высокое место в нашей иерархии, и он взялся за дело с ошалелым энтузиазмом.

– Разумеется, у меня есть работа как раз для вас, – сказал Щеголь, выглядывая из гороподобной груды входящих бумаг на своем напоминающем свалку рабочем столе. – Нам дали наводку, что сербский журналист Зоран Обрадович может быть хорошим объектом для вербовки. – Он покопался в бумажном хаосе перед собой и выудил-таки нужную папку. – Ему за тридцать, военный корреспондент независимой газеты "Време", регулярно сотрудничает с антиправительственной радиостанцией "B-92", – добавил Щеголь. – Он не раз делал высказывания либерального и антивоенного толка как на публике, так и в личных беседах с BEAVER. Оперативный псевдоним BEAVER носил проверенный в деле британский военный репортер, связанный с отделом I/OPS. В прошлом он уже дал нашему ведомству несколько ценных наводок. – Щеголь передал мне досье на Обрадовича, не преминув снять с папки сопроводиловку и расписаться в ней. Это означало, что с этой минуты за сохранность досье отвечал уже я.

– Подберите себе новый псевдоним, разработайте "легенду" и отправляйтесь в Белград. Добираться придется наземным транспортом через одну из соседних стран. Прямые авиарейсы туда отменены из-за санкций ООН.

Глава 8. Готов на все сто

Среда, 2 июня 1993 года.

Кафе "Дунай", Белград.

– А знаешь, Бен, я ведь тебе проверочку устроил... – Обрадович отвел глаза и продолжал чуть тише, – через некоторых моих друзей... через знакомых в полиции. – Он дотянулся до пачки "Мальборо-лайтс", затерявшейся среди разоренной сервировки затянувшегося пьяного обеда, и церемонно прикурил. Медленно выпустив струйку дыма, он сделал еще затяжку, с мелодраматическим выражением выдохнул дым и снова пристально посмотрел мне в глаза. – На это ушло некоторое время, но твои документы, твоя журналистская аккредитация... что ж, они вроде бы подлинные. – Обрадович опять поднес к губам сигарету, наблюдая за моей реакцией. Я поднял бокал с водой, стараясь выглядеть как можно спокойнее, хотя понимал, что он определенно играет со мной в кошки-мышки. Мне нужно было как можно быстрее уносить ноги из этого гостиничного обеденного зала. Если Обрадович действительно попросил сербскую тайную полицию проверить меня, то ему должно быть известно, что мое удостоверение независимого журналиста – чистейшая "липа".

Это было мое второе рандеву с Обрадовичем. Двумя неделями ранее я прибыл из Лондона, чтобы встретиться с ним в том же кафе в центре Белграда. Санкции ООН против Сербии, введенные год назад, соблюдались жестко, и долететь до Белграда самолетом не было никакой возможности. Выход состоял в том, чтобы добраться до Будапешта, а остальные 370 километров до Белграда проехать за ночь автобусом. При нашем первом свидании Обрадович произвел впечатление многообещающего субъекта для вербовки. Свободный журналист, слегка за тридцать, выходец из межнациональной сербскохорватской семьи, он публично заявлял о своей нейтральной позиции в гражданской войне и упрямо называл себя "югославом" по национальности. Несмотря на свои антивоенные взгляды, он имел доступ в высшие военные и политические круги как Сербии, так и Хорватии. Он с большой готовностью схватил предложенный мною "гонорар за консультацию" в размере 500 немецких марок, а черты его припухшего лица выдавали страстишку к импортному вину, качественной пище и западным сигаретам: в условиях действия санкций все это было запредельно дорого, но я-то мог с легкостью удовлетворить его аппетиты. В Обрадовиче я увидел все

классические характеристики хорошего агента: он был достаточно информирован, легко доступен для контактов и имел реальные мотивации для вербовки.

Когда после первой поездки я вернулся в Сенчури-хаус, Щеголь с большим напором порекомендовал мне как можно скорее опять отправляться в Белград и продолжить работу с Обрадовичем, который представлялся личностью, способной заполнить пробелы в разведывательных донесениях белградской резидентуры.

Мое второе путешествие снова началось с вполне заурядного перелета в Будапешт под именем Бена Пресли, независимого журналиста. При мне был фальшивый членский билет NUJ (Национального союза журналистов Великобритании), чековая книжка "Королевского шотландского банка" да кредитная карточка в бумажнике, а больше ничего, чтобы документально подтвердить мою "легенду". Хотя автобус под завязку был забит сербами и их огромными чемоданами, которые распирало от дефицитных в условиях санкций товаров, путешествие прошло спокойно, и я имел возможность поспать несколько часов...

...Вибрация, прокатившаяся по всему корпусу "Икаруса", когда водитель заглушил двигатель, мягко вывела меня из забытья. Я протер сначала свои глаза, потом запотевшее оконное стекло. Свет тускловатых люминесцентных ламп плохо справлялся с туманом и темнотой, но я сумел разглядеть, что мы стоим на венгеро-югославской границе. Было четыре часа утра, и все до единого места на парковке оказались заняты или маленькими и явно перегруженными легковушками марки "застава" или грузовичками, на плоских кузовах которых громоздились высоченные груды товаров, накупленных в Венгрии. Несмотря на неурочный час, на границе выстроилась длинная очередь сербов, дожидавшихся, чтобы им проставили штамп в паспорте. Водитель нашего автобуса что-то громогласно объявил и пустил по салону листок бумаги, подколотый к папке из плотного картона. Очевидно, это было нужно для пограничников. Когда пришла моя очередь, я увидел, что требуется указать фамилию и номер паспорта. Все еще полусонный, я начал было выводить печатными буквами свою настоящую фамилию, но спохватился, густо зачеркнул написанное и внес в список псевдоним. Никто не обратил на мою ошибку внимания, но этот не имевший никаких последствий инцидент заставил меня окончательно проснуться.

Всего через несколько минут внутрь автобуса взобрался сербский пограничник в плотном темно-синем плаще и с автоматом поперек груди. Он просмотрел наш список, прорявкал какой-то приказ – очевидно, чтобы мы приготовили паспорта – и

начал проверку, двигаясь вдоль прохода. Я сидел ближе к передней части автобуса, и очередь до меня дошла скоро. Он бросил быстрый взгляд на мой паспорт, заметил, что он британский, и не говоря ни слова сунул его в карман плаща. Закончив проверку остальных пассажиров, он вышел, прихватив мой паспорт с собой. Я хотел возмутиться, но понял, что, совсем не владея языком, лучше промолчать и набраться терпения. Водитель недобро посмотрел на меня и сказал что-то явно язвительное на своем языке. Я предположил, что ему было ведено дожидаться, пока вернут мой паспорт. Шла минута за минутой, и мои попутчики начали уже нетерпеливо роптать, но в конце концов появился пограничник и протянул мне паспорт. Я наскоро проверил его и убедился, что никаких отметок в нем не проставили. Не приходилось сомневаться, однако, что все мои личные данные были теперь загружены в полицейский компьютер.

Остаток путешествия прошел без малейших проблем. После того как я занял номер в гостинице "Интерконтиненталь", у меня осталось время, чтобы принять душ и позавтракать, прежде чем я позвонил Обрадовичу. Он пожелал встретиться в 14.00 за обедом, и в моем распоряжении, таким образом, оказалось целое утро, чтобы проверить, нет ли за мной слежки. Щеголь говорил мне, что к сотрудникам белградской резидентуры соглядатаев приставляли редко, но это был еще не повод для благодушия. Сара просила привезти ей сумочку, так что я мог использовать посещение магазинов как возможность пустить в ход несколько приемов обнаружения "хвоста". Можно было медленно прогуливаться от одной кожевенной лавки до другой, подолгу пялиться на витрины, внезапно войти в магазин или выйти из него, неожиданно повернуть назад, то есть использовать все хрестоматийные уловки, не вызывая подозрений.

Несмотря на санкции, в торговых центрах Белграда было оживленно. Почти отсутствовала в продаже или отпугивала ценами импортная электроника, зато потребительские товары собственного производства, особенно кожаные изделия и одежда, предлагались в огромных количествах. Не было недостатка и в магазинах, где можно было купить дамскую сумочку.

Стоя на оживленной улице и разглядывая магазинную витрину, я мысленно отругал себя за обещание купить Саре подарок. Она бывала иногда очень капризна, и передо мной встала крайне трудная проблема, что же ей выбрать. Так ничего и не решив, я повернулся и заметил, как такой же маневр совершил некий молодой человек, стоявший перед витриной, недалеко от меня. Он был среднего роста, круглолиц, чисто выбрит, голову

его покрывала серая кепка, весь – воплощение серости. Настолько невзрачный, что это бросалось в глаза.

Через час, присев выпить чашку кофе в уличном кафе, я заметил того же парня в серой кепке, читавшего книгу в кафе на противоположной стороне улицы. Все это еще не означало, что за мной действительно приглядывали. Для окончательного подтверждения мне нужно было либо заметить его же еще несколько раз, либо дважды зафиксировать двоих разных соглядатаев. Два раза увидеть на улице одно и то же лицо можно в силу обыкновенного совпадения. Тем не менее, я решил соблюдать крайнюю осторожность.

Не могло быть и речи о том, чтобы отменить встречу с Обрадовичем из-за мало пока обоснованных подозрений, что за мной следят, но чуть обезопасить себя, изменив первоначальный план, показалось мне разумным. Уехать автобусом обратно в Будапешт я должен был на следующее утро, что оставляло для встречи весь нынешний день. Теперь же, столкнувшись с возможностью слежки и имея в подкрепление моей "легенды" столь ненадежные документы, оставаться в Белграде на ночь означало бы чересчур испытывать судьбу. Я принял решение уехать поездом, отходившим от центрального вокзала Белграда в 16.25. Этим я существенно урезал время, которое мог провести за обедом с Обрадовичем, но теперь это имело второстепенное значение. Я вскочил в одно из немногих такси, которые все еще попадались в Белграде, несмотря на дефицит топлива, и вернулся в "Интерконтиненталь", чтобы уложить вещи.

Мое беспокойство еще более возросло, когда Обрадович заявился на встречу со мной на новеньком красном "фиате-браво" с дипломатическими номерами, припарковав машину с большой помпой прямо на тротуаре.

– Какая у вас прекрасная машина, – заметил я, как только мы обменялись рукопожатиями. – Нужно иметь большие связи, чтобы приобрести такую.

– А без связей как бы я бензин добывал да еще и разъезжал свободно по Сербии, Боснии и Хорватии? – хвастливо заметил он.

В самом деле, только для дипломатических машин не существовало бензиновых ограничений, а для автомобильных поездок в Хорватию необходимы были дипномера одной из нейтральных стран. Однако как ему удалось добиться таких привилегий? Для этого действительно нужны были мощные связи. Может быть, слишком мощные.

За нашим продолжительным и дорогим обедом Обрадович с большим знанием предмета рассуждал о войне и положении в Боснии, но при этом даже близко не затронул тех тем, которые

могли представлять интерес для моего ведомства, не рассказал мне ни о чем, что еще не было бы общеизвестно. Точно так же не было теперь в его поведении ни намека, что он готов для вербовки. Мой оптимистичный прогноз, что из него может выйти хороший агент, уже казался совершенно безосновательным, а лично для меня теперь важнее всего было закончить эту встречу и без проблем добраться до Соединенного Королевства. Только в 16.05 дело у него дошло до коньяка, и я счел возможным попросить счет. А несколько минут спустя, когда я уже в который раз нервно посмотрел на часы, он и выдал подобную взрыву бомбы реплику насчет устроенной мне "проверочки".

За порогом ресторана мы пожали друг другу руки, стоя у его машины, на которой чудесным образом не оказалось штрафной квитанции за неправильную парковку.

– Спасибо за роскошный обед, Бен, – сказал Обрадович неискренне.

– Я скоро дам о себе знать, – в тон ему солгал я.

Уже повернувшись к машине, он бросил через плечо:

– Счастливо тебе, – и это прозвучало так же фальшиво, как оправдания монаха, пойманного настоятелем в борделе. Я улыбнулся, закинул через плечо сумку и поспешил скрыться за углом.

До отхода поезда оставалось девять минут, когда я швырнул свою сумку на заднее сиденье грязного черного "фиата" и нырнул вслед за ней сам.

– На вокзал! – крикнул я таксисту. Увидев его непонимающий взгляд в зеркале заднего вида, я молча проклял себя за то, что не заучил перед командировкой хотя бы несколько сербскохорватских слов.

– Bahnhoff! – заорал я в надежде, что таксист из тех довольно часто встречающихся сербов, которые хотя бы чуть-чуть понимают немецкий. Взгляд водителя оставался пустым. Я выругался про себя еще раз, когда понял, что, как ни силюсь, не могу вспомнить соответствующего слова по-русски, заученного когда-то.

– Чуф, чуф, чуф. – Согнутыми в локтях руками я стал делать круговые движения, а потом подергал за воображаемую ручку гудка совсем в стиле "Кейси" Джонса. Водитель расплылся в улыбке, щелкнул переключателем механического таксометра и врубил первую передачу. Оставалось семь минут. Времени в обрез, но можно успеть.

Однако таксист, только что снявшись с ручника, тут же снова поднял рычаг вверх, потому что сзади с металлическим скрежетом подошел трамвай – четыре вагона, заполненные пассажирами. Передний вагон преградил нам путь, да и сзади

народ густо повалил через проезжую часть, выходя из трамвая и садясь в него. Мы попали в окружение. Я выругался снова, теперь уже вслух – драгоценные секунды быстро таяли. Казалось, эта посадка-высадка не кончится никогда. Последней оказалась старушенция, вся обвешанная сумками. Двое парней вышли из вагона, помогли ей подняться, а потом сами вскочили на нижнюю ступеньку. Наконец, трамвай зашипел пневматикой тормозов и тронулся.

Таксист успел проникнуться моим волнением и теперь поддал газу, лавируя в потоке транспорта, к счастью, не очень густом. И все равно, когда мы подкатили к вокзалу, часы показывали 16.25. Я сунул пригоршню немецких марок в момент осчастливленному водителю, схватил сумку и по-спринтерски рванул вперед. Времени на покупку билета не осталось. Мне очень помогло то, что надписи на табло отправлений тогда еще делались латинскими буквами, а не обязательной ныне кириллицей – беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы узнать: поезд на Будапешт отходит от восьмой платформы. Дальше, как герой фильма с бездарным сценарием, я промчался вдоль платформы и вспрыгнул на подножку одного из вагонов медленно отходившего состава.

В течение следующих сорока пяти минут я простоял в тамбуре между вагонами, глядя, как невзрачные пригороды Белграда сменились безликими сельскохозяйственными пейзажами, и подставляя под прохладный поток воздуха свое разгоряченное лицо. Но думал я не о зловещих словах Обрадовича и не о неотвратимой проблеме пересечения границы, мысли мои были о Саре. Подарка я ей так и не купил, но не потому, что не старался. Просто не попалось ничего, что ей понравилось бы. Я знал, что она не будет на меня сердиться. В худшем случае скорчит забавную гримасу и скажет что-нибудь насмешливое. И все же она будет разочарована. Решив обязательно купить ей что-нибудь в Будапеште, я двинулся вдоль раскачивавшегося вагона на поиски свободного места.

До венгерской границы поезду оставалось идти еще четыре часа, и в моей дальнейшей судьбе от меня уже ничто не зависело. Донесет ли на меня Обрадович сербским властям? Возможно. Но ведь я сказал ему, что уезжаю автобусом только завтра утром. Можно было надеяться, что он не стал слишком спешить и сербские пограничники не получили еще соответствующего приказа. Конечно, существовала еще мизерная вероятность, что за мной все время велась слежка и мой бросок на вокзал не остался незамеченным. Но даже если я был разоблачен, захотят ли сербы арестовать меня? Да, но только если это послужит их

политическим целям. Арест английского шпиона даст им повод раздуть кое-какую шумиху в нью-йоркской штаб-квартире ООН. С другой стороны, сербское руководство может не захотеть пойти на дальнейшее нагнетание противостояния с Западом. И хотя риск ареста был невелик, по мере приближения поезда к границе я все же еще раз прошелся по всем деталям своей "легенды". Когда и где я родился? Мой домашний адрес? Кто я по профессии и где работаю? Пришлось отругать себя за то, что не приложил больше усилий, когда разрабатывал "легенду" Пресли. После Москвы я успел без проблем прокатиться под легальным прикрытием в Мадрид, Женеву, Париж и Брюссель и невольно поддался некоторой беспечности. Принимать чужую личину стало казаться так же легко, как пиджак на себя надеть. Теперь я дал себе слово никогда больше не относиться к этому так легкомысленно. Около девяти часов вечера скорость поезда упала почти до нулевой, и он начал подползать к платформе вокзала в Суботице. Во время моего первого, такого благополучного путешествия, сербские пограничники проверяли здесь мой паспорт, и потому я ожидал, что так будет и на этот раз. Я оставил трех моих попутчиков-сербов храпеть в купе, а сам вышел в коридор и потянул вниз оконное стекло, впустив в затхлый вагон волну сыроватого летнего воздуха. В городке, что был виден поодаль, мерцало лишь несколько огоньков, и он казался покинутым людьми. Тормоза неприятно взвизгнули, поезд в последний раз дернулся и остановился. Хлопнула дверь за двумя выходившими здесь пассажирами. Большинство же продолжали свой путь. К моему окну бросилась девочка с подносом неаппетитных с виду пирожных. Ее карие глаза на секунду-другую встретились с моими, но она почти сразу прочитала в них отсутствие интереса и побежала к другому окну. Двое пограничников с автоматами поднялись в первый вагон и пошли по поезду, методично проверяя каждого пассажира. Ищут ли они меня, или это обычная для них ежевечерняя процедура?

Какое-нибудь мгновение я был всерьез готов выпрыгнуть из вагона и помчаться вдоль насыпи к городу, а потом и дальше – к практически неохраняемой границе. Хотя ночь выдалась безлунная, небо было ясным, и я бы без труда по звездам проложил себе путь до Келебии – находившемуся в десяти километрах отсюда ближайшему населенному пункту на венгерской стороне. Когда я служил в территориальной армии, такой марш-бросок мы посчитали бы легкой прогулкой.

Однако подобные идеи были пустой игрой ума. Это операция МИ-6, а не военные маневры. Следовало помнить, чему меня учили, и выстоять до конца. Напомнив себе об этом, я вернулся в

купе. Несколько минут спустя дверь рывком открыли пограничники. Тот, что постарше, был широкоплечим детиной с пустышками вместо глаз, младший – просто мальчишка, вчерашний подросток. Оба сильно потели в своих сшитых из плотной ткани плащах. Младший, у которого усики росли на бледном мальчишеском лице, принялся тыкать палкой в багаж у нас над головами, словно хотел обнаружить прячущихся среди тюков и чемоданов нарушителей границы, а старший тем временем проверил югославский паспорт моего соседа. Затем он повернулся ко мне и щелчком пальцев дал понять, что теперь ему нужен мой документ. Он открыл последнюю страницу моего нового, общеевропейского образца паспорта, разглядел фотографию и сравнил ее с моим лицом, причем глаза его смотрели на меня без всякого выражения, словно он изучал не лицо, а расписание движения поездов. Сунув паспорт в карман, он, ни слова не говоря, вышел из купе. Младшенький поплелся за ним, как преданная собачонка.

В прошлый раз, когда я выезжал из страны этим же путем, пограничники паспорт у меня не забирали, так что теперь у меня был повод для беспокойства. Я вышел в коридор и просунул голову в открытое окно. Снаружи по платформе от самого конца длинного состава в мою сторону двигались еще двое пограничников, всматриваясь в окна, словно кого-то искали. Когда они уже находились в трех вагонах от моего, я повернулся и увидел первую пару, шедшую ко мне по коридору поезда с противоположного направления. Теперь бежать было некуда.

Я услышал, как хлопнула межвагонная дверь, дождался, чтобы звук их тяжелых шагов приблизился ко мне вплотную, и поднял глаза. Первым шел старший. Подойдя, он выбросил в окно окурок своей едко дымившей сербской сигареты. На его лице по-прежнему не отражалось никаких эмоций. В шаге у него за спиной молодой рьяно обрабатывал челюстями жвачку. Тошнотворная смесь сладкого запаха жвачки с амбре, исходившим от их тел, разнеслась по узкому вагонному коридору. Они с угрожающим видом остановились рядом со мной, старший полез во внутренний карман своего кителя, показав при этом пятно пота на гимнастерке, и достал мой паспорт. Его глаза вспыхнули на мгновение, когда он, держа паспорт передо мной, что-то грозно прорычал по-сербскохорватски. Я недоуменно пожал плечами, пульс мой от волнения заметно участился. Он что-то рявкнул опять, но тут до него дошло, что я его не понимаю, и он перешел на немецкий:

– Fahrkarte!

Значение этого слова постепенно выплыло откуда-то из

глубин моей памяти, где дремало под спудом с тех пор, как много лет назад я прошел армейский курс немецкого языка, и мое лицо поневоле озарилось улыбкой облегчения. Запустив руку в нагрудный карман, я извлек оттуда горсть дойчмарок, чтобы заплатить за билет, который я не смог купить на вокзале в Белграде. Пограничники вернули мне паспорт и вышли из вагона.

В Будапешт поезд пришел рано утром. Отоспавшись в дешевом пристанционном отеле, я вылетел в Лондон. Без разведданных, без подарка для Сары. Еще день или чуть более пришлось мне потратить, чтобы разобраться с бумажной работой и устным отчетом в Сенчури-хаус. А потом меня вызвал к себе в кабинет Бидд. Глядя на меня поверх очков, он спросил с чуть заметным укором:

– Надеюсь, вы никуда больше не собираетесь под именем Бен Пресли?

x x x

Работа в МИ-6 была безмерно увлекательна. И не только оперативная ее часть – командировки под прикрытием, вербовка агентуры и работа с ней – но и сама по себе возможность получать доступ к закрытой информации. Почти каждый день из самых обычных разговоров или из материалов досье мне становились известны такие сведения, что, просочись они наружу, место им было бы на первых полосах газет. Однажды Фортон пригласил меня отобедать с ним в ресторане на последнем этаже Сенчури-хаус. Он занимал все ту же должность младшего офицера в африканском управлении, и только что вернулся из трехнедельной поездки по Эфиопии и Эритрее. Наслаждаясь на удивление вкусной стряпней поваров МИ-6, он взахлеб рассказывал мне, как разъезжал с разведзаданием по эфиопским прериям на "лэнд ровере" в компании проводника, бывшего сержанта флотского спецназа, и штатного фотографа UKN, "легальной" работой которого было преследовать в роли папарацци членов королевской семьи. Впридачу к Африканскому рогу, Фортон курировал еще и такой важный регион, как Южная Африка. В то утро он как раз разбирал секретную почту оттуда, и наш разговор с ним вскоре коснулся политики ЮАР.

– Да, сегодня я получил классное донесение, просто супер, – не удержался, чтобы не похвастаться, Фортон. – Похоже, Движение сопротивления Южной Африки (AWB) планирует на следующий месяц ликвидацию Манделы. Они взорвут его или во время очередного большого митинга, или на соревнованиях по

боксу. Южноафриканская армия уже снабдила их для этого целой горой пластида.

– Ты доверяешь этим сведениям? – спросил я не без скепсиса. – А источник надежный?

Фортон фыркнул и снова принялся за салат.

– С источником все в порядке. У нашего управления есть в AWB агент, который уже не раз предоставлял нам ценную информацию. Наш резидент в Претории передаст это донесение в собственные руки Манделе. Было бы чересчур рискованно передавать его через связника нашим южноафриканским коллегам. Слишком многие из этих подлецов с удовольствием сами расправились бы с Манделой. Через них информация может до него попросту не дойти.

Покушение удалось предотвратить, а давние отношения между МИ-6 и президентом Нельсоном Манделой снова улучшились. Наше ведомство впервые вышло на контакт с Манделой, когда тот был подававшим надежды молодым юристом и членом только начавшего набирать силу ANC. Поскольку МИ-6 годами поддерживала с ним дружеские отношения и помогала ему, ее сотрудники всегда имели на него прямой выход. В 1990 году, вскоре после того как Мандела вышел на свободу, отсидев 27 лет в тюрьме на Роббен-Айленд, он и его жена Винни тайно посетили Великобританию. В то время они находились с официальным визитом во Франции. Вертолет "Пума" доставил их на секретную оперативную точку (ОСР), занимавшую величественный особняк в графстве Кент, для продолжавшихся в течение целого дня негласных переговоров с МИ-6. И после избрания Манделы президентом получилось так, что резидент в Претории – а это один из наиболее высоких постов в иерархии МИ-6, – имел на правительство ЮАР большее влияние, чем британский верховный комиссар.

К своему удивлению, я узнал, что, помимо сбора разведывательной информации о потенциальных угрозах безопасности Великобритании, как в случае с Фортоном, МИ-6 активно проводит разведоперации против ее союзников. Шпионажем в европейских странах занимается управление UKB, в котором примерно 15 офицеров, не считая вспомогательного персонала. Управление работает в непосредственном контакте с ЦРУ, которому нравится использовать в своих целях европейскую агентуру МИ-6. Основные направления работы UKB – это Германия и Франция. В Германии МИ-6 ведет главным образом экономический шпионаж, а во Франции ее в первую очередь интересует информация из дипломатических и военных источников о торговле оружием, ядерном потенциале,

разработках новых видов вооружений. Причем при проведении операций в Европе U KB частенько пользуется "чужим флагом". К примеру, несколько лет назад Австрия снабдила МИ-6 чистыми бланками паспортов, и сотрудники UKB пользуются ими, когда под видом консультантов или журналистов ведут разработку граждан Германии, ведь немец охотнее доверится австрияку, нежели англичанину.

В штате UKB есть и отставной офицер BND. Его завербовали примерно в 1992 году. По каким-то причинам его принудили досрочно уйти из германской разведки, а ему так нравилась работа шпиона, что он с радостью принял предложение поступить на службу к британцам. Через своих бывших коллег он добывает информацию о деятельности BND, но привлекают его и к проведению прямых операций против Германии, часто используя для этого австрийский паспорт.

В число шпионских целей UKB входят и различного рода организации Объединенной Европы. Когда создавался Центральный банк Европы, МИ-6 предпринимала активные попытки проникновения в него, и, вероятно, на сегодняшний день она уже вполне в этом преуспела. Кроме того, МИ-6 располагает штатным секретным агентом в расположенной в Париже Организации экономического сотрудничества и развития.

x x x

Вскоре после моего возвращения из Белграда Ник Фиш, офицер из секции планирования операций и помощник Щеголя, вызвал меня к себе.

– Не хочешь ли поработать над моим планом физической ликвидации Слободана Милошевича? – спросил он меня так небрежно, словно интересовался моим мнением о результатах прошедших в выходные крикетных матчей.

– Э, нет, брось! Я на такие розыгрыши не покупаюсь, – отмахнулся я, полагая, что Фишу просто захотелось меня подразнить.

– А почему бы и нет? – спросил он, явно задетый моей недоверчивостью. – Мы ведь сговорились с янки убрать Саддама в ходе войны в Заливе, а во время Второй мировой наша SOE строила планы устранения Гитлера.

– Да, но оба они были вполне легитимными целями в условиях военного времени, – возразил я. – А с Сербией мы не воюем, да и Милошевич – гражданский лидер. Он не может быть вашей целью.

Но на Фиша мои слова не произвели впечатления.

– Еще как может, и, кстати, такое уже бывало в прошлом. Я обговорил это с нашим Санта-Клаусом там, наверху. – Он пренебрежительно мотнул головой в сторону кабинета Бидда на десятом этаже. Фиш вечно со всеми конфликтовал, даже с седовласым весельчаком – начальником отдела безопасности операций.

– Он рассказал мне, что мы пытались пришить Ленина в 1911 году, но какой-то алкаш в последний момент все разболтал, и премьер-министр – тогда это был Асквит – наложил на операцию запрет. – Фиш был этим фактом заметно расстроен. – Санта-Клаус держит документы по этому поводу у себя, но под замком. По крайней мере, мне он их не показал. Они, как я понял, все еще более секретны, чем пижама, в которой спит Папа Римский.

Совершала ли когда-нибудь МИ-6 убийства гражданских лиц в мирное время? Этот вопрос некоторые из нас обсуждали между собой на учебе по программе IONEC, но никто тогда не решился задать его ни одному из инструкторов. То была запретная тема, на которую инструкторы не распространялись, а курсанты воздерживались от вопросов. И все же однажды вечером в баре Форта, пропустив несколько кружек пива и убедившись, что нас никто не слышит, я спросил об этом Болла.

– Нет, никогда, – ответил он, весь наморщившись от потуги казаться искренним. Меня его слова не убедили, потому что к тому времени он уже показал свою способность убедительно лгать. Да и в любом случае, если даже подобные убийства планировались, лишь горстка сотрудников знала об этом, а Болл, даже будь он в числе посвященных, не стал бы делиться столь важной информацией с каким-то слушателем.

Я не слишком серьезно отнесся к предложению Фиша, но уже несколько дней спустя, когда я снова оказался в его офисе, чтобы согласовать финансовый отчет по белградской поездке, он небрежно бросил передо мной пару листов бумаги.

– Вот, прочти-ка это.

Двухстраничный меморандум был озаглавлен: "Предложения по физической ликвидации сербского президента Слободана Милошевича". Желтая сопроводительная карточка, прикрепленная к нему, означала, что это официальный документ, а не простой черновик. С правой стороны карточки в колонку были указаны те, кому надлежало направить копию: Щеголь, C/CEE, MODA/SO (это был майор SAS, прикомандированный к МИ-6 для координации) и H/SECT, личный секретарь самого Шефа. Для начала я взглянул на дату в левом верхнем углу и, убедившись, что это не первое апреля, сел в гостевое кресло рядом с

заваленным бумагами столом Фиша и углубился в чтение. Первую страницу Фиш потратил на доказательства необходимости убийства Милошевича при помощи ссылок на его дестабилизирующую идею построения Великой Сербии, его тайную и противозаконную поддержку Радована Караджича и его план геноцида в отношении албанского населения Косова. Вторая страница содержала собственно схему организации убийства.

Фиш предлагал три варианта, рассуждая о достоинствах и недостатках каждого из них. Первый предусматривал использование нашего спецназа для обучения и снабжения оружием полувоенной группировки сербских диссидентов, чтобы ликвидировать Милошевича их руками. Достоинство этого плана Фиш видел в том, что нам легко было бы откреститься от причастности к нему, а недостаток в том, что такую операцию невозможно проконтролировать. Согласно его второму предложению, группа спецназовцев должна была проникнуть в Сербию и убрать Милошевича с помощью бомбы или выстрела из засады. Этот план, по мнению Фиша, имел высокие шансы быть осуществленным, но, если случится непредвиденное, отрицать свою причастность будет невозможно. Третий вариант заключался в том, чтобы устроить Милошевичу автомобильную аварию со смертельным исходом. Для этого можно было использовать, например, его участие в Международной конференции по проблемам бывших республик Югославии (ICFY), проходившей в Женеве. План Фиша предусматривал использование специального стробоскопического (импульсного) ружья, яркая вспышка которого ослепит и дезориентирует водителя машины Милошевича, когда его кортеж будет находиться в туннеле. Преимущества катастрофы именно в туннеле, писал Фиш, заключались бы в малом количестве случайных свидетелей происшествия. Кроме того, повышалась вероятность гибели участников аварии.

– Ты просто спятил, – пробормотал я, возвращая ему документ. Поражали неслыханные дерзость и жестокость задуманного Фишем. Между тем он самым серьезным образом собирался сделать в МИ-6 карьеру и не стал бы выходить на начальство с подобными предложениями из чистого легкомыслия.
– Этого никто не одобрит, – добавил я.

– Много ты знаешь! – бросил в ответ Фиш, глядя на меня снисходительно, как на школьника, который только-только начинает постигать жизнь.

Больше об этом плане я ничего не слышал да, собственно, и не рассчитывал услышать, независимо от того, как на него прореагировали наверху. Ведь список посвященных, скорее всего,

сократили бы до Шефа, C/CEE, P4, и MODA/SO. Даже Фиша, и того исключили бы, по всей вероятности, уже на самой ранней стадии детальной разработки операции. Соответствующие бумаги ушли бы в аппарат министра иностранных дел, чтобы заручиться политической поддержкой, и уже затем MODA/SO и спецназ начали бы непосредственную подготовку к реализации плана. Впрочем, если и была сделана попытка провести эту операцию, то цель ее явно не была достигнута, и Слободан Милошевич продолжал жить и править страной еще немало лет.

x x x

По мере того как разгорался вооруженный конфликт в Боснии, угрожая стабильности на юго-востоке Европы, от МИ-6 все более настойчиво требовали увеличить объем собираемой там разведывательной информации. К середине 1992 года единственными сотрудниками отдела FRY (бывшие республики Югославии) оставались двое офицеров из белградской резидентуры и один – из загребской. Достаточно насыщенные информацией донесения о положении в регионе присылали и некоторые другие резидентуры – особенно в Афинах и Женеве, – работавшие с приезжими и беженцами, но в целом сбор разведданных оставлял желать много лучшего. МИ-6 срочно нуждалась в расширении сети своих сотрудников непосредственно на местах, но делу мешало отсутствие финансовых и людских ресурсов, а также затруднения с прикрытием. У нашего FCO не было посольств ни в Боснии, ни в Черногории, ни в Косове, ни в Македонии, так что разведчиков нельзя было разместить там под обычной дипломатической "крышей". Проблема требовала нестандартного решения.

С неожиданно творческой идеей расширения сети наших сотрудников в регионе выступил Колин Мак-колл. Он предложил создать во всех вновь образованных независимых республиках распавшейся Югославии своего рода "мини-резидентуры", состоящие из единственного офицера, оснащенного портативным компьютером с заложенной в него шифровальной программой и спутниковым факсом размерами с чемоданчик-"дипломат". Сотрудник подобной резидентуры был бы официально представлен местной тайной полиции и полагался бы на ее защиту, а не на крепкие стены посольства и дипломатический иммунитет. Такие сотрудники не смогут иметь обычных привилегий офицеров разведки за рубежом в виде оплаченных за казенный счет комфортабельного жилья, автомобиля и

ежегодного отпуска, а потому служить они будут только шесть месяцев, получая потом щедрую денежную компенсацию за перенесенные лишения. Начальство восприняло этот план без особого восторга, но в конце концов пришло к выводу, что альтернативы ему нет.

Первого "мини-резидента" отправили в Тирану в сентябре 1992 года. Выбор пал на уже немолодого Руперта Бокстона, бывшего офицера-десантника, который только вернулся после трехгодичной командировки в тихую заводь Намибии. Его считали слегка туповатым, и должность в центральном аппарате ему не цветила. Задача, поставленная перед Бокстоном в Тиране, была нелегка и малоприятна. Притом, что албанский президент Бериша проявлял желание улучшить отношения с МИ-6, сотрудники его тайной полиции все еще продолжали мыслить категориями тех дней, когда Албания прозябала в своей коммунистической изоляции. Они не доверяли Бокстону, не хотели, чтобы он задерживался в Тиране, и отказывались предоставлять ему информацию или вербовочные наводки. К тому же германская BND успела влезть туда первой, установив с албанцами весьма прочные связи. Запоздалые попытки МИ-6 втиснуться на уже занятое место ни к чему не привели. Всего через несколько месяцев Бокстона отозвали и попросили подать рапорт о досрочной отставке. Фиаско в Тиране убедило наше начальство, что "мини-резидентуры" смогут существовать и успешно работать только там, где местные спецслужбы будут зависимы от МИ-6, от ее денег, инструкторов для подготовки персонала и разведывательной информации. Гораздо лучшие перспективы для создания "мини-резидентуры" открывались, например, в Скопье. От экономики Македонии остались руины: торговля с северным соседом, Сербией, прекратилась с введением санкций ООН, южный сосед – Греция – закрыла границу и доступ к порту Салоники, опасаясь, что появление Македонии как нации вызовет волнения в ее собственной провинции с тем же названием, а торговым связям с расположенной западнее Албанией мешало отсутствие нормальных дорог через горы. Отношения с Болгарией – восточным соседом – были получше, но и тут возникла почва для взаимного недоверия из-за экспансионистских планов определенных политических группировок в Софии. Македония оказалась, таким образом, полностью отрезанной от внешнего мира и срочно нуждалась в сильных союзниках.

Денег на содержание македонской тайной полиции выделялось мало, а стало быть, ее можно было соблазнить финансовой подачкой. Увидев в этом свой шанс, МИ-6 взялась за

дело, опередив BND и ЦРУ. После некоторой бумажной волокиты на Уайтхолле представители FCO и Департамента по развитию заморских территорий провели переговоры о предоставлении Великобританией Македонии срочного груза медицинского оборудования и лекарств, в которых она остро нуждалась. В качестве ответного жеста Македония согласилась принять резидента МИ-6. Македонскую тайную полицию удалось еще больше задобрить, организовав для ее сотрудников недельные курсы переподготовки в Форте, где было сделано все возможное, чтобы ошеломить гостей. Их особенно поразила демонстрация суперсовременной системы спецсвязи, и МИ-6 с неохотой пришлось согласиться предоставить им такую же, хотя никакой реальной нужды в ней у них не было.

В декабре 1992 года открывать "мини-резидентуру" в Скопье отправился Джонатан Смолл – энергичный и толковый офицер из персонала GS. У него уже был опыт работы в резидентуре с одним сотрудником в Валлетте на Мальте, так что он идеально подходил для подобной миссии. Поскольку македонские спецслужбы были официально поставлены в известность о характере его работы, он не нуждался в "легенде" и прикрытии, однако, чтобы ему не задавали лишних вопросов случайные знакомые, он стал выдавать себя за социального работника, заручившись фальшивым удостоверением одной неправительственной благотворительной организации. Используя спутниковую антенну-тарелку, установленную на балконе его однокомнатной квартиры в Скопье, Смолл уже вскоре начал бомбардировать центр донесениями главным образом о связях президента Глигорова с Милошевичем.

МИ-6 оперативно открыла "мини-резидентуры" еще в двух точках на Балканах. Высокого ранга офицер был на три месяца отправлен в Косово под видом наблюдателя от ОБСЕ, но больших успехов он не добился, поскольку безжалостная и вездесущая сербская охранка делала любые попытки организовать агентурную сеть слишком опасными.

Чтобы иметь своего человека в Боснии, МИ-6 остановила свой выбор на Клайве Мэнселле, офицере среднего звена, владевшем курдским языком, который служил "гражданским советником" при подразделениях королевской морской пехоты при проведении операции "Безопасная гавань", разработанной союзниками для защиты курдского населения от репрессий со стороны иракских властей после окончания войны в Заливе 1990 года. Он много общался тогда с беженцами в Курдистане, добывая информацию о нарождавшемся Курдском националистическом движении. Теперь МИ-6 решила использовать ту же тактику в Боснии и направила

его в Сплит в составе британских подразделений UNPROFOR (Войска безопасности ООН), чтобы он открыл там "мини-резидентуру", получившую наименование H/BAP.

К началу 1993 года все эти силы были уже задействованы, и работа МИ-6 на Балканах стала гораздо больше отвечать предъявляемым к ней требованиям. Тем временем Щеголь принял решение послать меня в Скопье, чтобы помочь Смоллу. Имея тесные связи с македонскими спецслужбами, Смолл тем самым отрезал себе всякую возможность работать по одной из основных местных разведывательных целей – партии PRI, состоявшей из этнических албанцев. Македонская тайная полиция относилась к PRI, как и к албанскому населению в целом, – с глубочайшим недоверием. А потому разведданные о партии, которыми она снабжала Смолла, были не беспристрастны, и МИ-6 нуждалась в независимом источнике информации. Вот Щеголь и поручил мне разработать "легенду" для того, чтобы отправиться в Скопье и поработать кое с кем из руководства PRI.

После того как "ушел в отставку" Бен Пресли, центр снабдил меня новым псевдонимом Томас Пэйн, а прикрытием я вновь выбрал личину свободного журналиста. Памятуя о нервотрепке во время моей поездки в Белград, начальник службы безопасности проведения операций настоял, чтобы я заручился более надежными документами:

– Сходи к оперативникам и спроси, нет ли у них кого-нибудь, кто сможет с этим помочь.

В отделе I/OPS мне добыли рекомендательное письмо от агента SMALLBROW, в котором говорилось, что мне поручено подготовить статью о том, как повлияли санкции ООН на экономику Македонии, для журнала "Спектейтор".

– Если кто-нибудь из PRI позвонит, чтобы проверить тебя, твою "легенду" поддержат, – заверил меня начальник отдела. К поездке в Скопье я был готов уже через пару дней.

x x x

Уже успели сгуститься сумерки, когда потрепанное такси с единственной работавшей фарой преодолело десятикилометровый путь от аэропорта Скопье до центра македонской столицы, но даже в полумраке были отчетливо заметны шрамы, оставленные землетрясением 1963 года, которое почти полностью разрушило город. Стрелки часов на центральном железнодорожном вокзале застыли, показывая без десяти пять – тогда начались первые подземные толчки, и даже 30

лет спустя в центре города все еще зияли пустыри там, где когда-то стояли дома. Хотя шедшая на севере война Скопье напрямую не затронула, следы экономического кризиса были очевидны. Неубранный мусор валялся на улицах, на всех углах праздно околачивались мужчины, оборванные беженцы из Косова играли в футбол во дворах покинутых обитателями домов албанского квартала, где теперь разместились они.

Сравнительно благополучным выглядел македонско-болгарский квартал, в котором жил Смолл, но и там завидовать было особенно нечему. Его квартира, принадлежавшая македонским спецслужбам, находилась в мрачной бетонной жилой коробке неподалеку от гостиницы "Гранд-отель", в котором я забронировал себе номер. Смолл пригласил меня пропустить с ним по стаканчику и обсудить план действий. Строго говоря, из соображений безопасности мне не следовало с ним встречаться. Скопье – небольшой город, и если бы нас увидели вместе сотрудники других спецслужб, скомпрометирован оказался бы либо один из нас, либо мы оба. Однако в этом случае Щеголь и начальник отдела безопасности операций отошли от твердых правил, посчитав, что риск невелик, а Смоллу так одиноко и тоскливо, что нечаянный гость поможет поднять его боевой дух. Кроме того, он уже провел на своем посту почти три месяца, и накопленный им опыт был бы полезен.

– Привет, поднимайся на четвертый этаж, – обрадовано произнес Смолл по домофону, который, как ни странно, работал. Перешагивая через кучи человеческих экскрементов, я поднялся по лестнице.

– Добро пожаловать в солнечный Скопье! – Смолл приветствовал меня, как друга, с которым сто лет не виделся. На то, чтобы показать мне маленькую и почти не обставленную квартирку, много времени не потребовалось, уже скоро он хрустнул пробкой на бутылке виски, и мы принялись за дело. Смолл обладал острым умом и был отличным оперативником. В подразделении вспомогательного персонала (GS) его способностям не находилось достойного применения, однако отдел кадров не разрешал ему переход в разведывательное подразделение. Им это было ни к чему. Продолжая держать в GS, его можно было в любой момент отправить в дыру вроде Скопье, куда не рвались сотрудники IB, и при этом продолжать платить ему по ставкам GS. Смолл с большим знанием дела рассказал мне о различных албанских группировках и их лидерах. Временами, когда наш разговор переходил на более щекотливые темы, Смолл делал жест, напоминая мне, что любезные хозяева вполне могли поставить его квартиру на прослушку. Когда прекрасно

проведенный вечер подходил к концу, Смолл написал на клочке бумаги записку и подал мне. Это было приглашение отправиться с ним назавтра за город, чтобы проверить разработанный для его резидентуры план бегства при чрезвычайных ситуациях. "Конечно, поеду с удовольствием", – ответил я, благоразумно не сообщая деталей тем, кто мог меня подслушивать.

Схема ухода из Скопье отличалась от обычных тем, что в нормальной резидентуре ее разрабатывали, чтобы вывозить из страны разоблаченных агентов, а здесь спасаться должен был бы сам Смолл, если бы македонские коллеги вдруг обернулись его врагами. Это была достаточно злобная публика, а политическая ситуация в стране не отличалась стабильностью, чтобы полностью им доверять. Если бы им понадобилось взять Смолла в заложники или посадить его в тюрьму, дипломатический иммунитет не смог бы послужить ему защитой. Оставалось надеяться, что он сумеет своевременно уловить первые признаки ухудшения отношений и выберется из страны легальным путем. А на самый крайний случай имелся план нелегального ухода. Чтобы разработать и отрепетировать этот план, к нему специально приезжали двое спецназовцев, но было это зимой, когда лежал снег, и теперь Смолл хотел проверить, сможет ли он снова сориентироваться на маршруте, когда наступила весна и вид местности изменился.

Ранним утром следующего дня мы выехали из города. Дело было в начале мая, и посадки кустов вдоль дороги слепили глаза ярко-желтыми всполохами цветов. Суть плана для спасения Смолла заключалась в том, чтобы затаиться в сельской местности до прибытия помощи. В небольшой рощице, на склоне холма в нескольких километрах к югу от Скопье, в месте, которое Смолл постарался тщательно запомнить, спецназовцы устроили для него тайник с запасами воды и продуктов на несколько дней, сменной одеждой, парой фонарей с инфракрасными фильтрами, палаткой и спальным мешком, набором подложных документов и паспортом, небольшой суммой в дойчмарках, несколькими золотыми соверенами и EPIRB – военным радиомаяком для подачи сигналов о своем местонахождении. Мы на несколько сот метров углубились в лесок, с помощью компаса определили направление дальнейшего движения от одиноко стоящего большого пня и, пройдя еще десяток шагов, без труда нашли место закладки тайника. Аккуратно достав контейнер и проверив, все ли на месте, мы затем снова закопали его и замаскировали тайник.

Позже мы объехали рощу и оказались на вершине холма, с которой была видна заброшенная взлетно-посадочная полоса.

– Сюда прилетит самолет, чтобы забрать меня, – пояснил

Смолл. – В прежние времена здесь базировались самолеты сельхозавиации, но теперь они не летают из-за отсутствия запасных частей.

Мы прокатились на нашем джипе по полосе, чтобы проверить, пригодна ли она все еще для использования.

– Длины как раз достаточно, чтобы посадить "Пайпер-ацтек", – заметил Смолл. – Они прилетят ночью с приборами ночного видения, а я должен буду обозначить полосу инфракрасными фонарями.

Выполняя затем полет на малой, недоступной для радаров высоте, летчик пересечет Албанию, южную часть Адриатики и посадит машину в безопасной Италии.

Я вышел из машины Смолла у "Гранд-отеля". Рисковать, проводя с ним еще больше времени, не было никакой необходимости. Кроме того, послеобеденные часы мне лучше было провести в подготовке к первой встрече с заместителем лидера PRI, назначенной на вечер. Я поднялся к себе в номер и перечитал записи с инструкциями, которые хранились в неотображаемых файлах моего портативного компьютера. Я напомнил себе о ключевых данных, которые мне необходимо было получить для разведсводки, продумал, какие вопросы для этого придется задать во время встречи, и вновь закрыл файлы, обеспечив их невидимость.

Как оказалось, мой собеседник из PRI был в полном восторге от того, что нашелся западный журналист, которого он так заинтересовал. Он согласился на новую встречу со мной, и потом в течение двух месяцев я несколько раз наведывался в Скопье, укрепляя наши с ним отношения, завоевывая все большее доверие и шаг за шагом подводя его к той черте, за которой он начнет давать действительно ценную информацию. Это была медленная работа, которую дополнительно затрудняли крайне нерегулярные воздушные сообщения со Скопье, означавшие, что на каждый визит необходимо было тратить три-четыре дня. В ходе этих встреч мне удалось собрать кое-какую информацию, но в конце концов стало ясно, что мой партийный бонза из PRI боится идти на полную откровенность со мной из соображений личной безопасности. Он боялся, что македонская охранка устроит ему большие проблемы в жизни, если узнает, что он регулярно встречается с западным корреспондентом. Когда я доложил об этом в Сенчури-хаус, и Бидд, и Щеголь согласились, что единственным способом продолжить операцию будет отбросить "легенду", раскрыться перед моим источником и перевести наши отношения в полностью конспиративное русло.

В следующий свой прилет в Скопье мне пришлось произнести

фразу, которую мы прилежно репетировали на курсах IONEC: "Как я полагаю, вы уже догадались, что на самом деле я не журналист, а сотрудник британской разведки". К моему облегчению, заместитель лидера PRI при этих словах не вскочил и не бросился бежать, а напротив, внял моим доводам и рассудил, что профессиональный разведчик не чета расхлябанному репортеру и македонская тайная полиция о наших с ним контактах никогда не узнает. Он стал для меня первым завербованным агентом, что прибавило мне авторитета в нашей конторе. Впоследствии, почувствовав себя в безопасности, он стал стабильно давать ценную информацию для наших разведсводок.

x x x

В Лондоне, в промежутках между поездками в Скопье, Фиш не позволял мне скучать, давая небольшие, но увлекательные задания, связанные с боснийской войной. Его работа заключалась в том, чтобы сводить воедино наводки по рекрутированию информаторов, поступавшие от резидентур или наших агентов в самой Великобритании, каким был, например, BEAVER, и делал он это с неуемной энергией. Под различными прикрытиями я летал в Страсбург, Гамбург, Лиссабон и Брюссель и встречался там с боснийскими и сербскими Журналистами, диссидентами и политиками. Каждый раз, когда я заходил в кабинет Фиша, он предлагал мне очередное интересное задание.

– Не хочешь ли поработать с агентом BEETROOT (свекла – англ.)? – спросил он меня однажды.

– Хорошо, я не против, – сказал я. – Но кто он такой, этот BEETROOT?

– Овощ весьма правых взглядов, член парламента от консерваторов, но, как ни странно, нормальный малый, – ответил Фиш и добавил: – Вот его досье. Возьми и ознакомься.

Агентурный псевдоним BEETROOT принадлежал Харольду Эллетсону, 35-летнему члену парламента округа Южный Блэкпул. После окончания университета, где он изучал русский язык, Эллетсон пытался устроиться на работу в МИ-5, но его совершенно несправедливо завернули из соображений безопасности и только потому, что он по студенческому обмену некоторое время провел в Советском Союзе. Получив отказ, он ушел в бизнес, совершая частые поездки в СССР, и скоро МИ-6 сделала его своим агентом, поставлявшим не слишком высокой ценности экономическую информацию. Эллетсон вступил в консервативную партию, и тори предложили ему баллотироваться

в парламент от Южного Блэкпула, который традиционно голосовал за лейбористов. К всеобщему удивлению, на выборах 1992 года Эллетсон одержал победу после того, как произошло радикальное изменение настроений избирателей в пользу тори. Вообще говоря, МИ-6 запрещено вербовать и использовать агентов из числа членов парламента, но в данном случае продолжать сотрудничество с Эллетсоном разрешил лично премьер-министр Джон Мейджор. Как член рабочей группы парламента по боснийскому конфликту Эллетсон часто бывал в Боснии. Это навело Щеголя и Фиша на мысль, что, имея доступ к ведущим политикам региона, он станет крайне ценным агентом.

Моя первая встреча с Эллетсоном прошла в пабе "Грейпс" на Шеперд-Маркет. Место выбрал он сам, потому что оно, во-первых, находилось всего в нескольких минутах ходьбы от парламента и, во-вторых, его избегали другие парламентарии, боявшиеся быть скомпрометированными проститутками с Шеперд-Маркет. Что же до самого Эллетсона, то он был начинающим, никому не известным политиком и мог разгуливать там безбоязненно. Краснощекий здоровяк, он скорее походил на фермера, нежели на члена парламента. Мы заказали по пинте пива "Раддлз" и кулебяки со свиными шкварками.

– Я рад, что вы на меня вышли, – сказал Эллетсон, едва мы уселись за один из больших дубовых столов. – Меня уже давно кое-что беспокоит, но я не знал, по каким каналам сообщить об этом.

– Я вас внимательно слушаю, – заверил я, заинтригованный.

– Вы слышали о Джоне Кеннеди? – спросил он.

– Да, мне кое-что о нем известно, – ответил я. Джон Кеннеди был молодым и перспективным кандидатом в парламент от консерваторов по округу Баркинг в восточном Лондоне. Будучи гражданином Великобритании, он происходил из сербской семьи, свободно говорил на сербскохорватском и сменил свою прежнюю фамилию Гвозденович на Кеннеди, пройдя для этого через все юридические формальности. Он активно поддерживал боснийских сербов, и Караджич назначил его своим неофициальным представителем в Лондоне. Фишу удалось заручиться ордером на снятие информации с его телефона и факса, что позволило получить некоторые полезные данные.

– Так вот, похоже, что Кеннеди организует финансовую дотацию со стороны боснийских сербов в кассу консервативной партии, – сказал Эллетсон. – Чтобы все выглядело законно, он проводит деньги через сербский банк, но суть дела в том, что деньги эти поступают напрямую от Караджича. Не далее как вчера, Кеннеди бахвалился мне по этому поводу. Он

рассчитывает, что, добыв для партии денег, ускорит свое избрание в парламент.

Консервативная партия залезла в большие долги, совершенно опустошив свою казну во время предвыборной кампании 1992 года. Принимать деньги от любого зарубежного правительства было само по себе делом малопочетным, а в Боснии к тому же от пуль сторонников Караджича регулярно гибли британские солдаты из состава сил ООН. Если бы эта новость попала в прессу, разразился бы громкий скандал. Эллетсон не знал, куда ему обратиться. Он едва ли мог доложить обо всем председателю партии консерваторов, что было бы правильно с точки зрения субординации, потому что именно председатель и являлся получателем дотации. Я поблагодарил Эллетсона за информацию и пообещал держать с ним связь. Он настоял на том, что сам расплатится за пиво и еду, опасаясь, что, если это сделаю я, ему придется занести этот случай в регистр личной заинтересованности членов парламента.

– Боже, ты бы мог продать эту истории в "Миррор" штук за пятнадцать! – воскликнул Фиш, когда я рассказал ему о новости, которую мне сообщил Эллетсон. – И к тому же все сходится. По данным прослушки, Кеннеди действительно обсуждал с Караджичем перевод каких-то денег, я только не мог понять, каких именно. Теперь все стало на свои места. Тебе лучше поторопиться и составить об этом СХ.

Я поспешил наверх в свой кабинет, прихватив с собой распечатку прослушки телефонных переговоров Кеннеди, и по пути уже обдумывал свое донесение, определяя его главное направление. Всего через полчаса я уже отправил его главе Восточноевропейского управления. На следующее утро оно попадет на рабочие столы наших "заказчиков" на Уайтхолле. После этого разразится настоящая буря. Тори уже и так пострадали от целой серии финансовых скандалов, раздутых до небес язвительными журналистами, а в том, что и это донесение один из чиновников с Уайтхолла сдаст прессе, не было никаких сомнений. Однако уже через несколько минут, после того как доклад был отправлен R/CEE, мои размышления прервал звонок по внутреннему телефону.

– Привет, Ричард, это R/CCE. Боюсь, что твое донесение положат под сукно. H/SECT хочет с тобой переговорить по этому поводу. Поднимись к нему прямо сейчас.

Я положил трубку и быстрым шагом направился к лифту. H/SECT был личным секретарем самого Шефа, и, если он хотел меня видеть, значит, речь шла о чем-то действительно чрезвычайно важном. Алан Джадд слыл в нашем ведомстве притчей во языцех.

Именно он по большей части выступал автором нового "гласного" законодательства, которое должно было вступить в силу в следующем году. Этот акт впервые в истории позволял нашему правительству официально признать существование МИ-6. Кроме того, в конторе было хорошо известно, что Джадд – автор целой серии легкомысленных шпионских романов, поскольку его мощные покровители на Уайтхолле позволили ему пренебречь обычно строжайшим правилом, которое запрещало сотрудникам МИ-6 описывать в книгах свою профессиональную деятельность. У него даже хватило наглости предпослать своему роману "Танго" – шпионскому боевику, действие которого происходит в Латинской Америке, – посвящение Нику Лонгу.

– Присаживайтесь, UKA/7, – Джадд обратился ко мне не по имени, а официально, по служебному номеру. – Это ваше донесение о поступлении денег в кассу тори... – продолжал он, кивнув на лежавшие перед ним на столе бумаги. – Боюсь, мы не можем выпустить его из наших стен. Если эта информация станет достоянием гласности, она может послужить причиной отставки правительства.

– И что же? – отвечал ему я. – Вы хотите сказать, что в задачи МИ-6 не входит создание проблем правительству страны, не так ли?

– Есть другие каналы для передачи подобной информации, – заметил Джадд с мрачным видом.

– Какие именно? – Ни о каких других каналах на курсах ION EC нам не рассказывали.

– Шеф решил присвоить этому делу статус суперсекретного, а это значит, что о нем будет доложено только премьер-министру. А ваше донесение я приказываю уничтожить. – Джадд протянул мне бланк, в котором я должен расписаться, чтобы донесение было официально списано в макулатуру. И хотя я знал, что поступаю неправильно, выбора у меня не было, и я подписал бумагу.

– И вы не должны никому рассказывать ни о донесении, ни о его содержании, – добавил Джадд угрожающе, когда я уже собирался уходить.

Вероятно, не случайно уже через несколько дней мне позвонил секретарь начальника департамента кадров и сообщил о моем переводе из UKA.

– Мы подобрали для вас интересную работу за рубежом, – сказал секретарь. – Начальник нашего отдела сам сообщит вам о деталях во время личной встречи.

Новость о том, что я получил первое назначение на длительную работу за границей, обрадовала меня, хотя к радости

примешивалось огорчение, что мне снова предстоит иметь дело с Фаулкруком, который после должности руководителя направления в отделе SOV/OPS был назначен начальником департамента кадров.

– Мы решили отправить вас резидентом в Боснию, – объявил Фаулкрук, когда мы с ним встретились. – По нашему мнению, вы накопили идеальный опыт, чтобы занять этот пост. В зоне боевых действий пригодятся навыки, полученные вами в территориальной армии. Кроме того, вы много узнали об этом конфликте, вплотную занимаясь им в последние шесть месяцев. Через две недели принимайте дела у Кеннета Робертса. Не слишком много времени на подготовку, но, я уверен, вы справитесь.

Глава 9. В опасности

Пятница, 26 ноября 1993 г.

В центре Сараево.

За долю секунды до того, как взрывной волной меня бросило на землю, я услышал пронзительный визг снаряда, так что я знал, что останусь в живых. За несколько дней до того этими познаниями поделился со мной Харрис, двенадцатилетний уличный мальчишка, маленький мошенник и ветеран трехлетней осады Сараево сербами. Он зарабатывал на жизнь, болтаясь у сараевской гостиницы "Холидей", где "охранял" автомашины журналистов и сотрудников службы помощи. Если в его услугах не нуждались, то за ночь с машин исчезали "дворники", антенны – словом, все, что можно было снять. Прихлопывая в грязные ладошки и выразительно посвистывая сквозь выбитые зубы, он на подобии английского объяснил, что если приближающийся снаряд свистит, то упадет далеко и не причинит вреда. Эти его слова первыми пришли мне на память, когда я понемногу пришел в себя.

Всего за несколько минут до взрыва на безлюдном углу улицы в центре Сараево меня высадил усатый сержант из английского подразделения, сказав, что вернется через три часа, а затем, в случае моей неявки, будет на месте встречи каждый час. Грубовато пожелал мне удачи и скрылся в сумерках раннего зимнего вечера.

Когда красные хвостовые огни бронированного "лендровера" с обозначением UNPROFOR на борту исчезли вдали, я проскользнул в темную подворотню, чтобы дать привыкнуть глазам к темноте; через десять минут я должен быть у DONNE, самого важного агента МИ-6 в Сараево. Небритый, бедно одетый, в надвинутой на лоб мягкой шляпе, я выглядел как один из жителей Сараево, служащий в UNPROFOR, которого после работы подбросил знакомый солдат. Для дополнительной маскировки в левой руке я тащил двадцатипятилитровую полиэтиленовую канистру, такую же, какие были у сараевцев, постоянно набиравших воду из общественных водоразборов. На правом плече – парусиновая сумка с записной книжкой и карандашом, магнитофоном "Петтл", и, кроме того, бутылкой "Джонни Уокера" с черной этикеткой и четырьмя сотнями сигарет "Мальборо", подарками DONNE.

При всей моей безобидной внешности существовала опасность обычной проверки документов торчавшими на углах улиц боснийскими полицейскими. Я с беспокойством нащупал в

грудном кармане поддельное удостоверение сотрудника G/REP и грязную, обернутую в целлофан табличку со словами "Ja sam gluh i nijem", по-сербскохорватски: "Я глухонемой". Это была старая избитая уловка, но, возможно, она отвлекла бы внимание уставшего полицейского, которому за день все осточертело. Дальнейшей проверки мое прикрытие не выдержало бы. При обыске в висящей на поясе кобуре обнаружили бы заряженный 9-миллиметровый браунинг, а в кармане потрепанного пальто ампулу морфия и два стандартных перевязочных комплекта. Прихватив их с собой, я отдавал свою судьбу в чужие руки, однако преимущества, которые они предоставляли, перевешивали опасность их обнаружения. Пистолет был нужен на случай встречи с вооруженными грабителями, свободными от службы боснийскими солдатами, обычно голодными и пьяными. Морфий и перевязочные пакеты должны были помочь при самой большой опасности в центре Сараево: расчетливой смертоносной пуле снайпера или разрыве не разбирающего жертв пущенного наугад снаряда, ежедневно держащих каждого сараевца в постоянном страхе смерти.

Выходя из подворотни, я подумал, что, по крайней мере, подвергаться этим опасностям мне предстоит всего несколько часов, пока не вернется Ангус с убежищем в виде бронированного "лендровера". Сараевцам же, как той женщине, что спешила домой в полуквартале впереди, приходилось иметь с ними дело каждый божий день. "Как она живет?" – мелькнуло у меня в голове. Определить ее возраст было невозможно. Закутанная в теплую одежду, она, опустив голову, устало, но упрямо шагала с тяжелой вязанкой дров, преодолевая сопротивление сырого ветра. Может, подросток, может, мать, может, бабушка. Наверняка потеряла от пуль и снарядов кого-нибудь из родных или близких людей. Никого из живших в Сараево не миновала эта беда.

Когда разорвался снаряд, я, должно быть, на мгновение потерял сознание. Очнувшись, судорожно вздохнул, наполняя опустевшие в результате сокрушительного взрыва легкие. В голове отдавались удары бешено колотящегося сердца, в ушах шумело. При вздохе правую ногу пронзила страшная боль. Медленно, по мере того как восстанавливалось дыхание, открыл глаза. Сразу понял, что произошло. То ли взрывной волной, то ли в результате инстинктивного прыжка в укрытие, я был отброшен обратно в подворотню и рухнул головой в угол. Все еще не в силах двигаться, я взглянул на мучительно болевшую правую ногу. Ниже колена ничего не было. Закрыв глаза, я глубоко глотнул, сдерживая рвоту. Переменил позу, что несколько облегчило боль, и правой рукой потихоньку, со страхом ожидая

худшего, ощупал нижнюю часть тела. Рука скользнула по коже, наверное, по сапогу. С опаской, словно в лесу, посмотрел снова – правая нога в сапоге. Все еще было трудно дышать, в голове стучало. Ощупал ногу по всей длине и, к великой радости и облегчению, убедился, что она цела, лишь подмялась под скрюченное тело. Осторожно повернулся на левый бок. Боль чуть отпустила. Повернулся еще больше, и снова резкая боль – это расправились связки подвернувшегося колена. Тяжело дыша, со стоном выпрямил ногу, радуясь, что цела. Маленький Харрис был прав. Я слышал приближавшийся снаряд, упавший достаточно далеко, чтобы не причинить серьезного вреда. Полежал несколько минут, отдышался. В ушах по-прежнему шумело, но потише. Проверил, на месте ли браунинг. Что бы ни случилось, в случае его потери мне предстояло бы трудное неприятное объяснение. Пистолет был на месте. Я сел, потом, стараясь не наступать на правую ногу, с трудом поднялся на ноги. Меня затрясло. В шоковом состоянии мне требовалась вода. Разбитая канистра валялась на тротуаре, из нее сочилась жидкость. Прихрамывая, добрел до нее, поднял и стал жадно пить из трещины. Тело сотрясалось в конвульсиях, холодная вода лилась на рубашку, отчего дрожь еще больше усиливалась. Страшно хотелось лечь и согреться где-нибудь подальше отсюда.

Сквозь шум в ушах пробился жалобный нечеловеческий крик, пронзительный, дрожащий, как вой чувствующего свой конец пса. Я прислушивался несколько секунд, прежде чем понял, откуда он исходит. В конце улицы, там, где всего несколько минут назад торопливо шагала закутанная от холода женщина, виднелись очертания человеческого тела. Бросив канистру, я, припрыгивая, заковылял туда.

Женщина, должно быть, очутилась в эпицентре взрыва. Всего в нескольких футах впереди нее на тротуаре была видна свежая воронка, в воздухе еще держался запах кордита. Взрывом с нее сорвало одежду, за исключением верхней части толстого шерстяного пальто, которое прикрывало туловище; все, что осталось от нее ниже, было обнажено. В животе зияла страшная рана, пах и бедра иссечены шрапнелью. На правой ноге почти никаких следов, зато левая ниже колена оторвана полностью. Торчит раздробленная кость, из порванной пульсирующей артерии, образуя на тротуаре лужу, хлещет кровь. Судя по потере крови, долго ей не протянуть.

Руки работали механически, движениями, отработанными в армии на занятиях по оказанию первой помощи. Дыхательные пути, дыхание, кровообращение. С первым все ясно. Она кричала, грудь вздымалась. Прежде всего остановить кровь и поддержать

кровообращение. Пошарив в кармане, торопливо достал перевязочный пакет, уронив при этом в лужу крови ампулу с морфием. Трясущимися руками сорвал коричневую водонепроницаемую обертку, снял стерильный слой, развернул толстую абсорбирующую прокладку и приложил к обрубку ноги. Прижимая ее своим коленом, принялся неловко открывать второй пакет. Хотя я приложил к ране две прокладки и туго прибинтовал их к ноге, они почти не остановили кровотечения. Женщина, теряя сознание, продолжала тихо стонать, скорее от страха, чем от боли. Я потянулся за ампулой с морфием, стер с нее кровь, взял руку и обнажил до локтя, пытаясь найти вену. Пострадавшая уже потеряла столько крови, что, как я ни разминал и ни массировал руку, мои усилия были безуспешны.

Я уже собирался вогнать шприц, думая, что это все же лучше, чем ничего, как в памяти всплыло кое-что из занятий по первой помощи. Необходимо осмотреть голову, перед тем как вводить морфий. Нащупав в кармане миниатюрный фонарик, я повернулся, приподняв голову за длинные черные волосы, направил луч на глаза. Зрачки были с булавочную головку. Из левого уха сочилась желтая жидкость. Вводить морфий опасно. Кроме тщетной попытки остановить кровь, ничего больше я сделать не мог. Исчерпав медицинские познания и припасы, я сунул ампулу в карман.

Раздумывая над судьбой, приведшей меня сюда, где умирает женщина, я вдруг заметил, что кругом люди. Рядом со мной стоял на коленях старик, что-то неразборчиво бормоча. Прижавшись спиной к стене на случай нового обстрела, на нас смотрел боснийский солдат. Мне пора было уходить. Когда я стал подниматься, напомнило о себе колено. Я поморщился. Старик, что-то бормоча, схватил меня за руку, но я освободился и шагнул в темноту. У меня еще были дела.

Ковыляя под прикрытие подворотни, я увидел, как подъехал легковой автомобиль и случайные свидетели, споря между собой, стали грузить обмякшее тело на заднее сиденье. Просвистел еще один снаряд, вынудив их и меня искать укрытия. Он упал через несколько улиц, может, без последствий, может, нет. Мимо промчался увозивший умирающую женщину испещренный ржавыми следами осколков белый "фольксваген-гольф". Я надеялся, что они едут в косовский госпиталь, а не прямо в морг.

Укрывшись в подворотне, чтобы собраться с мыслями, я взглянул на часы и обнаружил, что с момента, когда Ангус меня высадил, прошло всего десять минут. До его возвращения оставалось целых два часа пятьдесят минут. Я еще не пришел в себя после происшествия, замерз, руки и штаны в крови. В таком

виде встречаться с DONNE было нельзя. Я разулся и снял брюки. В разбитой канистре оказалось достаточно воды, чтобы хоть немножко смыть кровь. В мокрых штанах было не очень приятно, но они из легкой ткани – скоро высохнут. И все же я надеялся, что в квартире DONNE будет тепло.

Мне пришлось пройти мимо места, где зияла свежая воронка и только что лежала женщина. Когда я ковылял мимо, из тени, тряся отвисшими сосцами, выбежала уличная дворняжка и опасливо обнюхала застывающую на тротуаре кровь. Одобрительно взвизгнула, и из тени выскочил щенок. Оба принялись жадно вылизывать кровь и пожирать куски мяса. Зрелище было омерзительное, но я не стал их отгонять. Они делали то, что требовала природа. Трагедия пошла на пользу, по крайней мере, двум голодным тварям.

x x x

Обычно до того как офицер разведки (IB) внедряется за границей, он или она проходит предварительную подготовку. Если даже агент хорошо владеет английским, предпочтительнее общаться с ним на его родном языке – таким образом больше раскрывается его личность. Для достаточно беглого овладения трудными языками, такими, как китайский или арабский, требуется два года, даже если офицер обладает лингвистическими способностями. Для изучения легкого языка, такого, как испанский или французский, времени требуется меньше – обычно около шести месяцев. Другой важной составной частью подготовки является обстоятельное изучение политических проблем, разведывательных требований и агентуры в стране пребывания. Поэтому офицера обычно прикрепляют на год к соответствующему отделу. Он подробно прочитывает досье всех операций резидентуры, СХ агентов, ОСР работников, связников и агентов обслуживания и знакомится с административно-хозяйственной стороной дела, включая бюджет, целевые установки на год вперед. Он также знакомится с сотрудниками соответствующего отдела FCO, чтобы скорее освоиться с политической обстановкой в стране. Предварительная подготовка обычно предусматривает также повышенные курсы политики и экономики FCO. Так что прежде чем уложить чемоданы, офицер разведки уже обстоятельно знаком с резидентурой и страной пребывания.

Кроме того, незадолго до отбытия офицер "освежает знания" в Форте. Особенное внимание уделяется изучению способов

избежать слежки, фотографии и совершенствованию владения личным оружием и приемами самообороны. Кроме того, существует курс оборонительного вождения автомобиля, проводимый инструкторами военной полиции на взлетно-посадочной полосе авианосца Королевских Военно-морских сил "Дедал" близ Форта, включающий технику быстрого вождения, в том числе развороты при помощи ручного тормоза и развороты вокруг оси. Пользуются взятыми напрокат машинами, потому что нередко бывает, что у слишком ретивых новичков слетают протекторы или автомобиль даже переворачивается. Часто в Форт на недельные курсы приглашаются супруги офицеров, ибо при уходе от слежки не помешает еще одна пара опытных глаз. Эти курсы также помогают партнерам разведчика лучше понять его ремесло. Из-за повышенных требований и скрытой от посторонних глаз работы в МИ-6 довольно часты разводы, поэтому поощряются любые меры, приобщающие супругов к такой работе.

Для некоторых командировок требуется еще более специализированная подготовка. Например, Эндрю Маркхем, мой коллега по IONEC, принимал участие в операции ORCADA в Бонне. Это была глубоко засекреченная работа с очень важным агентом МИ-6 в Германии, высокопоставленным чиновником министерства финансов. За весьма солидный гонорар ORCADA предоставлял ценнейшие сведения (СХ с пятью звездами) о германской экономической политике, включая предстоящие изменения учетной ставки, что давало возможность министру финансов и управляющему Английским банком регулировать экономику и процентную ставку в интересах нашей страны. Деятельность его была настолько засекречена, что о ней знали только посол и резидент в Бонне, и никто в посольстве не подозревал, что Маркхем "от соседей", представитель МИ-6 в FCO. Кроме всех подготовительных курсов МИ-6, он прошел подготовку в FCO, а чтобы со знанием дела принимать отчеты ORCADA, должен был прослушать аспирантский курс лекций в Лондонской школе экономики.

Учитывая обширную подготовку, обычно предшествующую заграничной командировке, мнение Фаулкрука дать мне для подготовки к поездке в Боснию всего две недели было весьма необычным. Вовсе не отводилось времени для изучения языка и других обычных в таких случаях курсов. Для опытного офицера работа H/BAP (резидентом в Сплите) даже без подготовки была бы заманчивым делом. А для неопытного стажера вроде меня необычная крыша, сложная связь, трудности с материально-техническим снабжением и просто физическая опасность

открывали пугающую перспективу. В эти две недели перед вылетом в Сплит предстояла уйма дел. Еле хватало времени просмотреть досье, пару раз встретиться со Стрингом Уэстом и денек потренироваться в Форте в стрельбе из браунинга.

Стринг Уэст объяснил, что моей крышей будет не дипломатический пост в посольстве, как нам говорили в IONEC, а загадочная должность "гражданского советника" при бригадном генерале Джоне Рейсе, командующем британским контингентом UNPROFOR в Сплите на Далматинском побережье. Никого не способная обмануть, непродуманная легенда. Как мне позднее пришлось убедиться, все до единого мои контакторы в Боснии немедленно распознавали во мне английского разведчика, даже самые зеленые солдатики в казармах в Дивулье. Единственные чиновники, кто, кажется, верил этому фиговому листку, сидели наверху.

Крыша была достаточной, когда Клайв Мэнселл, используя свой опыт участия в операции НАДЕЖНОЕ НЕБО, создал резидентуру в Сплите. В казармах Дивулье он оборудовал небольшое помещение с компьютером и спутниковой тарелкой, подыскал в рыбацкой деревушке в нескольких километрах от казарм подходящую квартиру и ограничил свою деятельность прилегающим районом. Спустя несколько месяцев Мэнселла перевели на административную должность в Сенчури-хаус и его место занял Кеннет Робертс, офицер внутренней безопасности, работавший ранее в управлении по Индии и Пакистану.

За восемь месяцев Робертс изменил объем работы, но прикрытие оставалось прежним. Не удовлетворенный рамками сети, базирующейся на казармах Дивулье и безопасном Далматинском побережье, он много разъезжал по Центральной и Северной Боснии. Эти усилия давали плоды: Робертс успешно завербовал двух полезных агентов и активно разрабатывал еще двоих. ISTEENBOX был чиновником в северном городке Тузле и доставлял сведения о деятельности и планах местного подразделения боснийской милиции, решительно отказывавшегося переходить под полный контроль Сараево. DONNE, его главное приобретение, занимал высокий пост в боснийском правительстве в Сараево и предоставлял ключевую информацию о тактике боснийской делегации на мирных переговорах в Женеве.

Робертс также привлек четверых солдат из 602-й части для обеспечения связи и охраны на случай налетов при поездках в Центральную Боснию. 602-я часть, насчитывающая 80 человек, является подразделением полка связи, постоянно дислоцированного в Бэнбери, Оксфордшир. В мирное время она

обслуживает зарубежные станции высокочастотной радиорелейной связи МИ-6 в Кованди, на севере Австралии (до ее закрытия в марте 1993 года), на острове Вознесения, в Северной Шотландии и на Фолклендах, где поддерживает цепь прослушивающих станций в Чили. В военное время, как, например, во время войны в Заливе, операции НАДЕЖНОЕ НЕБО и в Боснии, она отвечает за обеспечение оперативной связью мероприятий МИ-6. Группа ВАР из четырех человек установила высокочастотные радиоаппараты, известные под названием "калекс", которые работали быстрее и проще, чем спутниковая связь, которой пользовался Мэнселл. Один установили на верхнем этаже в казарме Дивулье, в кабинете Робертса, другой, для обеспечения мобильной связи, поставили на конце длинного шасси "лендровера".

x x x

Утром 8 ноября 1993 года самолет компании "Бритиш эйрвейз" приземлился по расписанию в аэропорту Сплита. Площадка маленького провинциального аэропорта была забита транспортными гигантами "Геркулес-130" и "ИЛ-72", доставлявшими грузы в Сараево, а аэровокзал кишел солдатами многонациональных сил UNPROFOR, журналистами, съемочными телевизионными группами и беженцами. Робертсу было непросто отыскать меня в зале для прибывающих пассажиров.

– Извини, старина, – заговорил он с довольно прилично поставленным произношением воспитанника частной школы, пока мы пробирались между разбросанным по залу солдатским снаряжением и оружием, – но мне придется сократить передачу дел до четырех дней. Меня ждут в Лондоне для переподготовки к двадцать второму.

На передачу дел отводилось две недели, но к тому времени я уже привык к сжатым срокам. Робертс был не виноват. Вполне понятно, что он крайне нуждался хотя бы в коротком отдыхе, прежде чем явиться через десять дней для подготовки к новой работе в английском представительстве при ООН в Нью-Йорке. "Опять департамент кадров напортачил", – подумал я.

За отведенные для передачи дел четыре дня главным было встретиться с DONNE, так что первым пунктом назначения стало Сараево.

– Я достал места на С-130, принадлежащий национальной гвардии штата Аризона. Сегодня днем летит в Сараево с грузом фасоли, – весело сообщил мне Робертс. – Как раз есть время

сбросить в квартире твои пожитки и заглянуть в Дивулье познакомиться с ребятами из 602-й части.

Маленькая квартирка, которую снял мне Робертс в десяти минутах езды на "лендровере-дискавери", была довольно удобной.

– Правда, зимой понадобится шерстяное белье, – ухмыльнулся Робертс, – отопления нет.

Сбросив багаж, мы поспешили в казармы Дивулье для беглого знакомства с моим будущим рабочим местом. В запрятанном на самом верхнем этаже главного корпуса кабинете располагались металлический письменный стол, картотечный шкаф и тяжелый сейф для секретных документов, карта Боснии во всю стену и план Сараево.

– Глянь-ка на мои сувениры, – ухмыльнулся Робертс, открывая нижний ящик стола и доставая оттуда пистолет югославского производства, несколько обойм патронов калибра 7,65 мм и ручную гранату. – Снял их с мертвеца недалеко от Тузлы, – сообщил Робертс. – Посмотри-ка вот это. Подарил один из телохранителей Караджича. – Робертс передал мне маленькую штуковину, замаскированную под авторучку. Внутри 7,65-миллиметровый патрон. – Поворачиваешь колпачок – и она стреляет. Ну прямо как у Джеймса Бонда, а? – рассмеялся Робертс.

– Возьмешь с собой? – спросил я, не слишком обрадованный этим арсеналом в письменном столе.

– Извини, старина, собирался послать это дипломатической почтой и презентовать музею в Форте, но как-то не дошли руки.

Робертс захлопнул ящик, и мы продолжили экскурсию.

Рядом с кабинетом находилась еще одна небольшая комната, в которой размещалось оборудование системы связи "калекс". Команда размещалась в маленькой спальне напротив. Робертс бегло познакомил меня с группой. Подразделением командовал молодой, сообразительный и энергичный сержант Джон. Баз – злой на язык капрал-шотландец, в глубине души болеющий за дело работяга, однако старавшийся показать, что ему на все наплевать. Джим – неунывающий, находчивый, напористый младший капрал, которого давно пора было повышать в звании. Лондонец Тош – парень не промах, за словом в карман не лезет.

– Хорошая компания, – позднее сказал мне Робертс. – Работают что надо, не подведут.

Пока мы, облаченные в обязательные бронежилеты и шлемы, протискивались внутрь С-130 между пыльными мешками с мукой и фасолью и устраивались на расположенных вдоль обоих бортов ременных сиденьях, снаружи сгущались зловещие темные тучи. Занимавшийся погрузкой веселый национальный гвардеец раздал

нам по белой коробке с хрустящим картофелем, яблоком и бутербродом с сыром.

– Вот вам еще резинки, чтобы не полопались уши. – Стараясь перекричать рев турбовинтовых двигателей, проводник, улыбаясь, протянул нам коробочку. Мы уже стояли в конце взлетной полосы. Я протянул руку и заложил куда полагается, то есть в уши, два желтых шарика. Малый печально улыбнулся, видно, надеясь, что нашелся еще один гражданский олух.

Первые десять минут часового полета. Темноту вдруг разорвала пробежавшая по всей длине фюзеляжа ослепительная вспышка, за которой последовал резкий, как удар кнута, треск, перекрывший даже рев моторов.

– Твою мать, в нас попали! – крикнул Робертс.

"Геркулес" резко клюнул носом, заставив меня ухватиться за ременное сиденье, чтобы не свалиться на колени к Робертсу. Дикая боль в ушах. Ныряли вниз несколько захватывающих дух секунд, пока пилот не выправил машину.

– Что там? – спросил Робертс проводника, когда мы выровнялись. – Снайпер?

В некоторые С-130-е стреляли, но обычно на подлете к аэропорту Сараево. Мы же были далеко от опасной зоны.

– Пойду узнаю, – крикнул, отстегиваясь, сопровождающий и пошел в кабину пилотов. Через минуту вернулся.

– Молния, – объявил он. – Пилот говорит, ударила в хвост, прошла по фюзеляжу, пробила в носу дыру с кулак и повредила электронику. Придется лететь во Франкфурт.

Мы с Робертсом покорно переглянулись. Прочь еще один день из нашего без того перегруженного расписания.

ВВС США разместили нас в комфортабельных офицерских квартирах на беспорядочно застраивающейся базе в Рамштайне, и на следующее утро первым же самолетом мы вылетели в Сараево. На этот раз, когда до посадки в осажденном городе оставалось десять минут и С-130, применив анти-снайперский маневр, начал снижение, посадку отменили. Из-за налета сербской артиллерии аэропорт закрыли, и нам пришлось снова поворачивать, на этот раз в Загреб в Хорватии.

В конце концов мы прилетели в Сараево на следующий день на борту "ИЛ-72", русские летчики проще американцев смотрели на бомбы и пули. На поле нас радушно встретил на бронированном "лендровере" командир британской группы из четырех человек в Сараево майор Кен Линдсей.

– Прекрасный денек выбрали, – приветствовал он нас. – Светит солнышко, сербы выпустили по нам всего пять снарядов.

Раньше он служил в мотомехчастях австралийской армии,

потом женился на дочери старшего офицера английской кавалерии, который устроил зятя в привилегированный полк королевских гусар. В обязанности Линдсея входило следить за справедливым распределением помощи по линии ООН между созданными в Сараево пунктами. Негласно же он со своей командой обеспечивал транспортом и жильем командированных сюда сотрудников МИ-6.

– Забросьте вещички в багажник, поедем смотреть Сараево, потом пропустим по несколько баночек, – весело предложил Линдсей.

Через сербо-мусульманскую линию фронта мимо выгоревшего остова старого танка Т-55 мы направились в город. Линдсей по пути показывал памятные места. Обезображенное осколками здание бывшего телекоммуникационного центра (PTT), реквизированное ООН. Майор со своей командой теперь ютился здесь в двух маленьких комнатках.

– Когда я останавливаюсь в Сараево, Кен обычно дает мне спать у него на полу, – сказал Робертс. – Позволит и тебе, если не храпишь.

– И если принесешь чего-нибудь пожевать, – добавил Кен.

– Налево гостиница "Холидей Инн", – указал Робертс на сильно разбитое бомбами пятнадцатиэтажное здание. – Я иногда здесь останавливаюсь, но Си-эн-эн захватила все лучшие номера и большую часть времени здесь нет воды, так что лучше останавливаться в PTT.

Мы проехали по аллее снайперов, длинной двусторонней улице, связывающей аэропорт и здание PTT с центром Сараево, и наскоро осмотрели главное здание Боснийского правительства, внушительную, но, к сожалению, сильно разрушенную библиотеку и косовский госпиталь.

Было мало смысла беспричинно подставляться под сербские пули и снаряды, так что после того, как Робертс меня сориентировал, мы вернулись за прочные стены здания PTT. С наступлением сумерек подчиненный Линдсею унтер-офицер Ангус отвез нас за три километра в город для передачи из рук в руки DONNE. Времени для встречи было всего полчаса, но вполне достаточно для того, чтобы Робертс представил меня как своего преемника, выслушал отчет и передал большой блок "Мальборо", который DONNE мог реализовать на расползающемся во все стороны сараевском черном рынке.

– Ладно, поехали в PTT выпить пивка с Кеном, – заторопил Робертс, как только закончился доклад агента. – Ангус, должно быть, на месте.

И верно, к нам уже приближался свет фар, Ангус был в

назначенном месте вовремя. Робертс уселся рядом с водителем, оставив меня лезть назад и устраиваться среди бронежилетов, шлемов и разных инструментов. Прежде чем захлопнуть тяжелую дверь, я огляделся. В следующий раз я буду один. Надеялся, что дорогу запомнил.

Вечером мы изрядно выпили с Линдсеем и его командой, проснулись рано утром с похмельными головами и первым рейсом вернулись в Сплит. На следующий день Робертс должен был улетать домой в Лондон, оставив меня у руля.

– Боюсь, не успеваем встретиться со STEENBOX, – ухмыляясь, сообщил Робертс, пока мы дрожали в зале ожидания аэропорта, – но я расскажу тебе, как добраться до Тузлы и где ее найти.

Робертс, понятно, был рад все бросить. Мне же после сверхкороткой передачи дел предстояло практически заново собирать все по кусочкам.

x x x

Всматриваясь в темноту сквозь заливаемое дождем ветровое стекло, я старался разглядеть очертания каких-то ориентиров и привязать их к расстеленной на коленях карте. Мысленно проклинал Фаулкрука, выделившего для передачи дел так мало времени. Для встречи со STEENBOX требовалось пересечь два фронта и ползти по лесным дорогам в Тузлу за 360 километров к северо-востоку от Сплита. Это было нелегким делом и в дневное время, а тут на пути нас сильно задержал конвой с благотворительным грузом, и теперь быстро темнело, да к тому же разошелся дождь. Узкая в рытвинах дорога круто спускалась в долину. Справа до облаков поднимался густо поросший лесом скат горы. Слева внизу чуть поблескивал текущий по дну долины поток. Что-то было не так. Дорога казалась уже, а очертания долины круче, чем показывала карта.

– Джим, ты уверен, что это та дорога?

– Угу, – небрежно буркнул из-за баранки Джим. – Знаю как свои пять пальцев. – На лице ребячливая улыбка. Ничем не озабочен, вечно улыбается, всегда готов помочь и постоянно ищет дела. Крепкий малый однако, серьезно поддерживает форму. В Дивулье ежедневно бегает и работает со штангой. Но я был не очень уверен, что он имел правильное представление о своих частях тела.

Джим перешел на более низкую передачу, восьмицилиндровый двигатель заурчал, сбавляя ход тяжело груженной машины. Фары высветили упавший поперек дороги

ствол дерева размером с телеграфный столб. Машина встала.

– Должно быть, вчера была гроза, – весело сообщил Джим. Без лишних слов выпрыгнул из машины и, будто выступая на соревновании за звание "самого сильного человека в мире", поднял ствол, шатаясь, отнес его на руках на несколько шагов и бросил в канаву. Я поглядел в зеркало заднего вида на хорошо знакомые фары ползущего позади слабосильного "лендровера" с Джоном и Базом. Протянув руку, выключил стереокассету Джима с танцевальной музыкой и достал из-за ящика с инструментами "Моторолу".

– Баз, как думаешь, правильно едем? – спросил я. Тишина, пока он советовался с Джоном, потом "Моторола" зашипела снова.

– Валяйте дальше. За следующим поворотом будет сгоревшая хорватская деревня, – уверенно сообщил Баз, а коль скоро он трижды ездил здесь с Робертсом, я доверился его суждению. Я положил "Моторолу", как раз когда Джим взобрался в машину. Отряхнув руки от листьев и коры, он включил первую передачу и поехал дальше.

За следующим поворотом не оказалось никакой хорватской деревни, только еще одно поваленное дерево, больше прежнего. За ним я разглядел еще одно, потом еще. Джим, не смущаясь, приготовился прыгнуть из машины, чтобы убрать их с дороги, но я ухватил его за руку.

– Нет, здесь что-то не то, – сказал я. Это не было результатом грозы. Деревья были положены поперек дороги намеренно.

– Баз, Джон, немедленно сюда, мы не там повернули, – приказал я по "Мотороле". Джим уловил в моем голосе беспокойство и уже разворачивал "дискавери" назад. Он уже развернулся, когда "Моторола" заверещала голосом База:

– Эй, Рич, у нас тут неприятности!

Фургон связи стоял метрах в ста. Джон, должно быть, проклиная все на свете, тщетно пытался развернуть тяжелую машину и не успел уйти от милиционеров. Двое стояли перед капотом, направив АК-47 на База. Двое других у дверцы водителя, возможно, разговаривали с Джоном или, того хуже, силой пытались открыть дверцу. Еще несколько человек стояли сзади, разглядывая в окошко компьютеры и радиоаппаратуру и дергая за ручку. Из-за деревьев появлялись все новые фигуры и с оружием наготове решительно шагали к машине.

Я не успел ответить Базу, как нашу машину тоже окружили. Через ветровое стекло на меня смотрели стволы двух АК-47, их хозяева оставались в тени. В стекло с моей стороны резко постучали. Оглянувшись, я увидел пистолет, указывающий, чтобы я открыл окно. Стараясь не делать резких движений, я нащупал

кнопку на дверце. Когда Джим выходил убрать с дороги дерево, он, должно быть, отключил центральный запор. Я нажал кнопку, моля Бога, чтобы не очень надежная система сработала. С удовлетворением услышал щелчок – все пять дверей заперты.

Положение трудное, если не отчаянное. К счастью, большинство солдат чисто выбриты, так что это не афганские моджахеды, действовавшие в этом районе, которые не колеблясь расправляются с неверными. Возможно, наши жизни вне опасности. Даже нерегулярные группы боснийской милиции вряд ли станут убивать военнослужащих UNPROFOR, ибо это привело бы к суровому возмездию. Но я беспокоился за машины и оборудование. Всего за несколько недель до того недалеко от этого места попала в засаду группа французских журналистов. Их под угрозой оружия высадили из "лендкрузера" и оставили на обочине. А похитители умчались на новенькой машине. Для нас это было бы катастрофой. Потерять "дискавери" и фургон связи уже плохо, но вот высокочастотная радиоустановка "калекс", хоть и устаревшая, все еще шла под грифом "Совершенно секретно". А еще, подумал я, налетчиков ожидает неприятный сюрприз, если они попытаются открыть мой дипломат. В его металлическом корпусе, где хранились шифры и другие секретные материалы, было установлено взрывное устройство, которое, наделав порядочно шуму, уничтожит содержимое, если дипломат неправильно откроют. Я надеялся, что до этого не дойдет.

Схватив "Моторолу", я связался с Базом.

– Ни при каких условиях не выходите из машины, – крикнул я.

– Вас понял, – ответил тот, на этот раз не так самоуверенно.

Пистолет снова постучал по боковому стеклу, и кто-то отрывисто скомандовал по-сербохорватски. Чуть наклонившись, чтобы видеть скрытое тенью лицо, я пожал плечами и развел руками.

– I don't understand. Ich verstehe nichts. Je ne comprends pas, – твердил я, в который раз проклиная глупость, вследствие которой тебя посылают на такую работу без элементарной языковой подготовки. Голос пролаял что-то еще, и прикладом автомата разбили правую фару. Я понял команду и выключил оставшийся свет.

Голос затявкал снова, и я чуть опустил стекло, надеясь, что это будет понято как знак примирения.

– Чем могу помочь? – робко спросил я по-английски. Голос снова заверещал, на сей раз еще более агрессивно. Солдат изо всех сил дергал за ручку, раскачивая машину. Другие солдаты пытались выломать заднюю дверцу. Опустив стекло еще на

полдюйма, я попробовал представиться.

– UNPROFOR, UNPROFOR, английские солдаты, – повторял я, показывая через стекло удостоверение сотрудника ООН.

У Джима был свой разговор, правда, его собеседник немного говорил по-английски.

– "Манчестер Юнайтед", – улыбаясь Джиму, с гордостью произносил он. – Брайан Робсон, – сияющая улыбка еще шире, поднятые кверху большие пальцы. Джим, фанат ливерпульцев – главных врагов манчестерцев, глотает обиду.

– Ага. "Ман Юнайтед". Очень хорошо. Лучшая команда в мире. – Тоже поднятые вверх пальцы и дружелюбная улыбка.

Голос за окном, который я принимал за командирский, выпалил очередную тираду, и стоявшие впереди машины солдаты подались вперед, угрожающе поводя автоматами. После того как погасли фары, глаза привыкли к темноте и я разглядел, что солдаты целятся в нас. Усталые злые лица. Командир пролаял еще приказ, и в животе моем похолодело при звуке загоняемых обойм.

Стоявший прямо передо мной молодой солдат отвел предохранитель и перевел рычаг на беглый огонь. Лицо больше не злое, а, скорее, испуганное. Я уже смирился с потерей машин и повернулся к Джиму, чтобы дать команду выходить.

Но Джим думал иначе. Улыбаясь, как кот на масло, он наклонился и достал из кобуры свой браунинг. Подобно Джону Уэйну перед решающей схваткой, направив ствол кверху, помедлил секунду, затем оттянул ствол левой рукой и загнал патрон в патронник.

– Какого... ты это делаешь, опусти сейчас же! – забрал я.

– Не-а, они берут на пушку, – ответил Джим. – смотрите...

Усталое лицо болельщика "Манчестер Юнайтед" расплылось в улыбке, а потом он заразительно рассмеялся.

– Смотрите, они напуганы больше нас.

Один за другим солдаты успокаивались, опускали автоматы и начинали смеяться.

Стоявший рядом со мной командир что-то орал, но никто не обращал на него внимания. Потеряв авторитет у не подчиняющегося ему сброда, он потихоньку пошел прочь.

– Ты совсем, черт побери, тронулся, – отчитывал я Джима. – С чего ты вздумал, что тебе это сойдет?

– Этот малый, болельщик "Ман Ю", сказал, чтобы я не боялся, – ответил Джим. Солдаты разбрелись, двое оставшихся у машины держались непринужденно и дружелюбно. Болельщик "Манчестер Юнайтед" улыбнулся за окном, и Джим опустил стекло.

– Проезжайте, – продолжая улыбаться, сказал босниец. – Вам

повезло. Почти попали на линию фронта. Сербы... – Он махнул рукой в сторону поворота, не хватало английских слов. – Этот капитан... – Парень большим и указательным пальцем изобразил понятную всем круглую фигуру, подвигал ею взад-вперед. – Раздолбай каких мало.

Я протянул пачку "Мальборо", которую всегда держал на такой случай, хотя никто из нас не курил. Он взял одну сигарету и закурил.

– Держитесь середины дороги, – предупредил он. – Мины. Потому деревья.

Мы молча повернули назад, размышляя о нашем везении. Решено было больше не допускать подобных ошибок и не ездить по незнакомым дорогам после наступления темноты. Другим, совершившим в Боснии такие ошибки, повезло меньше нас. Несколько недель спустя английский капитан ошибочно повернул на том же самом месте, наскочил на противотанковую мину и погиб. В марте неподалеку от городка Зеница в Центральной Боснии моджахеды напали из засады на группу сотрудников ODA. Их отвезли на несколько миль в глубь леса, вытащили из машин и поставили на обочине на колени. Одного убили, пустив пулю в затылок, остальные, спасая жизнь, разбежались под градом пуль, прячась в ледяной воде реки. Им еще повезло – отделались незначительными ранами.

В эту поездку нам удалось установить в Тузле контакт со STEENBOX, а в дальнейшем мы совершали трехдневные поездки для встреч с ней каждые два недели. Материально-техническое обеспечение поездок находилось в умелых руках Джона, загружавшего обе машины средствами связи, провиантом, винтовками CA-80 и браунингами калибра 9 мм на каждого из нас, бронежилетами, шлемами и запчастями к автомашинам. Брали с собой спальное снаряжение на случай вынужденных ночевок, но по возможности ночевали в клубах-столовых на разбросанных по Боснии базах UNPROFOR или в немногочисленных еще открытых гостиницах, принимавших сотрудников служб помощи и журналистов. Джон и еще двое членов команды сопровождали меня во всех поездках, а четвертый поочередно оставался в казармах Дивулье дежурить у стационарного "калекса". Они всегда с удовольствием предвкушали эти поездки по стране, гвоздем которых было пересечение линии фронта в Горни-Вакуф, разделявшей боснийско-хорватские силы и милицию боснийских мусульман. Обе стороны любили обстреливать проезжавшие через разрушенный город машины UNPROFOR, чтобы потом в пропагандистских целях возлагать вину на другую сторону.

"Тонкокожие" машины вроде наших должны были ехать по городу группами под охраной двух бронетранспортеров "ворриор", немедленно демонстративно открывавших ответный огонь по предполагаемым снайперским точкам. За десяток или около того поездок через Горни-Вакуф в наши машины не угодили ни разу, хотя мы регулярно попадали под обстрел.

Получаемые от STEENBOX сообщения были весьма сомнительного свойства. Информация о планах местной милиции не относилась к категории СХ, а представляла собой всего лишь официальные пропагандистские сведения размещенной в Тузле VI боснийской армии. Как-то вечером во время одной из наших встреч в маленьком кафе в Тузле туда зашли несколько старших офицеров боснийской милиции и заказали у стойки кофе. Пока они не заметили нас, сидящих за столиком в углу, я прошептал STEENBOX:

– Мне, пожалуй, лучше уйти. Опасно, если увидят нас вместе. Встретимся через двадцать минут в кафе напротив мэрии.

– Ничего, – небрежно бросила STEENBOX. – Это мои друзья, и они уже знают, что вы сменили Кеннета.

Ясно, что не было смысла представлять Уайтхоллу информацию STEENBOX как разведывательную (СХ), поскольку она передавалась мне с благословения командования VI армии. Оно просто использовало ее и меня в качестве прямого канала распространения своей пропаганды. Я посылал по этому поводу несколько телеграмм Стрингу Уэсту, но тот не хотел реагировать на них.

"Мы убеждены, что STEENBOX передает сообщения без ведома и одобрения вышестоящих чинов, – отвечал Стринг Уэст в одной из телеграмм, ничем не подкрепляя своей позиции, – и ее информация содержит ценные разведданные". Непреклонность Стринга Уэста объяснялась его новыми обязательствами как офицера, возглавляющего балканское направление. За год до этого под давлением министерства финансов МИ-6 допустила бригаду специально проверенных консультантов по вопросам управления для изучения рентабельности. Рассматривая разведданные и агентуру как нечто несущественное, они ввели систему "внутреннего рынка". Р4 были установлены задания выдавать столько-то разведданных в месяц и разработать и завербовать столько-то агентов за квартал. Во втором полугодии 1993 года он должен был иметь по поставляющему секретную информацию агенту в сербской, хорватской и мусульманской общинах Боснии и еще по одному в стадии разработки. Если бы из-за моих доводов со STEENBOX прекратили отношения, то задание было бы недовыполнено. Вот по этой причине он

предпочитал представлять ее пропаганду как разведданные.

Стринг Уэст также настаивал на том, чтобы я попытался завербовать хорвата Джона Вучича, двадцатишестилетнего бухгалтера из Сиднея, служащего штаб-квартиры боснийских хорватов. Вучич в случае вербовки был бы неплохим источником.

"Он австралийский подданный, и в целях вербовки вам следует воспользоваться его англофильским интересом к крикету", – писал Уэст в одной из телеграмм. Стринг Уэст отмахивался от моих возражений, что Вучич с жестокой решимостью, достойной предводителя гуннов Аттилы, оправдывал грубые нарушения прав человека, совершаемые его любимыми хорватами. Ради достижения контрольных цифр, установленных безликими чиновниками, Стринг Уэст вопиюще игнорировал мои оценки как офицера, действующего на месте.

x x x

– Чуть потише, Тош, – попросил я, – Баз наверно клянет тебя, почем зря, пытаясь не отстать по таким дорогам.

Тош чуть притормозил, но я знал, что через десяток минут ему снова придется напоминать об этом. Тяжело нагруженный фургон связи даже на лучших участках едва поспевал за мощным восьмицилиндровым "дискавери", а когда за баранкой сидел нетерпеливый Тош, Базу с Джоном доставалось еще больше. Мы торопились в Сараево, где нас ожидало много дел. По стечению обстоятельств я не мог попасть в город в течение десяти, дней. После стычки с французским контингентом UNPROFOR осаждающие город сербы полностью перекрыли время от времени действующий наземный путь, потом из-за сильного тумана закрылся аэродром, а когда туман рассеялся, "Геркулес", на котором я собирался вылететь из Сплита, сломался на взлетной полосе.

Прошли все сроки встречи с DONNE, и Стринг Уэст слал все более гневные телеграммы. К тому же два высокопоставленных дипломата из балканского сектора пожелали встретиться с Караджичем в его штаб-квартире в деревне Пале неподалеку от Сараево, чтобы лучше понять его позицию на предстоящих переговорах – ICFY. Поскольку поблизости не было других английских дипломатических представителей, Стринг Уэст попросил меня организовать эту встречу. Получить разрешение на поездку из Сараево в Пале было нелегким делом, требовалось вести переговоры о безопасном проезде через боснийско-мусульманские и боснийско-сербские линии фронтов, не говоря

уж о согласовании с несговорчивым французским контингентом UNPROFOR в Сараево. Я договорился встретиться с ними в 18.00, но нас надолго задержал перегородивший дорогу поломавшийся бронетранспортер испанских сил UNPROFOR.

– Мы никогда не доедем, если не поднажмем, – огрызнулся Тош.

– Послушай, Тош, предупреждаю последний раз, если не сбавишь скорость, машину поведу я. – Опустив щиток, заслоняющий от лучей низкого зимнего солнца, отражающихся от покрытых свежим снегом опустевших полей, я вернулся к своим записям.

– Проклятье, Джон разбил машину! – крикнул Тош нажимая на тормоза "дискавери".

Обернувшись, я увидел, как в пятидесяти метрах позади наш фургон связи, кувыркаясь, падает на крышу. Тош, резко тормознув, мгновенно развернулся и рванул к месту аварии. Когда, скользя, мы остановились, Джон и Баз выбирались из-под обломков, напуганные до смерти, но, к счастью, целые.

– Вот чертовщина, – поднимаясь на ноги и оглядывая останки фургона, пробормотал Баз. – Надо вызывать Автомобильную ассоциацию.

Машина дважды перевернулась и легла в канаве на крышу. Если даже она и подлежит ремонту, на это уйдет несколько недель.

Надо было менять расписание на следующие несколько дней.

– Тош, настраивай высокочастотный, – скомандовал Джон. – Пускай Джим доставит самолетом из Сплита запасной фургон.

Французы ни за что не разрешат ехать из Сараево в Пале на встречу с Караджичем одной машиной, поэтому Джим должен был действовать как можно быстрее. Оставив Джона с Базом охранять изуродованную машину от сборщиков утиля до прибытия ремонтников из REME (армейской электромеханической части), мы с Тошем помчались на "дискавери" к французам.

Следующие сорок восемь часов были заполнены встречами и переговорами: я выслушивал доклад DONNE, договаривался о поездке в Пале. Неподатливый французский командующий в конце концов дал согласие на визит дипломатов, правда, это стоило мне двух бутылок виски. Ценой многочисленных встреч с боснийско-мусульманской милицией и нескольких блоков сигарет удалось обеспечить безопасный проезд через их боевые порядки, хотя они были решительно против наших дипломатических контактов с сербами. Наконец, темпераментный боснийско-сербский офицер связи в здании PTT соизволил

разрешить проезд в Пале по контролируемой сербами территории, правда, чтобы показать, кто здесь босс, заставил меня прождать его в своем офисе шесть часов. Джиму удалось доставить запасной фургон на "Геркулесе" в Сараево вечером накануне прибытия двух упомянутых важных персон, что было огромным достижением, ибо считалось, что все прибывающие грузы должна была составлять только гуманитарная помощь. К приезду гостей Баз с Тошем вычистили "дискавери" до блеска – немалый подвиг, учитывая нехватку воды на аэродроме и состояние машины после путешествия из Сплита. Кроме того, они привели в порядок обмундирование и надраили сапоги. Я тоже надел свежую рубашку, пиджак и галстук. Я находился на французском командном пункте на аэродроме, проверял у дежурного офицера, не будет ли в последнюю минуту препятствий по пути в Пале, когда мне позвонил по "Мотороле" Джон.

– Рич, если есть минутка, не подошел бы ты на грузовой двор помочь разобраться с лягушатниками. Я хочу отправить фургон связи обратным рейсом в Сплит, но не пойму, что они говорят.

На погрузочном дворе наш жалкий "лендровер" ждал погрузки в "Геркулес" под началом отвечающего за это французского сержанта.

– C'est quoi le probleme? – спросил я. Сержант объяснил, что на полосу допускаются только машины на ходу, чтобы ввиду опасности обстрела сократить время пребывания самолета на земле.

– О'кей, я прослежу, чтобы механики из REME запустили мотор, – заверил Джон, едва дослушав перевод. Хотя кузов был изрядно помят, ходовая часть в основном не пострадала и машины можно было запустить.

– Заело поршень, – после беглого осмотра объявил механик. – Когда машина повалилась на бок, масло мимо колец просочилось в камеры сгорания. Надо его оттуда выдуть. – Он ловко снял крышки цилиндров, потом попросил Джона провернуть стартер. Однако масла набралось больше, чем ожидал механик, и из головки цилиндра ему в лицо хлынул фонтан липкой черной жидкости. Я не успел отскочить, и мой пиджак, рубашку и галстук тоже забрызгало маслом.

– Прошу прощения, сэр, – ухмыльнулся чумазый технарь, вытирая ветошью лицо. Не сомневаюсь, что в тот вечер за кружкой пива он с приятелями всласть позубоскалил на мой счет.

До прилета гостей оставалось полтора часа, а вид у меня был далеко не презентабельный. Баз рванул на "дискавери" в здание PTT раздобыть мне смену одежды, но поиски ничего не дали.

Самые страшные пятна удалили с рубашки с помощью шлифовального порошка и туалетной бумаги, но шелковый галстук был безнадежно испорчен. Так что я был вынужден встречать важных персон в рубашке с открытым воротником. Не совсем подходящее облачение для дипломатических переговоров, но была задача и поглавнее – благополучно доставить VIP-гостей в Пале и обратно к вылетавшему в тот же вечер самолету.

Встреча с Караджичем и его приспешниками прошла довольно гладко, и, отправив важных персон обратно в Загреб, я на портативном компьютере отстучал телеграмму своему шефу. Высокочастотный радиопередатчик "калекс" еще не перенесли из поврежденного фургона в запасную машину, так что Джон зашифровал телеграмму вручную и направил ее в центр связи МИ-6 в Поундоне по спутниковому передатчику. Спустя час мы получили ответную телеграмму Стринга Уэста, который в тот вечер, видно, задержался на работе. "Поздравляю с организацией важной встречи в, по всей вероятности, очень трудных условиях", – писал он.

В феврале 1994 года при посредничестве UNPROFOR между воюющими сторонами было заключено шаткое соглашение о прекращении огня, а боснийские сербы приостановили артиллерийские и снайперские обстрелы города. В Сараево на время стало более или менее безопасно. Соответственно, посыпались просьбы принять гостя, в том числе и от Стринга Уэста.

– Хотелось приехать пораньше и поездить с тобой по стране, – говорил он мне за ужином в одном из шикарных ресторанов Сплита, – да был очень занят.

Вскоре после возвращения Стринга Уэста в Лондон штаб-квартира приняла решение закрыть ВАР. Теперь, когда Босния была признана независимым государством и в Сараево восстанавливалась видимость нормальной обстановки, FCO установило дипломатические отношения и открыло посольство, совсем не к месту, над казино, где заправляла мафия. Пора было переносить операции МИ-6 под дипломатическую крышу и кончать с моим фиговым листком "гражданского советника". Кадровики к тому времени подобрали подходящего резидента в Сараево, и она уже завершала языковую подготовку.

Я был освобожден от обязанностей полученной в середине апреля 1994 года телеграммой, в которой сообщалось, что новый H/SAR вылетает в Сараево в начале мая. SBO/1 рекомендовал не засвечивать ее дипломатическое прикрытие прямыми контактами со мной, справедливо полагая, что я хорошо известен боснийской полиции, так что от меня не требовалось знакомить ее с

подведомственной территорией.

Поэтому моя задача заключалась только в том, чтобы вместе с Джоном проследить за ликвидацией центра в казармах Дивулье в первой неделе мая. Стринг Уэст предложил, чтобы я пригнал "дискавери" с мелким оборудованием в Лондон своим ходом, вместо того чтобы нести расходы по переправке его на С-130 по воздуху. 602-я часть задержится еще на несколько дней и доставит "калекс" и другое оборудование.

Хотя командировка мне во многом понравилась, особенно работа с ребятами из 602-й части, отсутствие опытного руководства порой приводило в отчаяние. После бомбежек, обстрелов и крови я жаждал отдохнуть вместе с Сарой. Несколько месяцев назад ее пугали раком, хотя, к счастью, теперь она была не в больнице.

Проезжая на первом этапе своего пути домой по горной дороге, проходящей вдоль Далматинского побережья от Сплита до Триеста, я остановился на самой высокой скале. Солнце как раз величественно опускалось в море. Мне оставалось выполнить еще одну задачу, чтобы завершить работу нашего центра. Порывшись в багажнике, я достал оставшуюся от Робертса оружейную коллекцию и ручную гранату и как можно дальше швырнул их в глубины Адриатики.

Глава 10. Химическая терапия

Понедельник, 6 июня 1994 г.

Набережная принца Альберта, дом 85, Лондон.

Вернувшись в Лондон, я обнаружил, что наш офис перебрался из тусклого и безликого Сенчури-хаус в блестящее новое здание на набережной принца Альберта. Целый блок красивых архитектурных зданий занял главенствующее место в самом центре Лондона на южном берегу Темзы. Прямо напротив, на противоположном берегу реки, видны Вестминстерский дворец и Уайтхолл. Расположение и архитектура нашего здания коренным образом изменили представление о нашей службе. Гигантские крылья, распластавшиеся над центральным бельведером, словно над мрачно нахмурившейся головой, напоминали нам штаб-квартиру некоего Терминатора, грозящего любому, кто осмелится бросить вызов его власти. Официально считалось, что величественное здание обошлось казне в 85 миллионов фунтов стерлингов, но любой в нашем офисе знал, что на самом деле затраты на его сооружение превысили эту цифру по меньшей мере раза в три. В еженедельном служебном информационном бюллетене нас предупредили, что всякие разговорчики относительно перерасхода средств будут считаться серьезным нарушением установленных внутренних порядков и надлежащим образом караться.

Воинственный внешний вид фасада соответствовал самому предназначению нашего ведомства, поскольку серьезные угрозы независимости МИ-6 звучали со дня ее основания и продолжались по сей день. Заметное местоположение здания отражало готовность разведслужбы стать признанной частью правящих силовых кругов Великобритании. Но об этом было во всеуслышание заявлено, или же публично подтверждено, в тронной речи королевы при открытии сессии парламента нового созыва в октябре 1993 года. А спустя год в силу вступил соответствующий закон относительно минимальной финансовой отчетности МИ-6. Лишь немногие члены парламента могли получать ограниченные права внимательно изучать бюджет разведки и объекты ее деятельности, но в то же время они не имели права совать нос в оперативные планы, читать доклады и отчеты или же допрашивать офицеров. Эти нововведения допускали лишь поверхностную отчетность разведслужбы перед общественностью и не имели ничего общего с надзором Конгресса США над американским Центральным разведывательным управлением. Министерство финансов,

впервые получив разрешение на основательную проверку эффективности разведслужбы, так ловко покромсало бюджетные ассигнования, что пока ничего не было слышно насчет сокращения личного состава.

За время моего отсутствия многие знакомые уволились со службы. Не стало и самого шефа разведслужбы сэра Колина Макколла вместе с заслуженными, но апатичными престарелыми директорами. Они поддерживали друг друга и двигали своих людей на высшие должностные посты; поговаривали, что один из них даже заплакал, узнав, что его повышать не будут. Им на смену пришло молодое поколение руководителей с новым шефом Дэвидом Спеддингом во главе. Он был пробивной специалист по проблемам Ближнего Востока. Ему только что исполнилось 49 лет, и он стал самым молодым чиновником такого ранга за BGJP историю разведслужбы. Особенно быстро он продвинулся по службе во время войны в Заливе, которая разразилась, когда Спеддинг занимал должность заместителя начальника Ближневосточного управления. С началом войны шеф управления отказался возвращаться из отпуска, и Спеддинг воспользовался представившейся возможностью взять бразды правления в свои руки, чем произвел на правительство неизгладимое впечатление. Он же рекомендовал начальству назначить на важные руководящие посты целый ряд своих доверенных людей.

x x x

По возвращении из Боснии мне предоставили 10-дневный отпуск, который я провел, с удовольствием копаясь в своем запущенном саду. За время пребывания в Боснии я вынес убеждение, что Лондон – это наглый, самодовольный, заторможенный и беспорядочно устроенный город, и перестал вращаться в обществе и встречаться с другими людьми за исключением Сары. Это затворничество нарушил лишь краткий визит Фаулкрука, приехавшего обсудить вопросы моего нового назначения. Он предложил мне поехать под "крышей" в Ирак в качестве члена Комиссии ООН по контролю за вооружениями, но мне хотелось получить следующую должность за рубежом без всякого прикрытия. Поэтому, пока что-нибудь не подыщется, он предложил мне стать руководителем головной секции в Департаменте разработки превентивных мер по предотвращению распространения вооружений (РТСР). Секция занималась подбором соответствующих разведданных и предотвращала попытки государств-изгоев, главным образом Ирана, Ирака,

Ливии и Пакистана, приобретать биологическое, химическое и ядерное оружие массового уничтожения. От меня требовалось явиться в департамент сразу же после сессии ООН, но затем это задание перепоручили Барту. Теперь я лелеял надежды воспользоваться подобной возможностью снова, уйти из Восточноевропейского управления и уберечься от скрытой опасности, таящейся в закрученных интригах внутри разведслужбы.

Новое руководство в разведке на Воксхолл-кросс отражало чаяния молодых, серењких и безликих сотрудников. Возможно, так и надо было вести дело, чтобы отражать финансовые поползновения казначейства. Но пойдет ли все это на пользу самим разведчикам? Я обдумывал эту ситуацию, пока вышагивал целую милю от своего дома до Воксхолла-кросс под моросящим июньским дождичком. Начинался мой первый день в новом здании.

Вместо охранников, стоявших в прежнем здании при входе в вестибюль, которые дружески здоровались с входящими сотрудниками, заглядывая в удостоверения личности и сверяя фотографии, теперь появились автоматы. Шесть автоматических охранных дверей, выстроенных в ряд, словно яйца, отложенные каким-то гигантским насекомым, закрывали проход в главное здание. Позади них выстроилась небольшая очередь сотрудников. Когда подошел мой черед, я всунул свою карточку в узкую щель и набрал цифровой код: 6-9-2-1. Автомат сразу же заработал: в щели зажегся зеленый свет и со свистом откатилась вбок входная дверь. Войдя в тесную капсулу, где мои плечи касались стенок, я нажал на кнопку первого этажа. Так как кроме меня в капсуле никого не было, дверь со свистом захлопнулась, а впереди открылась другая дверь, выпуская меня во внутреннее помещение.

Как и в здании Сенчури-хаус, внутренние помещения напоминали гостиничные коридоры. Однако с той разницей, как если бы во внутренних обшарпанных помещениях гостиницы "Интурист" был проведен ремонт и они стали бы блестеть подобно первоклассным американским гостиницам "Мариотт". Из ниш в высоком потолке лился мягкий флуоресцентный свет, освещая мраморный пол цвета слоновой кости и зеленоватые матовые стены. Бросались в глаза две массивные колонны, в них размещалось автоматическое управление скоростными лифтами. Здесь не наблюдалось суеты, в небольшой очереди перед лифтами люди тихо и спокойно переговаривались между собой. Вокруг колонн были установлены удобные скамейки, обтянутые черной кожей. Справа, из открытого окна в небольшом крытом

портике на высокую светлую стенку лился свет. Здесь были установлены огромные и слишком яркие субтропические деревья из пластика. Из центрального портика в разные стороны отходили коридоры, отделанные мрамором. Я пришел на встречу со своим новым начальником на двадцать минут раньше назначенного срока, поэтому решил знакомиться с помещением дальше.

Спустившись вниз на несколько ступенек, я оказался в коридорчике, приведшем меня в библиотеку. Библиотека в старом здании влачила жалкое существование; на металлических стеллажах лежали старинные книги, в ветхих папках хранились подшивки журналов. Здесь же все было устроено удобно и просто великолепно: стояли дорогие читальные столы и скользящие стеллажи для книг. За невысокой перегородкой сидела приятная веселая библиотекарша Дженни.

– Как вы себя чувствуете? – радостно спросила она. – Как там дела в Боснии?

Она рассказала, что во время переезда ее назначили заведующей библиотекой, а прежнюю заведующую Сандру уволили по сокращению штатов, так как она была старше ее и получала большую зарплату.

– Мне так неудобно перед ней, – промямлила Дженни. – В здании Сенчури-хаус она проработала двадцать лет, а департамент кадров даже не выдал ей гостевой пропуск сюда, и она не смогла осмотреть изнутри новые помещения. Она ужасно огорчилась. – Во время разговора Дженни продолжала ставить штампы на утренних газетах. – А вы знаете, как они поступили с уборщиками? – Она протянула мне "Миррор" с информацией по этому поводу.

Стремясь сэкономить деньги, департамент кадров предпринял циничные шаги, уволив сорок семь штатных уборщиков в старом здании Сенчури-хаус, а затем в новом здании Воксхолл-кросс принял их обратно на работу, но уже с меньшими окладами. Борясь за справедливость, обозленные уборщики пошли на беспрецедентный шаг и возбудили с помощью члена парламента лейбористки Кейт Хоу, судебное дело против МИ-6. Разведслужба изворачивалась как могла, утверждая, что уборщики не имеют права жаловаться, так как все они засекречены и на судебных заседаниях их имена не должны быть оглашены. В конце концов после затяжных и дорогостоящих юридических баталий уборщикам позволили выступать в суде. В "Миррор" была помещена забавная фотография уборщиц, выступавших перед судьями. От публики их отделял экран, виднелся только ряд изящных туфелек. Уборщики быстренько выиграли дело, получили компенсацию и вернулись на работу.

Новые директора МИ-6 оказались в неловком положении не только перед общественностью, но и перед своими сотрудниками. Тогда они предприняли попытки преуменьшить свое поражение, заявляя в служебном информационном бюллетене и в выступлениях перед общественностью, что это министерство финансов вынудило их сократить жалованье. Они и мысли не допускали, что сами просто-напросто нарушили основы трудового права и использовали устав своей организации для прикрытия плохого руководства.

Возвращаясь назад в холл к лифтам, я заметил своего коллегу по прежней работе, Барта, входящего в здание. В одной руке он держал теннисную ракетку, в другой – булочку, которую жевал на ходу.

– Хэлло, приятель, – ухмыльнулся Барт, смахивая с уголка рта прилипшую смородинку. – Ты же был в Боснии, – без всякого смущения продолжал он. Я показал на теннисную ракетку и спросил:

– Ну а тренировка, она тоже для прикрытия?

– Нет, я действительно увлекаюсь спортом. Ты видел корт для сквоша?

Барт провел меня через стальную дверь рядом с входом в библиотеку, и мы оказались в небольшом гимнастическом зале, покрытом серым ковром, где стояли тренажеры для гребли и тяжелой атлетики. Из портативного плеера глухо доносилась танцевальная музыка. Дородная женщина, одетая в тесноватое трико в горошек, исходила потом, сидя на тренировочном велосипеде, седло которого было слишком низко опущено.

– Во пышечка, – пробормотал Барт без всякого сарказма, – не плоха, как считаешь?

Барт показал мне другие залы спортивного комплекса. Архитектор здания сначала задумал использовать помещение под плавательный бассейн, но директора решили, что это смахивает на расточительство и привлечет внимание общественности, если она пронюхает про бассейн. Несколько отставников-офицеров выступили за устройство там пистолетного тира, но все же в конце концов возобладал здравый смысл и помещение оборудовали для игры в мини-футбол и бадминтон.

– Ну и на что же похож этот РТСР? – спросил я Барта, зная, что он только что ушел из департамента, чтобы начать подготовку к новому назначению для работы в Венгрии.

– Тебе придется работать у Бэджера. Он любит побаловаться пивком. – Барт с умным видом похлопал себя по животу, его слова взбодрили меня – я буду служить в неплохом отделе. Я оставил Барта, чтобы он поиграл в сквош, и направился к лифтам.

Скоростной лифт мигом доставил меня на четвертый этаж, дверь открылась, и я очутился в небольшом холле с серым ковром на полу и голыми белыми стенами, какие я часто встречал в коммерческих банках в 80-е годы. Несколько секунд я рассматривал небольшой разноцветный план этажа, прикрепленный около двери лифта, а потом отправился по лабиринту коридоров к выделенной мне комнате. Окна комнат РТСР выходили на противоположные стороны: на просторную открытую террасу и на Темзу. В отделе насчитывалось полдюжины офицеров и секретарей. Кое-кто внимательно разглядывал меня, другие не отрывали взгляда от досье или от экрана компьютера. Офицер из соседней комнаты встал и протянул мне руку.

– Хэлло, вы, должно быть, Ричард Томлинсон, – сказал он. Его вьющиеся седые волосы были тщательно приглажены на висках, но на темени и скулах густо рос тоже седой пушок, создавая три широких полоски. – Присаживайтесь. Я расскажу, чем вы будете заниматься.

Бэджер поступил на службу в разведку позднее обычного. Он защитил докторскую диссертацию по генетике в Имперском колледже и занимался научно-исследовательской работой, а затем консультировал по вопросам менеджмента, и лишь когда ему было уже далеко за тридцать, пришел в разведслужбу. Сначала его направили в Нигерию, затем в Коста-Рику. Увлеченность и большой всесторонний опыт помогли Бэджеру быстро стать действительно полезным для дела офицером. Но ему не суждено было сделаться птицей высокого полета, так как он не умел подхалимничать и наушничать.

– Я хочу поручить вам заняться операцией BELLHOP – это самая крупная оперативная разработка в нашей секции, – с пафосом произнес Бэджер.

Во время ирано-иракской войны в 1985-1989 годах тысячи иранских солдат погибли от химического оружия иракцев. После войны иранцы решили создать собственный арсенал химического и биологического оружия, но у них не было ни необходимой для этого технологии, ни оборудования, ни исходных химикатов. По международным соглашениям экспорт таких материалов в страны, которые могли бы создать химическое оружие, запрещался, но это не могло остановить Иран от его тайного производства. Любая открытая попытка иранцев закупить запрещенное оборудование сразу же привлекла бы внимание западных разведывательных органов и помешала бы прямым закупкам. Вместо этого иранцы развернули вербовочную сеть по найму западных коммерсантов и инженеров, которые выполняли

бы грязную работу, не зная, чем они занимаются, или же закрывали бы глаза на запреты.

– Ваша задача, – разъяснил Бэджер, – состоит в том, чтобы вас тоже вовлекли в эту сеть под надлежащей "крышей". Затем необходимо встретиться и подружиться с иранскими дельцами.

После этого я мог продолжать операцию в соответствии с обстановкой. Бэджер надеялся, что, проникнув в сеть, я смогу собрать разведданные, а если позволят обстоятельства, то и завербовать какого-нибудь иранского дельца, после чего затормозить осуществление их программы или вообще похоронить ее. Бросив на стол толстенное досье в розовой обложке с наклеенным номером P/54248, он напоследок сказал:

– Прочтите его и возвращайтесь, когда составите план.

Дело принимает интересный оборот, подумал я про себя. Полная свобода спланировать операцию, которую сам же и стану проводить, действительно стоящая цель, да еще в придачу доброжелательный толковый босс, под началом которого придется служить. И я уселся с увлечением читать досье операции BELLHOP.

Чтение досье МИ-6 может оказаться медленным и утомительным занятием. Бумаги в нем укладываются в хронологическом порядке – целая куча разной информации из многих источников: телеграммы, записки, рапорты контрразведчиков, копии военных донесений, анкетные данные на лиц, упомянутых в досье, включая пикантные сообщения, отчеты о встречах, фотографии наблюдаемых. Многие бумаги содержат ссылки на другие досье; если в них есть необходимость, то нужно идти вниз в центральную регистратуру и брать досье там. Какой-то документ в подборке может оказаться второстепенным для конкретного дела, а следующий – чрезвычайно нужным. Довольно легко пропустить важную бумагу. Чтобы перепахать шесть томов досье и почувствовать, что могу набросать план, мне понадобилась целая неделя.

Досье начиналось с истории задержания в аэропорту Хитроу в конце 80-х годов некоего Наума Мэнбара, израильского бизнесмена из Ниццы, которого МИ-6 подозревало в тесных и опасных связях с Моссадом. Таможенные и акцизные чиновники при обычном досмотре его кейса обнаружили в нем бумаги и планы с описанием процесса производства горчичного газа. Когда Мэнбара передали в руки полиции, он заявил, что является сельскохозяйственным инженером, а формулы и описание процесса относятся к производству нового средства для истребления насекомых. Хотя его объяснения и выглядели малоправдоподобными, тем не менее достаточных доказательств

для обвинения его в нарушении закона не оказалось. Мэнбару запретили выезд в Англию и первым же самолетом отправили назад в Ниццу. МИ-6 послала запрос во французскую контрразведку (DST) с просьбой установить за ним наблюдение.

Из перехвата телефонных разговоров Мэнбара и информации из других источников французская контрразведка установила, что в 1988 году Мэнбар достал документацию для строительства фабрики по производству горчичного газа, которую выгодно перепродал некоему доктору Техрани Фахду, проживавшему в Вене иранскому дипломату. Фахд оказался старшим офицером иранской разведки и куратором осуществления в Иране программы производства химического оружия, которая начала недавно действовать. Фахду теперь понадобились кое-какие детали для специального оборудования и химикаты, необходимые для производства газа. И он обратился к Мэнбару за помощью.

Хотя Мэнбар и был готов за миллионы долларов достать необходимые компоненты, тем не менее сначала он сомневался, стоит ли влезать в это дело, понимая, что оно противозаконно и опасно. Пока он колебался и размышлял, Моссаду стало известно о его контактах с Фахдом и, как следует из перехвата телефонных разговоров французской контрразведкой, израильская разведка назначила ему встречу в посольстве Израиля в Париже. Разведданных о том, что говорилось на этой встрече, получить не удалось, но после нее Мэнбар принялся заниматься этими делами с удвоенной энергией. Он начал мекать посредника, на которого мог бы положиться, но который не догадывался бы, что приобретение деталей и оборудования может оказаться противозаконным делом.

Через одного из своих знакомых бизнесменов Мэнбар установил контакт с некоей миссис Джойс Кидай, английской предпринимательницей, проживающей в Гиртоне около Кембриджа. Большую часть своей жизни она проработала секретаршей в местной компании па продаже канцелярских товаров и бланков. Когда исполнительный директор, в прошлом агент МИ-6, ушел на пенсию, он решил выставить свою небольшую компанию на торги. Кидди, которой уже перевалило за сорок, которая дважды была замужем и имела двух дочерей, не побоялась взять у банка кредит, приплюсовать к нему все свои сбережения и купить эту компанию. Джойс оказалась довольно пробивной и спустя немного времени начала развивать деловые связи и расширять сферу деятельности. Она установила контакты с Китаем, вела поначалу торговлю канцелярскими товарами, а затем химикатами и фармацевтическими препаратами.

Мэнбару понравились деловая хватка и усердие Кидди, и он принялся обрабатывать ее с целью сделать своей посредницей. Французская контрразведка вскоре сообщила МИ-6 об усилившейся частоте телефонных разговоров Мэнбара с Кидди. РТСР получила от FLORIDA разрешение на подслушивание телефонных разговоров, от ACANTHA – на перлюстрацию ее почты, а Кембриджскую контрразведку попросила установить за ней наружное наблюдение. Мэнбар начал все чаще поручать Кидди необычные задания. Как-то раз он попросил ее разыскать и подкупить нужного баскетболиста-еврея из НБА, который вроде бы собирался эмигрировать в Израиль, чтобы усилить израильскую национальную сборную. Она выполнила это и другие задания просто блестяще. К середине 1993 года Мэнбар твердо уверился, что Кидди – надежная посредница, заслуживающая доверия, она как раз тот самый человек, который нужен Фахду.

Кидди полетела в Австрию на встречу с Фахдом, весьма польщенная тем, что ее познакомят с новым торговым партнером, обещавшим выгодные сделки. При встрече в венском отеле "Хилтон" Фахд попросил ее закупить пару тонн тионилхлорида и прочие химикаты, которые применяются в мирных целях в производстве многих разрешенных химических продуктов, но которые являются также основными составляющими при производстве горчичного газа и нервно-паралитических веществ, таких как, например, зарин. Ничего противозаконного в такой сделке она не обнаружила.

Целых полгода Кидди искала продавцов товара, названивала по телефону и совершила две поездки в отдаленные районы Китая, пока наконец не сумела зафрахтовать судно и отправить его с партией тионилхлорида в Иран. Теперь Фахд решил возложить на нее более сложные задачи. Разработав план и получив надежные источники получения главных ингредиентов, он попросил ее достать кое-какое оборудование для фабрики. Однако оказалось, что сделать это не так просто, как наладить прямые поставки химикатов.

Фабрики по производству химического оружия стояли неукомплектованными, хотя недостающего оборудования было совсем немного. Для выпуска нервно-паралитического газа достаточно помещения размерами с жилую комнату, его можно производить даже в кузове грузовика. Для производства горчичного газа требуется помещение попросторнее, но в небольшом доме уже можно наладить выпуск газа в военных целях. Однако жидкие химикалии очень едкие, и их необходимо хранить только в стеклянной посуде, похожей на школьную,

применяемую на занятиях по химии, но гораздо больших размеров. Как и школьные химические наборы аппаратуры, на фабрике стеклянные запорные краны, трубки, колбы и реторты соединяются вместе, закрепляются и помещаются внутри несущей конструкции. Из-за угрозы утечки газов помещение накрепко запирается и проветривается с помощью вытяжных вентиляторов. Отравленный вытяжной воздух попадает в газоочистители, обычно через трубы из полипропилена, заполненные стеклянными шариками, которые плавают в растворе гидроокиси соды. Газы поглощаются этой гидроокисью с поверхности шариков и превращаются в безвредную жидкость, которую можно безопасно хранить. Торговля всем этим оборудованием находится под строгим международным контролем, что затрудняет некоторым странам, в частности Ирану, Ираку и Ливии, открыто закупать его даже для абсолютно мирных целей. Фахд вручил Кидди копии чертежей некоторых наиболее простых деталей оборудования и попросил подумать, что тут можно предпринять.

Кидди с готовностью приняла новое предложение, но поняла, что ничего не смыслит в этом деле. Ей не хватало технической подготовки, она не могла уяснить спецификацию и термины и не разбиралась в чертежах. Она обратилась за помощью к Альберту Константину, шестидесятилетнему бывшему моряку торгового флота, имеющему инженерное образование, старинному приятелю ее первого мужа.

Константин был из числа неудачников, которым вечно не везло в жизни, за что бы они ни брались. В шестнадцать лет он начал работать на угольных шахтах в Дареме, но его сразу же уволили, как только дела в угольной промышленности пошли на спад. Затем он подался в ученики на верфи в Тайнсайде, тоже умирающую отрасль, и вскоре после окончания учебы его снова уволили. После этого он устроился в торговый флот, но, едва сдав экзамены на первого помощника капитана, получил серьезные травмы в автомобильной аварии. В результате травм он лишился медицинского сертификата моряка торгового флота – так и закончилась его карьера. Несколько лет он занимался простенькими инженерными работами в разных местах, а затем, уже на шестом десятке, приобщился к торговле товарами широкого потребления в одной экспортно-импортной компании в Лондоне.

Просьба Кидди о помощи стала для Константина, испытывавшего финансовые трудности, своеобразным спасательным кругом. Спустя несколько месяцев, в апреле 1994 года, Кидди и Константин встретились на станции техобслуживания автомобилей в Саут-Мимс, к северу от Лондона.

За их встречей велось наблюдение, о чем они не знали. Два офицера из отдела РТСР, изображая из себя коммивояжеров, сели за соседний столик и стали записывать разговор Кидди и Константина с помощью хитроумного микрофона направленного действия, спрятанного в кейсе. Из этого наблюдения и перехваченных телефонных переговоров Кидди и Константина стало ясно, что он тоже не смог понять технической терминологии и спецификации деталей, предоставленных Фахдом. Но понятно было, что он вряд ли просто так отстанет от Кидди. Он очень хотел, чтобы его не отстраняли от сделки.

В обычных условиях, если МИ-6 нужно было тихо вмешаться в полукриминальный сговор, как у Кидди с Фахдом, ее офицеры старались завязать связи, подружиться, а затем и завербовать одного из ключевых лиц в этом сговоре, вроде Константина или Кидди. Но Бэджер считал, что Кидди придет в ужас, если с ней заговорят сотрудники МИ-6, и выйдет из игры, лишив тем самым возможности провалить операцию иранцев. Отверг он также и предложение завербовать Константина. Тот, хотя и придерживался левых взглядов, был предан друзьям и мог все рассказать Кидди. Бэджер был уверен, что единственной возможностью проникнуть в иранскую операцию является мое знакомство под какой-нибудь "легендой" и сближение с Кидди или Константином. Если я завоюю их доверие, они порекомендуют меня Мэнбару и Фахду.

Познакомиться с Кидди и войти к ней в доверие представлялось делом затруднительным. Во-первых, она работала дома в одиночку, стало быть, встретиться с ней через посредников нелегко. Во-вторых, прослушивание телефона показало, что она боится незнакомых людей и доверяет только тем, кого порекомендует кто-то из близких ей друзей. Я решил сначала сблизиться с Константином в надежде на то, что он затем познакомит меня с Кидди.

Порывшись в досье, я выяснил, что Константин проживает на южном побережье Англии в Саутгемптоне. Быстрая разведывательная поездка туда на мотоцикле показала, что соседняя квартира с террасой в его доме сдается внаем.

– А почему бы вам не снять эту квартиру и не познакомиться с ним по-соседски? – предложил Бэджер.

Когда спустя неделю я вновь приехал в Саутгемптон, чтобы переговорить с агентом по недвижимости, оказалось, что я опоздал: в квартиру уже вселилась молодая пара.

Выясняя с помощью компьютера CCI, кто является работодателем Константина, я наткнулся на нужный след. Оказалось, что исполнительный директор компании "Бари

трейдинг" связан с главой отдела природных ресурсов UKP – Иранского управления нашей разведки. Я быстренько позвонил ему, встретился с ним, и он согласился устроить меня на временную работу в компанию "Бари трейдинг". Договорились, что единственным человеком в этой компании, кто будет посвящен в данное дело, станет исполнительный директор. Таким образом, моя "легенда" не должна вызвать подозрений у других сотрудников.

Оперативный контрразведчик, курировавший РТСР, согласился разрешить мне пользоваться псевдонимом Хантли, который был придуман для моей поездки в Россию. Строго говоря, для каждой операции нужно использовать новый псевдоним, но, чтобы выиграть время и сэкономить деньги, от этого правила пришлось отойти. Контрразведчик полагал, что человек под псевдонимом Хантли вряд ли чем-то скомпрометировал себя в России, а места проведения операций географически не соприкасаются. У Хантли уже имелся национальный страховой полис, что облегчало заполнение всяческих бумаг для поступления на работу в "Бари трейдинг".

Контрразведчик потребовал, чтобы я подал прошение новому министру иностранных дел Малкольму Рифкинду, поскольку операция может стать скандальной, если ее проводить без прикрытия. В прошении должно содержаться заверение, что расходы на проведение засекреченных операций проверяются, но так как независимой экспертизы не существует, то единственной проверкой правильности финансовой отчетности офицера-разведчика может быть внимательное отношение министра иностранных дел. Подача прошений предыдущему министру Дугласу Харду занимала немало времени, требовала безупречных оснований и великолепного изложения, но Рифкинд славился тем, что подписывал не читая все, что МИ-6 выложит перед ним.

– Не тратьте на писанину много времени, – советовал контрразведчик. – Рифкинд подписал бы собственный смертный приговор, если бы только мы попросили об этом.

Даже вернувшись в знакомое обличье Хантли, мне не удалось избежать множества всяких подготовительных мероприятий. Изучая записи телефонных переговоров, мы узнали, что Кидди и Константину понадобился толковый инженер-химик, который легко читал бы технические чертежи, получаемые ими от Мэнбара, и который знал бы, где доставать компоненты. Через пару недель, после глубокого изучения материалов в библиотеке Имперского университета химического машиностроения, я оказался в компании "Бари трейдинг" и занял рабочее место рядом с Константином, прибыв из отеля "Хилтон" в Гайд-парке с

"легендой", что являюсь англо-аргентинским инженером-химиком и хочу заняться новым для себя делом – торговлей химическими товарами широкого потребления. По "легенде" мой выдуманный отец был менеджером на заводе Байера в Буэнос-Айресе и другом исполнительного директора компании "Бари трейдинг". Исполнительный директор согласился принять меня на полуторамесячную стажировку, чтобы я изучил, как ведутся дела в экспортно-импортной торговой компании. Похоже, такой рассказ удовлетворил Константина и других сотрудников, сидящих в затрапезном и загроможденном офисе компании на втором этаже. Это были Патрисия, прелестная молоденькая англо-индианка из Гайаны, и Фазад, не вынимающий сигареты изо рта иранец лет шестидесяти. Константин, дружески настроенный и услужливый человек, надавал мне книг и бумаг на темы "Коносаменты" и "Экспортно-импортные функции". Работа утомила меня, но я пришел сюда не ради развлечений. Моя цель – подружиться с Константином и все такое прочее, не вызывая ничьих подозрений. Для этого необходимо использовать любые возможности: непринужденные беседы, перерывы для чаепития или же посиделки после работы в пабе вместе с ним за кружечкой пива. Я искал удобного случая.

Тем временем Бэджер и его команда продолжали работать над другими аспектами операции. Как-то утром в офис влетела Дебби, миловидная копировщица, держа в руке розовые информационные листки FLORIDA. Как правило, она помещала копии во внутреннюю почтовую связь, и они ложились на наши столы в тот же день или на следующий. Но данная копия понадобилась Бэджеру срочно. Это была запись телефонного разговора Кидди из ее дома в Гиртоне с Фахдом в Вене. Она просила срочно встретиться с ней и обсудить некоторые детали контракта. Они договорились о встрече через два дня в холле отеля "Хилтон" в центре Амстердама. Из разговора вытекало, что Фахд намеревался дать ей дополнительную документацию относительно кое-какого оборудования.

У Бэджера возникла идея воспользоваться представившейся возможностью. Если мы могли подслушать телефонный разговор, то мы сумеем узнать о намерениях Фахда и о состоянии программы производства иранского химического оружия. И, тем не менее, самое важное – ознакомиться с документами. Подробное изучение планов оборудования фабрики оказалось бы чрезвычайно ценным. Бэджер приказал всем сотрудникам РТСР отставить все дела и переключиться на выполнение срочной задачи.

Для полета в Амстердам Кидди решила воспользоваться

аэропортом в Стэнстеде, расположенном неподалеку от ее дома в Кембриджшире. Бэджер заехал к таможенным и акцизным чиновникам в Стенстед и договорился, что по возвращении в Англию они проведут ее досмотр. А чтобы не вызвать у Кидди подозрений, таможенники предложили произвести досмотр и всех других пассажиров, а в очередь подсадить переодетого в гражданское платье таможенника, чтобы он распространил слух, что якобы ищут наркотики.

Подслушать разговор Кидди и Фахда при встрече в холле отеля в Амстердаме будет задачей потруднее. Для этого потребуется сотрудничество с BVD – нидерландской тайной полицией. По счастью, у МИ-6 в Амстердаме оказался надежный и смекалистый партнер из местной полиции, который был готов бросить все дела, чтобы помочь английским коллегам выполнить срочное задание. Сотрудники МИ-6 до сих пор считаются сильными игроками в иерархии секретных служб в мире. Поэтому служащие тайной полиции маленькой страны немедленно приступили к оказанию посильной помощи, зная, что, когда возникнет необходимость, это оплатится им сторицей. Бэджер направил в резидентуру МИ-6 в Гааге телеграмму-молнию, и колеса закрутились.

В Амстердам вместе со связным из BVD отправился младший офицер из резидентуры МИ-6, чтобы определить возможность подслушать разговор при встрече. Войдя в отель "Хилтон", они увидели в центре вестибюля большой фонтан в окружении множества столиков, кресел и диванов. Английский разведчик сразу понял, что в такой обстановке будет затруднительно сделать качественную запись разговора. Невозможно предусмотреть, за какой столик усядутся Кидди и Фахд. Оборудовать подслушивающими устройствами каждый столик – удовольствие не из дешевых, да и время поджимает. Да еще фонтан создает так называемый мягкий белый шум, который мешает применить микрофоны направленного действия, чтобы подслушивать разговоры с дальнего расстояния. Тем не менее все эти проблемы не обескуражили энергичных ребят из нидерландской тайной полиции, они не сочли положение безнадежным и принялись разрабатывать другой оперативный план.

Любой гость амстердамского отеля "Хилтон" рассчитывает на вкусный ланч в вестибюле гостиницы, но во вторник 7 февраля 1995 года всех их постигло разочарование. Красивый фонтан не работал, висело извещение, что он перекрыт на профилактический ремонт. Кроме того, большинство холлов было также перекрыты канатами с табличками "Проводится уборка".

Как в большинстве отелей "Хилтон" по всему миру, менеджер амстердамского "Хилтона" был агентом местной тайной полиции. Сотрудники BVD попросили его временно переставить в холле всю мебель, а единственный стол в центре оснастить подслушивающим устройством. Чтобы за него не уселись случайные посетители, там устроилась пара переодетых полицейских, изображавших из себя бизнесменов. Остальные столики заняли настоящие бизнесмены, офицеры нидерландской и английской разведок, в том числе Бэджер, сотрудник гаагской резидентуры и пара сотрудников из английской разведслужбы. Когда самолет, в котором летела Кидди, приземлился, а она встала в очередь на рейсовый автобус, чтобы добраться до центра Амстердама, в "Хилтоне" все было готово к ее приему.

Однако, едва Кидди появилась в отеле, скрупулезно составленный план начал давать сбои. Она не заметила, как два бизнесмена, сидевшие за столиком с подслушивающим устройством встали и ушли, освободив для нее стулья. Вместо этого Кидди взглянула на действующий забитый посетителями кафетерий. Он ей не понравился, и она спокойно направилась к огороженному канатом сектору, отстегнула один канат с надписью "Проводится уборка" и села в этом секторе. Из-за возникшей кутерьмы сотрудники BVD чувствовали себя неловко перед гостями из МИ-6. Они из кожи вон лезли, чтобы как-то исправить сложившуюся ситуацию. Один из офицеров с кейсом в руке, где был спрятан микрофон направленного действия, бесцеремонно захватил столик неподалеку от того сектора, где за канатом сидела Кидди. Когда через десять минут приехал Фахд и присоединился к ней, офицер умудрился сделать несколько записей. Несмотря на то, что микрофон направлялся встроенным микрокомпьютером, ничего не получилось. Микрофонная пленка оказалась негодной. Все, что мы смогли во время этой встречи, – это сделать спрятанным в кейсе фотоаппаратом несколько снимков, на которых Фахд передает Кидди толстую пачку бумаг.

К счастью, пара дней, потраченных Бэджером на подготовку операции в сумасшедшей спешке, все же не пропали даром, поскольку другая часть плана осуществилась гораздо глаже. Как и намечалось, все прибывшие в аэропорт Стэнстед пассажиры были задержаны и подвергнуты досмотру. Кидди стояла в хвосте очереди, всех впереди стоящих пропустили без замечаний. Наконец подошла и ее очередь. Пока один таможенник старательно копался в ее ручной клади, отвлекая ее внимание досмотром личных вещей, другой таможенник быстро просмотрел ее кейс. Найдя там переданные Фахдом бумаги, он переснял их на ксероксе, установленном под прилавком для досмотра, а затем

быстро положил оригиналы обратно в кейс. Как мы и думали, они оказались ценными разведданными, что только укрепило решимость руководства сделать все, чтобы уговорить Константина представить меня Кидди напрямую.

Спустя пару дней я сидел за своим столом в Воксхолл-кросс, изучая скопированные документы и пытаясь понять техническую спецификацию оборудования, и в этот момент у меня на столе зазвонил телефон. Звонила Сара.

– Хэлло, дорогой. Ну как там твоя Манипенни? – засмеялась она.

Но я сразу же почувствовал, что что-то не так. Голос ее звучал тихо, хотя она и хорохорилась.

– Что-то случилось, так? – спокойно спросил я.

– Да, – ответила она, – снова рак.

Этим утром она проходила медицинский осмотр. Врачи обнаружили, что метастазы проникли в лимфатическую систему, и ее снова немедленно положили в больницу для проведения курса химиотерапии. Она не сказала об этом, но я почувствовал по ее голосу, что надежды на выздоровление почти нет. Спустя два месяца она умерла.

Положив телефонную трубку, я обхватил голову руками, чувствуя оцепенение и слабость, хотелось даже кричать. Работа показалось мне никому не нужной и бесполезной, и я брезгливо смахнул бумаги со стола. На часах было полпервого, в это время бар в офисе уже должен быть открыт. Во время ланча я никогда не выпивал, но сейчас можно сделать исключение. Прихватив с собой из бара бутылку пива "Фостерс" я присел на деревянную скамейку в уголке открытой террасы с видом на Темзу и на здание парламента. Был весенний день, солнце уже припекало, с реки дул свежий легкий ветерок. И все же погода не радовала меня. Я думал о Саре в больнице, о разорванной на куски женщине в Боснии, мне было трудно удержаться и не плакать. Прошло некоторое время, прежде чем мне удалось собраться с мыслями. Не было никакого смысла сидеть снова за столом после перерыва на ланч. Я подошел к Бэджеру, стоящему на балконе; вместе с коллегами, и попросил разрешения уйти с работы.

– А не можете ли вы назвать причину? – спросил он.

– Не сейчас, – ответил я.

На следующее утро, сидя за столом, я всячески пытался сосредоточиться на работе и вникнуть в схему размещения химической фабрики. В этот момент зазвонил телефон. Звонил чиновник из департамента кадров, я срочно ему понадобился. Скрепя сердце, я условился о встрече на следующий день. Я не знал, что им от меня надо, но встречи с кадровиками никогда

удовольствия, не доставляют.

Департамент кадров, как очевидно, отвечает в МИ-6 за принятие решений, касающихся личного состава. Именно кадровики порекомендовали послать меня в Боснию. Но их приемы, причины принятия решений и линия поведения всегда сопровождались интригами и покрывались завесой секретности, облекались в паутину неофициальных слухов, распространяемых самими кураторами направлений и завершались тайными сделками, заключаемыми за ланчами с выпивкой.

Личный состав департамента формировался из разведчиков за счет средств, выделяемых на подготовку персонала. Сотрудники его не могли удержаться от того, чтобы не применять на временной работе свои профессиональные навыки. В результате же департамент функционировал как мини-секретная служба внутри разведслужбы, обращаясь с офицерами разведки как со своими агентами, заставляя их прибегать к мелочному обману и фальшивой лести, как при общении с нигерийскими генералами и бразильскими губернаторами. Кадровики даже не позволяли нам читать краткие записи разговоров с ними или ставить там свои подписи. И все же эти записи составляли весомую часть наших личных дел, на основании которых принимались решения при назначении на должности. Такая секретность предоставляла кадровикам карт-бланш для продвижения офицера по службе или, наоборот, при понижении его, так как нельзя проверить, не имеет ли кадровик что-то против офицера, не покровительствует ли ему или нет ли между ними панибратства. Общее недоверие департамента кадров к разведчикам подкрепляется быстрым собственным продвижением кадровиков по службе; они не останавливаются перед тем, чтобы назначить самих себя на лучшие посты за рубежом, как только те становятся вакантными.

Меня охватил мандраж, когда я вошел в лифт и начал подниматься на восьмой этаж на встречу со своим кадровиком. Из-за невысокого роста и быстрого самопродвижения по службе офицеры из его прежнего департамента дали ему прозвище Ядовитый Карлик, по имени персонажа из популярной компьютерной игры.

– Чем же вы занимались позавчера на террасе? – угрожающим тоном спросил меня кадровик. Он решил не церемониться с обычным приветствием и сразу же накинулся на меня. Такой прием он явно тщательно обдумал заранее.

– Вас там засекли, когда вы лакали пиво, не обращая внимания на других. Вам что, работа не нравится? Вам работать здесь хочется?

После такого беспричинного неприятного наскока я не смог собраться и объяснить Ядовитому Карлику ситуацию с Сарой. Даже если бы он проявил каплю сочувствия и понимания, мне этого было не нужно.

– У вас есть что-нибудь сказать мне?

– Нет, ничего нет, – безучастно ответил я.

– Ну что же. Я только что получил бумагу насчет того, чем вы занимались в Боснии. Честно говоря, я не удивлен, хотя ваш поступок ужасен. – Ядовитый Карлик бросил на кофейный столик между нами коричневый лист бумаги с моей служебной характеристикой.

– Прочитайте и объясните, – приказал он.

При чтении рапорта я почувствовал досаду и разочарование. Когда Стринг Уэст был у меня в Боснии, он не высказал никаких замечаний относительно выполнения мною служебных обязанностей. В рапорте же он в обычной своей манере только критиковал меня за упущения и ни словом не обмолвился о позитивном в моей работе, он также сделал пространную запись о том, что во время встречи с Караджичем я не надел галстука.

– Я считаю неслыханной дерзостью, что вы появились без галстука, – проворчал Ядовитый Карлик. Не слушая его, я углубился в чтение зловредной писанины Стринга Уэста. Он едко критиковал меня за отказ поехать в Сараево и расспросить DONNE после решающей схватки лидеров боснийцев и мусульман. Вряд ли DONNE сообщил бы какие-то полезные для СХ сведения, но Стринг Уэст ловко обошел вопрос о закрытии аэропорта в Сараево и о невозможности добраться до города сухопутным путем.

Во время стажировки мне уже приходилось выполнять грубую и тяжелую работу, в отличие от моих коллег по IONEC, которые все еще готовились к первой рабочей поездке за границу. Спенсер изучал немецкий язык на курсах, готовясь к работе в резидентуре МИ-6 в Вене, где служили всего четыре офицера. Касл, который всегда следил за курсом акций и которого заботил жизненный уровень, собирался занять пост в Женеве, где даже младший офицер всегда жил в добротном доме с плавательным бассейном и получал щедрое жалованье. Сейчас он занимался на годичных курсах французского языка. Из Баркинга решили сделать специалиста по арабским странам, и он находился на двухлетних курсах в Каире. Фортон совершенствовал французский, готовясь занять пост в Брюсселе, Барт изучал венгерский язык, а Хейр учил испанский, готовясь стать вторым лицом в нашей резидентуре в Чили. Никого из них еще не назначили на посты, и даже когда они приедут в определенные им страны, от них многого ждать не

станут в течение первых шести месяцев, пока они будут изучать местные обычаи и традиции. Разница моего и их положения казалось очевидной, но Стринг Уэст не сделал мне ни малейшей поблажки.

Казалось, что подобный рапорт состряпал сам кадровик и, вполне возможно, его правил коварный Фаулкрук, но доказать я ничего не мог. В ответ я решил молча проглотить обиду и интенсивнее работать в РТСР. Бэджер был честный и тактичный начальник. Фаулкрук никогда бы не осмелился надавить на него, чтобы он сжил меня со свету. Я встал и ушел от Ядовитого Карлика в надежде, что он вскоре укатит в какую-нибудь благоприятную страну, и я не буду больше иметь с ним дела.

x x x

В РТСР номера телефонных перехватов не засекречивались. В большинстве случаев ко мне в коробку ежедневно клали два-три сообщения FLORIDA, все они касались операции, которую я осуществлял. Другие офицеры отдела, разрабатывающие различные оперативные мероприятия, получали множество сообщений, но мне их не давали. Количество разрешений на перехват телефонных переговоров для МИ-6 зависело от возможностей UKZ – отдела, где расшифровывались и переводились перехваты. Он размещался в доме 60 по Воксхолл-бридж-роуд (сокращенно VBR), в нем насчитывалось примерно 20 офицеров. Они работали в тесном сотрудничестве с большим отделом проверенных английских инженеров по телекоммуникациям, вторым после МИ-6 по числу установленных телефонных перехватчиков. Каждый офицер UKZ является талантливым лингвистом, зачастую свободно владеет пятью-шестью трудными языками. Они работают на серийных компьютерных терминалах и любят общаться через Интернет. В хороший денек они ведут примерно по 20 переговоров, но бывает и меньше, если разговор проходит на малопонятном языке или же не хватает опыта и мастерства.

Согласно закону 1975 года о перехвате информации (ЮСА) ордер на право перехвата выдается лишь в том случае, если речь идет о нарушении законодательства Великобритании или же перехват необходим разведке. При таких условиях я не стану испытывать угрызений совести, читая запись разговора иранского террориста или же российского офицера разведки. Но у нас встречается немало перехватов, которые не подпадают под статьи закона ЮСА. Даже подслушанный телефонный разговор Кидди с

Константином никак не подпадает под него. Они нарушили бы законодательство Великобритании, если бы экспортировали химические или ядерные материалы, которые вовсе не похожи на те, которые можно достать в странах третьего мира и вывезти их оттуда. И никогда мы не написали бы рапорт СХ как результат телефонного перехвата. Может, их практические дела и аморальны, но не нам судить об этом.

В отличие от других стран Запада в Англии ордера на телефонное прослушивание подписывают не судьи, а министр внутренних дел или же министр иностранных дел. Такая практика объясняет, почему разведслужба может получать так много ордеров. Помимо тайного прослушивания разговоров граждан, чья деятельность не попадает в пределы действия ЮСА, МИ-6 злоупотребляет этим законом и для других целей. Считается, что переводчики VBR игнорируют обывательскую болтовню и делают краткие выжимки лишь для соответствующих оперативных мероприятий разведки с целью распространения их в Воксхолл-кросс. Такая практика дает МИ-6 возможность давить на министерство финансов и требовать отделить, разведслужбу от VBR с ее переводчиками, вместо того, чтобы объединиться с ними в новом здании. И все же как-то раз один мой коллега бросил розовый листок FLORIDA мне на стол, хихикнув при этом: "Вот над чем стоит посмеяться!" Объектом был выбран отдыхающий трансвестит, а FLORIDA подробно изложила его интимный разговор с приятелем, тоже трансвеститом. Признаться, это был забавный документ, но он ничем не мог служить для лучшей подготовки нашего оперативного мероприятия и явился явным нарушением закона ЮСА. Данный эпизод характерен и для других сотрудников с похотливыми запросами, которых у нас в офисе пруд пруди.

x x x

В ходе операции BELLHOP начало раскручиваться новое интересное дело. Бэджер, как ответственный за всю операцию, координировал действия с представителями иностранных разведок. Общепринято, что объем и глубина информации относительно конкретной операции, которой делятся с иностранными службами, зависит от достигнутого взаимного доверия с другой разведслужбой и от того, какие разведданные и в каком количестве выкладывают на стол партнеры. МИ-6 всегда относилась к связным из ЦРУ тепло и сердечно, потому что американцы владели потрясающими ресурсами. Бэджер при

проведении операции BELLHOP установил хорошие отношения и с французами, но ему никак не удавалось наладить сотрудничество с Моссадом. Непонятно было, почему израильтяне не идут на такое сотрудничество, поскольку мы ожидали, что они глубоко заинтересованы в том, чтобы разрушить планы Ирана, своего самого ненавистного врага, обзавестись химическим оружием. Встречи с Моссадом всегда проходили напряженно, с крохотными уступками с обеих сторон. Наша секция подозревала, что у них есть секретная программа. Это подозрение только усилилось, когда Бэджер показал израильским коллегам копии планов и схем, которые мы добыли при досмотре Кидди в Стэнстеде. Они проявили притворный интерес, но совсем не убедительный, и Бэджер уехал, считая что у израильтян уже есть свои копии.

Ключи к разгадке поступили от резидента в Варшаве (H/WAR). Изучая планы фабрики, эксперты из министерства обороны установили, что они разработаны по старым польским чертежам. Она – реликт, оставшийся со времен "холодной войны". Бэджер попросил резидента в Варшаве выяснить, каким образом планы и схемы могли попасть в руки Мэнбара. Польская разведслужба, похожая на тайную полицию КГБ, перестраивалась по западному образцу разведслужб, существующих в Европе, но перестройка еще не завершилась. Многие польские офицеры из "старой гвардии" слишком привыкли к приемам "холодной войны", чтобы строить доверительные отношения с офицерами западных разведок, а резидент в Варшаве установил с польской разведслужбой неустойчивые связи. Поляки даже не признали, что у этих планов польское происхождение, несмотря на уверения нашего резидента, что такое признание не будет использовано Западом для политической пропаганды.

И все же польская разведка предоставила весьма важный ключ к разгадке. Она передала разведданные на одного польского бизнесмена еврейского происхождения, имеющего связи с Моссадом. Он поддерживал тесные отношения со старшим гражданским чиновником, ведущим польскую "программу химической обороны", дублировавшую программу химического оружия. Если читать между строк, вывод был таков: планы и схемы для фабрики были переданы этим чиновником сначала еврейскому бизнесмену, а затем через него Моссаду – и все с молчаливого согласия польской разведки. Теперь стала ясна причина, почему Моссад без всякого восторга взял наши копии планов и схем. Как и подозревал Бэджер, они у них уже были.

Чтобы решить эту интересную гигантскую головоломку, необходимо было уложить на место и другие выпавшие куски. Мы

так и не знали до конца, где Мэнбар раздобыл список оборудования для фабрики. Он мог его получить от Фахда, но из перехвата его переговоров с Фахдом следовало, что они у него уже имелись до их знакомства. Но полной уверенности у нас не было, так как разговоры они вели намеками, на языке фарси и применяли зашифрованные слова. Примерно в то же время у Мэнбара состоялось несколько тайных встреч с офицерами Моссада в израильском посольстве в Париже. Мы могли лишь предполагать, что соединить все части аппаратуры в единое целое стало возможным потому, что Моссад, по неясным нам причинам, использовал Мэнбара для заключения тайных сделок с иранцами. Ключом к составлению единой картины происходящего была деятельность Мэнбара, поэтому нам было необходимо изучить его передвижения, встречи и переговоры более детально, чем мы могли узнать из перехватов его телефонных разговоров, полученных от французской контрразведки (ДST).

Бэджер решил использовать в этих целях личную секретаршу Мэнбара, некую Андреа, симпатичную сорокалетнюю разведенную немецкую фрау. Она находилась на французской территории, поэтому было бы нетактичным отстранить французскую разведку от проверки. МИ-6 избегает ставить "сладкие" ловушки, полагая, что последствия сексуальных удовольствий трудно предсказать или проконтролировать, но французские разведчики так не считают. Андреа привыкла ходить на ланч ежедневно в одно и то же бистро. Тогда французская разведка решила подослать к ней офицера-мужчину. В тот же вечер телефонная прослушка зафиксировала ее жалобы матери в Германии относительно того, что некий слишком надушенный француз надоедливо приставал к ней во время ланча, считая себя божьим подарком женщинам. Озадаченный альфонс из разведки в отчете о проведенной встрече невнятно написал, что она, должно быть, лесбиянка.

Между тем я продолжал работать в соответствии со своей "легендой", как клерк в офисе компании "Бари трейдинг". Работа казалась мне муторной, но зато разработка Константина шла успешно. Попив совместно чаю в офисе, сходив пару раз на ланч в отель "Хилтон" и по случаю заскочив со мной в пивную, он проникся ко мне доверием и стал раскрываться. Заглатывая приманку, он на каждой встрече задавал все больше вопросов, выясняя мои знания химического оборудования.

Из телефонного перехвата нам стало известно, что Константин держит копии планов и схем в запертом верхнем ящике своего рабочего стола. Как-то я заметил, что он вытащил эти бумаги и использовал их при разговоре с Кидди. Вечером

этого же дня я пришел в свой офис и, прочитав распечатку записи их разговора, узнал, что они пытались разобраться в спецификации стеклянного вентиля, номер которого был расплывчато обозначен на схемах. Эксперты по химическому оружию из министерства обороны помогли мне выяснить точную спецификацию этой детали и определить компании, которые могут их поставлять, – одну в Германии и две в Швейцарии.

Спустя несколько дней я, сидя за столом, притворно изображал неподдельный интерес, копаясь в толстой пачке коносаментов, и краем уха услышал конец телефонного разговора Константина с Кидди. Правда, больше говорила она, Константин же только пытался вставить словечко-другое да еще извинялся за медлительность. В конце концов ему удалось выпалить:

– Послушайте, Джойс. Я и впрямь прилагаю все усилия, но застрял на месте. Но зато я знаю одного человека, который может помочь нам, и он сидит тут же, в моем офисе. – Они еще о чем-то немного поговорили, и он повесил трубку. Затем Константин позвал меня:

– Слушайте, Алекс. У меня тут возникла проблема. Может, вы поможете ее решить?

– В чем дело? – спросил я и не спеша подошел к его столу, где он прятал планы и схемы.

– Что можно сделать из этого? – спросил Константин, с надеждой глядя на меня. Бумаги я уже тайно посмотрел, поэтому, изобразив на лице притворное замешательство, несколько минут разглядывал их.

– Похоже, что это схемы и планы какой-то химической фабрики. Химикалии ядовиты, поэтому все детали и блоки стеклянные. Вроде бы как фабрика по выпуску аспирина, – предположил я.

Константин обрадовался:

– Угадали, а не знаете ли, что это за деталь? – спросил он, показывая на таинственный вентиль. Я полистал спецификацию и показал эту деталь.

– Да вы и впрямь разбираетесь в этих штуковинах, не так ли? – обрадовался Константин. – Послушайте, у меня есть знакомая, которой нужно помочь разобраться с этим проектом. Не можете ли протянуть ей руку помощи?

– Конечно, могу, – ответил я, всячески стараясь не выдать ликования. Спустя пару минут Константин перезвонил Кидди и, представив меня, протянул трубку. Немного поговорив, она пригласила меня к себе в Гиртон.

Когда я поздно вечером пришел к себе на службу, Бэджер поздравил меня – он уже видел распечатку нашего разговора.

– Хорошая работа, – широко улыбнулся он. – Теперь продумаем план следующего этапа. Пойдем-ка подышим свежим воздухом. – Этими словами Бэджер маскировал свое желание покурить. В новом офисе курение запрещалось, поэтому курильщики набивались в бар или уходили на лестничные площадки.

– Как хотите, – я вздохнул с притворным раздражением.

Бэджер покурил, и мы стали подводить итоги проделанного. Затем прикинули, что можно ожидать от встречи с Кидди, основываясь на внимательном чтении ее телефонных разговоров за минувшие три месяца. Контрразведчик из Кембриджшира, один из подчиненных которого оказался близким знакомым ее второго мужа Лена Инглеса, также представил свои полезные соображения.

– Кидди очень считается с Леном, – сказал Бэджер. – Она ничего не делает, не обсудив это предварительно с ним. Если хотите завоевать ее доверие, нужно завоевать доверие и у него. Придумайте что-нибудь такое в своей "легенде", что может быть и ему интересно.

– В таком случае я поеду к ним на мотоцикле, – предложил я. – Лен страстно влюблен в мотоциклы, он сразу же заинтересуется.

На моем мотоцикле "хонда Африка-твин", потрепанном и с большим пробегом, ездил местный офицер отдела безопасности (SB05), так как он был зарегистрирован на мое подлинное имя. Поэтому спустя несколько дней я взял напрокат мощную "хонду файерблейд" в компании "Метрополитен моторсайклс", что находится напротив Воксхолл-кросс, под железнодорожным виадуком главной Юго-Западной железной дороги. Февральский солнечный день выдался ярким и свежим, подходящим для гонок на мотоциклах. Мчась в Гиртон, я подумал: мне здорово повезло, что я получил такое замечательное задание. Дела с операцией BELLHOP идут хорошо, Бэджер оказался доброжелательным боссом, а атмосфера в секции сложилась веселая и дружественная, совсем не похожая на подозрительность, царившую в отделе Восточной Европы. Боснийские проблемы теперь позади, и мне все больше нравилось мое теперешнее состояние.

В личном досье на Кидди было множество фотографий ее дома, поэтому я легко отыскал его в прелестной деревушке Гиртон. Кидди услышала, как к ее дому по гравиевой дорожке подкатил мощный мотоцикл, и вышла поздороваться. Слегка располневшая женщина средних лет, на ногах немного тесноватые колготки. Кидди не производила впечатления личности, вокруг которой закрутилась сложная разведывательная

операция.

– Я так рада, что вы выбрались, Алекс, – радостно и непринужденно приветствовала она меня. – Альберт уже все рассказал мне о вас. Мы целые месяцы бились над этим проектом.

Внешний вид ее и голос были так знакомы по фотографиям в досье и телефонным перехватам, что мне стало как-то не по себе, словно, увидев ее лично, я столкнулся со знаменитой кинозвездой. Она повела меня в свой рабочий кабинет и за чашкой кофе "Несквик" изложила программу.

Затем Кидди рассказала и о встрече с Фахдом в начале года в Амстердаме.

Все было так забавно. Я приехала в отель, а там все закрыто для уборки, – хихикнула она. – Я вынуждена была зайти в закрытый сектор и ожидать там мистера Фахда. – Она даже вспомнила неожиданную задержку и досмотр в аэропорту Стэнстед по возвращении. – Они перерыли все мои трикотажные носильные вещи, маленькие безделушки. Но оказалось, они искали наркотики, – между прочим заметила она.

Кидди меня абсолютно ни в чем не подозревала. Как мы и надеялись, рекомендации Константина оказалось для нее достаточно, чтобы доверять мне. Как мы и предполагали, исходя из телефонных перехватов, она даже и не догадывалась, что Фахд и Мэнбар манипулировали ею, втягивая в противозаконные сделки.

Спустя полчаса или около того с начала нашей встречи Кидди предложила мне встретиться с Фахдом.

– Я же месяцами билась над этой программой, а только теперь стала разбираться в ней, – продолжала она. – Я и впрямь слишком занята благотворительными делами и уже наездилась по белу свету. Было бы здорово, если бы вы могли оказать помощь.

– Конечно, – ответил я, стараясь вести себя сдержанно. – С чего начнем?

– Если хотите, – ответила Кидди, – я сейчас же позвоню ему и вы сможете с ним переговорить. Он сказал мне, что на этой неделе будет в Тегеране. – Она подошла к полке, висящей над письменным столом, взяла досье с проектом, разыскала там тегеранский номер телефона Фахда и позвонила. Сама того не подозревая, она позвонила не в вымышленную компанию Фахда в Тегеране, а прямо в штаб иранской разведывательной службы, но я так и не дождался связи. К сожалению, Фахда в офисе не оказалось, о чем сообщил автоответчик.

– Ничего, позвоним ему в следующий раз, когда будете здесь.

Кидди с воодушевлением принялась рассказывать о своей

работе по линии благотворительности. Она содержит в Кембридже небольшой магазинчик с дешевыми товарами, выделяя часть выручки на финансирование проектов по обеспечению учебниками школьников из самых бедных семей в пригородах Рио-де-Жанейро. Как раз в эти дни я намеревался слетать в Бразилию на несколько дней, поскольку РТСР содержала аргентинского ядерщика, автора нескольких книг, изданных под псевдонимом GELATO, который вечно запаздывал со сдачей рукописей из-за ежегодных уточнений и исправлений. Благотворительная деятельность Кидди предоставляла мне возможность еще сильнее втереться к ней в доверие.

– Я собираюсь слетать на пару недель по делам в Рио. Не могу ли я что-то сделать для вашей программы?

– Разумеется, – ответила она, – дела всегда и везде найдутся. – Кидди принялась с восторгом рассказывать про проект и уточнять, в чем и как я могу помочь. Нашу беседу прервали громкие выхлопы мотоцикла, остановившегося около дома.

– Это, должно быть, мой супруг, Лен. Не хотите ли познакомиться с ним?

Мы вышли из дома и увидели Лена, паркующего свой мотоцикл "триумф" с дырявой выхлопной трубой. Он с восторгом смотрел на мой "файерблейд".

– Машины этой марки потрясающи, – улыбнувшись, сказал он и поднял руку в перчатке в знак приветствия. – Но будьте с ней осторожнее, не разбейтесь.

Мы поговорили несколько минут про мотоциклы, пока Кидди хозяйничала на кухне, готовя на скорую руку легкую закуску.

Еще несколько часов в рабочем кабинете хозяйки мы обсуждали за чаем с бутербродами поочередно вопросы, касающиеся Фахда, благотворительности и мотоциклов. К середине дня все поставленные Бэджером для первой встречи задачи были выполнены и даже перевыполнены. Кидди и Инглес поверили в мою "легенду" и были признательны мне за желание встретиться с Фахдом по возможности как можно скорее. Мы уже готовились завершить встречу, как зазвенел дверной звонок. Лен вышел в коридор узнать, в чем дело, но сразу же всунул голову в проем двери в комнату, где сидели я и Кидди.

– Это Пол и Роджер, – прошептал он. Кидди резко вскочила.

– Быстро за мной, – заговорщически шепнула она и провела меня на кухню, освободив гостиную для Инглеса и его гостей. – Они друзья Лена по бизнесу, но вам лучше с ними не встречаться, – объяснила она, когда мы прощались, выйдя из дома через заднюю дверь. Она не подозревала, что я знал больше нее, кто такие Пол и Роджер. Это были два офицера SB, которые следили

за ее семьей.

Вернувшись в Лондон, я доложил результаты Бэджеру, он остался доволен, что встреча прошла хорошо.

– Великолепная работа. Я слышал, как Кидди пыталась дозвониться до Фахда, позор, что не дозвонилась, – засмеялся он. Спустя два дня он шлепнул мне на стол рапорт: Пол и Роджер описали меня как "подозрительного типа на мотоцикле, которого Кидди явно пыталась спрятать".

Поскольку цель встретиться с Кидди была достигнута, больше мне не было необходимости разрабатывать Константина. Во время последнего посещения компании "Бари трейдинг" я попрощался с ним, Патрисией и Фазадом и пояснил, что по семейным обстоятельствам мне нужно срочно возвращаться в Южную Америку.

x x x

GELATO – ученый-ядерщик, работавший в семидесятых и восьмидесятых годах над зарождавшейся аргентинской программой ядерного вооружения. Его завербовал в середине восьмидесятых годов один из офицеров резидентуры в Буэнос-Айресе, а затем передал под начало VCO. Поскольку считалось, что Аргентина недостаточно активно проводит контрразведывательные операции, перевербовка GELATO состоялась в Рио-де-Жанейро и на его секретный счет в Люксембурге был сделан перевод на сумму в две тысячи фунтов стерлингов. В течение нескольких лет он давал нам довольно ценные секретные данные (СХ), но после заявления Аргентины в конце 80-х годов о ликвидации программы создания ядерного оружия он стал не нужен. В мою задачу входило разок встретиться с ним, переговорить и, если выяснится, что он бесполезен, прекратить всякие связи. Я послал телеграмму в Буэнос-Айрес с заданием резидентуре уведомить ученого условленным способом – вложив в его шкафчик в загородном клубе записку о том, что он должен позвонить Дэвиду Линдсею – это псевдоним моего предшественника. Спустя пару дней он позвонил, телефон соединился со мной через коммутатор МИ-6, и мы условились встретиться вечером 12 апреля 1995 года в отеле "Президент" на берегу моря.

Вторая задача поездки заключалась в том, чтобы закрепить мою репутацию в глазах Кидди, посетив школу, которой она оказывала благотворительную помощь. Я назначил посещение на 21 апреля, на девятый день после встречи с GELATO.

– Стоит ли мотаться туда-сюда между встречами? – с надеждой спросил я Бэджера. Он рассмеялся:

– Ладно, оставайтесь там. Но только не вляпайтесь в какую-нибудь историю. Вы заслужили кратковременный отпуск, поскольку проделали в секции добротную работу. Вот ваша SAF. – Бэджер передал мне бланк с деловой характеристикой, которую он только что написал для представления в департамент кадров. Я прочел ее с чувством удовлетворения. В ней восторженно отмечался мой успех в операции BELLHOP, и она явилась бы хорошим обоснованием для предложения о моем назначении за рубеж. В этом не было ничего необычного, все мои коллеги по IONEC уже получили подобные назначения.

Встреча с GELATO в Бразилии прошла гладко, он ничуть не огорчился из-за прекращения связи с ним, а телефонный перехват разговора Кидди с директором школы-интерната для сирот в трущобном пригороде Рио показал, что тот положительно отозвался о моем визите. Перерыв между двумя встречами я использовал для того, чтобы послоняться по Рио-де-Жанейро и облазить окрестные холмы. В беседе с резидентом МИ-6 во время ланча я узнал, что в резидентуре открылась вакансия. Работа там показалась мне интересной, да и местоположение подходящим, так что я решил по возвращении в Воксхолл-кросс проситься сюда.

x x x

Понедельник 24 апреля начался с весеннего дождя. Когда я пришел в Воксхолл-кросс, там в вестибюле уже толпилась, сложив зонтики и сняв мокрые плащи, нетерпеливая очередь в ожидании, когда откроются охраняемые двери. Подошла моя очередь, я всунул в щель свое удостоверение, набрал личный код 6-9-2-1 и замер, ожидая знакомый зеленый свет. Но в ответ раздраженно заморгал красный. Думая, что я перепутал цифры, я сделал новую попытку, но результат оказался тем же. При третьей попытке заревел сигнал тревоги, а сирена и красный свет включились в комнате охраны. На сигнал выскочили двое охранников и с подозрением уставились на меня. Я показал свое удостоверение сквозь плексиглас, и они вручную открыли боковую входную дверь для высокопоставленных лиц. За мной сразу же выстроилась очередь недовольно ворчащих сотрудников МИ-6, ожидающих у дверей здания и понадеявшихся, что их впустят тоже.

– Вы штатный сотрудник, сэр? – спросил меня охранник.

– Разумеется да. Я из PTCP/7, мой номер 813317.

Охранники провели меня в комнату ожидания, ввели мой личный номер в компьютер, бегло прочли сообщение на экране и сказали:

– Извините, сэр, но ваш пропуск в учреждение аннулирован. Нам приказали отвести вас в департамент кадров.

Два охранника повели меня по вестибюлю мимо очереди любопытных зевак. У лифта стоял вернувшийся из Москвы Уиллер, разглядывая шнурки на ботинках и делая вид, что не замечает меня. Видимо, была какая-то серьезная причина, если меня вели под охраной в департамент кадров, но я и представления не имел, что могло случиться. Я напряженно думал. "Вероятно произошла какая-то ошибка и вскоре все выяснится", – успокаивал я себя.

Охранники сопроводили меня до восьмого этажа, где уже ожидал Ядовитый Карлик. Он привел меня в свой кабинет и пригласил сесть. Он не стал тратить время на пустые любезности и сразу же приступил к делу:

– Как помните, при последней нашей встрече я предупредил вас, что если вы не пересмотрите свое поведение, то не сможете оставаться служить здесь. Вы не исправились, поэтому вас уволили.

Его слова ошарашили меня.

– Как вы можете делать столь абсурдное заявление? – выпалил я, как только прошло оцепенение. – Шеф моего отдела только что показал мне блестящую SAF.

Ядовитый Карлик принялся уверять меня, что разведслужба подыщет мне подходящую работу в банке Сити, но я был так потрясен, скептически настроен и опустошен, что даже не вслушивался в его слова. Ядовитый Карлик говорил с таким видом, будто действовал с ведома вышестоящих начальников.

– Моя секретарша проводит вас из здания. Отправляйтесь домой и не приходите сюда, пока мы не свяжемся с вами, – произнес он, отпуская меня. Придя домой, огорченный и удрученный, я прилег на диван и задумался. Ядовитый Карлик не привел ни одной весомой причины для моего увольнения, а его заявление о том, что он предупреждал меня, наглая ложь. Бэджер выдал мне хорошую характеристику, так что она не могла стать причиной. Я стал подозревать, Ито здесь замешана коварная рука Фаулкрука. Почему я должен вот так лежать и дожидаться, пока кадровики свяжутся со мной?

Через несколько мучительных дней из департамента кадров позвонила секретарша и сообщила, что меня вызывают на беседу с начальником департамента Джулианом Диммоком. Ранее я

никогда не встречался с HPD, знал только, что он отставной морской офицер, кроме МИ-6 нигде не работал и до сих пор в нем сильны привычки, усвоенные на военной службе. Ему нравились яркие в тонкую полоску костюмы банковских служащих в Сити. По МИ-6 ходили слухи, что он будто бы работал менеджером по кадрам в одном из банков, который принимал на работу отставных офицеров-разведчиков в обмен на ценную экономическую информацию. Он не был идеальным руководителем кадровой службы гражданского учреждения, но я полагал, что он не мог быть хуже Ядовитого Карлика и Фаулкрука.

– Ну и каковы же причины моего увольнения? – вызывающим тоном спросил я, когда мы пожимали друг другу руки.

– С какой стати вам нужны причины? – спокойно ответил Диммок, усаживаясь на низенькую скамейку за кофейным столиком. – В любом случае, у вас не возникнет проблем с поиском хорошей работы в Сити.

– По трудовому законодательству Великобритании у вас должны быть причины для моего увольнения, – продолжал я твердо гнуть свою линию. Я не зря просидел весь день в Кенсингтонской библиотеке, изучая трудовое право.

– Ваш кадровик, PD/2, на последней встрече назвал причины, – с раздражением ответил Диммок.

– Нет, он не назвал ни одной, – возразил я. Диммок попал в затруднительное положение и почувствовал себя неудобно. – Вы можете сделать это, – настаивал я. Диммок немного подумал и заявил:

– Вы руководствуетесь сомнениями. Я только посмеялся про себя над этой абсурдной фразой и спросил:

– Что это значит и что в этом плохого?

– У вас нет чувства ответственности, – пояснил он.

– О да, конечно же, – с насмешкой проговорил я, – вот почему меня послали в Боснию.

У Диммока не было никаких доказательств своего тезиса, и он тут же выдвинул другое обвинение:

– Вы не срабатываетесь с коллективом.

– А почему же в таком случае P4 блестяще оценил мое взаимодействие с военными из части 602 в Боснии? – раздраженно спросил я.

Диммок изворачивался как мог, но все его доводы были смутны, бессмысленны и легко опровергались мною. Они никак не подтверждались ни одним рапортом моего начальства. Стало ясно, что все обвинения против меня основывались на слухах, которые распространяли Ядовитый Карлик и Фаулкрук, а своих

мыслей у Диммока на этот счет не было.

– Я хочу получить объяснение причины в письменной форме, что является моим правом согласно трудовому законодательству, – потребовал я.

– Но вам же известно, что мы не можем давать вам любые письменные объяснения, ибо это нарушение Закона об охране государственной тайны, – как-то нерешительно возразил Диммок. Но я стоял на своем:

– Я хочу получить такой документ завтра же.

– Хорошо, посмотрю, что тут можно сделать, – с неохотой согласился Диммок. Но я не остановился на этом:

– Предлагаю подготовить бумагу надлежащим образом, поскольку вы уволили меня незаконно, а я намереваюсь привлечь МИ-6 к суду по трудовым спорам.

Диммок явно заволновался, сознавая свою причастность к незаконному делу.

– Мы надеемся, что вы этого не сделаете. Нам не нужна огласка. В любом случае, чего вы добьетесь? Даже если вы выиграете процесс, мы не примем вас обратно на работу. Никто не может указывать руководству МИ-6, как поступать.

Последней фразой Диммок выдал себя, хотя сам и не осознал этого. Это было его твердое убеждение, которое он разделял со многими другими старшими офицерами МИ-6. Это было и объяснение моего явно незаконного увольнения, и причина последовавшего длительного противостояния между мной и МИ-6. Диммок искренне верил, что МИ-6 стоит над законом. Этому способствуют разработанные механизмы вроде процесса передачи отмеченных специальным знаком документов на рассмотрение министру иностранных дел и премьер-министру. По его мнению, МИ-6 не обязана была предупреждать, что надо мной нависла угроза увольнения, или же обосновывать его причины. Он ожидал, что я не потребую никаких объяснений, а смиренно приму их предложение о помощи в трудоустройстве.

– Мы подыщем вам работу в Сити, – решительно произнес Диммок, когда я раздраженно встал.

– Держите ваши амбиции при себе, – выкрикнул я, выходя из себя.

"Не на того напали – думал я, – кому можно навязывать решения". Я не позволю МИ-6 злоупотреблять своей властью. Я решился сражаться с ними до конца. Не только потому, что я любил свою работу, а служба в Сити меня не интересовала. Здесь было дело принципа. Я знал, что если смирюсь, так же будут поступать и с другими.

Спустя несколько дней департамент кадров опять пригласил

меня в офис на беседу с самим шефом МИ-6 Дэвидом Спеллингом, чтобы я мог высказать ему свою последнюю просьбу. Диммок заверил меня, что она будет рассмотрена беспристрастно и что Спеддинг не посвящен в подоплеку моего дела. Однако с первых же слов стало ясно, что Диммок лгал. Спеддинг уже был подробно обо всем проинформирован, его решение было твердым, а я лишился последнего шанса что-либо опровергнуть. Спеддинг отпустил меня, махнув рукой, и добавил:

– Мне известно, что департамент кадров уже подобрал вам интересную перспективную работу в Сити.

Моя история – классический пример того, как в МИ-6 принимаются решения за закрытыми дверями, поскольку руководитель МИ-6 ни перед кем не отчитывается. Как высокопарно заметил Диммок, шеф ни перед кем не ответственен, он никогда не оправдывается, независимо от того, какие решения он принял, возможно, глупые или грубые, ни перед парламентским комитетом из допущенных к секретам его членов, ни перед министром иностранных дел или премьер-министром. Поэтому его не интересуют ничьи советы и рекомендации. Не неся никакой ответственности перед вышестоящими, он с легкостью добивается безоговорочной поддержки своих начинаний со стороны нижестоящих чиновников. Почему бы, к примеру, не согласиться с рекомендациями, которые нетрудно исполнить, такими, как, к примеру, увольнение младшего офицера, ведь в этом случае его властные позиции только усилятся при принятии более трудных внутренних решений. Такая многоступенчатая система принятия властных решений снизу вверх объясняет, каким образом обстояло дело с моим увольнением. Ядовитый Карлик, решив избавиться от меня, написал служебную записку Фаулкруку с соответствующей рекомендацией, тот завизировал ее и переслал Диммоку. Бывший моряк согласился с предложением, не желая затруднять себя и обосновывать собственное мнение, и переслал бумагу дальше, на самый верхний уровень руководства разведслужбы. Когда Диммок встречался со мной, решение об увольнении уже было утверждено и не могло быть изменено.

Я ушел из кабинета Спеллинга расстроенный и обозленный. Я стоял в коридоре около его кабинета и ждал охранников, которые должны были вывести меня из здания, но спустя несколько минут понял, что они обо мне забыли. Сначала я решил смириться и отправиться домой, но дух противоречия закипел во мне. "Ублюдки, – подумал я, – они даже не позволили мне забрать личные вещи из рабочего стола и попрощаться с Бэджером. Да пошли они все, как бы то ни было, я хочу

повидаться с ним".

В открытую подходить к кабинету Бэджера слишком рискованно, кто-нибудь может засечь меня. Было почти 11 утра, должно быть, Бэджер уже вышел на лестничную площадку "вдохнуть свежего воздуха". Я крадучись пробрался к пожарной лестнице на первом этаже, рядом с дверью в спортивный зал, и пошел по холодному соединительному тоннелю к лестничной площадке у РТСР. Бэджер курил, как всегда, в одиночестве.

– Хелло, как поживаете? – приветствовал он меня. – Я действительно очень огорчен тем, что случилось с вами. Услышав об этом, я тут же ринулся в департамент кадров убеждать Диммока, что он совершил ошибку, но он ничего не слушал, – со злостью рассказывал Бэджер.

– Они погубили операцию BELLHOP, – продолжал он.

– Без вас у нас не было иного выбора, как только отказаться от ее проведения, как раз когда произошел большой прорыв. Вчера Кидди звонила Фахду. – Бэджер с раздражением бросил сигаретный окурок. – Диммок сказал мне нечто очень странное, – добавил Бэджер. – Он заявил, что они не заинтересованы в том, чтобы иметь на службе потенциального Олдриджа Эймса.

– Что? Эймса связывают со мной?

– Я не знаю, – сочувственно ответил Бэджер. – Он ничего не объяснил.

Мы поговорили еще несколько минут, я с трудом сдерживал слезы, поэтому попрощался с Бэджером и в последний раз отметил свой уход из офиса разведслужбы.

Эймс – это офицер ЦРУ, недавно арестованный в Америке и приговоренный судом к пожизненному заключению за неоднократную передачу секретных сведений российским разведчикам. Он делал это на протяжении ряда лет и получил за свои услуги несколько миллионов долларов. Тогда я еще не знал, означала ли реплика Диммока, что я был потенциальным предателем, но в любом случае его слова были чрезвычайно неприятны и не соответствовали этике профессии.

x x x

После увольнения департамент кадров выдал мне жалованье за три месяца. Они рассчитывали, что я соглашусь со своим увольнением, определюсь с новой профессией и подыщу подходящую работу. Я должен был платить по закладной, у меня были другие финансовые обязательства и при этом никаких идей относительно выбора новой профессии. Даже если бы я

послушался их совета и согласился на абсолютно бесперспективную работу в банке Сити, это означало бы начинать карьеру с самого низа в незнакомом и неинтересном деле, да еще со значительно меньшим жалованьем. Я бы смирился, если бы меня уволили заслуженно, но это было не так. Узнать, что стояло за моим увольнением, я мог единственным путем: добиться независимого расследования законности действий МИ-6, а это означало, что мне надо обращаться в суд по трудовым спорам. Порывшись в телефонном справочнике, я нашел небольшую адвокатскую контору "Бахси и партнеры", в северной части Лондона. Она специализировалась на трудовых спорах и рекламировала свою деятельность девизом "нет выигрыша – нет гонорара". Такое обещание привлекло меня, поскольку мои скромные сбережения не позволяли нанять адвокатов. Меня позабавило, что все партнеры конторы носили имена на языке фарси. Я мысленно улыбнулся, вообразив, как Диммок получает запрос от иранского адвоката. Я немедленно позвонил адвокатам, и мы условились о встрече. Через два дня "Бахси и партнеры" направили в МИ-6 предварительное уведомление с запросом о предоставлении копий всех бумаг, касающихся меня. Я не ошибся в реакции Диммока на запрос, он позвонил мне домой и сказал:

– Мы не можем допустить, чтобы вы потащили нас в суд. У нас имеется судебное заведение на Флит-стрит, – почти жалобно произнес он. – Почему бы вам не заглянуть туда и не разыскать там чиновника по трудоустройству PD/PROSPECT, у него тесные связи с банками Сити.

– Я уже говорил вам, что у меня нет ни малейшего желания работать в этом чертовом Сити, – раздраженно ответил я. – Ваши ублюдки уволили меня незаконно, и теперь я вправе судиться с вами в суде по трудовым спорам.

Диммок с негодованием бросил трубку.

Спустя несколько дней он прислал мне письмо, начинающееся словами: "Уважаемый мистер Томлинсон" вместо "Дорогой Ричард". Я решил, что они прослушивают мой телефон, поскольку Диммок попросил меня поменять адвокатскую контору на "более респектабельную" и предлагал оплатить мои судебные издержки. На первый взгляд казалось, что это вполне искреннее предложение, но это только на первый взгляд. Нетипичное великодушие департамента кадров неизбежно преследовало глубоко спрятанные цели. Полистав еще раз телефонную книгу в поисках дорогостоящих компаний, я нашел респектабельную фирму Герберта Смита в Сити. Расторопная секретарша в приемной связала меня с Джоном Фарром, партнером конторы, знатоком трудового права. В течение следующих нескольких

недель мы составили подробное заявление в суд по трудовым спорам и представили его в судебный центр в Норидже. Мой последний чек из МИ-6 за август пришел по почте спустя несколько дней. Заявление в суде рассматривается через три-четыре месяца после его подачи, поэтому я должен был просуществовать в этот промежуток времени на мои ограниченные сбережения, но я не особо переживал по этому поводу. Дела, касающиеся несправедливого увольнения, рассматриваются в открытых заседаниях и, когда я наверняка выиграю дело, МИ-6 заставят выплатить мне полностью всю сумму за вынужденный прогул.

Мой оптимизм был наивным и держался недолго. Спустя неделю после представления заявления в суд мне домой позвонил Фарр и предложил встретиться в его офисе вблизи станции "Ливерпуль-стрит".

– Дело приобретает интересный оборот, – сказал он. – Они использовали Сертификат иммунитета общественных интересов, чтобы не дать хода вашему заявлению.

– Как! – в сердцах воскликнул я. – Как, черт побери, они могут объяснить это?

Сертификаты PII относятся к юридическим документам, которые МИ-6 время от времени использует в затруднительных правовых ситуациях. В последний раз они применили его, чтобы прикрыть неудачную попытку погасить скандал, связанный с Мэтриксом Черчиллем и Астрой. Сертификаты, которые по заявке выдает министр иностранных дел, разрешают разведслужбе блокировать передачу в суд любых документов под предлогом, что они могут "нанести урон национальной безопасности". Фарр объяснил, что накануне к нему пришли три судебных чиновника из службы специальных расследований (SIS), которые занимаются сертификатами PII и серьезно предупредили, что любое разбирательство моего дела в суде, даже в закрытом заседании без допуска публики на галерею, "нанесет серьезный ущерб национальной безопасности" и что они "вынуждены послать запрос министру иностранных дел Малкольму Рифкинду на выписку сертификата PII. Это была беспардонная и трусливая ложь. В моем личном деле не содержалось никаких секретных бумаг. Рассмотрение обстоятельств моего увольнения ответственными юристами в закрытом судебном заседании без журналистов и без публики никоим образом не могло представлять угрозу национальной безопасности. Действительная причина, почему МИ-6 решила получить сертификат PII в том, что они знали, что проиграют дело. Нелепые выдумки Диммока, объясняющие мое увольнение, и тот факт, что я требовал

изложить причины увольнения в письменном виде, вызвали бы откровенный смех в суде. Ядовитого Карлика обязали бы признать бесчестным его утверждение, что я поставил работу под угрозу срыва, а МИ-6 заставили бы пойти на затруднительные для них уступки. Я проклинал Малкольма Рифкинда за его бесхребетность.

Я расстался с Фарром с чувством глубокого отвращения к МИ-6, моя решимость бороться с нею не ослабела, но теперь к ней примешивалась все возрастающая злость. Кроме того, представители МИ-6 объявили Фарру, что они больше не станут платить ему гонорары, после того как он представил первый счет на сумму 19 тысяч фунтов стерлингов, поэтому мне пришлось подыскивать другого адвоката. IONEC как-то приглашала лектора из МИ-5. С насмешками он рассказывал об активности "Свободы" – лоббистской группы борцов за гражданские права, обосновавшейся в юго-восточной части Лондона. Среди других дел они вели кампанию против чрезмерной государственной секретности, отсутствия отчетности разведывательных служб и злоупотребления сертификатами PII для прикрытия неразберихи во властных структурах. Их главный юрист Джон Уэдхэм согласился встретиться со мной после моего возбужденного разговора с ним из телефонной будки. С некоторым трепетом я постучал в дверь обветшалого дома по Табард-стрит, 21.

– Юридического средства защиты ваших прав не существует, можно лишь апеллировать к суду разведывательной службы (IST), – разъяснял мне Уэдхэм за чашкой чая. – Это судейская коллегия из трех старших судей, которая наделена правом рассматривать законность действий МИ-6.

Коллегия была учреждена вскоре после открытого процесса в 1992 году, чтобы наделить МИ-6 символической подотчетностью перед общественностью. Теоретически считалось, что любой гражданин может приносить жалобу на незаконные действия МИ-6, а коллегия обязана рассмотреть его жалобу. Но в законе о ее работе было столь много запретов и уверток, что МИ-6 одно время получила даже право назначать членов этого суда.

– Они могут согласиться расследовать дело о незаконном увольнении, – скептически пояснил Уэдхэм, – но ваши шансы на выигрыш равны нулю, как бы ни были вы правы. Судьи никогда еще не решили ни одного дела в пользу истца.

Тем не менее эта коллегия представлялась мне единственным средством защиты моих прав, поэтому я обратился туда, несмотря на пессимизм Уэдхэма. Я даже не ожидал, что IST пригласит меня на беседу и назначит встречу в здании Центрального уголовного суда в Лондоне. Это случилось в конце октября. Коллегия в

составе судей по рассмотрению апелляций: лорда-судьи Симона Брауна, шотландского шерифа и старшего юрисконсульта импозантно восседала за массивным высоким столом, где лежали толстые досье, вероятно документы, предоставленные МИ-6 в свою защиту. Судебный секретарь предложил мне занять место за столом, стоящим на почтительном расстоянии от стола коллегии. Первым выступил председатель коллегии лорд-судья Браун и разъяснил право коллегии на рассмотрение дела, подчеркнув понимание его сути. Через несколько минут слово предоставили мне.

– Могу ли я получить заверения в том, что вы будете принимать решение лишь на основе документов, с которыми я лично ознакомился? – спросил я, помня наставления Уэдхэма. Лорд-судья Симон Браун немного поразмышлял, прежде чем ответить.

– Вообще-то здесь лежат бумаги, которых вы не видели и не увидите, – с важным видом признался он, указав на толстую стопку бумаг, на основе которых они будут принимать решение. Он находился в явном замешательстве, нарушив основополагающий юридический принцип.

– Я должен извиниться, но мы не можем говорить больше, чем положено. Мы должны работать только в установленных законом рамках.

Рассматриваемая ими толстая кипа бумаг, с которыми меня департамент кадров никогда не знакомил, не вселяла никаких надежд. Вероятно, в кадрах большинство этих бумаг переписали, зная, что я не могу оспорить их достоверность.

В ноябре я отправился ненадолго в Южную Африку навестить дядю и тетю и сопроводить в поездке по стране английскую крикетную команду. Мне нелегко было совершить эту поездку, но перед увольнением я принял на себя такое обязательство. Позже я узнал, что моя поездка обошлась МИ-6 дорого. Опасаясь, что меня, недовольного и озлобленного, может завербовать южноафриканская контрразведка, МИ-6 отозвала из страны моего приятеля Милтона и прекратила все тайные прикрытые операции. На деле же в Южной Африке не меня никто не выходил, но в любом случае я не стал бы сотрудничать с их контрразведкой. После моего возвращения в Англию, МИ-6, даже не связавшись со мной, просто списала на мои расходы несколько тысяч фунтов стерлингов из кармана налогоплательщиков.

Судебная коллегия не смогла определиться хотя бы с примерной датой принятия решения по моему делу. В течение последующих месяцев Диммок прислал мне несколько писем, настаивая, чтобы я принял помощь от PD/PROSPECT. Но,

согласись я на их помощь, это походило бы на то, как если бы я принял вставную челюсть из рук человека, который выбил мне зубы. Кроме того, если бы я очутился в моем теперешнем плачевном состоянии в одной из их подопечных компаний в Сити, мой прежний опыт управления или консультирования оказался бы столь пагубным, что я не продержался бы там и недели.

У меня оказалось много свободного времени и совсем мало денег на руках. Вскоре все работы по дому и саду были переделаны. Из-за отсутствия денег пришлось сократить прогулки по ночному Лондону, увольнение лишило меня возможности общаться с коллегами в офисе и отшатнуло от меня друзей из других учреждений. Мне нужно было подыскать себе новую работу, чтобы чувствовать себя занятым. Прогуливаясь как-то днем по Кингз-роуд, я случайно встретил свою прежнюю девушку. Мы взяли напрокат роликовые коньки и пошли в Гайд-парк. Покатавшись с час и набив себе синяков и шишек, она сняла коньки с тем, чтобы больше никогда на них не ездить. Но меня спорт захватил, и впоследствии каждый бессонный час я проводил, катаясь на роликах по многочисленным дорожкам в Гайд-парке, Кенсингтон-гарденс и Риджент-парке. Вскоре я познакомился с компанией заядлых бегунов на роликах, у которых не было постоянной работы. В том числе с Шегги и Уинстоном, чернокожими париями, которые вместе катались на роликовых коньках с самого детства. Веселые и смешливые парни с абсолютно разными характерами, они напомнили мне кое-кого из моих бывших коллег в МИ-6.

Глава 11. Соглашение

Понедельник, 25 марта 1996 г.

Кафе "Левендер", Кеннингтон-роуд, Лондон.

Я не удивился, что представитель подразделения PD/ PROSPECT запаздывает. Майк Тимпсон назначил встречу на два часа пополудни в кафе "Левендер" на Кеннингтон-роуд, в двух шагах от моего дома на Рич-борн-террес. Был понедельник, 25 марта 1996 года. В этот день часы ночью переводились на час вперед, согласно Британскому летнему времени. Я считал, что теперь Тимпсон появится около трех, поэтому заказал еще одну чашечку кофе и уселся за столиком, анализируя события последних четырех месяцев.

До 12 марта я числился в штате МИ-6, пока IST не утвердил приказ. Хотя это был обычный вердикт, но я ощутил сокрушительный удар, понимая, что мой последний шанс на восстановление справедливости исчез. До того дня я отказывался принимать помощь от МИ-6 и сам занимался поисками приемлемой работы. Это была принципиальная позиция, ибо я считал, что принять их помощь – значит отступить в битве против незаконного увольнения. Я проводил переговоры. Патрик Джефсон, личный секретарь принцессы Уэльской, беседовал со мной относительно возможной работы в ее офисе, но из этого ничего не вышло. Я ходил также на собеседования во многие частные фирмы, но отсутствие энтузиазма на моем лице просматривалось четко. Мои сбережения иссякли, я не получал регулярного жалованья уже 8 месяцев, и даже резкое сокращение расходов и временная работа в качестве курьера на мотоцикле не избавили меня от значительных долгов. В конце концов, у меня не осталось выбора, кроме как поступиться своей гордостью и принять помощь от Воксхолл-кросс.

Тимпсон вошел в винный бар без десяти три, считая, что время для встречи настало. Он поступил на службу в МИ-6 уже в возрасте после работы в Африке в качестве советника. В МИ-6 он сначала числился как специалист по Африке, хотя в разведке на специалистов смотрят косо. В конце концов, он возглавил Африканское ревизионное отделение. На этом его карьера застопорилась, возможно, из-за отсутствия опыта работы в других странах, помимо черного континента, но, скорее всего, из-за того, что он не был пробивным карьеристом.

– Благодарю вас за то, что согласились встретиться со мной, – предусмотрительно произнес он, когда мы уселись за кофейный столик. Он опасался лицемерного тона, поскольку в ближайшее

время я не собирался посещать его офис, или высокопарных выражений из-за того, что меня принудили принять от них помощь. – Я только что прочел книгу, которая заставила меня вспомнить о вас. Она о молодом парне по имени Кристиан Дженнингс, который оказался в отчаянном положении. Разорившийся, без работы, бездомный. Он уехал и завербовался во французский иностранный легион, а потом написал книгу о своей жизни под названием "Полон рот камней". В конце концов, все обернулось для него хорошо.

– Уж не предлагаете ли вы мне завербоваться в иностранный легион? – недоверчиво спросил я.

– Нет, нет, – торопливо произнес Тимпсон. – я всего лишь пытался ободрить вас, в конце концов, все будет о'кей.

Мы целый час проговорили о помощи МИ-6 в моем трудоустройстве, но, как оказалось, у Тимпсона не было никаких идей на этот счет, впрочем, как и у меня. Хорошо еще, что он не предложил работу в Сити.

– Я никогда не давал советов тем, кто явно не расположен уезжать отсюда, как вы. Но большинство из тех, кого департамент кадров увольнял, были рады уехать, – сказал он.

– Вот первый толковый совет, который я слышу от кадровика, – заметил я. – Но послушайте, мне срочно нужна какая-нибудь работа. Я погряз в долгах, а в следующем месяце уже не смогу оплатить закладную. Если вы не в состоянии подобрать мне какую-нибудь работенку, пусть даже временную, возможно, контора окажет мне помощь и выдаст ссуду?

Но Диммок намекал Бэджеру, что, по его мнению, я как разведчик потенциально ненадежен. Видимо, так он считал и в то время, когда я регулярно получал жалованье и выполнял интересные задания, а затем определенно приложил руку к тому, чтобы я остался без работы.

– Я понимаю ваши финансовые затруднения, – сочувственно проговорил Тимпсон, – но этот вопрос обсуждению не подлежит. Джулиан Диммок специально предупредил меня, что ссуду вам выдавать не будут, но, вернувшись в офис, я подробно обрисую ваши проблемы. Разумеется, департамент кадров наделал ряд серьезных ошибок при разборе вашего дела. Но скажу прямо, я сильно сомневаюсь, что они что-то исправят. Они приняли решение, и им теперь будет неловко пересматривать его и признавать свои ошибки.

Мне стало ясно, что вся "помощь" от Тимпсона ограничится лишь общением с этим бывшим советником у иностранцев, а ныне канцелярским служакой.

По возвращении домой я еще раз подумал над брошенной

Тимпсоном фразой. Вступить во французский иностранный легион? Нет, это не выбор. А как насчет того, чтобы написать книгу? Разумеется, она будет полна секретов. Даже описание цвета ковров в штаб-квартире МИ-6 подпадает под статьи OSA – Закона об охране государственной тайны. Плотная завеса секретности эффективно охраняет разведслужбу от ответственности, создавая климат, при котором нагло попираются права наемных сотрудников, причем воспринимается это как нечто само собой разумеющееся. Я и сам стал считать, что именно это обстоятельство подпортило имидж МИ-6 в широких слоях общества. Но что делать мне? Если позабыть об этом инциденте, МИ-6 и дальше будет пользоваться теми же методами, что и в моем деле. Уверенность разведки, что она стоит над законом, позволит ей и дальше пренебрегать гражданскими правами ни в чем не повинных граждан, которые, помимо своей воли, могут оказаться втянутыми в ее дела. И до меня были жертвы, будут они и потом.

Мое спонтанно вспыхнувшее желание во всеуслышание поведать свою историю усилилось в последующие недели. Новость о моем конфликте с МИ-6 быстро проникла в Уайтхолл, и МИ-6 пришлось скрытно использовать свое влияние для того, чтобы опорочить меня и оправдать свое решение. Мои друзья из Воксхолл-кросс, которые продолжали тайно поддерживать со мной контакты, рассказывали, что кадровики распускают слухи, будто они "сделали все что могли" для меня. После того как в некоторых газетах появились заметки о применении сертификата PII для блокирования моей жалобы в судебной коллегии, во внутреннем информационном еженедельнике МИ-6 было сообщено, что газеты неверно изложили этот инцидент, что на деле МИ-6 была вынуждена прибегнуть к применению сертификата PII, потому что я "в целях саморекламы пытался воспользоваться судом по трудовым спорам, чтобы очернить разведслужбу". Еще до того, как меня уволили, я отвергал саму мысль покинуть службу и искать славы на стороне, но теперь, когда их действия загнали меня в тупик, моральный и материальный, единственный выход из создавшегося положения я видел в том, чтобы написать книгу.

Прежде чем предпринять решительные шаги, я попытался использовать последний шанс и еще раз переговорить с советником из МИ-6 по вопросам трудоустройства. Старый работник Робин Людлоу рассказал мне, что большую часть жизни он прослужил в армии, затем работал кадровиком и, наконец, советником по трудоустройству. Его прошлое мало чем отличалось от карьеры Диммока или Фаударука. И, судя по

всему, он тоже получил от них наставления.

– Вам нужно положительно отнестись к предложению о работе в Сити. С вашими талантами вы быстро добьетесь успеха, – убеждал он меня.

– Они не гарантируют мне успеха. Они просто приколотят мои руки к этой чертовой крышке рабочего стола, – отвечал я. – Мне нравилась работа в МИ-6: умные коллеги, сложные программы, где требовалось напряжение мыслей, возможность выезжать и работать за границей, изучать языки и культуру других стран, встречаться с самыми разными людьми. Моя карьера предполагала разнообразные и непредсказуемые возможности и, наконец, я служил народу моей страны. Где я найду такую работу в этом чертовом Сити?

Людлоу выглядел озадаченным. Он с трудом переваривал услышанное.

– Послушайте, – продолжал я, – подобрать мне подобную работу очень нелегко, но, может, вы предложите что-то временное? Деньги у меня кончились, мне нечем платить по закладной.

Людлоу подумал немного.

– Что вы скажете насчет работы шофером на микротакси? – предложил он. – Подавайте заявление, как безработный, закладную оплатите за счет страховки, потом станете шофером микротакси и будете зарабатывать на жизнь.

Я встал и ушел.

Рекомендации Людлоу были провокационными и глупыми. Спекуляция полисами социального страхования грозила мне тюрьмой. Оставалось еще одно спасительное средство в борьбе против МИ-6. Строго говоря, не стало бы нарушением OSA, если бы я рассказал члену парламента, что я бывший сотрудник МИ-6 и, не ставя его в известность о своем конфликте с разведкой, просто попросил бы помочь мне. Но на деле осуществить эту идею было непросто, поскольку МИ-6 станет предъявлять претензии. Я довольно быстро смог дозвониться из телефонной будки до офиса Кейт Хоу, члена парламента от лейбористской партии, которая в свое время помогала уборщикам из МИ-6, и договорился о времени и дате моего визита к ней. Офис Кейт в избирательном округе находился в нескольких кварталах от моего дома, но я поехал туда на мотоцикле, потому что Шегги и Уинстон позвали меня покататься поздно вечером на роликах по Трафальгар-сквер. Подъезжая к офису Хоу, я увидел, как она поспешно спускается по ступенькам к своей машине.

– Мисс Хоу! – окликнул я ее, слезая с седла мотоцикла.

Она остановилась и повернулась ко мне.

– Могу я переговорить с вами? – вежливо спросил я, полагая, что она могла испугаться при виде приближающегося к ней в темноте верзилы ростом под 7 футов в черной форме мотоциклиста.

– Прошу прощения, но я спешу на торжественное мероприятие. Не могли бы вы встретиться с кем-то из моих секретарей в приемной? – ответила она.

– Я предпочел бы поговорить с вами лично. Дело касается Закона об охране государственной тайны, и я не уверен, что могу говорить об этом открыто с вашими секретарями.

– Нет проблем, говорите с кем угодно из моих помощников, – не сдавалась Хоу. Она вся напряглась, было бы грубо продолжать настаивать.

– О'кей, извините за беспокойство, – улыбнулся я.

Увидев длинную очередь ожидающих приема, я сел на пластмассовый стул и стал ждать. Когда подошла моя очередь, молодой помощник пригласил меня в комнату для бесед и попросил изложить суть дела.

– У меня спорное дело, которое я хотел бы представить на разрешение помощнику мисс Хоу. Но если я расскажу больше того, что следует, то это будет нарушением Закона об охране государственной тайны. Нельзя ли мне назначить встречу с самой мисс Хоу? – спросил я.

– Это так необычно, – скептически ответил помощник, вероятно, размышляя, стоит ли вообще влезать во все это. – Я считаю, что лучше всего написать ей письмо, – предложил он. – Вот ее адрес. – Он протянул мне визитку с адресом в избирательном округе и номером телефона, улыбнулся и дал понять, что беседа закончена.

Хоу ответила удивительно быстро и сообщила в письме, что написала Шефу разведки, а тот пригласил ее на ланч, где они и обсудят проблему. Воксхолл-кросс входил в ее избирательный округ, как и Сенчури-хаус, так что она частенько встречалась с руководством МИ-6. Спеддинг даже жил недалеко от меня на Ричборн-террес и являлся, по всей видимости, ее избирателем. Но мои надежды на то, что Хоу сможет провести дельные переговоры, вскоре испарились.

Спустя несколько дней она прислала новое письмо, в котором сообщила, что Спеддинг заверил ее, будто ко мне отнеслись справедливо, а департамент кадров "сделал все что мог". Вместо того чтобы проверить достоверность утверждений Спеллинга, она не устояла перед его очаровательным нахальством. Ее капитуляция перед Спеллингом оказалась более полной, нежели можно было судить по полученному мною письму. Примерно

через год, когда мой конфликт уже приобрел у общественности дурную славу, Хоу обрисовала меня в газете "Санди Таймс" как "дерьмового" журналиста, который, отталкивая других избирателей, пытался нахально пролезть без очереди в ее офис в избирательном округе.

Спустя несколько недель из-за все растущей задолженности мне пришлось собрать свои вещи и съезжать из дома. Вместо аренды дома я смог теперь заплатить по закладной за целый месяц вместе с процентами за просрочку. Погостив немного у родителей, я загрузил под завязку пожитками свою надежную "хонду" и направился в сторону Ла-Манша, чтобы двинуться оттуда, сам не зная куда, лишь бы там было потеплее и подешевле.

Что касается таможенной и акцизной проверки, то Ричард Томлинсон находится неизвестно где. В Портсмуте, бросив прощальный взгляд на причал у Форта, я протянул потрепанный паспорт с моей фотографией и фамилией Алекса Хантли для таможенной проверки. Меня уволили по возвращении из Рио так внезапно, что я не вернул оформленные по "легенде" паспорт, водительское удостоверение и другие документы в CF. Если их отсутствие еще не обнаружили, то уже, возможно, не хватятся никогда.

Проживание под чужим именем даст мне возможность писать книгу с меньшей вероятностью того, что в мою жизнь вмешается МИ-6. Хотя я неоднократно и уезжал из Великобритании под вымышленными именами, на этот раз обстоятельства были другие. Я пока не нарушил OSA или любой другой закон, поскольку покинул разведслужбу, а за границу перешел с паспортом на имя Хантли. Буду ли я проживать по подложному паспорту – вопрос нерешенный, поскольку, покидая Камбрию, я на всякий случай скрутил в трубочку свой подлинный паспорт, водительское удостоверение и кое-какие купюры, запихнул их в пустую бутылку из-под шампуня, утяжелил ее с помощью нескольких свинцовых рыболовных грузил и запихнул в горловину бензобака мотоцикла "Африка-твинс". Если даже таможенники и досмотрят мой мотоцикл при входе на паром, они вряд ли найдут бутылку.

Следующие две недели я ехал по извилистым дорогам на юг Франции, останавливаясь в кустах, рощах или около горных ручьев на ночлег, и спал, подложив под голову мешок с вещами и накрывшись пончо. Изредка, когда я хотел принять душ и поспать на удобной постели или промокал под весенним дождем, я останавливался на отдых на дешевых турбазах. Я не планировал заранее, куда ехать; мой маршрут на юг пролегал по проселочным

дорогам, и это было очень интересно. Выбранный мной наугад маршрут от Кале вел меня в промышленный город Ле-Ман, затем в Пуатье, через Центральный массив в Марсель, потом через Пиренеи в Испанию. С языком стало полегче, а дожди лили меньше. Мое путешествие приостановилось в Андалузии, в прибрежном городке Фуэнхироло, потому что соскочила приводная цепь мотоцикла. Местный дилер фирмы "Хонда" предупредил, что запасную деталь нужно ждать несколько дней. Длительная гонка измотала меня не меньше, чем машину. Поэтому, когда местный экскурсовод сказал, что, пока туристический сезон не начался, он может посоветовать, где можно снять квартиру, я решил, что это самое подходящее место, чтобы остановиться. 15 апреля я снял маленькую комнату, распаковал свой убогий багаж и поселился в ней. Спрятанных в бензобаке денег хватило бы на скромное проживание в течение четырех месяцев. В случае необходимости можно продать "хонду" и продлить проживание, так что времени хватит, чтобы написать книгу вчерне. Я достал из багажа подержанный портативный компьютер и начал печатать. Я вынужден был покинуть дом, потерять твердый заработок и лишиться спокойной, уютной жизни. Мысль о несправедливости не давала мне покоя, но вот теперь, когда я сел излагать все это на бумаге, мне стало легче.

Через неделю после моего исчезновения МИ-6, не получая ответа на звонки ко мне домой, встревожилась и приступила к поискам. Не зная, что теперь я Алекс Хантли, разведка безуспешно искала Ричарда Томлинсона. Мой банковский счет в Англии проверила SB в Камбрии, но на след не вышла, потому что я платил наличными на протяжении всей поездки. Прослушивание телефона моих родителей ничего не дало, так как я звонил им по сотовому, что не давало возможности определить мое местонахождение. Вскоре моим друзьям в Лондоне позвонил некий "мистер Стартон" из МИДа. МИ-6 раздобыла их имена и номера телефонов из перехваченных звонков ко мне домой. Прикинувшись озабоченным, "Стартон" заявил, что Министерство иностранных дел беспокоится, не покончил ли я жизнь самоубийством, поэтому они хотели бы получить заверения, что со мной все в порядке. МИ-6 наивно полагала, что мои друзья клюнут на эту убогую приманку. Они все без исключения сообщили мне об этой уловке. Даже Шеггу позвонил какой-то "джентльмен" и предложил купить у него наркотики.

Как-то днем в Камбрию приехали две женщины – офицеры МИ-6. Никакой предварительной договоренности о встрече с моими родителями у них не было. Тем не менее родители

посчитали невежливым отправить их назад после длительной поездки и пригласили на чашку чая. Женщины пробыли у них свыше двух часов, притворяясь, что озабочены моей безопасностью, и всячески пытаясь обманом выудить у родителей сведения о моем местопребывании. Их попытки оказались напрасными, так как родители стояли за меня горой, и незваным гостьям пришлось уехать с пустыми руками.

Вступление в МИ-6 сильно напоминало обряд вступления в религиозную секту. Начальный этап проходил в IONEC. Мы шли в разведслужбу с широко открытыми глазами, не ведая ничего. Впечатление, что нам предстоит выполнять безопасную и чистую работу усиливалось, тщательной обработкой и воспитанием внутри разведслужбы. Нам постоянно и осторожно напоминали, что на нас возложена особая ответственность, в нас воспитывалась безграничная преданность. Даже после подлого обращения со мной со стороны кадровиков я сохранял верность МИ-6. Это чувство не было прежней беспрекословной преданностью, но оно тлело во мне и легко могло разгореться вновь. Если бы на каком-то причудливом повороте судьбы кто-то из МИ-6 позвонил мне, извинился и предложил вернуться обратно, я бы сделал это не мешкая.

Такое чувство я ощущал довольно сильно, и мне было неловко писать книгу. Иногда утром, просыпаясь в тесной комнатенке, я испытывал злость, и тогда слова быстро ложились на бумагу. Но гораздо чаще я чувствовал, что нарушаю укоренившуюся во мне лояльность, и тогда я пугался конфронтации, которую могла вызвать публикация книги. Если бы был другой способ решения конфликта, я воспользовался бы им открыто.

Я хотел всего лишь привлечь МИ-6 к суду по трудовым спорам и доказать друзьям, семье, себе и всем остальным, включая Кейт Хоу и Малкольма Рифкинда, что меня уволили несправедливо.

Вернуться на прежнюю работу и в этом случае не было бы никакой возможности, но, по крайней мере, с официальным подтверждением, что мое увольнение признано незаконным, я мог бы высоко держать голову во время собеседования с будущим работодателем.

Имея сильную поддержку, МИ-6 не склонна была к переговорам. Высшее руководство безучастно относилось ко мне, поскольку мое дело разлетелось на мелкие кусочки; теперь не было необходимости встречаться со мной. Единственным способом усадить их за стол переговоров было переключиться на тактику террористов. Некоторые скандальные новости,

появившиеся в газетах, расшевелили бы их.

12 мая газета "Санди Таймс" опубликовала коротенькую информацию об одной шпионской операции МИ-6 против французов. Терри Фортон как-то рассказывал мне за ланчем в Воксхолл-кросс, как он под маской военного журналиста разрабатывал одного французского инженера, служившего на военной базе в Бресте. Фортон платил ничего не подозревавшему информатору за предоставленные сведения о секретных французских технологиях выслеживания подводных лодок с ракетами по крошечным пузырькам, которые они оставляют за собой, даже уйдя под воду. Переданная мною в "Санди Таймс" информация была неподтвержденной и туманной, потому что она попала ко мне из вторых рук, от Фортона. Газета прибегла к обычному в таких случаях приему – воображению журналиста, который раздул и разнообразил информацию. Она была напечатана на последней странице и произвела небольшой эффект, но все же, вне всякого сомнения, вызвала определенную реакцию в Воксхолл-кросс.

В конце недели я поехал по побережью к Гибралтару и позвонил по мобильному телефону в офис МИ-6, попросив их связаться со мной. МИ-6, перехватывая мои разговоры с родителями, уже знала номер моего телефона, но не решалась позвонить, пока я сам "официально" не попросил их об этом.

В течение двух последующих недель никто из МИ-6 не позвонил мне, поэтому я снова связался с "Санди Таймс". Их очень заинтересовала щекотливая история передачи боснийскими сербами дара консервативной партии. История вылезла на первую полосу газеты с последующими комментариями на внутренних страницах. Публикация вызвала большой переполох на Флит-стрит. Информации об этих давних событиях публиковались под аршинными заголовками и в других газетах в понедельник и последующие дни недели. Они вносили смятение в ряды консерваторов. Я надеялся, что министры-консерваторы всерьез рассердятся и потребуют от МИ-6 принять меры.

Спустя несколько дней, когда буря в средствах массовой информации поутихла, в моем мобильном телефоне осталось важное сообщение – меня просили позвонить в лондонский офис. На звонок ответил готовящийся уже к отставке Джеф Моррисон. Я был шапочно знаком с ним. По-видимому, его попросили выполнить последнее поручение перед отставкой, поскольку с другими кадровиками у меня сложились враждебные отношения.

– Вы готовы встретиться со мной? – спросил Моррисон.

– Конечно, для этого я и звонил, – ответил я, – но я прежде всего хочу заручиться вашим честным словом, что меня не

арестуют и не установят за мной наблюдение, чтобы определить мое местопребывание.

Если оно станет известно, МИ-6 сможет попросить испанскую полицию либо арестовать меня за передачу информации в "Санди Таймс", либо, что еще хуже, сфабриковать ложные обвинения в каком-нибудь другом преступлении.

– Мы не станем обращаться к услугам Гражданской гвардии во время переговоров, – пообещал Моррисон. – Чтобы состоялась наша встреча, необходима добрая воля обеих сторон.

Я неохотно согласился с неопределенными обещаниями, Моррисон потребовал, чтобы ни Джон Уэдхэм, ни любой другой адвокат не представляли мои интересы.

– Вам известно, что мы не можем разрешить вам иметь своего представителя, – заявил он, – его присутствие серьезно подрывало бы национальную безопасность.

Он молол полную чушь, но выбора не оставалось: придется идти на переговоры одному. Моррисон потребовал провести встречу в Мадриде, чтобы он мог использовать помещение посольства в качестве рабочей базы, и предложил оплатить мои расходы на поездку из Фуэнхироло.

Первая встреча состоялась во вторник, 14 ноября 1996 года, в гостинице "Амбассадор", неподалеку от здания посольства. Я ожидал его в холле и удивился, когда оказалось, что Моррисона сопровождал молодой чиновник, чье лицо показалось мне знакомым.

– Хэлло, Ричард, а это Энди Ваттс. Вы встречались прежде. Мы подумали, что лучше для вас иметь две головы, чтобы вырабатывать идеи.

Второй раунд за МИ-6. Меня не только лишили адвоката, но, введя в игру сразу двух игроков, они увеличили счет в свою пользу.

Первый же мой вопрос, не разрешат ли мне обратиться с суд по трудовым спорам, был безоговорочно отвергнут Моррисоном и Ваттсом.

– Вам же известно, какой ущерб это может нанести национальной безопасности, – твердил Моррисон.

– Ну хорошо, – отважился я предложить свои условия, – вы выбираете одного судью из коллегии, а я другого, с вашего одобрения, который ознакомится с делом. Вы выберете защитников не только для себя, но и для меня. Заседания коллегии будут вестись в закрытом режиме, в засекреченном месте, а я подпишу документ, обязывающий меня не разглашать прессе результаты переговоров.

Моррисон с мрачным видом покачал головой:

– Вы же отлично знаете, Ричард, что даже при этих условиях угроза безопасности сохранится.

Я не верил своим ушам. Неужели эти люди так тупы, что считают судебные слушания, проводящиеся в таких условиях, наносящими больший ущерб национальной безопасности, чем крайне обозленный и нелояльный бывший офицер разведки на свободе.

Как я и опасался, на обратном пути МИ-6 стала следить за мной. В мадридском аэропорту и в самолете слежки я не заметил, но, покидая аэропорт в Малаге, увидел у себя на хвосте две, а возможно, и три автомашины. Бесполезно было отрываться от них на шоссе, поэтому я проскочил Фуэнхироло и направился в Марбелью. Скорость и маневренность мотоцикла позволили оставить преследователей в историческом центре Марбельи, в лабиринте узких мощенных булыжником улочек. Офицерам из МИ-6 придется немало потрудиться, если они захотят найти мое убежище.

Но спустя несколько дней им это удалось. Большую серебристую "хонду Африка-твинс" с ярко-желтым британским номером было нетрудно заметить. При возвращении домой из дневной поездки из горного городка Ронда, под предлогом формальной проверки водительского удостоверения, меня остановили в нескольких километрах от Фуэнхироло двое полицейских из Гражданской гвардии.

– Где вы проживаете? – спросил старший из них. Предполагая, что я могу сообщить неверный адрес, они предупредили, что проводят меня до дому. Я стоял перед выбором: сказать правду или же лишиться пожитков, портативного компьютера и перебираться в другой дом. Выбрав первое, я повел гвардейцев в свою лачугу.

Спустя неделю Моррисон и Ваттс пригласили меня на следующую встречу в Мадрид. На этот раз они приволокли с собой несколько толстых досье под номером D/813317 – моим личным служебным номером, и выложили их передо мной.

– Мы решили сделать для вас особое исключение, – важно произнес Моррисон, внимательно вглядываясь сквозь толстые стекла очков. – Мы намерены разрешить вам взглянуть на свое личное дело.

Для секретного департамента кадров это было беспрецедентное решение – позволить обвиняемому просмотреть его досье, хотя такая прозрачность должна была бы стать обычной практикой. Разумеется, недоверия и враждебности, возникших между департаментом кадров и мною, можно было бы избежать, если бы докладные записки были доступны для ознакомления.

Моррисон надеялся, что чтение досье прояснит для меня причины моего увольнения и уменьшит мою злость. Его мотивы были обоснованы, но ожидаемый результат не был достигнут. Записи моих бесед с разными кадровиками за четыре года моей работы в разведслужбе были полны предубеждений, измышлений, злобы и явной некомпетентности. Никакие отлично выполненные мною задания, высоко оцененные моими начальниками, даже не упоминались. Зато самые мельчайшие упущения или незначительные ошибки подвергались уничтожительной критике. Мое появление на встрече с Караджичем без галстука описывалось в оскорбительном тоне на нескольких страницах. Неудачным попыткам при установлении связи также отводилась обширная площадь. Новые служащие департамента читали отчеты и рапорты своих предшественников и, вместо того чтобы провести со мной собеседование и составить собственное мнение, считали более легким пойти по течению и добавить еще больше ложной ерунды и вранья.

Читая досье, я понял, откуда появилась навязчивая идея кадровиков, что я нашел бы, чем заниматься в Сити. Еще во время моей вербовки "мистер Халлидей" заметил, что я получал от компании "Буз Аллен энд Гамильтон" большое жалованье. Спустя несколько месяцев в рапорте IONEC Болл советовал департаменту кадров предоставить мне интересную и многообещающую должность, потому что "было бы жалко, если такой выдающийся кандидат занимался нудной работой или предпочел более высокооплачиваемую службу". Спустя несколько лет эти случайные замечания превратились в твердое мнение, что я неминуемо уйду из разведслужбы ради работы в финансовой сфере.

Во время последней встречи с Ядовитым Карликом я обвинил его в том, что он не предупредил меня, как это положено по закону, что моя работа находится под угрозой. Он же в высокопарных выражениях настаивал, будто лично официально предупреждал меня. Однако внимательное изучение всех его записей бесед показало, что он не делал никаких намеков даже в устной форме, не говоря уже о письменных предупреждениях.

– У вас есть возможность показать мне предупреждение, сделанное PD/2? – спросил я Моррисона.

– Ах, вы же не хотите видеть его, – пытался сбить меня с толку Моррисон.

– Да нет же, я чертовски этого хочу, – сердито ответил я. – Покажите мне эту запись как можно скорее. PD/2 настаивал, что он предупреждал меня, и я хочу увидеть доказательство.

Моррисон с явной неохотой принялся перелистывать бумаги

в досье. Наконец вытащил одну страничку и прикрепил к ней листок с примечаниями. Двух секунд хватило, чтобы прочесть пару коротких абзацев.

– Но это же писал даже не PD/2! – воскликнул я.

Моррисон признался, что Ядовитый Карлик, заявляя, что предупреждал меня, врал. Запись была сделана PD/1, Фаулкруком, по результатам его краткого посещения меня в Ричборн-террес, когда я только что вернулся из Боснии.

– Ну и что же это за предупреждение? – спросил я. – Фаулкрук просто поясняет, чем я буду заниматься в PTCP.

– Я разговаривал с Риком, – ответил Моррисон, – и он сказал, что предупреждал вас устно.

– Ничего подобного, – возразил я. – Я четко помню эту встречу. Разговор касался только моего предстоящего назначения. Если Фаулкрук предупреждал меня, почему он не сделал никакой, хотя бы краткой, записи?

– Рик говорил мне, будто он не считал, что этот разговор стоит протоколировать, – ответил Моррисон, со смущением тараща на меня глаза из-за очков с выпуклыми стеклами. Он знал, что меня уволили несправедливо и незаконно, но вслух об этом не говорил.

После третьей встречи в Мадриде в январе 1997 года стало ясно, что переговоры ни к чему не привели. Моя решительная позиция заключалась в том, что единственным приемлемым путем улаживания конфликта было бы обращение в суд по трудовым спорам. Моррисон и Ваттс настаивали на том, что это основное правовое положение "нанесет ущерб национальной безопасности". Все, что они могли предложить мне – это помощь в подыскании другой работы и выдачу небольшой ссуды для покрытия долгов. Не имея накопленного опыта проведения сложных переговоров, без помощи со стороны адвоката, я находился в чрезвычайно невыгодном положении.

Наша четвертая встречал ноябре 1997 года проходила в здании Посольства Великобритании в Мадриде. Моррисон и Ваттс принудили меня согласиться на новое место проведения переговоров, утверждая, что оно более удобно и дешевле обойдется, чем гостиничные номера. По международному праву здание посольства является территорией Великобритании, следовательно, имелся определенный риск, что английская полиция сможет арестовать меня и удерживать там, но я согласился с их предложением, чтобы показать, что доверяю им. Моррисон и Ваттс встретили меня за воротами посольства и сопроводили в украшенную бежевыми коврами комнату для переговоров, где доминировал нескладный, огромный

модерновый стол, предназначенный для заседаний совета директоров какой-нибудь компании. И снова они приготовили кипу разных бумаг.

– Мы составили наше соглашение, – торжественно объявил Моррисон, передавая мне документ на двух страницах. Озадаченный, я бегло просмотрел его.

– Но мы же не пришли к согласию ни по одному пункту, – протестовал я.

– Прочтите, уверен, что вас устроит, – продолжал настаивать Моррисон.

В нем мне обещали помощь в трудоустройстве и ссуду в размере 15 тысяч фунтов стерлингов с рассрочкой погашения в течение 10 лет. Со своей стороны, МИ-6 не станет возбуждать против меня судебное преследование после моего возвращения в Великобританию за нарушение OSA, выразившееся в передаче материалов газете "Санди Таймс". Я должен прекратить требовать рассмотрения дела в суде по трудовым спорам, передать свой портативный компьютер с дискетами будущей книги и предоставить копии материалов, которые будут мною впоследствии написаны, если они относятся к МИ-6. Соглашение было составлено до смешного в одностороннем порядке.

– Я ни за что не подпишу его, – протестовал я, – в нем не указано мое право на обращение в коллегию по рассмотрению трудовых споров.

– О, зато мы предложим вам фантастическую работу, – настаивал на своем Моррисон. – В промышленности огромные перспективы. – Он с гордостью подчеркнул последнее слово. (Кадровики все еще считали, что сами могут решать, какая профессия больше подходит мне, хотя они теперь не настаивали на работе в Сити). – Вам будут платить гораздо больше, чем вы получали в разведслужбе, – обещал Моррисон.

По-прежнему я не хотел подписывать документ без согласия на мое обращение в суд по трудовым спорам. Даже если бы я и подписал его, все равно невозможно было бы строго придерживаться его условий.

– Нет, я не подпишу, – решительно отказывался я. – Нам нужно обсуждать разумные предложения. Бессмысленно подходить к решению вопроса столь односторонне.

Атмосфера на переговорах накалялась и становилась враждебной. Вместо того чтобы считаться с моими возражениями и обсуждать их, Моррисон перешел к тактике угроз.

– Это все, что мы можем предложить, – заявил он. – Больше обсуждать нечего. Если не подпишите соглашение сегодня, оно будет аннулировано, и мы прервем все дальнейшие переговоры.

– Но это же глупо! – воскликнул я в ответ. – Вы даже не хотите меня выслушать. Так не пойдет.

– Что вы сделаете со мной, если я не поставлю подпись? – продолжал я. – Да вы же никогда не сможете заставить Гражданскую гвардию арестовать меня за то, что я просто связался с газетой. В отличие от Британии, Испания подписала Европейскую конвенцию о правах человека, гарантирующую свободу слова.

– На вашем месте я не был бы столь самоуверен, – с угрозой в голосе произнес Моррисон. Ваттс тоже включился в запугивание:

– Ричард, – сказал он, – вам известно, что МИ-6 – организация очень сильная и влиятельная во всем мире. Если вы не подпишите соглашение, мы используем ее влияние, чтобы не давать вам покоя всю оставшуюся жизнь, куда бы вы ни поехали. Мы сделаем так, что вы никогда больше не получите приличную работу и не сможете поселиться ни в одной стране, имеющей дружественные отношения с Британией.

Я с трудом воспринимал слова Ваттса. До этого утра он казался мне скромным и неплохим человеком.

Моррисон вдруг раздраженно вскочил, быстро прошелся по комнате и закружился вокруг меня, сверкая каблуками.

– Если не подпишите документ сейчас же, – выкрикнул он, – мы не сможем гарантировать вашу безопасность.

Чтобы прийти в себя, он снял очки и стал тщательно протирать их. Надев их снова, Моррисон посмотрел на меня сквозь выпуклые стекла, пытаясь понять, как я воспринял его слова. А я пытался понять, что он имел в виду.

– Но вы же не можете арестовать меня, вы обещали, – слабо сопротивлялся я.

– Это обещание оставалось в силе, пока переговоры шли успешно, – выпалил Моррисон. – Если не поставите подпись, мы прекратим переговоры.

Выбора не было, приходилось подписывать. Моррисон загнал меня в угол. Сначала он не позволил привести адвоката, затем притащил Ваттса в качестве пособника, потом прикинулся добреньким и озабоченным, чтобы завоевать мое доверие, и, наконец, когда я заглотил наживку, заманил на безопасную с виду территорию английского посольства. Его угрозы не были пустыми – без сомнения, меня уже ожидали за дверями офицеры из SB с наручниками, чтобы арестовать. Даже если они решат, что вывезти меня легально из посольства – дело мудреное, то смогут организовать мой арест силами Гражданской гвардии, скорее всего, по сфабрикованному обвинению. Особого воображения не требуется, чтобы догадаться, как все это произойдет. "Найти"

наркотики в моей комнате или в "хонде" будет делом нетрудным. Схватив авторучку, лежавшую на столе среди кучи раскиданных бумаг, я в раздражении подписал соглашение, причем подпись получилась непохожей на обычную.

Глава 12. Провал

Четверг, 20 марта.

Манчестер, аэропорт.

Не успел самолет британской авиакомпании, следующий из Малаги, приземлиться, как я почувствовал сожаление из-за того, что покинул Испанию. Я смотрел в иллюминатор аэробуса и думал о погоде: пасмурно, холодно и дождливо, как бывает только в Манчестере. Не исключено, что МИ-6 обманом заставила меня вернуться в Великобританию, поэтому я почувствовал облегчение, когда без задержки прошел паспортный контроль по моему настоящему паспорту. Паспорт на имя Алекса Хантли был тщательно зашит в подкладке моей мотоциклетной кожанки – может быть, он еще и пригодится.

Я был рад вернуться в Камбрию и отдохнуть здесь, наслаждаясь домашней кухней, прогулками с Джесси, а в редкие солнечные дни виндсерфингом на Улсуотер, но я не мог оставаться здесь навсегда. Пришло время подумать о работе и о начале новой карьеры. Я уже исключил возможность получения вакансии для человека с отличным дипломом и знанием нескольких языков. Возвращение в мир молодых людей, пьющих шампанское и кричащих ура, заполнило бы все время. Найти новую работу, которая была бы тfкой же престижной и увлекательной, как в МИ-6, оказалось непростой задачей.

Моррисон сказал мне в Мадриде, что они выбрали для меня работу в промышленности. Выяснилось, что речь шла об отделе маркетинга в мотоциклетной конторе, принадлежавшей бывшему чемпиону мира по мотоспорту Джеки Стюарту, в новом городе Милтон-Кейнс в графстве Бакингемшир.

Это звучало эффектно и привлекательно, но я не был уверен, что работа мне подойдет. Мои однокурсники, которые после Кембриджа занялись маркетингом, были туповатые выпускники географического колледжа, которые не могли получить ничего лучшего, и я сомневался, что эмоции от занятий торговлей могли бы конкурировать с радостным настроением агента в Боснии или удовлетворением от состязания умов с иранскими террористами. И никто из побывавших в подобных переделках не переедет добровольно из Лондона в Милтон-Кейнс, стерильно спланированный город, который внес новое значение в слово "скука".

МИ-6 организовала собеседование в этой компании, но из-за того, что за всем этим стояла эта служба, а не мои способности и заслуги, мне предложили работу с жалованьем на 25 процентов

ниже того, что было у меня в МИ-6, вопреки обещаниям Моррисона. МИ-6 уже отступала от своего "соглашения". Беглый осмотр города после собеседования подтвердил мое впечатление, что город заслужил свою репутацию. Я не согласился сразу на эту должность, решив поискать что-нибудь получше. Понимая, что жизнь за рубежом в привлекательной стране и теплое местечко работы помогут мне забыть про конфликт с МИ-6, я решил попытать счастья в Австралии. Отпуска, проведенные там, были всегда великолепны, а мой новозеландский паспорт обеспечил бы мне все права резидента.

Я купил билет на рейс "Боинга-747" до Сиднея на 19 апреля, намереваясь провести две недели в поисках работы и квартиры. Спустя неделю пребывания в ярком, полном жизни космополитическом городе перспектива возвращения в Милтон-Кейнс и начало работы с низшей ступеньки карьеры показалась ужасной, и я позвонил в "Стюарт Гран-при" и отказался от предложения. Они попросили меня подумать, возможно, по указанию МИ-6, а не из-за искреннего желания нанять меня, и сообщили, что перезвонят через неделю.

В связи с тем что разглашение моих прежних занятий в МИ-6 было бы нарушением Закона об охране государственной тайны (OSA), кадры предложили мне говорить при найме на работу, что я добровольно ушел с прежней работы в FCO. Конечно, ни один предприниматель не поверил бы мне, что я по своей воле оставил хорошо оплачиваемую и перспективную работу, чтобы начать все сначала с малооплачиваемой должности в частном секторе. Другого выхода не было, кроме как рассказать правду о моей прежней работе и о том, как я был уволен. Мне нечего было стыдиться. Мое увольнение было незаконным, и у меня не имелось оснований врать своему будущему потенциальному нанимателю лишь для того, чтобы МИ-6 не краснела от стыда. Тем не менее, поиски работы отнюдь не были простыми. Австралийская экономика переживала трудности, и компании увольняли людей. Мои документы вряд ли получили бы положительную оценку даже в лучшие для экономики времена, а в связи с нынешней ситуацией фирмы совсем не были готовы делать ставку на неизвестную личность вроде меня.

По мере того как накапливались письма с отказами, возрастал и мой гнев по отношению к МИ-6. Эти отказы, а также успех ранее опубликованной в Австралии работы Питера Райта "Поимка шпиона" вновь пробудили во мне желание написать книгу. Я стал методично обзванивать издательства, перечисленные в телефонной книжке Сиднея, начиная с буквы А. Первые ответы были обескураживающими, главным образом типа:

"Мы работаем только с литературными агентами", но удача улыбнулась мне, когда я добрался до буквы Т. Телефонистка в издательстве "Трансуорлд" в Ньютрал-бей сразу соединила меня с младшим уполномоченным редактором Джуди МакГи. Она проявила интерес, и мы договорились встретиться на следующий день в кафе "Верона" на Оксфорд-стрит в Сиднее. Встреча прошла хорошо, и МакГи, молодая новозеландка, пригласила меня на следующий день в офис издательства на встречу с директором.

Четверг, 1 мая 1997 года, выдался в Сиднее великолепным осенним днем: небо ярко-голубое, температура ниже 30°С, приятный ветерок дул с моря. Я сошел с парома в Креморн-Пойнт в нескольких сотнях метров от офиса издательства на Йео-стрит, 40. Я надеялся, что в результате встречи заключу контракт. Это было бы серьезным нарушением OSA, но, учитывая, как со мной обошлись, оно было бы оправданным. МИ-6 вряд ли могла рассчитывать на мое обещание о пожизненном молчании, сама не сдержав своего в течение двух недель. Если я бы безропотно согласился с моим увольнением и не протестовал, МИ-6 продолжала бы бездумно губить жизни своих сотрудников, попирать свободы, которые была призвана защищать.

МакГи встретила меня в приемной издательства и проводила в кабинет Шоны Мартин, тоже новозеландки, которая отрекомендовалась как австралийский редактор отдела общественной литературы этого издательства. Затем она рассказала немного о своей прежней карьере сначала в Окленде, а потом в престижной "Сидней морнинг геральд". Последующий час мы обсуждали костяк моей книги, я подбросил несколько анекдотов, чтобы осветить интересные моменты, но из предосторожности не упомянул имен, дат и деталей операций. Мартин не показала своего отношения к проекту. Ее как будто заинтересовали некоторые детали, но тут же она стала закруглять беседу. Она проявила странную враждебность к человеку, который был журналистом, и несколько раз интересовалась доказательствами того, что я работал в МИ-6. Я нетерпеливо ответил на эту ее просьбу:

– Очевидно, я не могу их вам предоставить, так как если МИ-6 не разрешила представить мои личные документы в бюро по найму, то они, безусловно, не дадут их и вам.

Она сказала:

– Вы должны понять, что по этическим нормам журналистики мне нужны доказательства того, что вы действительно работали в МИ-6. Кроме того, почему вы хотите опубликовать книгу? – спросила она.

– В интересах общественности разоблачить негодные методы

руководства МИ-6, чтобы побудить ее исправить свои ошибки. Если же дать возможность спрятать все это в долгий ящик, она не исправит их и в будущем сможет нанести еще больший вред национальной безопасности, – ответил я. Мартин одобрительно кивнула головой.

– Я буду лоялен по отношению к МИ-6. Я не стану компрометировать какие-либо проводимые операции, буду употреблять вымышленные имена для сотрудников, и я хотел бы направить черновой набросок текста в МИ-6, чтобы дать им возможность осуществить цензуру тех отрывков, щекотливость которых я недооценил, – сказал я.

– Ах, нет, я не могла бы это допустить, – едко отпарировала Мартин. – Это было бы нарушением моих принципов как журналистки и защитницы свободы слова.

– Итак, вы не готовы разрешить мне представить рукопись? – решил я уточнить.

– Безусловно, нет, – подчеркнула Мартин.

Разговор, казалось, кончится ничем, поэтому я выдвинул Мартин ультиматум:

– Скажите, вас заинтересовал этот проект или нет? Она задумалась на мгновение.

– Если вы можете дать мне то, что у вас уже написано, я подумаю. На что я ответил:

– Нет, не могу, так как я еще не закончил. – Дать ей копию текста было бы очень рискованно, даже если бы я достал зашифрованный файл из тайника в Интернете. Мартин сказала:

– Напишите проспект с кратким содержанием каждой главы, мне надо подумать.

Я все еще колебался и испытывал подозрения. Одно дело, нарушить Закон об охране государственной тайны устно, так как доказать это в суде невозможно, а другое – письменно. Если бы написанный проспект попал в чужие руки, меня могли бы привлечь к судебной ответственности. Но бывшая журналистка так клятвенно уверяла в незыблемости своих этических правил, что она вряд ли скомпрометировала бы источник информации, передав проспект властям. Стоило рискнуть.

– Хорошо, я дам вам проспект, но при условии, что вы его никому не покажете.

Мартин указала на стальной сейф в своем кабинете.

– Он будет заперт там и никуда оттуда не денется. – Потом вручила мне свою визитную карточку, и я поспешил на Рыбачью пристань, чтобы успеть на последний паром.

В тот вечер, вернувшись в квартиру, которую на время отпуска я снял на морском побережье Бонди, я напечатал краткий

проспект. На следующий день, неуверенный в получении контракта на книгу, но уверенный в том, что Мартин останется верна данному слову, я бросил запечатанный конверт в приемной издательства "Трансуорлд".

Деньги у меня были, на исходе, работы не предвиделось, и в мыслях я с неохотой обратился к Англии. Была масса причин против моего возвращения в Англию, но, по крайней мере, там была работа. Предложение не было особенно интересным, но оно дало бы мне возможность получить на будущее небольшой опыт в области торговли. Возможно, работа окажется лучше, чем я ожидаю. А если нет, то я смогу вернуться в Сидней. Я позвонил в "Стюарт Гранд-при", принял их предложение и уточнил дату начала службы.

После возвращения в Милтон-Кейнс дела пошли сначала довольно неплохо. Я снял маленькую квартиру в деревне Вэйвден, в нескольких милях от места работы. Дилер фирмы "Сааб", Карлайль, у которого недавно моя мать купила машину, помог мне взять напрокат один из их демонстрационных автомобилей. Теперь, когда я имел квартиру, работу и машину, жизнь показалась мне лучше, чем была несколько лет назад. Первый день на службе, однако, подтвердил мои худшие опасения. Несмотря на заверения Моррисона, я оказался младшим сотрудником в отделе, без какого-либо участия в его политике и возможности проявить инициативу и развить свои проекты. Такую работу поручают лишь выпускникам школ. МИ-6 нарушила еще один пункт своих обязательств. Через несколько недель я предпринял попытку найти работу получше. Я был на нескольких собеседованиях, но камнем преткновения, как и прежде, был вопрос, почему я ушел с прежней работы в FCO.

После того как я исколесил много миль на взятой напрокат машине, проводя бесполезные собеседования, я написал в департамент кадров с просьбой о помощи. Ответ пришел через несколько дней, но ни от доброго и сочувствующего Тимпсона, а от незнакомого мне чиновника. "Учреждение выполнило все обязательства по Мадридскому соглашению, подобрав вам данную работу, и мы не собираемся помогать вам дальше", – написал он. Такой резкий ответ усилил мой гнев. Для МИ-6 не стоило бы большого труда найти мне что-либо при тех связях, что у нее есть. "В таком случае подавитесь этой пожизненной обязанностью неразглашения тайны", – подумал я. Договор на издание книги мог бы быть моим билетом из Милтон-Кейнс. Я написал в МИ-6, спрашивая о том, как предоставить им проспект рукописи в виду ее возможной публикации. В ответ они направили мне письмо, составленное в крепких выражениях,

утверждая, что с моей стороны незаконно написать даже черновик, и требовали от меня заверения, что я еще не начал работу над ним. Если они не пожелали рассуждать разумно, то придется действовать тайно.

МИ-6 прослушивала мои телефонные разговоры из дома, хотя в соглашении обещала не перехватывать мои сообщения. Я имел доступ в Интернет и считал маловероятным, чтобы они получили разрешение на перехват. Однажды в начале сентября я передал по электронной почте сообщение Мартин в две строчки с просьбой ответить мне, заинтересована ли она в продолжении проекта. Две недели от нее не было ответа, что, очевидно, означало отказ, и я перестал об этом думать.

Несколько дней спустя взволнованная хозяйка дома позвонила мне на работу:

– Боюсь, что сегодня утром вашу квартиру ограбили. Я заметила, что окно наверху разбито, а когда заглянула через кухонное окно, то увидела, что все в доме перевернуто.

Я немедленно бросился домой. Непрошеные гости сделали явную попытку выдать вторжение за обычный грабеж, разбросав по всему полу содержимое холодильника и перевернув книжный шкаф, но личности виновных нетрудно было угадать, так как единственной пропавшей ценной вещью был переносной компьютер с зашифрованным вариантом рукописи. Нетронутыми остались телевизор, стереосистема, видео и даже мелкие ценности. Полиция прибыла осмотреть место пришествия, но даже не стала собирать какие-либо вещественные доказательства.

Вопреки данному обещанию МИ-6 перехватила мое электронное письмо. Небольшая ошибка в обеспечении собственной безопасности привела не только к ограблению, но также и к более важным событиям за тысячи километров отсюда. После перехвата сообщения к Мартин, они без труда установили ее личность. По электронному адресу узнали имя австралийского Интернет-провайдера, который, в свою очередь, сообщил МИ-6 ее фамилию и адрес.

В пятницу, 24 октября 1997 года, агент Джексон из австралийской федеральной полиции прибыл в "Трансуорлд", чтобы переговорить с Шоной Мартин. В ходе их двухчасовой беседы она передала ему во всех деталях содержание нашего разговора, а также мой проспект, и подписала свидетельские показания. Это была полная капитуляция журналистки, с таким рвением выдавшей источник информации.

Днем в пятницу, 30 октября, у меня был назначен визит к парикмахеру в Вэйвдене, поэтому я заскочил сначала домой, чтобы перекусить. Когда я ставил на плиту чайник, в дверь

постучали. Это был молодой констебль из Бакингемширской полиции Эллис, который расследовал таинственное похищение моего компьютера. С ним был огромный инспектор в штатском.

– Здравствуйте, мистер Томлинсон, мы узнали некоторые новые подробности относительно вашего ограбления и хотели задать вам несколько вопросов в этой связи.

Эллис старался говорить достаточно дружелюбно и представил своего коллегу как инспектора Гаррольда из отдела уголовного розыска (CID).

– Вы не будете возражать, если мы войдем? – спросил Эллис.

Мною овладело то же чувство неизбежности возмездия, которое я когда-то испытывал в школе перед поркой за мелкие провинности. Если бы они собирались арестовать меня, они бы предъявили ордер на обыск, поэтому только сломанная дверь могла бы дать мне повод отказать им.

– Конечно, входите, – ответил я как можно более равнодушно.

– Не хотели бы вы присесть? – спросил Гаррольд тоном, не терпящим возражений. Я сел на диван, а он и Эллис встали надо мной в угрожающих позах.

– Вы арестованы за нарушение пункта 1 Закона об охране государственной тайны, – объявил Гаррольд. Он схватил меня за одну руку, Эллис – за другую, и в мгновение ока я оказался в наручниках.

Еще несколько машин подъехали к дому по дорожке, усыпанной гравием, и скоро мою квартиру заполнили офицеры в штатском, их мобильные телефоны непрерывно попискивали. Двое присоединились к Гаррольду и встали около меня. Я уловил блеск кобур под их спортивными куртками, что было зловещим зрелищем в Соединенном Королевстве, где полицейские редко бывают вооружены. Атмосфера стала еще более угрожающей, когда дружелюбный Эллис попрощался, и я заметил его озабоченный вид. Маленький усатый уэльсец раскрылся, как только Эллис вышел.

– О'кей, Томлинсон, где твое поганое оружие? – потребовал он.

– Какое оружие? – спросил я в недоумении.

– Оружие, не води нас за нос, где твое оружие? – проревел он.

Настойчивое утверждение, что я вооружен, усилило чувство нереальности, как будто это была игра в арест на курсах IONEC.

– У меня нет оружия, никогда не было, и я не хочу его иметь, – ответил я полностью ошеломленный. Уловив мое недоумение, уэльсец умерил свой пыл.

– У нас есть информация, что ты привез из Боснии оружие, где оно?

– Ах, теперь я понял! – я рассмеялся. – Пистолет ржавеет на дне Адриатики.

МИ-6, очевидно, сообщила полиции, что я сохранил его, возможно, для того, чтобы у них было как можно больше оснований для ареста.

Гаррольд приказал мне встать и обыскал меня, сняв наручники на время обыска. Не найдя ничего интересного, он снова толкнул меня на диван, где я просидел еще три часа, упираясь подбородком в руки, скованные наручниками, а локтями в колени, словно дохлый цыпленок. Офицеры в перчатках из латекса перебрали все в моей квартире, осмотрели стены за каждой картиной, поднимали ковры, перевернули постель, перерыли даже грязное белье. Каждая вещь, представлявшая интерес, была запечатана в пластиковый пакет и помещена в большую белую коробку, заранее приготовленную.

Она постепенно заполнялась. Первым туда попал недавно купленный органайзер "Псион", который живо схватили со стола. Затем последовали компьютерные дискеты, кипы листочков с нацарапанными на них невинными телефонными номерами, испанско-английский словарь, различные домашние видеокассеты и фотоальбом. Меня это совсем не волновало, пока лысый офицер, шаривший в моей куртке, не выдохнул внезапно:

– Что-то здесь есть, сэр.

Другие склонились над курткой. Лысый нащупал в подкладке и вытащил маленький сверток, тщательно завернутый в маскировочную ленту. Душа моя оборвалась, когда я понял, что это паспорт на имя Алекса Хантли, водительские права и кредитная карта. Я смотрел, как пальцы в перчатках из латекса тщательно убрали сверток в пластиковый пакет, запечатали его и положили на растущую гору в короб.

Одновременно другая бригада сыщиков из местной полиции нагрянула в дом родителей в Камбрии, а третья конфисковала настольный персональный компьютер в "Стюарт Гран-при". Мобильные телефоны моих захватчиков звонили беспрерывно, так как все три группы налетчиков использовали их для координации своих действий.

Сразу после 5 часов стало темнеть, и Гаррольд объявил, что пора идти. Наручники сняли на некоторое время, чтобы пустить меня в туалет, а затем меня снова приковали наручниками, но к другому офицеру, вывели во двор и затолкали в одну, из ожидавших темно-зеленых машин. Гаррольд сел на сиденье водителя, вывел машину со двора и повел по шоссе, вероятно, в Лондон.

Мы приехали в полицию на Чарринг-кросс около семи вечера,

переезд затянулся из-за пробок в вечерний час пик. Я был еще в наручниках, когда офицеры, не говоря ни слова, провели меня через массивные двери вверх по наклонной площадке в главную приемную и передали под охрану дежурного сержанта. Он записал мою фамилию, адрес и в чем я обвиняюсь, затем разрешил сделать один телефонный звонок по личным делам и связаться с адвокатом. Я ухитрился в наручниках набрать номер отца. Он уже догадался о моей судьбе из-за обыска в доме, но старался говорить бодрым голосом, хотя я знал, что он обеспокоен. Я надеялся, что мама сумеет пережить этот шок. Потом я позвонил Джону Уэдхэму, который отменил свои планы на вечер, чтобы сразу приехать ко мне. Два полицейских констебля отвели меня вниз в камеру ожидать его прибытия.

Как только дверь камеры захлопнулась, я успокоился. Я узнал, что такое наручники и звук запирающихся дверных замков в территориальной армии и в IONEC. Массируя затекшие руки, я осмотрелся. В камере не было ничего, кроме грязного туалета, каменной скамьи с пенопластовым матрацем и одним грязным одеялом. Я скатал одеяло как подушку и лег на матрац в ожидании прихода Уэдхэма.

В 8 часов вечера маленькое окошко в двери открылось, чьи-то глаза бегло осмотрели камеру, засов отодвинули, и два офицера вошли в камеру.

– О'кей, давай полный стриптиз! – приказали они. После небрежного досмотра они препроводили меня в наручниках в комнату для свиданий, где меня уже ждал Уэдхэм. У нас состоялся короткий разговор. Он немного мог сделать, так как мы не знали, какие доказательства имелись против меня у службы безопасности. Он передал мне книгу, биографию премьер-министра Гладстона, и немного свежих фруктов, которые скоротали бы мне время.

Несмотря на примитивную постель, я крепко спал в ту ночь благодаря снотворному, которое дал мне полицейский врач. На следующее утро после неряшливо приготовленного завтрака, похожего на армейский, дежурный сержант снова проводил меня в комнату для свиданий, где ожидали Уэдхэм и два полицейских офицера. Они представились как сыскные инспекторы Рэтклифф и Дерн из городской полиции. Остаток утра и весь день они безжалостно терзали меня, причем где-то шипел магнитофон, записывая мои показания, и постепенно раскрывали доказательства моей вины. Во-первых, копия проспекта, которую я передал Мартин, и расшифровка ее беседы с австралийской полицией. Затем копия ее второй беседы, за которой Рэтклифф и Дерн летали в Австралию, чтобы лично сделать ее. И, наконец,

документы на Алекса Хантли. Около 6 часов вечера они предъявили мне официальное обвинение о нарушении пункта 1 Закона об охране государственной тайны. Дежурный сержант отказался отдать меня под залог на поруки и оставил под стражей до слушания дела в суде в понедельник.

Когда дежурный сержант оставил нас наедине с Уэдхэмом на минуту, тот сказал:

– По крайней мере, Рэтклифф не пытался обвинить вас за паспорт Хантли и водительские права. За это они могли бы предъявить вам обвинение по Закону об охране государственной тайны, что грозило бы осуждением на сорок лет тюрьмы.

Спустя несколько месяцев Уэдхэм узнал, что МИ-6 настаивала на предъявлении полицией именно такого обвинения. К счастью, Рэтклифф возражал, что оно не выдерживает критики, так как я не украл эти документы намеренно.

Хотя перспектива пребывания в тюрьме была малоприятной, я не очень тревожился. В действительности я даже чувствовал некоторое облегчение. Арестовав и обвинив меня, МИ-6 разоблачила свое лицемерие, когда помешала мне вызвать их в суд. Если суды вполне способны преследовать меня за нарушение Закона об охране государственной тайны, почему же они не могут привлечь МИ-6 к ответственности через суд по трудовым спорам? Освещение моего ареста в средствах массовой информации, в конечном счете, поставит МИ-6 в более неловкое положение и нанесет ей больше ущерба, чем мне. На самом деле, в моем аресте были и некоторые положительные аспекты. Если до того времени в газетных репортажах обо мне упоминали как об "Агенте-Т" из-за запрета МИ-6 на открытую публикацию моей фамилии, то теперь мое имя стало бы достоянием широкой публики, и я смог бы легально рассказать своим друзьям, родным и будущим нанимателям о моей прежней карьере и о том, как постыдно со мной обошлись. Большим облегчением было выйти из тени, даже если это стало возможным через тюремную камеру.

Позже в тот же вечер дежурный сержант отвел меня в криминалистическую лабораторию, где технический сотрудник полиции снял отпечатки пальцев, сделал фотографии и взял пробы ДНК, взяв соскоб со щеки. Данные эти будут храниться в центральном компьютере полиции.

– Если вас оправдают, вы сможете обратиться с просьбой уничтожить эти архивы, – объяснил мне сотрудник, – а пока добро пожаловать в криминальное братство.

Остаток недели я провел в грязной камере в компании с Гладстоном. Когда он наскучил мне, я стал раздумывать, чего надеется добиться МИ-6 преследованием меня, v Передача

проспекта в руки Мартин не причинила никакого вреда. Он собирал пыль в ее сейфе до того времени, пока федеральный агент Джексон не посетил ее. Даже если бы она показала его важному чину в КГБ, этот проспект был лишь безобидной аннотацией. Мое преследование только усугубило бы положение. При максимальном приговоре – 3 года – я в относительно недалеком будущем был бы снова на свободе, и что тогда? После освобождения я оказался бы без работы и еще более забрызган грязью.

В воскресенье после полудня мне разрешили краткое свидание с отцом, который приехал из Камбрии, привез смену белья и сумку с банными принадлежностями, чтобы я выглядел более презентабельно на следующий день во время слушания об освобождении под залог. Уэдхэм пришел позже вечером, чтобы обсудить мои виды на завтра.

– Я нашел вам очень хорошего защитника, – объявил он. – У Оуэна Дэвиса страстный характер и хорошая репутация как защитника по делам, связанным с политическими правами и правами человека. Он действительно хочет взяться за ваше дело. Это будет для него некоторым разнообразием после ведения дел смертников на Ямайке, – добавил Джон, чтобы подбодрить.

Очевидно, что информационный отдел (I/OPS) при разведке трудился всю неделю, чтобы обеспечить благоприятный для них отчет в средствах массовой информации о моем аресте. А мы готовили ответный удар. Это был предусмотрительный шаг, так как в понедельник утренние выпуски газет и программа "Тудей" на Радио-4 Би-би-си сначала повторили версию МИ-6, что меня арестовали за "продажу секретов". Только после того, как они получили наш материал, масс-медиа скорректировали свои сообщения и уточнили, что я лишь показал австралийскому редактору краткий проспект.

В воскресенье вечером я попросил дежурного сержанта открыть мою камеру рано утром на следующий день, чтобы я мог умыться и побриться. Разрешение было дано, но о моей просьбе "забыли", так что на следующее утро меня отправили в суд – городской магистрат на Бау-стрит в наручниках, небритым и неумытым. Такая тривиальная, но унижающая достоинство маленькая уловка была предпринята, чтобы я выглядел как можно более позорно. Полицейский фургон Группы-4 забрал меня из полицейского участка, а в камере на Бау-стрит их офицеры снова раздели догола и обыскали меня.

– Минут через пятнадцать вы будете на скамье подсудимых, – сообщил мне молодой страж. – Хотите что-нибудь выпить?

Я сел, глотнул немного сладкого чая и попытался почитать

Гладстона.

Наконец дверь открылась, и охранники Группы-4 вошли в камеру, чтобы снова надеть мне наручники. Моя камера находилась в конце длинного коридора, и пока мы проходили мимо камер, лица заключенных прижимались к маленьким глазкам в дверях, чтобы узнать, что происходит.

– Черт, он хорош, – пронзительно прокричала одна из заключенных. – Давай его сюда ко мне, и я его обработаю для вас.

– Молчи, Мери, – ухмыльнулись охранники, захлопнув ее глазок, когда мы проходили мимо.

Уэдхэм ожидал нас в коридоре перед помещением суда с одетым в судейскую форму адвокатом.

– Привет, я – Оуэн Дэвис. – Он протянул мне руку, чтобы поздороваться. На его загорелом запястье был браслет в виде четок, которые так любят судейские приставы. – Почему он в наручниках? – грозно спросил он у стражи, когда понял, по какой причине я не смог ответить на его приветствие.

– У нас инструкция сверху, что он должен явиться в суд в наручниках, – робко ответил молодой охранник. Это была попытка представить меня перед судом в наручниках, небритым, в несвежем трехдневном белье, неумытым и, таким образом, сразу произвести на суд и прессу впечатление неустойчивого типа, каким меня изображал в анонимных пресс-брифингах информационный отдел.

– Нет, так не будет, – парировал Дэвис. Он оттеснил охранников в сторону, чтобы переговорить со мной конфиденциально. – Прежде чем вы появитесь на скамье подсудимых, мы настоим, чтобы с вас сняли наручники. Они стараются настроить судью против вас.

Я никогда не попадал раньше в подобную беду, никогда не обвинялся в насилии и меня никогда не арестовывали за что-либо, кроме как за несколько слов, написанных на пяти листках бумаги, тем не менее со мной обращались, как с настоящим преступником или террористом. Дэвис и Уэдхэм вернулись в суд, чтобы настаивать на снятии с меня наручников, а меня отвели в камеру.

Дэвис выиграл перепалку. Спустя 20 минут с меня сняли наручники перед дверью зала суда, и я вошел с достоинством. Зал был переполнен, все молчали. Я взглянул на галерею для публики, стараясь увидеть отца, но он затерялся среди множества незнакомых лиц. Слева от меня была галерея для прессы, полная репортеров, лица их были мне знакомы по телевидению. Художник из агентства печати уже работал над наброском моего портрета, который мог бы иллюстрировать сообщения из суда в

газетных статьях на следующий день. Рядом с Уэдхэмом и Дэвисом, справа, сидели адвокаты обвинения, среди них был один из официальных представителей МИ-6. Я подумал, может ли он испытывать какое-либо удовлетворение, выдвигая обвинение против своего бывшего коллеги.

Судебный клерк попросил меня встать и подтвердить свое имя и адрес, затем Колин Гиббс – королевский прокурор (CPS) – начал судебное заседание и заявил, что отпустить меня под залог нельзя, так как я, конечно, попытаюсь скрыться от правосудия. Хотя Гиббс признал, что паспорта у меня конфискованы, он пространно и преувеличенно стал говорить о моей хорошей подготовке для работы под чужим именем, нелегального пересечения границ и о намерении подвергнуть угрозе национальную безопасность. После пятнадцатиминутной обвинительной речи встал Оуэн Дэвис и выступил за освобождение под залог. Мой отец предложил в качестве залога документы, подтверждающие права собственности на его дом, а я – на свой. Абсурдно было бы предположить, что ввиду предполагаемого приговора на пару лет тюремного заключения я бы попытался скрыться и тем самым подвергнуть конфискации свое жилье и родительский дом. Как только судья начал свою заключительную речь, стало ясно, что он уже заранее решил оставить меня под стражей.

– Я не сомневаюсь, что вы будете представлять угрозу для национальной безопасности, если вас отпустить под залог, – мрачно заявил он, как будто он уже принял решение прежде, чем выслушал аргументы Дэвиса.

Уэдхэм и Дэвис спустились вниз в камеру навестить меня и выразить свое сочувствие. Заглянув в дверную щель, Джон первым сказал:

– Не удивительно, конечно, что он не разрешил отпустить вас под залог. Судьи страшно боятся Закона об охране государственной тайны. Мы предпримем новую попытку на следующей неделе, – добавил он и хитро подмигнул. – Сохраняйте оптимизм. Вам будет лучше находиться в тюрьме, чем в полицейской камере, там, по крайней мере, есть душ.

Моя жизнь принимала новый оборот, который совсем недавно казался немыслимым. Пока тюремный фургон Группы-4 вез меня к югу, к тюрьме Брикстон, он миновал мост Воксхолл, откуда было видно здание моего прежнего хозяина. Я посмотрел в оконце на это здание, и мне припомнились лучшие времена; в голове промелькнула череда событий, которые привели меня к этой ситуации. Всего за несколько лет из обладателя удостоверения EPV, которому доверяли секреты, недоступные

самым высоким чиновникам, я превратился в грязного растрепанного заключенного, направляющегося в одну из самых печально известных и грязных лондонских тюрем.

x x x

– Ну ты, следуй за мной.

Я взглянул на тюремщика с татуировкой, вошедшего в наполненную табачным дымом камеру, где меня держали с момента прибытия в Брикстонскую тюрьму час назад. В камере находились также еще двое заключенных. Один из них был итальянец, прижимавший к себе спортивную газету двухдневной давности; он не говорил ни слова по-английски и был ошеломлен происходящим вокруг него. Другой, с серым, потным, одутловатым лицом, сидел, подложив под себя руки, и медленно покачивался взад-вперед, его молчание время от времени прерывалось затрудненным дыханием.

– Эй, ты. – Охранник указал на меня. – Ведь ты Басидон, брат Джеймса Бонда? – засмеялся он смешком курильщика своей неясной шутке. Итак, на время пребывания в Брикстонской тюрьме меня окрестили этим хорошо известным именем. – Забирай свой мешок и не вздумай выкинуть какой-нибудь фортель вроде взрывов бананов или других штучек агента 007.

Я взял свою маленькую сумку с запасным бельем, принесенным отцом, последовал за ним вниз по коридору для оформления процедуры поступления.

Мое знание тюремной жизни ограничивалось впечатлениями от телевизионных передач и некоторыми другими отрывочными сведениями. Я решил, что лучше всего будет прикинуться "сереньким человеком", следовать тактике, которой нас учили в разведке. Быть спокойным, внимательным, ни с кем самому не заговаривать, пока с тобой не заговорят, исполнять быстро все инструкции. Оформление поступления заняло почти весь день, каждый этап отделялся от предыдущего долгим ожиданием в дымном помещении вместе с моими новыми сокамерниками.

– Понедельник всегда очень занятой день, – объяснил один из тюремщиков по пути в смотровую комнату, – потому что за неделю забирают много пьяниц и наркоманов.

В смотровой комнате был рентгеновский аппарат, как в аэропортах, фотоаппаратура и большой резиновый мат, на который мне приказали встать.

– Итак, твой тюремный номер BX5126, который тебе лучше сразу запомнить, – объяснил он, – так как вся твоя переписка

должна иметь этот номер, или она отправится сразу в корзину. Вынь все из карманов и из этой сумки на стол, затем встань обратно на мат, – приказал он.

Мои вещи мгновенно осмотрели. Кошелек, деньги, кредитные карты, телефонные карточки, марки и все, что можно было бы обменять, конфисковали и зарегистрировали в моем личном деле. Мою банную сумку опустошили, бритву конфисковали и зарегистрировали, а зубную пасту, шампунь и крем для бритья выбросили.

– Мы не знаем, что в них было, там могла быть всякая дрянь, – объяснил охранник. Все свежие фрукты, принесенные мне отцом, последовали туда же.

– Ну что ж, полный стриптиз, – тюремщик употребил ту же испытанную шутку, которую я уже слышал и еще много раз услышу. Мое белье проверили рентгеном и только тогда разрешили мне его снова надеть. После фотографирования и взятия отпечатков пальцев меня препроводили в другое помещение дожидаться медосмотра.

Многие заключенные попадают в тюрьму в плохом физическом и психическом состоянии. Некоторые из них наркоманы и нуждаются в медикаментозном лечении, чтобы выйти из наркозависимости или даже чтобы избежать самоубийства в начале длительного срока заключения. Медицинский осмотр обязателен, прежде чем заключенного могут направить в одно из тюремных зданий, для его собственной безопасности; а также безопасности других. Два офицера-медика в медпункте уже знали обо мне.

– Не верится, что они упрятали тебя в тюрьму, – прокомментировал фельдшер, осматривая мои руки в поисках следов инъекций или попыток к самоубийству.

– Они сами себе устроили геморрой, поместив тебя сюда лишь за то, что ты написал книгу.

Огромный молодой тюремщик, наблюдавший за осмотром на случай, если попадется буйный заключенный, довольно хихикнул, соглашаясь.

– Идиотизм. Но есть в этом и что-то хорошее, по крайней мере, ты сможешь дописать еще одну главу к своей книге, когда выйдешь отсюда.

Оформление наконец закончилось, около 18.30. Схватив черный мешок с немногими оставленными мне вещами, я пошел за двумя тюремщиками по длинному коридору. Уловив запах несвежей капусты, какой обычно шел из кухонь в школе "Барнард-Касл", я угадал, что они ведут меня в столовую.

– Возьми себе какой-нибудь жратвы, – приказал тюремщик,

когда мы вошли в помещение, заставленное столами и скамьями. Человек десять заключенных уже ели с металлических подносов. В столовой царила тишина, прерываемая изредка ворчливой просьбой дать соль или добавки пищи. Я встал в очередь за рисом, мясной похлебкой и куском белого хлеба, смазанного маслом, сел со своим подносом за стол. Итальянец все еще прижимал к себе газету, внимательно изучая этот несъедобный обед. Рядом с ним одетый в безупречный новый костюм нигериец читал Библию, шевеля губами при каждом слове. В углу выделялся своим видом модно одетый пожилой мужчина, на вид ему было далеко за 60. По сердитому выражению его лица можно было угадать, что он категорически не согласен с вынесенным ему приговором. Ближе всех ко мне сидел наркоман, который показал себя трусом в комнате ожидания. Он слегка улыбнулся:

– Бычка нет? – спросил он хриплым голосом.

– Извини, не курю, – тихо ответил я, не желая нарушать тишину.

– Счастливый, ублюдок, – ответил он. – В тюрьме гораздо легче тем, кто не курит. И особенно если ты не употребляешь травку. – Он слегка хохотнул, но тут у него начался спазм, и какое-то мгновение я думал, что он может отдать концы.

– Томлинсон, иди сюда, – прокричал от входной двери тюремщик с татуировкой. Я встал и подошел к нему, оставив поднос на столе. – Поскольку тебя записали в книгу, мы должны тебе надевать наручники, когда поведем вниз, во флигель. – Опытным движением он схватил мою кисть и надел наручник на мою и свою руку, а другой огромный бородатый тюремщик проделал то же самое с другой рукой. Когда они вывели меня во двор, на сырой воздух туманного лондонского вечера, чтобы пройти небольшое расстояние до соседнего здания, я хотел было спросить, о какой "книге" шла речь, но потом решил промолчать. Когда мы проходили мимо забора в 20 футов высотой с колючей проволокой, освещенного гнетущим желтым светом ламп, стражи, очевидно, угадали мои мысли.

– Сожалеем, но мы должны так действовать. Ты на заметке в книге. Понимаешь, что это значит?

– Нет, – ответил я, предполагая, что это что-то плохое.

– Ну это значит, начальник решил, что ты заключенный категории А, в отличие от категорий В, С и Д, то есть что ты являешься крайне опасным для государства.

Что до меня, то немного смешно относить такого парня, как ты, к А-категории, – объяснил татуированный.

– Но, черт возьми, кто нас спрашивает? – сказал борода со смешком.

Камеры во флигеле "С" размещались на трех лестничных площадках вокруг центрального атриума, были огорожены металлической сеткой на каждом этаже, чтобы не допустить убийств или самоубийств. Меня приписали к камере 32. Краска на ступенях недавно подновленного корпуса была еще яркой.

– Устраивайся как дома, – пошутили тюремщики, снимая с меня наручники. – Тебе повезло, что ты в книге, хоть не надо будет соседствовать с какой-нибудь швалью.

Дверь захлопнулась, и я остался в одиночестве. Мой новый дом был маленьким, одиннадцать на семь футов с двумя нарами около одной стены, зарешеченным окном с видом на внутренний двор, куда выводят на прогулку, умывальником и открытым туалетом у другой стены.

Я устроился как можно удобнее. Распаковал белье и книги, которые мне разрешили оставить, сложив все в маленький настенный шкаф. Пластиковые нож, вилка и ложка, выданные мне в приемной, отправились на подоконник. На полу были окурки, которые я убрал с помощью швабры и бросил в ведро в углу. Затем я впервые за три дня помылся и приготовил постель на верхних нарах, постелив чистое, хотя и ветхое белье. После трех ночей в камере в полиции простыни и подушка показались мне блаженной роскошью, и я хорошо спал.

Нас отперли в 9 часов утра на следующий день. Не зная, что делать, я несколько минут наблюдал через приоткрытую дверь. Другие заключенные толпой спешили по металлической лестнице на первый этаж, к кухне. Я присоединился к ним и поспешил встать в очередь за горячим завтраком, который подавался на металлическом блюде. Завтрак мы забирали к себе в камеру и там съедали. Остальную часть дня я старался, как только мог, разобраться в массе рутинных правил. Никто не объяснил мне мириады мелких особенностей тюремной жизни и тюремный жаргон. Надо было наблюдать и учиться. В 10 утра двери снова открыли для дневных упражнений, одночасовой прогулки по двору, в который выходили окна моей камеры. За время прогулки у меня была возможность понаблюдать за другими заключенными, как они шатались по двору без дела маленькими группами или прислонялись к окружающему двор забору, чтобы выкурить самокрутку. Одни смеялись и шутили, другие выглядели мрачными и подавленными. Кое-кто из заключенных слышал по радио, что меня посадили в Брикстон и подходил ко мне поговорить. Никто не верил, что меня арестовали за книгу.

– Проклятая свобода, вот что, – откомментировал один лысый, похожий на кокни, руки его были в ужасных шрамах от попыток покончить с собой.

В течение дня я подхватил некоторые тюремные словечки. Я узнал, что слово "ассоциация" означало ежедневный свободный час, когда нам разрешалось выйти из камеры, принять душ, посмотреть телевизор или просто поболтать с другими заключенными. "Столовка" означало не столовую, как в армии, а раз в неделю разрешение покупать фрукты, сладости или табак в тюремном магазинчике. Чтобы перейти на другой этаж, полагалось спросить разрешения у тюремщика, сторожившего мой этаж, это был веселый индус, курящий сигары, от него всегда пахло виски. Я обнаружил, что разрешалось посещать разные мастерские и курсы в течение двух часов в день. Я записался в музыкальный кружок, и мне стало казаться, что судьба моя не такая уж тяжелая.

Однако власти думали иначе. В тот день во время вечерней "ассоциации" за мной пришли два тюремщика и препроводили меня в кабинет начальника этого корпуса на первом этаже. Стражи стояли за моей спиной, а начальник, угрюмый шотландец, пренебрежительно обратился ко мне, сидя за тяжелым металлическим столом.

– Томлинсон, как вам известно, мы записали вас в категорию А. Если министерство внутренних дел утвердит это решение, тогда придется вас перевести из Брикстонской тюрьмы, так как у нас нет условий для содержания таких осужденных, как вы.

На следующее утро, в среду, 5 ноября, мое положение как заключенного категории А подтвердилось. Два тюремщика зашли ко мне в камеру, раздели меня и обыскали, приказали переодеться в дорожную тюремную одежду и надели наручники.

– Куда меня поведут? – спросил я.

– Мы не можем вам этого сказать, а если скажем, то мы должны будем вас прикончить.

Я принудил себя улыбнуться их шутке, мне такие шутки пришлось выслушивать еще не раз.

Я просидел два долгих часа в приемной, пока наконец не открылась дверь и мой эскорт не приказал мне встать, чтобы поправить наручники.

– Извиняемся за задержку, была проблема с вертолетом эскорта, – объяснил один из них. Я подумал, что он пошутил, но позднее узнал, что вертолет эскорта – нормальное сопровождение для всех преступников категории А при их перевозках. Меня вывели в серый осенний день к ожидающему тюремному фургону НО, а не Группы-4.

– Залезай, – приказал тюремщик, подтолкнув меня на ступенях в одну из маленьких ячеек, где с трудом можно было сесть. Когда убедились, что я надежно устроен, мою кисть

освободили и дверь быстро закрыли на засов. Через несколько минут мотор фургона заработал, и мы поехали. Хотя крошечное окошко было затемнено и бронировано, я заметил, что мы по южной кольцевой дороге повернули на восток, но постепенно я потерял ориентировку, поскольку мы ехали по незнакомым мне местам восточного Лондона.

Глава 13. Тюрьма строгого режима

Среда, 5 ноября 1997 г.

Белмарш, тюрьма НМР.

Пожалуйте в Белмарш, тюрьму Ее Величества, – объявил мой сопровождающий, открывая кабину и надевая наручники на левую кисть. – Тебе понравится здесь... а может быть, и нет, – хмыкнул он, вытащил меня из фургона на мрачный тюремный двор и провел через усиленно охраняемые ворота в приемную. Процедура приема здесь проводилась более тщательно, чем в Брикстоне, а раздевания, обыски и рентген применяли на каждом этапе. Еще часть моих вещей посчитали не положенными, включая белую рубашку и черные брюки.

– Они слишком похожи на форму офицера, – резким тоном пояснил мне страж. Мой ежедневник с картой лондонского метро тоже попал под запрет, так как он может пригодиться, если ты убежишь. В отличие от Брикстона, где добродушная болтовня оживляла обстановку, в Белмарше процесс досмотра проводился в угрожающей тишине. Вся процедура, казалось, заняла несколько часов, после чего мне приказали подписать протокол и препроводили с моими оставшимися пожитками вниз по лабиринту через блеклый и холодный коридор в камеру 19, отсек 1, блок 4.

Тюрьма Белмарш – одна из пяти тюрем в Великобритании, оборудованная для содержания особо опасных преступников категории А, она начала функционировать в 1991 году и рассчитана приблизительно на 900 заключенных. Большинство из них подследственные, ожидающие суда, который проводится в особо охраняемом помещении, связанном тоннелем с тюрьмой. Если их признают виновными, то направляют в одну из тюрем для осужденных на длительный срок – такие, как Дэрхем, Паркхерст, на острове Уайт или в Лонг-Саттон в Средней Англии.

Белмарш является также местной тюрьмой для юго-восточного района Лондона, поэтому в ней содержатся и осужденные на короткие сроки за незначительные преступления. Из-за сурового режима и особой системы охраны заключают в Белмарш также тех, кто совершает нарушения в более комфортабельных тюрьмах. Тюрьма построена на осушенном болоте, которое из-за обилия крыс и москитов не считалось подходящим местом для нормального жилищного строительства. Четыре тюремных корпуса расположены по углам большого квадрата, а вдоль его сторон находятся другие службы, необходимые для функционирования тюрьмы: приемное

отделение, комнаты для свиданий, часовня, спортивный зал, больница, кухня и мастерские. Каждый корпус – это надежно укрепленная самостоятельная единица. Охранная аппаратура, известная как "пузырь", контролирует лишь вход, состоящий из двух тяжелых дверей с электронным управлением, никогда не открывающихся одновременно. Каждая дверь снабжена видео-интеркоммуникацией, и офицер управления в "пузыре" может отключить ее, если он узнает входящего чиновника. Внутри корпуса три коридора ведут через двери с видеокамерами из маленького центрального атриума в горячий блок, где раздают обеды. Имеются также выходы с проходом через металлический детектор и электронные двери с видео, чтобы охранять помещения для визитов адвокатов и родственников к заключенным категории А, и выход во двор.

Я ничего этого не знал. Я бросил сумку в угол камеры 19 после двух часов дня, сел на запятнанный матрац и осмотрел мое новое жилище. Оно было мрачным и грязным, хотя немного больше, чем в Брикстоне. В тяжелой металлической двери на уровне глаз было маленькое окно из толстого пластика. Оно прикрывалось скользящей крышкой, которая открывалась лишь снаружи. Небольшое зарешеченное окно выходило во двор для прогулок, по которому бесцельно бродили несколько заключенных. Двор обнесен забором высотой 20 футов, а над ним – шатер из кабелей против вертолетов. Железная кровать привинчена к полу, а над ней прикреплен к стене шкафчик. Напротив стояли привинченные железный стол и скамья. В углу помещался грязный унитаз со сломанной крышкой. В отличие от Брикстона туалет здесь был расположен так, чтобы вас не было видно, когда тюремщик внезапно открывал глазок в двери, однако имелось еще и боковое окошко, дающее обзор углов, чтобы у заключенного не было укрытия. Между туалетом и дверью находился фаянсовый умывальник, который, казалось, не мыли уже несколько месяцев, а над ним висели исцарапанное небьющееся пластиковое зеркало и звонок, для вызова охраны в случае чрезвычайной ситуации. Окрашенные в желтый цвет мрачные стены были испачканы плевками, маслом, раздавленными комарами, высохшими соплями, каплями зубной пасты, которую предыдущие обитатели использовали для приклеивания объявлений. "Метадон высасывает из тебя жизнь" – было нацарапано чьей-то нетвердой рукой на стене, над кроватью. Другое, более жизнерадостное послание напоминало обитателям: "Не забывай, что каким бы долгим ни был срок, ты в конце концов выйдешь". Под шкафчиком незамысловатая молитва на испанском.

Высоко на всех четырех стенах виднелись образчики крестов и арабские слова, размещенные там каким-то мусульманином в качестве пособия для молитв. Над унитазом большими детскими буквами был нацарапан лозунг на турецком языке. Мне не хотелось распаковываться в такой грязи. Лежа на голом матраце, я прислушивался к приглушенным звукам тюремной жизни. Обитатели перекликались друг с другом, иногда посмеиваясь, иногда8 ругаясь. Было слышно, что где-то внизу играли в пульку, доносились возгласы на иностранном языке. Из соседней камеры раздавался скрежещущий звук – кто-то, как маньяк, скреб пластиковой ложкой по кружке, затем послышалось довольное насвистывание мелодии из "Монти Питона": "Всегда смотри на светлую сторону жизни". Каждые полчаса дверное окошко открывалось, и пара глаз в течение нескольких секунд обшаривала мою камеру, затем крышка снова захлопывалась. Около 6 часов вечера звон тяжелых ключей возвестил, что камеры отпираются. Выглянув, я увидел, что другие заключенные торопятся занять очередь в столовую на первом этаже. Схватив свою пластиковую кружку и приборы, я поспешил к ним присоединиться. Когда я вернулся, меня снова заперли, и я в тишине и одиночестве собирался есть то, что мне положили на большую тарелку. Еда была не такой уж плохой, как я опасался. Тушеное мясо с картошкой, овощи и рис, свежий пудинг с кремом, большая стопка намазанного маслом хлеба, кружка кипятка, чтобы сделать чай или кофе, яблоко и маленький пакет с корнфлексом и молоко для завтрака на следующее утро. На короткое время нас отпирали, чтобы собрать грязную посуду, а через несколько часов отпирали снова, так как в большой емкости привозили для питья кипяток. Это был вечер Гая Фокса, и я лежал на кровати, потягивая из кружки какао и прислушиваясь к звукам фейерверков, доносящихся из расположенных неподалеку домов.

– Эй ты, сосед, передай это дальше, – раздался хриплый голос. Я присел, размышляя, относятся ли эти слова ко мне. – Эй ты, новичок из соседней камеры, хватай это и передай дальше.

Шуршание в углу напротив унитаза привлекло мое внимание. Тонкий, тщательно свернутый обрывок газеты выглядывал из узкой щели между трубой и бетонной стеной, отделяющей мое жилище от жилища соседа. Я втянул пакетик к себе в камеру.

– Обязательно передай его дальше, – нетерпеливо потребовал бестелесный, голос. Любопытство взяло надо мной верх, и я развернул газету – там был твердый кристаллический порошок. Я снова его завернул, подошел к противоположному углу, где находилось такое же отверстие, и протолкнул через него пакетик. Кто-то жадно схватил его. Через 10 минут, когда наркотик

подействовал, к трескотне и грохоту от ближайших фейерверков добавилось хриплое пение моего соседа под музыку группы "Оазис", которая звучала по радио.

На следующее утро, как только отперли наши камеры, у моей двери появилась личность с коротко остриженными волосами.

– Слышь, новенький, когда я тебе сую что-нибудь, ты шевелись, ладно?

– Извините, я недавно здесь, я не знал. Он уставился на меня подозрительно, услышав мою грамотную речь.

– Ты за что здесь? – спросил он, и тогда я объяснил ситуацию. – На днях я слышал о тебе по радио, – воскликнул он, и на его суровом, мрачном лице появилось выражение восхищения. – Ты не против, если я зайду к тебе поболтать? – Он сел на мою кровать и, назвавшись Полом Добсоном, объяснил, что его держат в тюрьме якобы за убийство главаря конкурирующей на почве нелегального алкогольного бизнеса в Дувре группы. Выяснилось, что он учился в школе малолетних нарушителей в Деерболте, всего в миле от "Барнард-Касл". Он уже отбыл до этого несколько лет в тюрьме в Дэрхеме, поэтому шесть месяцев пребывания здесь под следствием было для него пустяком.

– У меня будет та еще жизнь, если меня осудят, но я не виновен, – произнес он с надеждой.

Другой мой сосед наконец вылез из своей камеры, чтобы набрать в кружку кипятка, когда открыли двери во время ланча. Глаза у него были красные, и он все время моргал. Он сунул свою бритую, в шрамах, голову ко мне, когда я готовил чай.

– Эй, сосед, извини за вечерний шум. Я совсем спятил вчера. – Он потер свои мутные глаза. – Я Крэгси, – сказал он, протягивая мне руку. Крэгси прищурился, когда я назвал себя. – Так ты еще?..

Я не понял его вопроса, но догадался, что это что-то нехорошее, и ответил:

– Думаю что нет.

Он ухмыльнулся, показав ряд сломанных зубов:

– Это хорошо.

Незадолго до поступления в тюрьму, он отбывал наказание – 12 лет заключения – за вооруженное ограбление, но во время перевода из одной тюрьмы в другую он с тремя другими преступниками убежал из фургона, оглушив водителя и охранников. Сейчас Крэг находился в предварительном заключении в ожидании, во что обойдутся ему две недели свободы, которыми он наслаждался, пока его не поймала полиция. Из-за побега он получил категорию Е с "полосами" – хлопчатобумажную робу с несмываемыми желтыми полосами на груди и спине.

Обычно новички проводили свою первую неделю срока в приемном флигеле, отсек 2, корпус 1, чтобы выучить тюремные правила с помощью короткой шоковой тактики. Заключенные прозвали этот флигель "Бейрут", так как условия там были настолько ужасные, а дисциплина настолько мелочно строгая, что другой флигель казался сравнительно роскошным. Я был лишен этой привилегии, потому что "Бейрут" считался недостаточно надежным для особо опасных преступников категории А. Обычно заключенные моей категории имели уже достаточно богатый тюремный опыт, мне же приходилось учить правила и распорядок тюрьмы Белмарш методом проб и ошибок. Я скоро узнал, что день начинается в 8.30, когда на 20 минут открывали камеры, чтобы получить почту, записаться в спортивный зал и на телефонный разговор, заглянуть к дежурному врачу или, по пятницам утром, принять душ на верхнем этаже.

Утро моего второго дня в Белмарше было омрачено следующим событием. Слабый рассеянный свет еле пробивался через грязное зарешеченное окно в душевой. Чтобы не запачкаться еще больше и избавиться от мух, я нажал одну из кнопок около двери в надежде, что зажгутся флуоресцентные лампы под потолком. Внезапно раздались – громкий гудок и шум бегающих тюремщиков этажом ниже, так как заревели сигнальные звонки у них на поясах.

– Где? Что случилось? – кричали они, вбегая по лестнице на этажи. Тяжелые двери из центрального атриума отворились и впустили из соседних отсеков подкрепление тюремщиков с дубинками наготове.

– Эй парни, сейчас же в камеры! – бегая по этажам, кричали они тем, кто оказался в коридорах, и захлопывали за ними двери. Несколько секунд я наблюдал за ними с любопытством, потом поспешил к себе в камеру. Через дверное окно я видел, как взволнованные охранники бегали повсюду и что-то искали. Не понимая, что случилось, я решил потом спросить Добсона.

Когда минут через 40 нас снова выпустили, жизнь вернулась в прежнюю колею. Снова стоя в душевой с полотенцем через плечо, я теперь с большей осторожностью смотрел на выключатели. Под той кнопкой были вырезаны слова: "Общая тревога".

– Ты – болван, эти кнопки – только если подерутся или что-то такое, – объяснил мне Добсон в очереди за обедом и усмехнулся: – Если бы они засекли тебя, ты бы получил неделю в одиночной камере или заперли бы тебя в твоей, забрав на день матрац, без прогулки, не разрешили бы ни с кем говорить, ничего не дали бы читать, кроме Библии, дурья твоя голова.

По тюремным правилам нам разрешалось общаться в течение часа ежедневно, утром или вечером. Двери наших камер запирались за нами, чтобы мы не могли собираться в камерах группами, также были закрыты верхние этажи, поэтому все сто заключенных в этом отсеке толпились на небольшом пространстве нижнего этажа. Можно было поочередно поиграть в пул или настольный футбол, постоять в очереди у телефона или посидеть и поболтать за чашкой чая. Всегда возникала драчка за лучшее место перед телевизором, а затем жаркий спор о том, какой канал включать. Самыми популярными передачами были детективы с полицейскими, такие, как "Билль", который Крэг назвал "учебным видео", а "Криминальные новости" на Би-би-си они смотрели с большим интересом, надеясь увидеть кого-нибудь из своих друзей. Бесспорной любовью всех, однако, была программа "Поп-звезды", которую передавали вечером по пятницам, хотя мы могли смотреть ее лишь раз в две недели, когда время наших посиделок совпадало с этой программой.

По субботам и воскресеньям нам разрешалось по два часа общения утром и вечером каждый день. Это была роскошная привилегия. Ежедневно нам полагалась разминка в течение часа на голом бетонном дворе, если не было дождя, а по воскресеньям, если тюремщики проявляли щедрость, это время удваивалось. Существовало еще несколько возможностей для заключенных выбраться из своих камер.

Находиться запертым в камере 24 часа в сутки было утомительно и жестоко. Даже имея интересное чтение, трудно было забыть, что самые основные свободы, такие, например, как возможность встать и приготовить себе чашку чая, отняты.

Поскольку я числился в особо опасных, меня ограничивали и за мной пристально следили во время свободных часов. Каждый шаг за пределами камеры: прогулка ли во дворе, очередь за едой или телефонный звонок – все записывалось в маленькую черную книгу мистером Ричардсом, всегда бодрым старшим офицером, ответственным за наш отсек. Нам нужно было в письменном виде испрашивать позволение на самые элементарные вещи: постричь волосы или отрастить бороду. Даже на это требовалось письменное разрешение начальника тюрьмы. Заявление надо было подавать заранее, даже если нужны были ножницы постричь ногти, а когда их приносили, то тюремщик следил за этой процедурой. Мое положение особо опасного преступника категории А оставалось загадкой и предметом для шуток заключенных. Даже мистер Ричардс не мог понять логику такого решения.

– Они обделались, записав тебя в книгу, – рассмеялся он. – Ты

никогда раньше не был в тюрьме, и за какое-то конторское преступление тебе присвоили категорию особо опасного преступника! Я думаю, кто-то наверху, имеет на тебя зуб.

На утро 10 ноября было назначено второе слушание По поводу моего освобождения под залог в суде на Бау-стрит. Еще не рассвело, когда два тюремщика разбудили Меня в 6 часов утра, чтобы начать знакомую процедуру раздевания и обыска – один раз в камере, другой раз в приемной, пока мою одежду просвечивали рентгеном.

– Мы начали несколько заранее до прибытия полицейского эскорта, поэтому вам придется ждать, – объяснил один из тюремщиков через щель после того, как он запер меня в небольшом помещении в задней части полицейского фургона. – Если ты там обмочишься, то будешь неделю убирать в корпусе, когда вернешься.

В помещении сильно пахло мочой – очевидно, предыдущий ее обитатель оказался в отчаянном положении.

В камере на Бау-стрит я пробыл всего несколько минут, когда глазок открыли и на меня уставились чьи-то глаза. На этот раз, однако, со мной вели себя интеллигентно и дружелюбно.

– Королевский прокурор хочет, чтобы вы предстали перед судом в наручниках, – объяснил Дэвис. – Я собираюсь выдвинуть аргументы в пользу того, чтобы с вас их сняли.

Он снова выиграл в этом споре, и спустя полчаса охрана довела меня в наручниках до входа в зал суда, затем их сняли, чтобы я сам мог зайти на скамью подсудимых. Дэвис начал выступать первым. Мой адвокат, как друг, предложил в качестве дополнительного залога свою собственную квартиру, помимо моей квартиры и отцовского дома, общей стоимостью 500.000 фунтов стерлингов. После недельного пребывания в тюрьме Белмарш мне очень хотелось выиграть дело.

Колин Гиббс, представитель обвинения, объявил, что у него есть свидетель – эксперт, и попросил у судьи разрешение дальнейшие слушания сделать закрытыми. Просьба была удовлетворена, и судебные клерки освободили галереи от журналистов и публики, так что только я, Дэвис и Уэдхэм, Гиббс, его помощник и председательствующий судья остались в зале. Свидетелем-экспертом оказался второй мистер "Халлидей", который нанимал меня. Он нападал на меня, придумывая фиктивные причины моего увольнения. Я с трудом сдерживался, так как боялся упустить малейший шанс для получения разрешения на освобождение под залог. Однако стало ясно, что его показания рассеяли какое бы то ни было сочувствие к моему положению, даже если бы судья его имел. Это и подтвердилось,

когда он встал через несколько минут для оглашения приговора в пользу спецслужб.

Дэвис и Уэдхэм спустились ко мне в камеру, чтобы выразить сочувствие через маленькую щель в двери.

– Они решили не отпускать вас на поруки не потому, что боятся, что вы можете скрыться, а потому, что хотят, чтобы вы признали себя виновным, – объяснил Уэдхэм. – Они уверены, что пока вас держат под стражей, вам придется прождать суда по крайней мере год из-за перегрузки судов, но если вы признаете себя виновным, слушание в суде для оглашения приговора смогут втиснуть через несколько недель. Вы получите более короткий срок, и с вас снимут категорию А – особо опасного преступника.

– Итак, они сумели добиться, чтобы начальник тюрьмы в Белмарше присвоил мне категорию А и не отпустили меня под залог, чтобы я провел целый год в жестких условиях, раз я отказался признать себя виновным, – уточнил я.

– Именно так, – вставил Дэвис, – они хотят избежать неловкого положения в суде присяжных, который вы, возможно, выиграли бы, и поэтому стараются сделать вариант как можно более неприятным. Еще более неловкой была бы для них ситуация, если бы вы вышли сразу после суда.

Максимальный срок мог бы быть два года и автоматически был бы сокращен на половину за примерное "сведение в тюрьме. Поэтому я, возможно, вышел бы сразу после осуждения.

– Они явно делают все, чтобы заставить вас признать вину, так как понимают, что любой суд присяжных из нормально мыслящих англичан стал бы вам сочувствовать и оправдал бы вас, – добавил Дэвис.

В тот день у меня было много времени для размышлений над выбором. Из-за отсутствия тюремного фургона для столь опасных преступников, как я, мне пришлось пять часов прождать в спартанских условиях в камере при суде, сидя на деревянной скамье и не имея ничего для чтения. Мысль о неизбежности пребывания в Белмарше в ожидании моего славного дня в суде присяжных была не особенно приятной, так как даже неделя там показалась мне за месяц. С другой стороны, если бы я признал себя виновным, то судья автоматически сократил бы мне срок, и мне пришлось бы просидеть в тюрьме максимум восемь месяцев и, возможно, не как особо опасному преступнику и не в таком строгом режиме, как в Белмарше. Мысль о капитуляции перед МИ-6 раздражала, но этот вариант был более прагматичным. Когда я вернулся в знакомую обстановку в тюрьме Белмарш с ее обитателями – ворами и сумасшедшими, я все же понял, что признание вины было бы наиболее разумным вариантом.

Одним из последствий решения Маргарет Тэтчер конца 1980-х годов о закрытии психиатрических больниц в Англии было переполнение тюрем страны бывшими пациентами этих заведений. Выставленные из больниц для хронических больных, они не могли справиться с жизненной ситуацией и становились преступниками. В тюрьмах не было условий для содержания и лечения психически больных, следовательно, их здоровье ухудшалось. В связи с тем, что другие тюрьмы использовали Белмарш как свалку для содержания трудных заключенных, "чудиков" у нас было более чем достаточно. Большинство из них – безвредные и забавные, как, например, Эрик Мокаленни – тронувшийся" молодой нигериец с типичной историей. Он был осужден за нападение на полицейского офицера, когда его арестовали за появление в голом виде перед Букингемским дворцом. В тюрьме его психическое состояние ухудшилось. Однажды после обеда он пришел ко мне в камеру и назвал себя.

– Здравствуйте, мистер Томлинсон, я мистер Эрик Мокаленни. Не могли бы вы дать мне почтовую марку, я должен написать принцессе Анне, – сказал он и улыбнулся, показав большие белые зубы. Он обратился с просьбой так вежливо, что я почувствовал себя обязанным помочь ему. Он любезно поблагодарил меня и, просияв, поспешно ушел. Вскоре после этого молодой охранник, приставленный присматривать за ним, остановил меня и сказал:

– Томлинсон, больше марок ему не давай. Он пишет по три письма в день принцессе Анне, предлагая ей открыть совместно в Нигерии ферму по выращиванию креветок, и на этот раз он послал ей формы с приглашением.

Большинство выходок Мокаленни не вызывало раздражения ни у заключенных, ни у охранников, но некоторые из его фортелей утомляли. Другой заключенный, по имени Стонли, провел в психиатрической больнице девять лет, прежде чем его выбросили на улицу под "присмотр общества". Бездомный, никому не нужный, он совершил несколько мелких ограблений и, наконец, попал в тюрьму Белмарш, где ни с кем не разговаривал, никогда не мылся и не брился и не менял одежду. Во время часов общения он с яростным видом ходил по кругу на лестничной площадке, схватив себя за бороду и что-то бормоча себе под нос. Из-за того, что от него шел неприятный запах, как от скунса, к нему никто не подходил, и поэтому ему не грозили скандалы и избиения.

Посещения тюремного спортзала были для меня отдушиной, как и для других заключенных. В те дни, когда охранников было достаточно, чтобы присматривать за нами, все, кто хотел встать в

очередь и записаться у мистера Ричардса, могли вместо прогулки по двору пойти в спортзал. В хорошо оборудованном зале мы могли тренироваться, играть в бадминтон, в минифутбол командами из пяти игроков, в теннис. Я занялся программой "фитнес" на тренажере Консепт-II, имитирующем греблю, "преодолевая" расстояние в 5 или 10 тысяч метров за раз, а по воскресеньям за двойное время и 20 километров. Такое времяпрепровождение служило лучшим противоядием в остальном бесцельному и бесполезному пребыванию в тюрьме.

Нам разрешали покупать на свои деньги ежедневные газеты и пару журналов в неделю. Стопки газет, заказанных в ближайшем киоске, складывали в приемной. Запрещены были лишь порно– и криминальные журналы. Мы с нетерпением ждали газет, которые поступали перед обедом, чтобы просмотреть их прежде, чем торговать ими на стихийно возникшем рынке, в очереди за обедом. Газеты, а также маленький радиоприемник, разрешенный в моей камере, помогали мне следить за событиями за стенами тюрьмы. В средствах массовой информации широко освещались мой арест и отказ отпустить меня под залог. Материалы в прессе стали менее критичными, когда враждебность, раздутая секретной службой, утихла и правда о моем незначительном проступке вышла наружу. В сообщениях проявлялось больше сочувствия по мере того, как мне отказывали в разрешении на освобождение под залог.

– Эй, Рич, я теперь более знаменит, чем ты, – прокричал однажды утром бодрый ливерпулец с головой, похожей на луковицу, широким лицом и прядью жестких волос, размахивая газетенкой. Попасть в газету считалось престижным у заключенных, и он гордо показал мне статью о себе. Он принадлежал к одной из банд, которая совершила ряд вооруженных нападений на дома богатых семей в провинции и ограбила их. Приговор членам банды был вынесен за день до того, как они уже год просидели в заключении. Источником его гордости явилась статья в "Миррор" на двух полосах с их фотографией.

– Что ты получил? – спросил я.

– Шестнадцать лет, – бодро ответил он, свертывая сигарету. – Подонок судья использовал числа своего лотерейного билета. Стив получил двадцать пять, Нейл – девятнадцать, Оуэн – двадцать два, – добавил он. – Однако, если посмотреть оптимистически, учитывая мое примерное поведение здесь, то пройдет всего лишь четыреста восемнадцать программ "Поп-звезды" прежде, чем я окажусь на свободе. – Он засмеялся и зажег самокрутку. Его беззаботный оптимизм вселил в меня бодрость.

По сравнению с этим что такое год или два тюрьмы?

Как-то однажды ноябрьским утром, хотя было уже 8.30, не слышалось звона ключей и шума открываемых дверей. Прошло несколько минут, и заключенные дали знать о своем растущем нетерпении, стуча железными ведрами для мусора по дверям камер.

– Что такое? – крикнул я Добсону через дыру около трубы.

– Не знаю, узнаю – скажу! – Он спросил своего соседа и через несколько минут прокричал обратно: – Какой-то парень из другого отсека, кажется Коллиган, прикончил себя ночью, дурья голова. Охранники нашли его сегодня утром.

– Каким образом? – спросил я. В Белмарше совсем не легко было покончить с собой. Не было никаких острых предметов, чтобы разрезать вены, нельзя было спрыгнуть с лестничных площадок, так как все огорожено, не было и веревок, чтобы повеситься.

– Очевидно, он разорвал простыню, завязал ее на шее жгутом и переворачивался на кровати, пока не задохнулся, – ответил Добсон. Я мало знал Коллигана, парня лет 20, сидевшего в ожидании суда за якобы убийство жены миллионера. Меня эта весть опечалила. Доказательства против него были очень веские, и он ожидал, что его приговорят к пожизненному заключению.

– Парням вроде него, которые не хотят жить, надо бы дать возможность просить о смертной казни, – хрипло добавил Добсон. – Несправедливо подвергать их такой душевной пытке, чтобы они кончали жизнь самоубийством.

Нам не открывали камеры, пока врач не закончил осматривать Коллигана и не констатировал смерть, пока не были сделаны фотографии и собраны фактические доказательства, а тело не вынесли из камеры.

В начале моего заключения в Белмарше меня волновало, что будут думать о моем правонарушении другие заключенные. Бывшие сотрудники министерства внутренних дел, особенно полиции, обычно подвергаются жестокому обращению со стороны других заключенных и могут просить раздельного содержания в соответствии с тюремными правилами, пункт 43. Однако, многие заключенные, пользующиеся пунктом 43, – это совершившие изнасилования, так называемые "коты", которых презирал Крэг. Но мои опасения, что меня сочтут за "шпика", то есть доносчика, оказались напрасными. В тюремной иерархии от вооруженных банковских грабителей и до тех, кто был осужден за ограбления на улицах, мое правонарушение считалось "уважаемым". Однажды, в пятницу вечером, мне привелось увидеть, как расправляются с насильниками, так как такие преступления тут

считали неприемлемыми. Показывали "Поп-звезд", и весь отсек собрался у телевизора. Заключенные аплодировали Мокаленни, который один неловко отплясывал брейк под музыку Селин Дион. Молодой чернявый парень, недавно прибывший из "Бейрута", сидел тихо и пил какао. Крэг наполнил свою кружку кипятком, устроился позади него и опрокинул кипяток ему на голову. Парень повалился на пол, закричал, схватился за голову. Крэг отпрянул назад с поднятыми руками, громко повторяя:

– Прости, браток, случайно, честно.

Другие заключенные бросились к ним, так как жертва поднялась на ноги и, держась за голову, бросилась в ярости на обидчика. Кто-то нажал на кнопку "Тревога" прежде, чем драка началась, что вызвало немедленное вторжение охранников, которые затолкали нас по камерам. Крэг все еще продолжал кричать о своей невиновности, без убеждающей искренности в голосе, а для того, чтобы все знали, какую версию случившегося они, как свидетели, должны будут рассказать охранникам.

Лежа лицом вниз на кровати, я спросил Добсона через щель, в чем дело.

– Он поганый "кот", – шепнул тот. – Нам только что передали из другого корпуса: он изнасиловал девушку. Они должны были бы знать и не помещать его с нами в одном отсеке. Я бы отделал его сам, но Крэг опередил меня. Мы его больше не увидим.

Другой заключенный, Мишель, прошел "усиленный негативный допрос", произведенный Крэгом несколько дней спустя после того, как он появился в очереди за обедом в новом тюремном спортивном костюме, беспокойно теребя часы.

– Тебя за что сюда, братан? – спросил Крэг враждебно. Мишель, пожилой образованный мужчина, поколебался минуту с непривычки, что к нему обратился лысый в шрамах субъект.

– Небольшое мошенничество, – ответил он нервно, поправляя очки.

– Неужели? Небольшое мошенничество? – передразнил его Крэг. – И что получил? – продолжал допрос Крэг все еще с подозрением.

– Восемнадцать месяцев, – ответил Мишель осторожно. Крэг нахмурился.

– Только восемнадцать месяцев! Ну и ну, повезло! – заметил Крэг. – Так сколько же ты отхватил? – спросил он.

– Судья сказал, что шестьсот тысяч фунтов примерно за десять лет, – нервно ответил Мишель.

– Что? Ты стянул шестьсот фунтов, а получил всего восемнадцать месяцев?

Мишель уставился в пол, теребя часы.

– А я стянул всего пять, а получил пятнадцать лет! – воскликнул Крэг с возмущением.

– Но ты же застрелил управляющего банком, – напомнил ему Луковка. Но Крэг не обратил на его слова никакого внимания.

– Шестьсот тысяч и 18 месяцев, – повторил он задумчиво. – Будь я проклят! Вот что я буду делать, когда выйду отсюда. Я займусь мошенничеством. Вот мой ответ. – Он толкнул при этом Луковку, довольный своей новой идеей. – Да, вот что я буду делать, – повторил он с оптимизмом, радуясь своей счастливой мысли. Но вдруг по его лицу в шрамах пробежала тень, как от облака. – Ах, если бы я только знал эту дерьмовую грамоту! Большинство других зэков в нашем и соседнем отсеках, которые выходили на прогулку в то же время, что и мы, знали обо мне из сообщений в средствах массовой информации. Нередки были случаи, когда незнакомцы подходили ко мне, чтобы выразить свое возмущение, что меня отправили в тюрьму за написание книги. Они также хотели, чтобы я поделился с ними моими воображаемыми знаниями, которые могли бы им пригодиться в будущем, ошибочно думая, что, возможно, специалист и по оружию, по работе каждого непонятного отдела полиции или таможни и что имею серьезную подготовку по уголовному праву. Во время часовой прогулки ко мне часто обращались с такими вопросами, когда можно было переговорить, не будучи подслушанными охранниками: "Что лучше – "Узи" или "Хэклер энд Кох"?", "Могут ли быть перехвачены сообщения мобильных телефонов?", "Как вы обнаруживаете, что вас преследует полиция?" Вопросы сломали лед, дав мне возможность спрашивать моих сотоварищей об их собственных преступлениях, и постепенно прогулки превратились в неформальные симпозиумы по криминальному бизнесу. Они учили меня, как угонять машины, где покупать фальшивые паспорта, как выбраться из Великобритании без документов и в каких странах лучше избежать нового ареста и экстрадиции.

Другой популярной темой для разговоров было обсуждение относительных преимуществ одной тюрьмы перед другой. По общему согласию, Белмарш считался самой плохой тюрьмой, а отсутствие свобод надоело даже заядлым преступникам. Простолюдин Ронни, побывавший во многих тюрьмах за рубежом, умел бегло говорить на сленге на разных языках и считался знатоком тюрем. Его последним местом заключения была тюрьма в Монако. Однажды мы стояли в очереди за обедом с Добсоном и Луковкой, и он рассказал нам, как попал сюда. Он разжился кое-какими деньгами благодаря "небольшому мероприятию" и решил доставить удовольствие матери, и свозить ее на выходные дни в

Монте-Карло.

– Я вышел из чертова казино "Ройяль", – продолжал он, – весь разодетый в вечерний костюм, и увидел припаркованную рядом ярко-желтую "дьяболо". Я подумал: "Я ее возьму". Я подошел к слуге и велел принести мне срочно ключи от машины. Он ушел и пригнал "ламбарджини". Со мной была мать, и она все повторяла: "Не надо, Ронни, не делай, не делай этого", – но я оттолкнул ее и велел молчать. Мы были уже на полпути к Коста-Браво, когда легавые догнали нас!

Тюрьма в Монако, по словам Ронни, была похожа на сортир. Тюрьмы в Голландии тоже такие же.

– Они пытались направить меня на курс по устранению наркозависимости, но из этого ничего не вышло. Швейцарские тюрьмы были как дерьмовый "Хилтон", а испанские, немецкие и французские – такие же как английские.

Даже опытные Добсон и Крэг удивлялись его познаниям.

– Тогда в какой же стране самые лучшие тюрьмы? – спросил Добсон, который рассматривал заключение за рубежом равным оправданию. Ронни нахмурился, затем сказал:

– Но между ними нет разницы. Лучше всего попасть в тюрьму в Исландии. Мне там платили сто фунтов в неделю за уборку двора, но его не надо было чистить, если он был покрыт снегом, а там так круглый год. Я вышел из нее дьявольски богатым.

В один холодный день я быстро ходил по прогулочному двору, стараясь согреться на обжигающем ветру. Мокаленни разделся до пояса и энергично танцевал в центре, напевая молитву. Вдруг я почувствовал, как чья-то толстая лапа схватила меня сзади за плечо. Я обернулся, сбрасывая руку нападавшего в предчувствии беды. Но, увидев дружелюбное ухмыляющееся лицо пожилого зэка из отсека No 2, вздохнул с облегчением.

– Так это ты шпион? – спросил он. Прежде, чем я успел ответить, он назвал себя. – Я – Хендерсон, Пэт Хендереон, – усмехнулся он. – Я хотел бы поговорить с тобой, – продолжал он. – Знаешь ли ты человека по имени Джордж Блейк?

– Я слышал о нем, – ответил я, – если мы говорим об одном и том же Джордже Блейке.

Джордж Блейк, советский агент, был последним офицером МИ-6, отправленным в тюрьму за нарушение Закона об охране государственной тайны. После шести лет тюрьмы ему удалось бежать и скрыться в Москве.

– Да, именно он, – засмеялся Хендерсон. – Я сидел с ним в тюрьме в Вормвуд-Скрабс, несколько лет назад. Шутник. Однажды ночью он перелез через стену.

Я посмеялся над иронией судьбы, которая привела меня в

тюрьму с тем, кто знал Блейка.

– Что с ним сейчас? – спросил Хендерсон.

– Я думаю, он живет в Москве, – ответил я.

– Ну, если вы с ним когда-нибудь встретитесь, не забудьте передать ему привет, – снова расплылся в улыбке Хендерсон.

Охранники снова препроводили меня в суд на Бау-стрит 17 ноября, в понедельник, на третье и последнее слушание вопроса о залоге. Они подвергли меня "стриптизу", но на этот раз не было полицейского сопровождения. Начальство, очевидно, поняло, что они имеют дело не с особо опасным преступником, несмотря на утверждение МИ-6. К тому времени мне уже стало безразлично, отпустят меня под залог или нет, так как мне предстояло провести в тюрьме еще много времени. Мой шанс на освобождение был призрачной возможностью, вряд ли генеральный прокурор Джон Моррис снимет свои обвинения. Нарушения OSA не преследуются автоматически. Генеральный прокурор должен издать особое распоряжение, известное как "фиат". Ясно, что это не его самостоятельное решение. На практике все решает разведка. Именно там, в разведке, первыми из государственных учреждений обнаруживают нарушения этого закона. Если они не считают нужным начать преследование, они молчат. Если они хотят начать преследование, как ясно из моего случая, то они нажимают на все педали в Уайтхолле, чтобы наказание было определено по высшей мере. МИ-6 будет очень сильно нажимать на Морриса. Он сразу не уступил, предположив, что у него могут быть, по крайней мере, некоторые сомнения. Как премьер-министр Тони Блэр и другие члены лейбористского кабинета, Моррис голосовал против этого закона в 1989 году, находясь в оппозиции. Возможно, что он найдет в себе силы остаться верным своим принципам.

Оуэн сообщил мне эту новость через дверную щель.

– Моррис только что дал факсом "фиат". Боюсь, что теперь ничего не выйдет.

Это был удар, хорошо еще, что я и не очень надеялся на освобождение под залог. Теперь уже почти не было смысла судиться о залоге. После того как только что было принято постановление перед заседанием суда, только самый храбрый судья отважился бы положительно решить мой вопрос. Тем не менее, содержание в тюрьме под следствием засчиталось бы мне в мой срок по приговору.

Три дня спустя в новостях по радио Би-би-си я услышал, как сообщали о политическом характере преследований по Закону об охране государственной тайны. Крис Паттен, бывший министр в правительстве консерваторов и крупный политик, потерял свой

пост в результате всеобщих выборов, затем был назначен губернатором Гонконга, на этом посту он пробыл вплоть до 1999 года, до момента передачи Гонконга Китаю. Как губернатор, он подписывал Закон об охране государственной тайны и регулярно получал секретные донесения. Он поручил журналисту Джонатану Димблби написать его официальную биографию, восхваляя его губернаторство, и озаглавить ее "Последние дни". Чтобы подкрепить фактами некоторые моменты в книге и, без сомнения, поднять спрос на нее, он незаконно передал Димблби копии многих секретных донесений. Явное нарушение закона, которое подвергло опасности сотни агентов в Китае, и было намного серьезнее, чем передача законспирированного проспекта Мартин, тем злее, что он никогда не был опубликован. Полиция и органы разведки хотели начать преследование Паттена, но Моррис отказался выдать ордер на арест, аргументируя тем, что "это не принесет пользы".

Если за разглашение секретности не преследуются одинаково все нарушители независимо от их положения, то это политические преследования. Я обратился из тюрьмы к генеральному прокурору Моррису с просьбой разъяснить эту непоследовательность и спросил, какую "пользу" он видит в моем преследовании. Ответа я не получил.

Одно из многих ограничений для особо опасных преступников категории А состояло в строгом контроле за посещениями. Нам разрешались только визиты ближайших родственников, и то лишь после того, как их проверила полиция и тюремное начальство. В свой первый день в Белмарше я записал на специальной форме имя моей матери как первого посетителя. Запрос был послан в специальное бюро в Камбрию, которое направило двух полицейских констеблей, чтобы побеседовать с ней на дому. И только через три недели после моего ареста, 21 ноября, в пятницу, ей разрешили 40-минутное свидание, для чего ей пришлось затратить 7 часов на поездку в юго-восточную часть Лондона. Чтобы не было непосредственного контакта во время свидания, нас разделяло толстое непробиваемое стекло. Разговор наш записывался на пленку.

Моя мать была очень травмирована этим свиданием, хотя она и храбрилась, но я видел, что она была готова расплакаться.

Заключенным моей категории разрешалось получать по четыре письма в день, которые проверялись охраной, а в моем случае копировались для МИ-6. Большинство писем ко мне были от моей семьи и друзей, так что я сразу узнавал по почерку и марке на конверте, от кого получено послание. Но однажды пришло письмо, написанное незнакомым почерком. Даже после

того, как я прочитал его, я не сразу понял, что оно от бывшей коллеги по МИ-6. Ее уверенность, что спустя немного лет предъявленное мне обвинение будет считаться чисто политическим, подняло мой моральный дух, особенно потому, что поддержка пришла явно с другой стороны. Вскоре после этого я получил еще одно удивительное письмо. В конверте, закрывающемся не сбоку, а посередине, оказалось сообщение от коренного русскоговорящего человека. Самым загадочным было то, что оно было от заключенного No XM 2920 в Вормвуд-Скрабс. Чтобы связать письмо с подписью под ним, мне пришлось пробежать его несколько раз.

Нейман было новое имя отправителя, данное МИ-6 NORTHSTAR при его переселении. После того как TRUFAX был прикрыт, я слышал, что он собирался получить степень магистра искусств. В письме сообщалось, что случилось потом. Получив степень магистра, он стал заниматься организацией конференций по передаче опыта Запада в области коммерции русским и украинским бизнесменам. К сожалению, собрав значительные вступительные взносы от них, он забросил все дела. Когда кое-кто из участников конференции потребовал свои взносы обратно, Нейман сбежал в Женеву. После длительной судебной тяжбы его выдали Великобритании и приговорили к 3 годам тюрьмы за мошенничество. Мы начали с ним играть в шахматы по переписке, и вскоре он оказался победителем.

Как-то в начале декабря меня остановил мистер Ричардс, когда я проходил металлический детектор перед прогулкой во дворе:

– Томлинсон, назад, – весело проревел он. – Сегодня у тебя не будет прогулки, к тебе приехали из полиции.

У меня упало сердце. Обычно полиция приезжала в тюрьму, чтобы предъявить дополнительные обвинения. После неизбежного раздевания и обыска два охранника провели меня в помещение для официальных посещений. Меня там ждал окружной инспектор Рэтклифф и лысый офицер, который проводил обыск в моей квартире во время ареста. Он представился как окружной инспектор Петерс и объяснил, что он эксперт по компьютерам. Присутствовал также адвокат Уэдхэм.

– Ричард, нам нужна помощь, чтобы расшифровать материал на вашем "Псионе", – проговорил Рэтклифф робко. Я был удивлен, что ни МИ-6, ни другие секретные службы не смогли до сих пор расшифровать файл, хотя в нем использовались маленький ключ и простой пароль. Позже я узнал, что МИ-6 обращалась к автору программного обеспечения с просьбой о помощи, но он ответил, что не мог бы расшифровать файл, даже если бы попытался.

– Не хотели бы вы сообщить нам пароль? – спросил Петерс.

– Вы шутите! – рассмеялся я. – Почему бы я хотел это сделать?

– Подумайте хорошенько, – произнес Рэтклифф тоном, в котором звучала угроза. Полицейские вышли на минуту, и я смог переговорить с Уэдхэмом.

– Они что-то планируют, если вы им его не сообщите. Я бы выдал им пароль, если вы действительно не хотите что-то утаить, – посоветовал он. В Интернете была еще одна копия, поэтому утрата файлов не стала бы серьезной проблемой.

– Кроме того, – добавил Уэдхэм, – если вы станете сотрудничать, судья должен будет скостить несколько месяцев с вашего приговора.

Рэтклифф и Петерс вошли через пару минут.

– Пароль следующий: "МИ-6 – тупые игроки", – сообщил я.

– Мы должны были бы догадаться, – усмехнулся Петерс.

Даже особо опасные преступники имели право, записанное в пункте 37 тюремных правил, общаться конфиденциально со своими адвокатами. Если мне нужно было позвонить Уэдхэму, я должен был заранее информировать мистера Ричардса, и, теоретически, автоматический магнитофон был бы отключен. То же относилось и к письмам, помеченным "пункт 37": предположительно они не подлежали цензуре. Но, как и большинство других заключенных, я мало верил, что этот пункт правил соблюдался, – особенно в начале моего заключения. МИ-6 интересовалась тем, что я буду говорить в свое оправдание в суде, так как тогда информационная служба смогла бы подготовить выгодное для нее сообщение. Впоследствии я узнал, что все мои попытки соблюсти осторожность были напрасны, что МИ-6 всегда были известны заранее мои намерения.

В 1-м отсеке почти год содержались в предварительном заключении три алжирских студента, обвиняемые в терроризме. По иронии судьбы, я познакомился с их делом, когда работал в РТСР. Французская контрразведка обратилась к МИ-5 с просьбой арестовать их за предполагаемые связи с алжирской группировкой исламских фундаменталистов, но МИ-5 не хотела отвлекать своих сотрудников для наблюдения за целями, мало важными для британской безопасности. В ответ DST прекратила сотрудничество с МИ-6 по таким операциям, как BELLHOP, поэтому после некоторых внутренних совещаний МИ-5 убедили проявить интерес к этим студентам. Основываясь на данных прослушиваний телефонных разговоров и фактических наблюдений, их в конце концов арестовали и обвинили в заговоре с целью захватить взрывчатку. Доказательства имелись слабые, и

все трое были непреклонны, отрицая свою вину. Когда они предстали перед Центральным уголовным судом в Лондоне, незадолго до слушания моего дела, прокурор совершил непростительную ошибку в речи при открытии заседания, показав осведомленность, что именно алжирские студенты сообщили своим адвокатам в помещении для свиданий в Белмарше. Адвокаты поняли, что разговоры их подзащитных прослушивались, и потребовали, чтобы прокурор сообщил источник информации. Прокурор отказался это сделать, судья прекратил дело, и обвиняемые были освобождены. Когда бы я ни встречался с Уэдхэмом и Дэвисом в Белмарше, нам всегда выделяли комнату, которой пользовались алжирцы.

Были и другие основания подозревать в несоблюдении права заключенных сохранять в тайне свои юридические документы. Несколько раз в месяц без предупреждения являлись специально подготовленные поисковые бригады из трех человек с собаками, которые входили в отсек и на выбор заходили в ту или другую камеру. Обитателя камеры раздевали и обыскивали, затем выгоняли. Если находили в камере что-либо недозволенное, то этот предмет конфисковывали, а заключенного наказывали помещением в карцер. Список запрещенных предметов был очень обширным, включая, казалось бы, безвредные вещи, такие, как серебряная фольга, так как ее, оказывается, можно было использовать для расплавления героина перед уколом; как спички – их головки могли быть использованы для зажигающих устройств; как полиэтиленовые бутылки, которые можно было наполнить кусочками фруктов и сахара и сделать самогон. Бригады всегда приносили с собой в камеры во время досмотра два больших тяжелых черных чемодана. Никто не знал, что в этих чемоданах, но прошел слух, что в них портативные фотокопирующие устройства.

– Вот увидишь, – предсказывал Добсон, – они притащатся к тебе в камеру с этими чемоданами за пару дней до суда.

И[он оказался прав. Моя камера была подвергнута длительному и тщательному осмотру всего за два дня до судебного разбирательства. Так, даже если они еще не знали о моем намерении признать себя виновным из прослушанных разговоров с адвокатами, они бы узнали об этом из скопированных документов с пометкой "пункт 37", найденных в моей камере.

Два охранника снова сопровождали меня в суд на Бау-стрит 24 ноября, в понедельник. Когда я занял место на скамье подсудимых, судья попросил меня подтвердить мое имя, затем зачитал предъявляемые мне обвинения.

– Что вы скажете в своем последнем слове? – наконец спросил он. Все в зале замерли в ожидании. Я увидел, что представители прессы приготовились записывать слова первого после Блейка офицера МИ-6, обвиняемого в нарушении Закона об охране государственной тайны.

– Виновен, – ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно ровнее. Писаки бросились из зала суда, чтобы передать новость, но со стороны Гиббса и ответственного представителя истца не последовало никакой реакции. Когда меня везли в тюремном фургоне обратно в Белмарш, я слышал по радио сенсационные сообщения, передаваемые каждые полчаса, о моем признании вины. На следующий день эта новость была на первых страницах большинства газет. "Тайме" обвинила меня в "попытке продать секреты" австралийскому издателю. "Телеграф" неубедительно повторила версию МИ-6, что я поставил "под угрозу жизни других агентов". В информационном отделе разведки должны были быть довольны результатом. Безумства прессы представляли реальную угрозу тем, что из-за поднятой шумихи судья может увеличить мне срок.

За несколько дней до вынесения приговора Луковка сказал, посмеиваясь:

– Ты выглядишь как дурацкий хиппи.

– Я бы постригся на твоем месте, – посоветовал Добсон. – Судья тебе добавит три месяца за такие волосы.

Они были правы. Я как раз должен был пойти к парикмахеру в Вэйвдене, когда меня внезапно арестовали. Во время вечернего часа общения я заполнил заявление к начальнику тюрьмы, и мистер Ричардс на следующий день сообщил мне, что разрешение дано.

– Вы сможете быть первым клиентом нашего нового парикмахера, – усмехнулся он. – Кларки, поди сюда, – прокричал он на весь отсек, – требуются твои услуги!

Новый парикмахер, вооруженный грабитель с Ямайки, только накануне поступивший в тюрьму как подследственный, легкой походкой вышел из своей камеры, подтягивая на ходу брюки. Его мучил жестокий нервный тик, из-за которого его пистолет неожиданно выстрелил, когда он им угрожал людям в банке на Саутхолл. К счастью, пуля никого не задела, но тем не менее ему грозил длительный срок из-за халатного обращения с оружием. Он никогда в своей жизни не занимался стрижкой волос, но мистер Ричардс назначил его парикмахером отсека только потому, что его имя совпало с именем знаменитого лондонского парикмахера Ники Кларки.

– Вот тебе ножницы, – бодро проревел мистер Ричардс,

передавая маленький деревянный ящичек изумленному Кларки. – Бери один из тех стульев и открывай свою мастерскую под лестницей.

– Не могли бы вы подровнять меня немного? – спросил я Кларки, как только стул был поставлен и вилка электрической машинки вставлена в розетку. – Я завтра должен быть в суде, и мне объявят приговор.

Кларки пробормотал что-то мне в ответ с непонятным ямайским акцентом, проверил, подключена ли машинка, включил ее, подождал мгновение, прислушиваясь к загадочному ее жужжанию. Затем пробормотал еще что-то. Думая, что было бы невежливо переспрашивать, я улыбнулся ему, как бы подбадривая. Он наклонился надо мной и начал осторожно стричь с правой стороны моей головы, как внезапно и очень больно поранил мое ухо.

– Черт! – проворчал Кларки, отступая на шаг назад, чтобы успокоиться после приступа нервного тика. Наклонился снова и попытался продолжить стрижку, но тут у него снова начался тик. – Проклятие, – пробормотал Кларки, стряхивая на пол огромный пучок волос. Хмурясь от напряжения, он разглядывал правую сторону моей головы, затем левую, затем опять правую и снова начал стричь. В отсеке не было зеркала, поэтому я не мог следить за тем, как продвигалась его работа.

– Вы уверены, что знаете, как это делать? – спросил я вежливо. Кларки проворчал что-то в ответ и продолжал свои манипуляции. Мне показалось, что мой вопрос задел его, и поэтому я решил больше к нему не приставать. Судя по все увеличивающейся груде волос на полу, он быстро освоил парикмахерское искусство. Кларки закончил как раз, когда мистер Ричардс прокричал знакомый приказ:

– Отсек один, ужин!

Добсон и Луковка, как обычно, встали в конец очереди, чтобы продлить свое время вне камер.

– Ба, ты теперь выглядишь как каторжник, – засмеялся Луковка, увидев мою новую стрижку.

– Ты слабоумный клоп, – добавил Добсон, – судья добавит тебе еще три месяца, увидев тебя с такой прической!

Я проснулся чуть позже 5 часов утра 18 декабря, побрился, помылся, напомадил свою лысину, оделся и сел на кровать с книгой. Охранники прибыли в 7.30, чтобы препроводить меня в Олд-Бейли. По моей официальной просьбе, поданной во время вчерашней ассоциации, мне купили костюм и хорошие ботинки в лавке при приемной, чтобы было во что переодеться. Мы выехали в 9 часов утра и отправились по знакомой дороге через восточный

Лондон к Центральному уголовному суду. День был зловещий, ветреный, облачный, и через тюремное стекло казалось, что на улице ночь. Мы пересекли Тауэр-бридж, машин было много, пожилой человек остановился на тротуаре и уставился с безразличным видом на окно нашего фургона. Возможно, это был бывший зэк, сообразивший, как ему повезло, что он на свободе.

Скамья подсудимых в зале заседаний суда No 13 в Олд-Бейли была странно расположена – высоко над самим залом суда, как будка киномеханика в кинотеатре. С нее открывался вид на главного судью Лондона, оглашающего приговор, сэра Лоуренса Вернея, его двух помощников, прокурора, моих адвокатов, различных судебных клерков и стенографисток. Справа, на галерее для прессы, видны были знакомые лица. Высоко слева была галерея для публики, тоже вся заполненная, но странно, что я заметил там двух незнакомцев, которые держали скрещенными два пальца за меня.

Справа от них – еще одна галерея, поменьше и не очень забитая людьми. Рэтклифф и Петерс находились там, так что это, наверное, была галерея для представителей обвинения в деле. Рэтклифф и Петерс вели себя прилично при наших предыдущих встречах, поэтому, мне казалось, что они вряд ли испытывали удовлетворение от моей экзекуции. Я испугался, когда оказался в центре внимания, и почувствовал себя еще более несчастным, чем во время предыдущих появлений в суде. Когда королевский прокурор сказал, что мои действия "сильно повредили национальной безопасности", я схватился за голову.

Верней разрешил Гиббсу провести временно закрытое заседание, чтобы заслушать свидетеля-эксперта! Редд, бывший резидент в Москве (H/MOS) встал, чтобы проблеять, что мой проспект якобы "поставил под угрозу жизнь многих сотрудников". Дэвис хорошо выступил в мою защиту, указав, что в проспекте не было ничего важного, что он не покидал сейфа, что я признал себя "виновным" и что я сотрудничал с полицией, – все эти факты заслуживают того, чтобы их учли. Спор продолжался 53 минуты, пока судья Верней не объявил перерыв для обсуждения приговора. Охранники снова нацепили мне наручники перед отправкой меня в подземную тюрьму, но мне пришлось ждать в камере всего несколько минут до того, как дверь открылась и они снова препроводили меня на скамью подсудимых.

Верней начал с того, что описал мое преступление как "очень серьезное", разбив тем самым мои надежды выйти на свободу к Рождеству. Он принял во внимание и мое признание виновности, и что это было мое первое правонарушение, но не стал учитывать мое сотрудничество с полицией.

– В связи с этим у меня нет другого выхода, кроме как приговорить вас к двенадцати месяцам тюремного заключения, – мрачно объявил он.

При моем хорошем поведении меня смогли бы выпустить 1 мая, то есть всего через четыре с половиной месяца, но какой это был длительный срок в Белмарше.

Дэвис и Уэдхэм спустились вниз ко мне в камеру.

– У вас есть право подать апелляцию на решение суда, – объяснил Уэдхэм, – и вам, возможно, дадут на несколько недель меньше.

Но я отклонил это предложение. Оба адвоката и так защищали меня pro bono (бескорыстно – лат.), и просить их подавать апелляцию означало бы злоупотребить их щедростью. Рэтклифф и Петерс тоже хотели меня видеть, чтобы я еще помог им в расшифровке моего файла, но я отказался. Поскольку судья Верней не принял во внимание мою помощь им в прошлом, не было никакого смысла помогать им сейчас.

На обратном пути в Белмарш со мной в фургоне оказался еще один заключенный. Все прояснилось, как только мы прибыли в отсек.

– Томлинсон, ты больше не числишься в книге, – объявил мистер Ричардс. Начальник тюрьмы заменил мне категорию А на В: это означало, что я смогу чаще ходить в спортзал и меня могут посещать не только ближайшие родственники.

На Рождество охрана тюрьмы предприняла попытку поднять настроение у заключенных нашего отсека, на стол Ричардса поставили маленькое дерево и украсили его. Разрешили лишних полчаса полежать и дали горячий завтрак, а затем мы могли целый день общаться. Нас ненадолго заперли лишь во время обеда, на который нам дали куриную ножку, жареный картофель, брюссельскую капусту, рождественский пудинг и настоящий деликатес в виде мороженого. А на следующий день нам организовали соревнование в пул, которое, конечно, выиграл Добсон, а затем молодая женщина-охранник, которую мы раньше не видели, устроила игру в бинго с главным призом в виде телефонной карты на 5 фунтов, которую не без некоторого мошенничества выиграл Луковка.

– Мы должны отдать им должное, – пробормотал Добсон, когда Луковка подскочил к хорошенькой охраннице за призом и поцеловал ее в щеку. – Они отказались от своего выходного на Рождество, которое могли провести дома, ради нас, ублюдков.

Добсон был прав – охранники Белмарша отлично работали, и не только в Рождество. Отношения между ними и заключенными были довольно сердечными, в них было мало от

конфронтационного стиля управления – "мы и они", характерного для других тюрем. Охранникам было отнюдь не легко проводить целые дни в тесноте с возбужденной разнородной массой подавленных, психически неуравновешенных и буйных преступников. Они часто слышали ругань в свой адрес, на них даже нагадали обозленные заключенные, и они постоянно рисковали быть взятыми в заложники или даже убитыми. Опасности, которые их повседневно подстерегали, были намного большими, чем те, которым подвергался разведчик-болтун Редд. И после такого наполненного стрессами дня охранники шли домой и пытались жить на свое скромное жалованье в самом дорогом в мире городе.

– Ты ушам своим не поверишь, Рич, – возбужденно проговорил Добсон в канун Нового года. – У нас будет настоящая вечеринка!

Несколько зэков раздобыли баранью ногу, и даже прошел слух, что будет немного выпивки. Обычно в этот день заключенные били тяжелыми предметами по трубам отопления, дверям камер и решеткам на окнах. Я подумал, что это бессмысленно.

– Ты не соблазнишь меня, чтобы я присоединился к этой глупой затее, – ответил я. – Я укроюсь одеялом и буду лежать на кровати. – Я утешал себя мыслью, что хоть раз проснусь на следующее утро после Нового года без головной боли с похмелья.

– Ну ты, мудрец, – пошутил Добсон, – ты будешь ступать вместе с нами.

Первые отдельные удары и крики начались около 23. 30, набирая силу, и поэтому стало невозможно сосредоточиться на чтении. Я только выключил свет, как кто-то ударил по трубе мусорным ведром, и я вскочил. Скоро еще кто-то начал стучать, полночь приближалась, и шум превратился в какофонию, поскольку каждый зэк старался дать выход накопившимся за год разочарованиям в диких выходках – стуках и криках. Радостное настроение было слишком заразительно. Я вылез из кровати, схватил свое мусорное ведро и ударил им о дверь, потом еще и еще и стал кричать вместе со всеми. Единственным преимуществом особо опасных преступников категории А было их автоматические расселение в одиночных камерах в надежно охраняемых местах. После того как меня из этой категории перевели в категорию менее опасных – В, дни моей роскоши в одиночке были сочтены. В воскресенье в час утреннего общения, когда нам выдавали чистое постельное белье и безопасную бритву, охранники перераспределяли камеры. В первое воскресенье января Ричардс прокричал, сидя за своей конторкой:

– Томлинсон, забирай свои пожитки.

Я побросал свои вещи в мешок, свернул матрац, простыни, подушку и одеяло в узел и предстал перед его столом.

– Вон туда, – показал он на двухместную камеру рядом с его конторкой и как всегда усмехнулся.

– Ты ублюдок, – пробормотал я. Слова не предназначались для его слуха, но они выскочили из моих уст слишком громко.

– Томлинсон, я отправлю тебя в карцер, если ты еще раз повторишь это, – пригрозил он невсерьез. Мистер Ричардс держал камеру No 2 рядом с его столом для особо беспокойных "шизиков" или потенциальных самоубийц, чтобы он мог за ними присматривать. Два "шизика" или самоубийцы не могли находиться в одной камере, поэтому их помещали с тихим зэком. Итак, меня выбрали нянькой для психа из нашего отсека.

– Ты получишь своего нового сокамерника завтра днем, – хитро улыбнулся мистер Ричардс.

Бросив пенопластовый матрац и постельные принадлежности на металлический каркас кровати, я оглядел свою новую камеру. Ее только что освободил Паркер – толстый неряшливый наркоман, известный своими причудами с оружием. До Белмарша он жил с матерью в доме в графстве Эссекс и собирал оружие. Однажды он перепил пива и заснул как мертвый на кровати. Мамаша-наркоманка обнаружила его, подумала, что он умер, и вызвала "скорую помощь". "Скорая" определила, что ее сын просто пьян, но, найдя ружье под его кроватью, вызвала полицию, которая и арестовала Паркера. Его приговорили к двум годам тюрьмы за Незаконное хранение оружия. Он был известен тем, что почти целыми днями лежал на кровати, курил, ел пирожные и редко выходил на прогулки во двор. В его камере стоял неприятный запах, пол, очевидно, не подметался неделями и даже навозные мухи улетели из туалета. В ту ночь, лежа в кровати и прислушиваясь к реву бури за стенами тюрьмы, я молился, чтобы мой будущий сокамерник-"шизик" был хотя бы чистым.

Помимо приобретения сокамерника, категория В разрешила мне работать, что давало возможность бывать больше времени вне камеры. Работа повышала также мое дневное тюремное довольствие с 1,26 фунта до 1,76 фунта. В результате я мог купить дополнительно фрукты, продукты и туалетные принадлежности в тюремной лавочке. К моему удивлению, меня приписали к компьютерному классу, несмотря на характер моего правонарушения. Майк, терпеливый и добрый инструктор, быстро понял, что я уже умею работать с персональным компьютером, и разрешил мне делать все, что я хочу, а не выполнять учебный

курс. После того как я вернулся с занятий в компьютерном классе, задвижка на дверном окошке хлопнула и узкие глаза мистера Ричардса обежали всю камеру. Затем послышался звон тяжелых замков в двери.

– Томлинсон, вот твой новый сокамерник, – объявил он с дьявольской усмешкой, распахнув дверь. Я отложил карманную компьютерную игру в шахматы и встал, чтобы поздороваться с моим новым компаньоном. Вонь известила о появлении Стонли, прежде чем я его увидел. Как только Стонли ступил в камеру, мистер Ричардс инстинктивно отшатнулся назад к свежему воздуху, захлопнув дверь.

Стонли прошел к свободной кровати, положил на нее свои вещи, а пластиковую кружку и столовый прибор в тумбу и начал сердито ходить по кругу, схватив себя за бороду. Он, казалось, не замечал моего присутствия. Я наблюдал за ним несколько минут в молчании, пока мне не стало ясно, что он так и будет ходить без перерыва.

– Эй, Стонли, – сказал я вежливо, – ты не мог бы сделать перерыв?

Стонли остановился, удивленно посмотрел на меня, как будто я был говорящим цветочным горшком.

– Сядь, посиди, – предложил я. Стонли выполнил мою просьбу, присел на край кровати и, держась за бороду, сердито уставился в окно.

– Я. – Ричард, а как тебя зовут? Стонли даже не посмотрел в мою сторону, но после небольшой паузы бросил:

– Стонли.

– Нет, я спрашиваю твое первое имя. Стонли отвернулся от окна, бросил на меня сердитый взгляд и ответил:

– Не знаю.

Я повторил вопрос, но ответ был тот же, только более сердитый. Он сидел не двигаясь на краю кровати, но вонь все равно доходила до меня. Дверное окошко хлопнуло, и хитрые глаза Луковки, недавно назначенного уборщиком в отсеке, показались в окне:

– Все в порядке, Рич? – засмеялся он, гримасничая, как Стонли. Я погрозил ему пальцем, он, хихикая, захлопнул окошко. Сумею ли я сохранить здравый ум, всецело зависело от того, найду ли я способ отделаться от своего соседа Стонли, хотя мои возможности были очень ограниченными. Они не снимут меня с крючка так легко, потому что никто не мог бы находиться в одной камере с таким соседом. Охранники точно угадали, что не в моем характере было затевать драку, то есть выбрать тактику, к которой прибегли бы другие заключенные.

Во время вечернего часа общения я попробовал прямо попросить мистера Ричардса.

– Стонли должен находиться в больнице, а не в тюрьме. Вы меня превратите в психа, если я с ним останусь, – сказал я. Мистер Ричардс рассмеялся:

– Ты никуда не денешься, Томлинсон. Приказ врача. Стонли должен находиться в двухместной камере, чтобы научиться общаться с другими зэками.

– Ну, если так, пожалуйста, скажите, чтобы он выстирал свою одежду и вымылся в душе.

Мистер Ричардс приказал Стонли принять душ и сдать свое грязное белье в стирку несчастному турку-прачке.

Вернувшись обратно после часа общения, я обнаружил, что Стонли неаккуратно пользовался унитазом. Он никогда не стал бы чистить туалет, а так как другого выхода не было, я вычистил его сам. Пока я этим занимался, он сидел на краю кровати, сердито глядел в окно и теребил бороду. Я знал случаи, когда психи нападали на спящих сокамерников, поэтому боялся заснуть раньше его и продолжал играть в шахматы. Стонли быстро сходил в туалет, лег в кровать, накрылся одеялом с головой и занялся мастурбацией.

После беспокойной ночи меня утром осенило:

– Стонли, ты куришь? – спросил я, как только он проснулся.

– Не знаю, – ответил он сердито.

– Ты должен знать.

– Не знаю! – прокричал он. Как только нас отперли, я схватил свою телефонную карту, использованную только наполовину, два "Твикса", тюбик со сладким кремом и бросился к камере Луковки, где он пил чай с Добсоном.

– Привет, Рич. Как псих? – спросил он.

– Заткнись, ублюдок, – ответил я с улыбкой. – Луковка, у тебя есть табак?

– Что случилось, Рич? – усмехнулся Добсон. – Ты начинаешь курить? Что, так уж плохи дела?

Я выложил на кровать Луковки телефонную карту, "Твиксы", тюбик со сладким кремом.

– Я отдам тебе все это за унцию табака.

Глаза Луковки загорелись от удовольствия при таких щедрых условиях. Я поспешил уйти с кисетом и с остатками табака "Голден Вирджиния" и газетой.

Когда мы вернулись в камеру после завтрака, я спросил Стонли, не хотел бы он закурить. Он смотрел на меня подозрительно какое-то мгновение. Возможно, впервые кто-то предложил ему что-то в тюрьме. Я подтолкнул к нему кисет и

газету.

– Это тебе, я не курю.

Он рассматривал все это подозрительно несколько секунд – так бездомный кот смотрит на лакомый кусок, предложенный незнакомцем, – затем набросился на мои дары, умело свернул самокрутку и зажег ее. Как только камера наполнилась дымом, я встал и нажал кнопку, чтобы вызвать охранника. Предполагалось звонить только в случае чрезвычайных обстоятельств, и я рисковал быть наказанным. Мистер Ричардс явился через несколько минут и спросил через дверное окошко:

– Томлинсон, что тебе надо?

– Мистер Ричардс, вы не сказали мне, что Стонли заядлый курильщик.

Мистер Ричардс посмотрел на меня в недоумении.

– Ну и что? – сказал он.

– Тюремные правила, пункт 12, – пояснил я. – Некурящий заключенный не может быть помещен с курильщиком против его воли.

– Томлинсон, я до тебя еще доберусь, – проговорил Ричардс раздраженно. Но он понял, что проиграл. Большинство зэков не знали этого, но мне помогло то, что я внимательно изучил книгу тюремных правил.

– Хорошо, забирай свои вещи, камера номер восемь на втором этаже свободна. – Мистер Ричардс подержал дверь открытой, пока я не собрал в узел свои вещи, и препроводил меня в мой новый дом – в одиночную камеру.

Несмотря на принимаемые изощренные меры предосторожности, чтобы не допустить проникновения контрабандных предметов в отсек, наркотики имелись в наличии в Белмарше. Для некоторых заключенных, особенно осужденных на длительный срок, единственным облегчением было наркотическое опьянение, которое на время избавляло их от цепенеющей скуки тюремной жизни. Наркотики проносили двумя способами. Один – через нечестного охранника, с которым договорился еще предыдущий жилец. Другой – через комнату для свиданий. Я теперь стал заключенным категории В и поэтому мог посещать более открытые помещения для визитов и лично увидел, как это делается.

Открытые свидания проходили в большом зале, заполненном шестью рядами кабин, в каждом ряду было по 20 кабин, отделенных низкими перегородками. По краям комнаты были приподнятые мостики, с которых могли наблюдать охранники. Мы ожидали в большой накуренной камере своей очереди, сначала нас быстро обыскивали, затем мы получали цветной

фартук с номером. Цвет фартука и номер соответствовали кабине. Когда все заключенные усаживались в своих кабинах, разрешалось войти посетителям. Их проверяли с собаками, но обыскивать их тюремные служащие не имели права. Жены и девушки обманывали собак, завертывая наркотики в клейкую пленку и пряча пакетики под одеждой. Пакетики передавали в начале или перед окончанием свидания, когда разрешалось поцеловать друг друга. Нас всех тщательно обыскивали, особенно тех, кто подозрительно целовался, у таких осматривали даже рот. Контрабандисты поэтому вынуждены были проглатывать свои пакетики, рискуя умереть, если пакетики лопнут. Позже они возвращали эти пакетики, как говорил Ронни, "из того или другого отверстия".

К концу срока заключенные встречаются с инспекторами, наблюдающими за поведением, чтобы обсудить условия освобождения. Инспектор вызвал меня 29 марта в помещение для встреч с юристами, где я увидел молодую женщину-инспектора, ожидавшую меня.

– В вашем деле есть что-то странное, – сказала она хмурясь. – Обычно мы встречаемся первый раз с заключенными за три месяца до их выхода на свободу, но о вас нам сообщили в министерстве внутренних дел всего два дня назад, и начальник тюрьмы хочет переговорить со мной о вас после нашей беседы.

Я подозревал, что здесь не обошлось без надоедливого вмешательства МИ-6, но ничего не сказал. Инспектор объяснила, что я буду под наблюдением в течение трех месяцев после освобождения, и в этот период меня снова могут отправить в тюрьму за нарушение условий освобождения.

За несколько дней до выхода из тюрьмы я был вызван мистером Ричардсоном для еще одного свидания с инспектором по надзору. По дороге в зал свиданий я думал, что снова увижу молодую женщину-офицера. Но на этот раз инспектор оказался мужчиной, который не улыбался и не протянул мне руку для приветствия.

– Томлинсон, вот ваши условия выхода на свободу. – Он протянул мне два листа. – Вам не разрешается покидать страну после выхода из тюрьмы и вам надо будет сдать оба ваши паспорта – британский и новозеландский – в отдел городской полиции. Вам не будет разрешено беседовать с какими-либо представителями средств массовой информации. Если вы нарушите эти условия, вас немедленно снова отправят в тюрьму. Вы понимаете?

Я кивнул, хотя мне трудно было поверить в то, что они смогли поставить меня в такие сталинские условия.

– И, наконец, вам не разрешается пользоваться Интернетом и электронной почтой.

– Неужели вы говорите серьезно? – рассмеялся я. – Может быть, вы еще скажете, что нельзя говорить по телефону и читать газеты?

Инспектор серьезно посмотрел на меня и ничего не ответил.

Добсон много раз повторял, что несколько последних дней перед освобождением покажутся мне самыми длинными в моей жизни, но на самом деле они мало отличались от других. Даже когда оставшиеся дни можно было сосчитать по пальцам, меня не покидало чувство гнева, вызванное моим заключением в тюрьму. То, как МИ-6 уволила меня, превысив свои полномочия, и лишила меня права разоблачить злоупотребления, потому что суды якобы были "ненадежны", а затем лицемерно и многословно использовала те же суды для моего осуждения, – все это еще страшно терзало меня. Я не мог смириться со своей судьбой, даже один день тюрьмы был для меня невыносим. Шесть месяцев вынужденного перерыва привели к тому, что моя решимость напечатать эту книгу окрепла еще больше.

Глава 14. В пути

Пятница, 1 мая 1998 г.

Лондон.

Доброе утро, Томлинсон. Вас выпускают досрочно. – С этими словами мистер Ричардс в семь утра бодро распахнул дверь моей камеры. Он, конечно, не первый раз открывал двери тюрьмы, выпуская заключенных, но все еще получал от этого удовольствие. Прошлым вечером я раздал всю имевшуюся у меня еду, журналы и книги, оставив только несколько вещей, которые собирался спрятать в трюме лайнера. Мистер Ричардс дал мне время попрощаться с Добсоном и Луковкой.

– Удачи тебе с твоей книгой, и скажи им, что я невинный человек, – крикнул из своего угла Луковка.

– Надеюсь, я тебя здесь больше не увижу, – сказал мистер Ричардс, передавая меня с рук на руки сотруднику администрации.

Даже несмотря на то, что мое освобождение было делом решенным, не обошлось без ставших уже привычными тщательных обысков, рентгенов и долгих ожиданий в прокуренных помещениях.

А вдруг ты хочешь что-то стащить? – пояснил мне один из обыскивающих. – Тюремные робы сейчас особенно популярны.

К концу третьего часа в дверь просунулась голова одного из тюремщиков:

– Кто из вас Томлинсон? – пристально оглядев нас всех, спросил он. Я поднял руку.

– Сегодня в три часа дня вас ждут в Скотленд-Ярде, – серьезно объявил он. – И не забудьте взять ваши паспорта.

Освобождавшиеся вместе со мной заключенные развеселились и засвистели.

– Вот увидишь, в понедельник ты снова будешь здесь, – со смехом заметил один негр. – Они обвинят тебя в чем-нибудь еще, продержат в полиции все выходные и аккурат в понедельник привезут сюда.

Как ни грустно было в этом признаваться, но он, в сущности, был прав. Если в МИ-6 собираются предъявлять новые обвинения, то они сделают это в пятницу днем, что и будет означать долгий уик-энд в полиции в ожидании заседания суда в понедельник.

Выйдя из тяжелых ворот НМР – тюрьмы Ее Величества Белмарш, я не почувствовал никакой радости, только тихое чувство облегчения, оттого что все наконец закончилось, и радость, потому что я увидел дожидавшуюся меня мать. К

счастью, там не было ни одного журналиста, только пара полицейских, наблюдавших за тем, как я шел здороваться с ней. Она отвезла меня на Ричборн-террес, где я смог принять первый за шесть месяцев полноценный душ и наскоро пообедать перед визитом в Скотленд-Ярд.

Женщина-полицейский встретила меня в вестибюле и отвела наверх, где в комнате для допросов за столом, заваленным полиэтиленовыми пакетами, меня ждали Рэтклифф и Петерс.

– Чтобы успокоить вас, Ричард, сразу скажу, что мы не собираемся снова вас в чем-то обвинять. Мы просто хотим отдать ваше барахло, – заявил Рэтклифф. Один за другим Петерс открывал пакеты и возвращал мне мои вещи. Это напоминало разворачивание рождественских подарков. После нескольких месяцев в камере все вещи показались мне чужими. Полицейские из SB выложили на стол мой "Псион", в котором они якобы случайно стерли все данные, видеокамеру, различные книги и видеокассеты.

– Кое-что мы, к сожалению, вернуть вам не можем, – сказал Петерс, когда все вещи лежали на столе. – В МИ-6 нам сказали, что фотографии и видео, которые вы сделали в Боснии, могут нанести вред национальной безопасности, – произнес он с налетом сарказма.

Отношения между SB и МИ-6 никогда не были особенно тесными. Фотографии и видеопленки с сожженными боснийскими деревнями и балканскими селами не имели никакого отношения к моей работе, а кроме того, могли быть сделаны любым служащим там солдатом.

– И еще одно, – заметил Рэтклифф, – вы принесли ваши паспорта?

– Простите, я забыл. – Я соврал, призвав на помощь все свои навыки, полученные в МИ-6, чтобы мои слова звучали убедительно. Рэтклифф выглядел раздраженным.

– О'кей, поскольку вы только что вышли из тюрьмы, мы даем вам передышку, но назначаем вам встречу в вашем местном полицейском участке, так что завтра утром в первую очередь зайдите туда.

– Хорошо, – презрительно ответил я, – в вашем распоряжении мой британский паспорт, по закону вы можете его забрать, но вы не имеете права изъять мой новозеландский паспорт.

Мой испытательный срок был неоправданно велик и настолько утомителен, что моя резкость была извинительна. Рэтклифф промолчал, но вид имел озадаченный. Я продолжал:

– Мой новозеландский паспорт принадлежит правительству Новой Зеландии. Согласно международным законам, иностранная

полиция не может конфисковать его. – Я не был до конца уверен в правильности своего заявления, но произнес это с такой убежденностью, что Рэтклифф, который, похоже, и сам знал не больше моего, кажется, поверил.

– Хорошо, но таким образом вы нарушаете условия испытательного срока, и мы будем вынуждены снова вас арестовать.

– Отлично, – вызывающе ответил я, – тогда я сразу же звоню в Новозеландскую Верховную комиссию и сообщаю им, что меня хотят арестовать за отказ сдать свой паспорт. – Я взял свой сотовый телефон, который мне только что вернул Рэтклифф, и стал набирать номер.

– Ладно, давайте пойдем на компромисс, – предложил Рэтклифф. – Вы отдадите ваш паспорт не нам, а в Новозеландскую Верховную комиссию на время, пока не кончился ваш испытательный срок.

Это было справедливо. Мы договорились, что завтра же утром первым делом я пошлю паспорт в Верховную комиссию. Рэтклифф, выполнив свой долг, встал и вышел, оставив нас с Петерсом вдвоем, и тот проводил меня до выхода.

– Ричард, – осторожно сказал он мне, когда мы были уже в вестибюле, – я только хочу, чтобы вы знали, что я считаю, вы поступаете правильно. Они ужасно с вами обошлись и заслуживают того же. Но если вы хотите продолжать ваше дело, делайте это за границей. Здесь будет слишком трудно.

К сожалению, с Петерсом я больше никогда не виделся.

Как только на следующее утро я вышел из своей квартиры вместе с матерью, сразу понял, что за нами следят. На расстоянии нескольких метров, на пересечении Ричборн-терес и Палфрей-плейс была припаркована зеленая "воксхолл-астра", так чтобы пассажирам были видны мои окна. В ней сидели двое мужчин. Это было самое удобное место для наблюдения, откуда они могли видеть одновременно и парадную дверь, и черный ход. Я не заметил слежки, пока мы ехали несколько сот метров к станции метро "Овал", но, когда моя мать была уже на пути домой и я остался один, я все же прибегнул к некоторым основным приемам для обнаружения слежки, чтобы быть до конца уверенным. Спустившись по Кеннингтон-роуд к Кеннингтонскому полицейскому участку, я заметил молодую полную женщину, которая могла быть участницей слежки. Наверняка имелись и другие, но, чтобы обнаружить их, следовало использовать более сложные уловки. В МИ-6 были озабочены тем, чтобы я остался в Британии, поэтому следили за тем, чтобы мой новозеландский паспорт был отправлен в Верховную комиссию. Чтобы заставить

их побегать, я решил продержать у себя паспорт как можно дольше и посмотреть, что будет.

Полицейский участок находился за пустующим и заколоченным зданием Сенчури-хаус. Было субботнее утро, и в участке сидело с полдюжины людей, пришедших, чтобы узнать о своих родственниках, попавших в камеру прошлой ночью, или предъявить водительские права после традиционно осуществляемых по пятницам проверок на содержание алкоголя в крови. Сев на скамью напротив конторки дежурного сержанта, я развернул местную газету и приготовился к долгому, утомительному ожиданию. Я был поглощен чтением статьи о банде, которую на днях поместили в Бел марш за попытку ограбления фургона, когда услышал резкий стук в окно комнаты для допросов. Пожилой дежурный сержант посмотрел на меня сквозь бифокальные очки.

– Мистер Томлинсон, идите сюда, инспектор Рэтклифф ждет вас.

– Откуда вы знаете мое имя? – дерзко отозвался я. Сержант выглядел сконфуженным. Ему не следовало показывать, что он знает мое имя, поскольку это означало, что они следили за мной по дороге к участку.

– Неважно, просто входите, – нетерпеливо проговорил он, указывая на одну из комнат для допросов.

– Вот, пожалуйста, как вы просили, – саркастически произнес я, кладя на стол свой британский паспорт.

– А новозеландский паспорт вы послали в Верховную комиссию? – спросил Рэтклифф.

– Разумеется, послал, – нахально соврал я.

– Когда и откуда? – подозрительно поинтересовался Рэтклифф.

– Я бросил его в почтовый ящик возле станции метро "Овал" как раз после того, как попрощался с матерью, – ответил я, сдерживая усмешку. Рэтклифф знал, что я вру, потому что слежка не доложила о том, что я что-либо бросал в почтовый ящик. Но он не мог признать, что установил за мной наблюдение, поэтому вынужден был принять мое фальшивое заверение.

Поскольку новозеландский паспорт все еще лежал у меня в кармане, у МИ-6 не было иного выхода, кроме как продолжать за мной слежку. Имея в распоряжении свободный день, я решил дать группе наблюдения возможность отработать свои деньги. Во время IONEC мы разработали два маршрута ухода от команд МИ-5 и SB в Лондоне. Первый – от станции "Ватерлоо" через Темзу до центра Барбикан – путь для начинающих с огромным количеством разнообразных ловушек для слежки. Поскольку у

меня не было правдоподобной причины, для того чтобы идти в Сити, я не мог выбрать этот путь, потому что тогда стало бы очевидно, что я знаю о наблюдении. А это могло заставить следящих отступить. Второй маршрут, более сложный и запутанный, проходит по Оксфорд-стрит. Большое количество народа делает его более сложным как для преследователя, так и для преследуемого, но по ходу его есть несколько действительно хороших ловушек. Кроме того, у меня был благовидный предлог для визита туда: мне позарез нужно было купить новую одежду.

Весь день я ходил туда-сюда по известной своими магазинами улице и делал вид, что меня интересует одежда, а также опробовал "западни и капканы". В Дебенхэмском универмаге, стоя на движущемся эскалаторе, я засек одного из наблюдавших на нижнем этаже магазина. В метро я использовал кратчайший путь, и это помогло обнаружить еще одного преследователя. Опасаясь потерять меня из виду, он выпрыгнул из бокового входа, как кролик из норы. Бесцельные шатания по книжному магазину "Фолз" вынудили еще двоих выдать себя таким же образом. К концу дня я убедился в повторяющихся появлениях рядом со мной троих и определил возможного четвертого филера.

В воскресенье утром небо было чистым и голубым, дул свежий ветерок. Отличный день для того, чтобы дать выплеснуться энергии и задать моей слежке хорошую работу. Большинство групп наблюдения, натренированных следить только за человеком, который идет пешком или едет на машине, теряется, если преследуемый выбирает нетрадиционные средства передвижения. Ролики подходили идеально: слишком быстрые, чтобы вести слежку пешком, и в то же время слишком медленные, чтобы использовать медленно движущуюся машину. Около одиннадцати я затянул ремешки на моих К-2, взял плейер и вынесся с черного хода моей квартиры. Я быстро проехал через Палфрей-плейс, по Фентиман роуд по направлению к Воксхолл-кросс. Было чудесное, бодрящее утро, и я чувствовал себя восхитительно, снова оказавшись на роликах. Проезжая через Воксхолл-кросс, я поприветствовал камеры слежения эффектной комбинацией из одного пальца. По пути обратно я ехал по ровному тротуару Воксхолл-бридж и смог убедиться в том, что очевидной слежки за мной нет. Через 20 минут я был уже в Гайд-парке и чувствовал воодушевление, будучи уверенным в том, что ускользнул.

– Эй ты! – услышал я знакомый голос. – Где ты был?

Я огляделся и увидел Уинстона и Шегги, направлявшихся ко мне через асфальтированную дорожку напротив

Кенсингтонгского дворца, маневрируя между детскими колясками и любителями оздоровительного бега.

– Где, черт возьми, ты был последние несколько месяцев, приятель? – оскалился Шегги, вынимая из ушей мощные стереонаушники, чтобы услышать мой ответ.

– Я только что вышел из Белмарша, – ответил я, натянуто улыбаясь. Шегги и Уинстон отсидели срок в Брикстоне за преступление, связанное с педерастией, поэтому они не могли не знать, что означает Белмарш. Уинстон недоверчиво посмотрел на меня.

– Да пошел ты, приятель, образованных белых парней вроде тебя не сажают!

Я объяснил, как я попал в Белмарш, но было видно, они мне не верят.

– Да иди в задницу, – издевательски рассмеялся Уинстон. – Ни за одну книжку тебя не упрятали бы в тюрьму в этой стране. – Уинстон, посмеиваясь, снял ролики.

– Ладно, парень, – все еще подозрительно сказал Шегги, но было видно, что он уже готов мне поверить, – если ты действительно сидел за решеткой, то скажи мне, как называют парней вроде Уинстона?

– Фрэгглами, – ответил я. Шегги засмеялся.

– Эй, Уинстон, иди сюда, Фрэггл. Этот парень в самом деле был в тюрьме!

Уинстон снова надел ролики.

– Если ты действительно был в Белмарше, это заслуживает уважения.

Я протянул руку, и Уинстон с энтузиазмом хлопнул по ладони, восхищенный тем, что образованный белый действительно бывший зек.

– Черт возьми, этот вертолет мочится прямо на меня, – воскликнул Уинстон несколько минут спустя, неотрывно глядя на вертолет столичной полиции, зависший на высоте около тысячи футов над нами.

– Давайте подъедем ближе к озеру и поглядим, что там случилось, – предложил он. Маневрируя между гуляющими, мы покатили на другую сторону парка к Серпантину, где присоединились к полудюжине завсегдатаев. Вертолет, назойливо гудя, последовал за нами.

– Уинстон, это из-за тебя? – крикнул Шегги. – Этот долбанный вертолет преследует тебя? – засмеялся он. Уинстон подъехал к нам, нервно поглядывая на вертолет.

– Что ты натворил? – веселился Шегги.

– Я был хорошим мальчиком эти дни! – ответил Уинстон. –

Да не меня он, черт побери, преследует, хоть и целится прямо в меня.

Полиция использовала вертолет, чтобы перевезти меня из Брикстона в Белмарш, но исключительно из-за того, что это обычная операция для особо опасных преступников категории А. Конечно, трудно вести за мной слежку, когда я на роликах, но стали ли бы они использовать такое дорогое средство, просто чтобы следить за мной? Был только один способ это выяснить.

– Поехали на Трафальгарскую площадь, – решился я, – посмотрим, что происходит там. – Мы преодолели интенсивное движение на Пиккадилли. Уинстон свистел в свисток, катился задом наперед перед любым такси, которые осмеливались попадаться ему на пути, ругался или показывал неприличный жест, поднимая средний палец. Шегги же, на плече у которого болталась крупногабаритная магнитола, занимался тем, что впрыгивал и выпрыгивал на ходу из автобусов и пытался схватиться за заднюю часть проезжающих мимо мотоциклов. Все путешествие заняло всего несколько минут, но их хватило вертолету, чтобы снова появиться над нашими головами.

Уинстон заволновался еще больше.

– Проклятый ублюдок, он преследует меня! – Он с негодованием смотрел наверх, сурово хмурясь, будто раздумывая, как разобраться с теми, кто посмел помешать его ежедневному катанию на роликах. – Эй, Шегги, давай вернемся обратно к озеру, если он полетит за нами, мы им покажем кое-что интересное, что скажешь?

Мы проехали Пиккадилли в обратном направлении, обогнули угол Гайд-парка и вернулись к Серпантину. Вертолет протарахтел через пару минут. Шегги и Уинстон уставились на незваного гостя.

– Эти надоедливые ублюдки сами напросились, – заявил Уинстон. Не говоря больше ни слова, они развернулись, наклонились и сдернули шорты.

– Засуньте свой гребаный объектив в мою чертову задницу! – весело заорал Уинстон.

Слежка с вертолета убедила меня в том, что МИ-6 настроена серьезно по отношению ко мне и было бы разумно перестать играть в эти игры дальше. Этим вечером я послал свой паспорт в Новозеландскую Верховную комиссию. Несколько месяцев спустя человек, наблюдавший за мной во время испытательного срока, сказал мне, что, после того как я не отправил паспорт в субботу утром, особый отдел по приказу МИ-6 выписал ордер на мой повторный арест. Судья отказался подписывать ордер на том основании, что не полиция, а служба контроля за досрочно

освобожденными должна зафиксировать нарушение условий испытательного срока. Неудовлетворенная этим, в понедельник МИ-6 приказала службе контроля подать новое заявление. Но к тому времени мой паспорт был уже на почте, поэтому они не смогли оправдать арест.

После того как я отправил свой новозеландский паспорт, очевидное внешнее наблюдение прекратилось, но я знал, что МИ-6 рано или поздно получит ордера FLORIDA. И меня не покидала неприятная мысль, что люди из отдела, занимающегося прослушиванием, которых я прекрасно знал, будут прослушивать мой домашний и мобильный телефоны. В общем, я поймал, что чужие люди вмешиваются в мою частную жизнь, и, если, например, слышал в каком-нибудь пабе хорошую шутку, то непременно звонил себе домой и записывал ее на автоответчик, чтобы их повеселить. Послав на свой адрес несколько электронных писем с парой приемов против вмешатеЗльства, которым нас научили во время подготовительного курса, я убедился и в том, что моя электронная почта тоже находится под наблюдением.

В начале июня я смотрел по телевизору документальный фильм о смерти принцессы Уэльской и Доди аль-Файеда в туннеле Альма в Париже в августе прошлого года. Я обнаружил, что шофер, Генри Поль, который тоже погиб, работал начальником охраны отеля "Риц". Оставался загадочным тот факт, что при нем обнаружили большую сумму денег. Я вспомнил, что наткнулся на эту фамилию, когда читал файл BATTLE в отделе SOV/OPS в 1992 году. Решив, что эта информация была бы важна для ведущегося расследования, но сознавая при этом, что если бы я пришел с ней в полицию, то это означало бы для меня немедленный арест, я написал письмо отцу Доди аль-Файеда, мистеру Мухаммеду аль-Файеду, владельцу универмага "Хэрродс". Ответа я не получил и, решив, что моя информация его не заинтересовала, забыл об этом. Спустя полгода я упомянул об этом факте в разговоре с каким-то журналистом, который сразу же понял всю важность информации, и через некоторое время со мной связался представитель мистера аль-Файеда. Он категорически заявил, что мистер аль-Файед никакого письма не получал.

Выход из тюрьмы был облегчением, но жизнь в реальном мире означала, что необходимо работать, чтобы иметь крышу над головой. Мой дом был заложен под жалованье в МИ-6, и если я хотел остаться в нем жить, то мое новое жалованье должно было быть не меньше, чем предыдущее. Служба в МИ-6 сама по себе уже создавала трудности в поисках дальнейшей работы, кроме

того, в МИ-6 заявили, что не будут использовать свои связи, чтобы мне помочь. Я не хотел снова оказаться по уши в долгах, поэтому решил продать свой дом. Дом в центре Лондона, в хорошем состоянии, с гаражом и, хоть и не большим, но ухоженным садиком продать несложно. Было очень жаль уезжать оттуда, когда в середине июня я отвозил последние вещи в дом к моим родителям в Камбрию, где я собирался остаться, пока не кончится мой испытательный срок.

Когда запрет на перемещение для меня был снят, я решил отправиться в Австралию или в Новую Зеландию, чтобы начать карьеру сначала, не тяготясь закладной. Я купил ноутбук, подключился к Интернету, чтобы поискать там предложения работы. Это было прямое нарушение условий испытательного срока, но МИ-6, чтобы арестовать меня за это, пришлось бы признать, что она прослушивает телефон моих родителей. В любом случае, мне доставляло удовольствие нарушать эти абсурдные условия. Очень скоро в моем "Псионе" было огромное количество контактов с Оклендом и Сиднеем.

Изучая возможности для карьеры в области тележурналистики, я связался с телевизионными компаниями обоих городов. Среди них был 9-й канал австралийского телевидения в лице их молодого лондонского корреспондента Кэтрин Бонелла, с которой я пару раз встречался в Лондоне. Тут надо было быть осмотрительным, потому что, хотя я и просто искал работу, МИ-6 при первой возможности попыталась бы использовать эти встречи как основание для ареста за нарушение запрета на контакты с прессой.

По мере того как мой испытательный срок подходил к концу, я начал опасаться, что нежелание МИ-6 как-либо помогать мне в переселении не предвещает ничего хорошего. Если они были уверены в том, что я представляю настолько большую угрозу, что необходимо конфисковать мои паспорта, запретить мне пользоваться Интернетом, общаться с журналистами и обязать меня каждую неделю до 31 июля встречаться с контролирующим меня во время испытательного срока человеком, то как они собирались контролировать меня с первого августа? С этого времени мне официально будет разрешено общаться с журналистами, пользоваться Интернетом и выезжать за границу. Было очень сомнительно, что они оставят меня в покое.

Единственным удобоваримым объяснением было то, что у МИ-6 был план, при помощи которого она собиралась контролировать меня после 31 июля, вполне возможно, довольно коварный. Например, обвинить меня в убийстве и надолго посадить в тюрьму. Имея в распоряжении мои отпечатки пальцев

и генетический код, совсем несложно сфабриковать правдоподобное обвинение в контрабанде наркотиков. В любом случае мне не стоило оставаться в Британии, чтобы это выяснять. Чтобы не попасть в ловушку, мне следовало уехать за границу до окончания испытательного срока и без паспорта. Но как? К счастью, мне помог опыт Белмарша.

Добсон говорил мне, что единственный способ ускользнуть – это перебраться на пароме из Ливерпуля в Белфаст, а затем поездом – в Дублин. Чтобы попасть в Северную Ирландию, паспорт не требуется, потому что это часть Соединенного Королевства. Не нужен он и для путешествия из одной ирландской столицы в другую, потому что против этого возражают ирландские республиканцы. В Дублине я мог бы запросить в Верховной комиссии другой новозеландский паспорт и улететь. Но у служб безопасности огромное количество лазеек для слежки, включая камеры CCTV, которые могут опознать человека в толпе на переполненной станции, и этого как раз я и не знал. Добсон также дал мне несколько адресов своих знакомых контрабандистов табака в Дувре, у которых есть скоростные катера. Но если бы меня поймали на контрабанде, это было бы на руку МИ-6. Рассмотрев различные варианты, я пришел к выводу, что лучше всего было бы нагло пересечь Ла-Манш на одном из паромов и таким образом оказаться во Франции. Добсон говорил, что ему пару раз удалось это проделать, когда контролеры на заметили его, потому что были слишком заняты.

Днем отправки я выбрал понедельник, 27 июля, самый разгар школьных каникул, когда в портах еще больше народу, чем обычно. В последнюю неделю моего испытательного срока МИ-6 проявляла особую бдительность, поэтому нужно было придумать какую-нибудь хитрость. 12 июля я позвонил туристическому агенту компании "Квантас" и заказал билет на самолет Манчестер-Сидней на 2 августа, сразу после окончания моего испытательного срока, когда в МИ-6 ожидали моего отъезда. Друзьям, звонившим мне, сообщалось, что в последнюю неделю июля я собираюсь поехать в велосипедный тур по Шотландии. Все это должно было при помощи специалистов из отдела прослушивания попасть в коридоры Воксхол-кросс.

22 июля около одиннадцати часов я сидел наверху в спальне, работая в Интернете, и вдруг услышал хруст гравия под ногами на подъездной дорожке. Я выглянул в окно из-за занавески. Судя по странному и неуместному одеянию, это были два агента из SB. Тот, что постарше, был одет в костюм в тонкую светлую полоску, молодой же – в джинсы и голубой шерстяной верх.

Вероятно, они хотели задать мне какие-то вопросы, хотя я не

представлял, о чем. Я не совершил никакого нового правонарушения, да и SB нет никакого дела до нарушения мною условий испытательного срока. Я не отреагировал ни на звонок в дверь, ни на последовавший за ним стук в заднюю дверь. Они скорее всего знали от слежки, что я дома, потому что сдались не сразу, а трезвонили и колотили в двери до тех пор, пока совершенно глухая Джесси случайно не услышала шум и не начала лаять. Я запер все двери, чтобы они не могли зайти, не взломав дверь. Имея ордер, они бы позвали подмогу, поэтому, если я буду сидеть тихо, они сдадутся и уйдут. Обойдя сад и надворные постройки, словно разведав обстановку для последующего ареста, агенты пошли обратно по подъездной дорожке. Со времени их прихода прошло около сорока минут. Было очевидно, что они вернутся с ордером и кучей народу, поэтому нужно было срочно уходить. Мне хватило тридцати минут, чтобы собраться, я даже успел пообедать до возвращения моих родителей. Тепло попрощавшись с Джесси, сознавая, что больше ее не увижу, я закинул два чемодана на заднее сиденье "сааба" моей матери. На случай, если SB установил слежку, я спрятался в багажнике, как Гордиевский, на время, пока мы не отъехали от городка подальше. Через 20 минут мы приехали на железнодорожную станцию Пенрит, где я сел на поезд линии Вест-Кантри и доехал до южного портового города Пул. Утро 24 июля было облачным и унылым, как и во многие другие дни лета 1998 года. Как я и предполагал, терминал был заполнен семьями с детьми, уезжающими во Францию в первый день школьных каникул. Размахивая своим свидетельством о рождении, водительскими правами и кредитными карточками перед носом у утомленной девушки-регистратора за стойкой "Траклайн", я объяснил, что несколько дней назад у меня украли паспорт. После беглого допроса и короткого, но нервного звонка своему начальнику она выдала мне посадочный талон на паром, уходящий в Шербур в 12.45.

Я поднялся с багажом на верхнюю палубу, чтобы в последний раз взглянуть на Англию, и увидел несметное количество серфингистов и водных лыжников, носящихся перед носом нашего корабля, пока мы выплывали из Пула. Так же, как и два года назад, когда я покидал страну, уезжая в Испанию, я не чувствовал ни ликования, ни торжества, несмотря на то, что мне удалось уйти из-под самого носа МИ-6. Только грусть и усталость, оттого что однажды возникший конфликт все еще не разрешен.

Я отстал от остальных пассажиров, когда мы высадились в Шербуре, пристроившись в конце очереди, чтобы не задерживать ворчливую толпу туристов, если французские таможенники меня

остановят. Я был крайне осторожен, потому что французская таможня тщательно изучала документы каждого прибывшего пассажира. Как только я предъявил неполный комплект своих документов и поймал недоверчивый взгляд французского таможенника, стало понятно, что въехать без паспорта во Францию гораздо сложнее, чем выехать из Англии. На ломаном французском я объяснил, что мой новозеландский паспорт в Париже, а британский, с которым я путешествовал в Англию, у меня недавно украли, поэтому я вынужден вернуться в Париж, чтобы забрать свой новозеландский паспорт. Таможенник позвал своего начальника, который попросил меня повторить все сначала. Потом пришел третий таможенник, и моя в третий раз повторенная история стала звучать неправдоподобно даже для меня самого.

– Это невозможно, – несколько раз повторил по-французски первый таможенник. – Вы должны вернуться обратно на следующем же пароме.

Но после длительных пререканий, ворчания и критики в адрес британских властей, выпустивших меня, старший таможенник разрешил мне пройти. Пока они не передумали, я схватил свои вещи и рванул на Шербурский вокзал. К одиннадцати часам вечера я уже снял комнату в недорогом отеле на Амстердамской улице недалеко от вокзала Святого Лазаря. Первая часть моего путешествия в Новую Зеландию прошла относительно гладко. Осталось только убедить Новозеландскую Верховную комиссию в Лондоне послать мой паспорт в Париж.

В 9 часов утра в понедельник сразу после открытия приемной службы Посольства Новой Зеландии в Париже, администратор проводил меня к Кевину Бониси, второму секретарю консульского отдела. Он согласился позвонить в Верховную комиссию в Лондон, чтобы попросить послать мой паспорт со следующим дипломатическим пакетом. Слава Богу, он не видел причин не возвращать паспорт немедленно.

– Уверен, вы получите ваш паспорт. Вы не нарушали ни законов Новой Зеландии, ни французских законов, – заверил он меня.

Это внимательное отношение ободрило меня, но через пару часов он мне перезвонил.

– Мы получили инструкции из Веллингтона не отдавать вам ваш паспорт до истечения вашего испытательного срока, то есть до первого августа, – объяснил он. Странно, что этим делом заинтересовался Веллингтон, скорее всего здесь не обошлось без МИ-6. Разве Новая Зеландия не суверенная страна? Разве она не обладает полной независимостью от Соединенного Королевства?

Веллингтон не имеет права отказывать в возвращении мне моего паспорта, потому что нарушение мной официального секретного акта не является правонарушением в Новой Зеландии или во Франции. Решив, что информация о том, что Веллингтон поддался нажиму со стороны МИ-6, будет небезынтересна новозеландской прессе, я позвонил нескольким тамошним журналистам. Расспросы об этом, видимо, вызвали некоторое волнение в Веллингтоне, потому что на следующий же день около десяти часов утра мне позвонила Мэри Оливер, консул в Париже и босс Кевина Бониси.

– Конечно, вы можете получить ваш паспорт, – с энтузиазмом произнесла она. – Веллингтон только что передал нам новые инструкции. Вы можете забрать его в пятницу утром, как только он прибудет из Лондона. Приходите сюда к двенадцати. Я буду вас ждать.

Следующие два дня стояла прекрасная погода, и я провел их, наслаждаясь Парижем, хотя меня не покидала мысль о том, что же дальше придумают в МИ-6. Когда я сидел на Елисейских Полях в лучах заходящего летнего солнца, потягивая пиво, мысль о том, что по просьбе МИ-6 меня арестует французская полиция, казалась просто фантазией. В МИ-6 не стали бы давать французской контрразведке DST возможность расспросить меня об операциях против Франции. Даже если бы они и арестовали меня, то по какому, собственно, обвинению? То, что я немного не дождался конца испытательного срока, не является основанием для экстрадиции. Но сверлящее ощущение неотвратимости повторного ареста ни разу не исчезло окончательно. Я понимал, что единственный способ противостоять МИ-6 – это связаться с журналистами. Я позвонил в "Санди тайме" и рассказал им историю моего побега. Дэвид Леппард, ведущий колонку расследований, уже был в Париже, работая над другой темой, и мы договорились пойти вместе в Посольство Новой Зеландии.

Было очень приятно после горячего и влажного уличного воздуха попасть в прохладный благодаря кондиционерам вестибюль отеля на бульваре Лафайет, где остановился Леппард. После двух звонков к нему в номер он спустился.

– Проклятый телефон барахлит, уверен, он прослушивается.

Я пропустил его слова мимо ушей. Меня забавляло, что даже опытный журналист, услышав пару раз потрескивание в телефонной трубке, воображает, что в его телефоне жучок.

Посольство находилось на улице Леонардо да Винчи, рядом с площадью Виктора Гюго, и мы поехали на такси. Фотограф из "Санди тайме" Аластер Миллер, вызванный для того, чтобы сделать снимки для статьи, уже ждал нас снаружи, когда мы

подъехали. Даже неуклюжая французская контрразведка постеснялась бы арестовывать меня на виду у журналиста и фотографа. Мои опасения относительно сотрудников посольства Новой Зеландии полностью оправдались. Они изменили свой тон в третий раз.

– Мы получили новые инструкции из Веллингтона, – объяснила Оливер. – Вы сможете получить ваш паспорт только завтра.

Капитуляция посольства перед МИ-6 меня разочаровала. Я так разгорячился, что даже не слышал шуток Оливер, когда она прощалась с нами. На улице мне стало неудобно за свою грубость, и я решил вернуться и извиниться, но Миллеру не терпелось сделать снимки. Мы дошли до Трокадеро, потом повернули в другую сторону, где можно было сделать фотографии на фоне Эйфелевой башни, наскоро пообедали в открытом бистро, и затем Миллер принялся за работу. Вскоре вокруг нас собралась небольшая толпа, люди думали, что я какая-нибудь рок-звезда или известный футболист.

Мы закончили около половины третьего, вернулись тем же путем и вместе поймали такси на площади Виктора Гюго. Наблюдая, нет ли за нами слежки, мы с трудом прокладывали себе дорогу в медленном парижском движении. Я ничего не заметил. Проще было попросить таксиста высадить меня на вокзале Святого Лазаря, чем объяснять дорогу к отелю. Станция была на реконструкции, тяжелая защищающая от пыли пленка и леса, закрывающие знакомый фасад, сбили меня с толку. Озираясь в поисках другого опознавательного знака, я заметил темно-серый "фольксваген-пассат", припаркованный в ста пятидесяти метрах от меня. Похожую машину я видел возле стоянки такси на Трокадеро. Я не запомнил номер, поэтому не мог быть уверен, что это одна и та же машина, но это только усилило мое волнение. Я пошел вверх по Амстердамской улице, прошел вход в мой отель и купил бутылку "Эвиана" в ливанском магазине деликатесов. Дважды возвращаясь к своему отелю, слежки я не заметил.

Едва я закрыл за собой дверь и сел на узкую кровать, как в дверь постучали. Это был резкий, настойчивый стук властного человека, совсем не похожий на извиняющийся стук горничной отеля.

– Что вы хотите? – спросил я по-французски, не сумев скрыть подозрительность в голосе.

– Это администрация.

Голос звучал слишком воинственно, а кроме того, администрация воспользовалась бы внутренним телефоном, если

бы им нужно было поговорить со мной. Я встал, глубоко вздохнул и повернул ключ в замке. Дверь распахнулась, будто от взрывной волны. Трое плотно сложенных мужчин влетели в комнату с криками "Полиция, полиция!", развернули меня и толкнули на пол, ударив головой о письменный стол. Сопротивляться было бесполезно. Мои руки были скручены за спиной, наручники врезались в запястья. Я был беспомощен, но удары все еще сыпались на затылок, пока от целенаправленного удара в ребра у меня не перехватило дыхание. Только когда я уже не мог двигаться, экзекуция закончилась. Меня подняли и бросили на кровать. Три лба нависли надо мной, победоносные ухмылки искажали их сердитые лица. Один сосал сустав пальца, который он поранил во время избиения. За ним стояли еще два полицейских с револьверами, нацеленными мне в грудь. Тот, что повыше, вроде был главным. Он взмахнул пистолетом, и бугаи втроем бросились обыскивать комнату.

– L'ordinateur, ou est Pordinateur (компьютер, где компьютер – фр.)? – набросился он на меня.

Я показал на опрокинутый стол, рядом с которым на полу лежал мой ноутбук, раскрытый, но вроде целый. Один из парней поднял его, отряхнул, закрыл крышку и положил его в специальный пакет.

– Et le "Psion"? (а "Псион"? – фр.) – продолжил главный.

Я кивнул на прикроватный столик, и тот, что поранил палец, убрал карманный компьютер в другой пакет. Они молча собрали остальные мои вещи, как попало запихнули их в чемодан, попытались застегнуть застежку, а когда им это не удалось, стянули чемодан моим же ремнем, оставив одну штанину и полы рубашки болтаться снаружи.

Так же, не говоря ни слова, они выволокли меня из комнаты и повели по узкому коридору к лифту. Главный нажал кнопку, пробормотал какой-то приказ и стал спускаться по лестнице. До первого этажа было пять пролетов, и мне на минуту показалось, что они столкнут меня вниз. Мои волосы были взъерошены, рубашка в крови, и, когда мы проходили мимо конторки портье, я смущенно ему улыбнулся. Он взглянул на меня и, должно быть, решил, что я совершил какое-нибудь ужасное злодейство.

На улице уже собралась группа зевак. Рядом ждали две полицейские машины без опознавательных знаков, а за ними стояла маши33на "скорой". Видимо, они думали, что я буду стрелять.

– Зачем вы меня избили? – спросил я у одного из полицейских по-французски, когда он втолкнул меня на заднее сиденье первой машины.

Он что-то угрожающе пробурчал, и я решил помалкивать. Я спокойно сидел на заднем сиденье, пристегнутый с двух сторон наручниками. Сначала мы ехали в западном направлении, потом по южному берегу Сены. Я чувствовал досаду, оттого что снова потерял свободу, словно кролик, попавший в капкан и понимающий, что его время кончилось. МИ-6 снова заполучила меня в пятницу днем, и это означало, что я проведу весь уикэнд в неудобной камере полицейского участка в ожидании судебного слушания. Меня утешало лишь то, что французские наручники были гораздо более удобными, чем английские, а Ронни говорил мне, что французские тюрьмы не так уж плохи. Когда мы выехали из центра Парижа, машин стало меньше, и по южной набережной мы уже ехали с приличной скоростью. Неожиданно повернув налево, мы проехали под подвесной станцией метро, а затем вдруг резко съехали по наклонной дороге в подземный гараж. Мои захватчики вытащили меня из машины, провели по нескольким тускло освещенным коридорам и втолкнули в камеру. Я решил, что камера тянет максимум на две звезды: ни туалета, ни окна, только ведро и деревянная скамья с грязным одеялом, матраса и подушки я не увидел. Британские камеры были на порядок лучше. Вся передняя стена была сделана из утолщенного стекла. Таким образом, охранники могли видеть все, что я делаю. С меня сняли наручники и велели мне раздеться. Затем они вернули мне одежду, за исключением ремня и наручных часов и, не говоря ни слова, ушли, закрыв замок. Я сел на скамью, обхватил голову руками и приготовился к худшему.

Примерно через час они вернулись, снова надели на меня наручники и провели по короткому коридору в душную комнату для допросов, в которой не было ни одного окна. Она была освещена мерцающими флуоресцентными лампами. В ней стоял длинный стальной стол, за которым сидели пять полицейских, среди них был и Рэтклифф. Он победоносно улыбнулся, когда бугаи усадили меня на стул. Рэтклифф поймал мой взгляд и заговорил первым:

– Вы наверняка не удивлены, что я здесь, Ричард.

Я знал, что Рэтклифф всего лишь делает свою работу, выполняя приказы сверху, но было трудно не чувствовать враждебность к нему за те неудобства, которые он мне причинил. Игнорируя его слова, я повернулся к одному из французских полицейских, участвовавших в моем аресте. Я обратился к нему по-французски:

– Я в отчаянии, но я не желаю, находясь здесь, объясняться с инспектором по-английски без вашего разрешения.

Нет лучшего способа для англичанина разозлить француза,

чем разговаривать на его территории по-английски, как это только что сделал Рэтклифф. Использование французского могло только помочь мне. Представившись майором французской внутренней контрразведки Брусньяром, он слегка улыбнулся. Рядом с ним сидел капитан Грюньяр, не присутствовавший при аресте. Перед ним лежал маленький ноутбук, который использовался французской полицией вместо магнитофона для записи допросов. Еще один офицер особого отдела, инспектор Марк Уоли сидел рядом с Рэтклиффом. Между британским и французским полицейскими размещался переводчик. На столе перед ними лежали мой ноутбук, "Псион", мобильный телефон и какие-то документы и факсы.

– Вы были арестованы согласно акту о взаимодействии, – объяснил Брусньяр по-французски. Это соглашение обязывает иностранную полицейскую службу арестовать любого человека по просьбе другой полиции вне зависимости от причины, что часто ведет к злоупотреблениям, и SB прекрасно продемонстрировал это в моем случае.

– Я прошу прощения, но мы были вынуждены арестовать вас, – объяснил он. Он посоветовал мне отвечать на все вопросы, заверив в том, что Рэтклифф и Уоли не будут допрашивать меня лично, и добавил, что допрос будет вестись исключительно на французском языке. Сотрудники SB могут спросить меня о чем-то через переводчика, но непосредственно задавать мне вопросы на территории Франции имеют право только он и Грюньяр.

Все, что сказал сейчас Брусньяр, равно как и все, что произносил он впредь, переводчик пересказывал по-английски Рэтклиффу и Уоли. Они пытались слушать французскую речь, и во время небольшой паузы Рэтклифф не выдержал:

– У нас есть основания полагать, что вы пользовались Интернетом в обход условий испытательного срока. Я не обратил на него внимания, невинно спросив по-французски у Брусньяра:

– Что он сказал?

Брусньяр широко улыбнулся. Переводчик перевел вопрос Рэтклиффа на французский, и Грюньяр открыл ноутбук. Было видно, что он совсем не знает клавиатуры, поэтому печатал двумя пальцами и периодически останавливался, когда не мог найти нужную кнопку. Его губы шевелились, произнося каждую набранную букву.

– Готово, – наконец произнес Грюньяр. Было видно, что он доволен своей работой.

– Est ce-que vous avez utilise l'Internet (вы пользовались Интернетом? – фр.), – прочитал он вслух, проверяя себя. Брусньяр надел очки и наклонился вперед, чтобы прочитать то, что

написано на экране.

– Est ce-que vous avez utilise 1'Internet, – строго повторил он.

– Jamais (никогда – фр.), – твердо ответил я. Школьного французского Рэтклиффа хватило, чтобы понять мой ответ, и, желая и дальше участвовать в допросе, он попытался задать новый вопрос, но Брусньяр оборвал его.

– Подождите, подождите минуту, – сказал он, поднимая руку и наклоняясь вперед, чтобы посмотреть, как Грюньяр вводит мой ответ в компьютер. Губы Грюньяра продолжали шевелиться, пока он печатал J-A-M-A-I-S, подолгу ища каждую букву на клавиатуре.

– Готово, – торжествующе объявил он, закончив слово и нажав клавишу ввода. Рэтклифф снова попытался вставить свой вопрос, но Брусньяр опять жестом остановил его. Теперь была очередь переводчика. Он резко выпрямился и перевел:

– Никогда.

Брусньяр наконец выглядел довольным, и Рэтклифф смог задать свой следующий вопрос.

– Мы полагаем, что вы, возможно, разговаривали с австралийской журналисткой Кэтрин Бонелла и тем самым нарушили условия испытательного срока?

Я подождал, пока переводчик перевел вопрос на французский, Грюньяр старательно ввел его в компьютер, а Брусньяр наконец задал мне вопрос на своем родном языке. Вся эта нудная процедура заняла почти пять минут, и у меня было достаточно времени, чтобы подумать над ответом.

– Да, сэр, я разговаривал с мадемуазель Бонелла несколько раз.

Пока мой ответ вводился в ноутбук и переводился, Рэтклифф проявлял нетерпение. Он почувствовал, что поймал меня, когда мой ответ наконец дошел до него в переведенном виде.

– О чем вы с ней говорили? – настойчиво спросил он. И снова переводчик перевел вопрос, Грюньяр медленно ввел его в компьютер, а Брусньяр задал его мне.

– О приеме на работу, – ответил я, и процесс начался снова.

Брусньяр начал раздражаться, но не оттого, что его офицер был весьма посредственной машинисткой, и не от моего несерьезного настроения, а исключительно от не относящихся к делу вопросов Рэтклиффа. DST арестовывала меня с пистолетами, как будто я опасный террорист, а теперь Рэтклифф просто хочет узнать о моих собеседованиях с работодателями и о том, пользовался ли я Интернетом.

Допрос в стиле "Janet and John" оставлял мне достаточно времени на обдумывание, и я мысленно вспоминал, что есть у меня в компьютере и в "Псионе". Я был уверен, что они не найдут

в ноутбуке ничего разоблачающего. Все файлы были зашифрованы с помощью личного пароля (PGP) а жесткий диск недавно был дефрагментирован, так что там опасности не было. Но вот относительно "Псиона" уверенности меньше: хотя в нем тоже все было зашифровано, я боялся, что им удастся взломать шифр. Кроме того, они могли забрать компьютеры, а в "Псионе" содержалась важная информация, касающаяся моих контактов и исследований рынков труда, детали, реквизиты счета в банке, и пин-коды. Без всего этого я как без рук. "Псион" лежал соблазнительно близко, между мной и Брусньяром. Если бы я только мог незаметно взять его.

Я попросил у Брусньяра воды, пояснив, что выброс адреналина в кровь при аресте спровоцировал жажду, к тому же в комнате для допросов очень душно. Через несколько минут после того, как он отдал приказ по внутреннему телефону, вошел один из охранников и поставил на стол бутылку "Эвиана". Я взял ее обеими руками в наручниках, сделал большой глоток и подвинулся ближе к "Псиону". Рэтклифф хотел узнать пароль к моим зашифрованным файлам. Пока его вопрос переводили, я сделал еще один глоток и поставил бутылку еще ближе. Брусньяр передал мне вопрос.

– Пароль: Инспектор Рэдклифф nonce (для начала – фр.), – солгал я.

– Что такое nonce?, – серьезно спросил Брусньяр.

После моего объяснения Брусньяр, глупо ухмыляясь, повторил фразу Грюньяру, который ввел ее в лаптоп, а переводчик наклонился, чтобы помочь с орфографией. Краем глаза я видел, что Рэтклифф и Уоли что-то обсуждают, опустив головы, и на меня не смотрят. Это был шанс. Я взял бутылку "Эвиана", сделал глоток, поставил ее рядом с "Псионом" и, отпустив бутылку, обеими руками схватил карманный компьютер. Под столом я вынул устройство памяти, засунул его в ботинок и вернул "Псион" на место. Ни один из пяти полицейских ничего не заметил. Я не смог скрыть усмешку.

Первая часть допроса длилась около часа, но Рэтклифф так и не нашел основания для экстрадиции. Бугаи вернули меня обратно в камеру и дали французский багет, сыр и чашку кофе. Один сел за стол снаружи и включил на переносном телевизоре мыльную оперу. Когда он перестал обращать на меня внимание, я снял ботинок и засунул диск "Псиона" под стельку. Большой палец упирался в него, но я мог ходить, не хромая.

При следующем допросе Рэтклифф и Уоли не присутствовали.

– А где англичане? – вежливо поинтересовался я.

– Пах, – Брусньяр презрительно вскинул руку. Он объяснил мне, что я "garde en vue" (заключен под стражу – фр.), то есть что он может удерживать меня здесь в течение сорока восьми часов без предъявления обвинения. За это время я могу позвонить или поговорить лично с моим адвокатом. По истечении двадцати часов меня может посетить только полицейский юрист, чтобы объяснить мне мои права.

Затем Брусньяр продолжил допрос, без всякого интереса задавая вопросы из списка, который дал ему Рэтклифф. А Грюньяр вводил мои банальные ответы в лаптоп. За этот вечер совсем заскучавший Брусньяр допрашивал меня еще один раз, после чего часов в одиннадцать меня отвели в камеру и дали еще одну бутылку "Эвиана" и сэндвич с жирным беконом. И в нормальных-то обстоятельствах довольно трудно заснуть на жесткой скамье, без подушки, с включенным светом и наблюдающим за тобой охранником, но как только я лег, я понял, что полицейские сломали мне ребро. Из-за боли я не мог спать на левом боку, и, даже когда я лежал на спине, ребро болело при каждом вдохе. Мне предстояла долгая бессонная ночь, зато я мог проанализировать события сегодняшнего дня. МИ-6 продемонстрировала полнейшую глупость! Чего они хотели добиться моим арестом? Когда всплывут все подробности, дело получит еще более нехорошую огласку. Даже если через 6 месяцев GCHQ при помощи огромного количества своих суперкомпьютеров взломают мои файлы, что это докажет? Франция никогда не выдаст меня только потому, что у меня в компьютере зашифрованные файлы, которые я никому не показывал, что бы в них ни содержалось. Я утешился, подумав о письме, которое они обнаружат, открыв файл-ловушку размером с книгу в моем лаптопе. Тысячи раз повторенная фраза: "МИ-6, вы – сборище несчастных педиков, которые тратят свое время и деньги налогоплательщиков". Настоящий текст уютно расположился у большого пальца моей ноги.

Брусньяр пришел ко мне в камеру в девять утра и принес пластиковый стаканчик с растворимым кофе, сладким, как сироп. Было утро субботы, и его абсолютно не радовало, что он теряет эти выходные из-за бессмысленного ареста. Когда я протянул руки, чтобы он, как обычно, надел на меня наручники, он презрительно пожал плечами и сказал по-французски:

– Сегодня обойдемся без наручников. Но если вы будете крутить, мы вас опять побьем. – Он строго погрозил мне пальцем. Я испытывал к французской контрразведке восхищение, смешанное с отвращением. Они не ходили вокруг да около.

К счастью, обстановка в комнате для допросов разрядилась.

Брусньяр расслабился и иногда был даже грубоват. Он задал еще несколько вопросов из списка Рэтклиффа, но, поскольку я повторял ту же ерунду, что и в пятницу ночью, то ему это быстро наскучило, и допрос принял иное направление; я сначала даже не знал, как реагировать.

– Как часто вы приезжали во Францию по работе? – спросил он, хитро ухмыляясь. Это не был прямой вопрос. Я был во Франции несколько раз по делам, о которых французской контрразведке было известно. В основном это были операции, связанные с гражданами других стран, как правило, сербами или русскими. Но, кроме этого, я был во Франции несколько раз, выполняя операции против Франции, о которых им, разумеется, не сообщалось. Действительно ли Брусньяр думал, что я буду сотрудничать, или он просто заманивал меня в ловушку? Если бы я стал раскрывать детали операций МИ-6, то нарушил бы тем самым именно то соглашение, в соответствии с которым меня арестовала DST. Я решил не рисковать.

– Извините, но я не могу говорить об этом.

– Почему? – слегка разочарованно протянул Брусньяр.

– Британцы могут попросить вас арестовать меня, – серьезно ответил я.

Брусньяр сдался ко времени ланча. Когда меня вернули в камеру, тюремщики купили мне второй сэндвич и еще одну бутылку воды. Затем, поскольку я находился под стражей более двадцати часов, пришел молодой полицейский адвокат, чтобы объяснить мне мои права.

– Ко времени ланча, вы будете находиться под арестом в течение двадцати четырех часов, после чего судья будет решать, продолжится ли ваше задержание. Весьма вероятно, что вас отпустят, так как вы не нарушили французских законов, – заявил он.

Я скрестил пальцы.

Через четыре часа ко мне пришел Грюньяр и сказал, что судья дал им разрешение держать меня под стражей в течение следующих двадцати четырех часов. Мое душевное состояние до этого было вполне сносным, но новость о продлении моего задержания заметно пошатнула его. Грюньяр рассказал, что они все еще не расшифровали файлы в моем компьютере и не могут выпустить меня, пока не взломают их.

– Но PGP-шифр невозможно взломать, – возразил я по-французски. – Суперкомпьютеру понадобилось бы для этого по крайней мере шесть месяцев!

– Ну хорошо, дайте нам пароль, – отбветил Грюньяр. Они шантажировали меня: нет ключа – нет освобождения.

К счастью, Грюньяр блефовал. Около 22 часов Брусньяр и Грюньяр решили, что с меня достаточно, и вошел мою камеру, широко улыбаясь.

– Вы свободны, – объявил Брусньяр. – Вы не нарушили никаких французских законов.

– Но если я не нарушил французских законов, почему вы арестовали меня? – в бешенстве воскликнул я.

– Англичане попросили, – пожал плечами Брусньяр. – Они сказали, что вы террорист и очень опасны. Они попросили сломать вас, – откровенно выложил он.

– Могу я посмотреть ордер? – потребовал я.

– Вы свободны от каких-либо обвинений, зачем вам ордер? – возразил он.

– Англичане хотят получить ваш компьютер, – Грюньяр переключился на другую тему. Он показал мне "Псион" и мой новенький лаптоп, густо усеянные красными сургучными печатями и надписями, готовые к отправке в Лондон на проверку. (Я увидел их снова только пять месяцев спустя, несмотря на энергичные попытки вызволить их, предпринимавшиеся молодым парижским адвокатом Анн-Софи Леви, которая добровольно представляла мои интересы.) Накануне Рождества 1998 года она позвонила мне и сообщила, что SB наконец согласился вернуть их. Они не нашли ничего незаконного ни в одном из компьютеров и не предъявляют мне никаких обвинений. SB послал мне компьютеры, но если лаптоп дошел до меня в целости и сохранности, то "Псиона" я уже больше никогда не видел. SB заявил, что он, должно быть, "потерялся на почте".

– Я хочу увидеть ваших английских коллег, – обратился я к Брусньяру, намереваясь сказать Рэдклиффу и Уоли пару ласковых слов.

– Они на пути к Пигаль, – ответил тот с ухмылкой.

Я мог бы последовать за ними с видеокамерой в этот пресловутый район красных фонарей, но предпочел хорошенько выспаться. Брусньяр и Грюньяр посадили меня в машину, но все же без наручников, и доставили в ближайший дешевый отель. Вручив мне мой новозеландский паспорт, они пожали мне руку и оставили меня в вестибюле.

Из-за недосыпа в течение всего уик-энда мои чувства оказались заторможенными, но дело прежде всего. Нежелательность огласки была главным оружием против МИ-6, чтобы побудить ее отказаться от использования подобной тактики в будущем. Поэтому я стал звонить в Лондон. Большинство британских газет преподнесли наутро эту историю, рисуя МИ-6 в негативном свете.

SB в Лондоне также был очень занят в этот уик-энд. В 6 часов утра в день моего ареста они ворвались в квартиру Кэтрин Бонелла в южном Лондоне, вытащили ее из постели и доставили в полицейский участок на Чаринг-кросс, чтобы допросить о встречах со мной. В конечном счете ее отпустили без предъявления обвинений, но не преминули пригрозить ей аннулированием разрешения на работу в Соединенном Королевстве.

Поспав немного, я поднялся рано утром на следующий день, распаковал свой багаж и исследовал его. МИ-6, не сумев надолго задержать меня, должна была работать над компьютерами сверхурочно. Вряд ли им понадобилось много времени, чтобы понять, что диск из "Псиона" был изъят. Я добрался на метро до Северного вокзала, где в небольшом независимом агентстве путешествий, специализирующемся на продаже дешевых билетов в Австралию, приобрел билет на самолет компании "Ниппон эйрвейз" вылетавшем из аэропорта Шарль де Голль в Токио, а затем в Новую Зеландию.

x x x

– Вы Ричард Томлинсон? – спросил меня с новозеландским акцентом прыщеватый юнец, одетый в дешевый костюм.

– Нет, – ответил я уклончиво, толкая свою тележку через толпу в аэропорту. Юнец с беспокойством посмотрел на меня.

– Вы Ричард Томлинсон, разве нет? – упорствовал он, нетерпеливо подталкивая вбок мою тележку.

– Совершенно определенно, нет, – с видом французской пифии ответил я. – Я – Наполеон Бонапарт. А вы кто?

Но незнакомец был непоколебим.

– Вы Ричард Томлинсон, и я в соответствии с данным предписанием должен служить вам, – помпезно объявил он и бросил увесистую пачку официально выглядевших бумаг на мою тележку, прежде чем я смог скрыться в толпе.

Пролистав восемьдесят пять листов, заполненных юридическим жаргоном, призванным предотвратить мое общение со средствами массовой информации Новой Зеландии, я был озадачен тем, что в МИ-6 настолько напуганы. Я не узнал в МИ-6 ничего, что могло бы заинтересовать СМИ Новой Зеландии. Дурацкий ордер предназначался только для того, чтобы скрыть те методы, которые применяла ко мне МИ-6. Сидя на заднем сиденье такси по дороге в "Копторн", отель на побережье Окленда, я искренне позабавился, когда представил, какое множество

государственных служащих надрывалось весь уик-энд, чтобы собрать воедино все эти запретительные нормы.

Учитывая, что всем было интересно, почему в МИ-6 хотели заставить меня молчать, ничего глупее они придумать не могли. В течение следующих нескольких дней я ответил на море вопросов телевизионных и газетных журналистов Новой Зеландии. Новость очень скоро пересекла Тасманово море и добралась до Австралии, что вызвало серию просьб об интервью от австралийских журналистов. Даже в журнале "Тайм" появилась статья на целую страницу, рассказывающая о моем аресте в Париже, судебном запрете, а также глупом упрямстве МИ-6, отказывающей признать, что всему виной ее собственные ошибки в руководстве.

Судебный запрет означал, что Служба безопасности и разведки Новой Зеландии (NZSIS) будет проявлять ко мне повышенный интерес. И хотя Новая Зеландия славится наиболее либеральными законами, связанными со свободой личности, действия правительства в отношении моей персоны убедили меня в том, что оно готово наплевать на любой закон, лишь бы угодить МИ-6. NZSIS поддерживает очень тесные отношения с МИ-6, вплоть до того, что каждый год она посылает одного из своих новоиспеченных офицеров в Великобританию для прохождения IONEC, а затем в течение нескольких лет он работает в Британии, занимаясь канцелярской работой. Лицам с двойным, британским и новозеландским, гражданством, например, мне, разрешается работать в Службе безопасности и разведки Новой Зеландии, в отличие от граждан Австралии, например, или Канады, имеющих также и британский паспорт. При этом всего один гражданин Новой Зеландии полноценно работает в МИ-6. Меня раздражало, что NZSIS будет прослушивать мой телефон и следить за мной, заставляя чувствовать себя не дома в стране, где я родился.

Более того, с потерей моего "Псиона" пропали все контакты с работодателями, которые я установил, еще будучи в Великобритании. Я решил отказаться от идеи поселиться в Новой Зеландии. У меня были связи в Сиднее, и я помнил название одной солидной тамошней компании, которая предложила мне работу.

Поскольку новозеландские власти преследовали меня повсюду, необходимо было прибегнуть к какой-нибудь уловке, чтобы добраться до Австралии незаметно. Я оставил ложный след, сказав журналистам, что хочу провести уик-энд в известном своей красотой местечке на полуострове Коромандел в северной части Новой Зеландии. При помощи ли жучка в моем телефоне или от кого-то из журналистов – так или иначе эта информация

дойдет до властей.

В конце дня в пятницу 7 августа я собрал чемодан, выписался из "Копторна" и поехал на такси в аэропорт Окленда. В кассе авиакомпании "Квантас" я купил билет в один конец до Сиднея на самолет, вылетающий через час. С того времени как я выписался из отеля и до отлета, должно было пройти два часа. Даже если кто-из NZSIS видел, как я уезжал из отеля, они все равно не успели бы ничего сделать, чтобы помешать мне покинуть Новую Зеландию.

Уверенный в том, что сумею проникнуть в Австралию незамеченным, я сел на ближайшее к проходу сиденье в заполненном пассажирами самолете "Квантаса" MD-11, предвкушая хороший обед в порту Сиднея.

– Мистер Томлинсон?

Я поднял голову и увидел двух стюардов.

– Будьте добры, покиньте, пожалуйста, самолет, – продолжил один из них. – И возьмите с собой вашу сумку, – добавил он, подчеркивая, что в Австралию я не полечу. Что ж, по крайней мере, полиции я не видел, так что, возможно, меня не собирались арестовывать. Стюарды вывели меня из самолета и проводили до комнаты администрации авиакомпании "Квантас", где старший по рангу служащий объяснил мне, в чем дело.

– Мы получили факс из нашего главного офиса в Канберре, в котором сообщается, что у вас нет австралийской визы, – извиняющимся тоном произнес он. – Самолет не взлетит, пока мы не достанем ваш чемодан из багажного отделения. Я действительно сожалею об этом. – Он видел меня по телевизору и, подобно большинству новозеландцев, мне симпатизировал.

– Могу я взглянуть на факс? – спросил я, предполагая, что это была грязная игра. Поскольку австралийские власти могли узнать о моем намерении прибыть в Сидней лишь за несколько часов до этого, вряд ли такой факс существовал в действительности.

– Сожалею, но у меня строгое указание не показывать его вам. Если вы позвоните Мэрион Смит в австралийское консульство; она все объяснит.

По всей видимости, факс был просто выдумкой для того, чтобы выиграть время и придумать официальные причины помешать моим планам. Я немедленно позвонил Смит, и она подтвердила мои подозрения, признав, что ничего не знает об отказе в выдаче мне визы. Я начал разочаровываться в отношении ко мне властей Новой Зеландии и Австралии. Они присоединились к МИ-6 в попытках запугать меня, не просчитывая последствий для себя или хотя бы не пытаясь действовать в рамках собственных законов. Для них было гораздо

удобнее прогнуться под политическим давлением МИ-6, чем встать на защиту прав одного человека.

Я вернулся в "Копторн", где администратор заявил, что, поскольку отель переполнен, он может предоставить мне лучшие апартаменты по цене обычной комнаты. Вестибюль и рестораны были пусты, так что отель не показался мне заполненным, но я пожал плечами и взял ключ. Как только я вошел в номер, зазвонил телефон. Это было ТВ Новой Зеландии, на котором узнали об изменении моих планов и желали прислать группу репортеров, чтобы взять интервью для позднего вечернего выпуска новостей. Я согласился и начал распаковывать чемодан, который сложил лишь несколько часов назад. Репортеры и операторы прибыли в 8 часов вечера и сняли короткое интервью, в котором я выразил протест против преследования со стороны властей Новой Зеландии, после чего они помчались готовить его к выпуску в основных 9 часовых вечерних новостях.

Оставшись наконец один, я сел с бутылкой "Стейн-лагер" из мини-бара и стал решать, что делать дальше. Запрет, поступивший из Австралии, сильно разочаровал меня. Обычно гражданину Новой Зеландии виза для въезда в Австралию не требовалась. Однако в соглашении между Новой Зеландией и Австралией имеется пункт, позволяющий запретить въезд подданному другого государства, если он является "личностью, вызывающей беспокойство". Этот пункт, который на самом деле был направлен на то, чтобы каждая страна могла не впускать к себе серьезных преступников – насильников и убийц – Австралия могла использовать, дабы воспрепятствовать моему въезду.

Лежа на кровати, я набрал номер моего друга в Сиднее, чтобы рассказать ему, что мое путешествие прервано. Вскоре после того, как он ответил, раздался осторожный стук в дверь. Я сказал ему, что прервусь на минуту, и положил трубку на прикроватный столик. Мои предыдущие аресты сделали меня подозрительным по отношению к неожиданным визитерам.

– Кто это? – осторожно спросил я, не открывая дверь.

– Это Сьюзен, Кэролайн здесь? – ответил женский голос.

– Извините, вы ошиблись дверью, – сказал я и вернулся к телефону. Однако стук в дверь повторился, причем более нетерпеливый. Несколько раздраженный, я снова подошел к двери.

– Это Сьюзен. Мне кажется, я забыла кое-что в комнате.

Глазка в двери не было, так что я заложил цепочку и повернул ключ. Дверь распахнулась, насколько позволила цепочка.

– Полиция, полиция, откройте эту долбанную дверь, –

закричал сердитый мужской голос.

– Сейчас, сейчас, успокойтесь, – ответил я, снимая цепочку, чтобы избежать штрафа от "Копторна" за поврежденное имущество.

Нападение возглавил свирепо выглядевший маориец.

– Пройдите сюда, в угол, – крикнул он, отталкивая меня от полураскрытого чемодана. За ним вошли два офицера. Комната была мгновенно обследована, меня они держали под контролем, чтобы я не мог сопротивляться. Вошел четвертый офицер.

– Я детектив инспектор Уитхем, Оклендское отделение налоговой полиции, – заявил он, предъявляя мне свой значок. Он представил мне сердитого маори, который выглядел разочарованным тем, что я не стал сопротивляться, как констебля Вайханари.

– Мы имеем ордер на обыск тебя и твоих вещей, – объявил Вайханари, размахивая передо мной листом бумаги. – Раздевайся, – приказал он. Пока осматривали мою одежду, женщина-офицер и дородный полицейский, вошедший четвертым, натянули резиновые перчатки и начали тщательно исследовать мои вещи. Телефон был все еще соединен с моим другом в Сиднее, так что женщина положила трубку и для пущей важности выдернула шнур из розетки.

– Могу я увидеть ордер? – потребовал я после того, как Вайханари разрешил мне одеться. Я изучил ордер весьма тщательно. Любая неточность сделала бы его незаконным, и я мог в таком случае заставить полицейских уйти, но каждая деталь в нем была точной, даже номер комнаты. Стало ясно, почему администратор настаивал на смене апартаментов.

Я услышал другие голоса, доносящиеся из коридора, и как, только закончил чтение ордера, вошли их обладатели. К моему изумлению, одним из вошедших был Рэтклифф.

– Что принесло вас сюда? – воскликнул я, подскочив, отчего глаза Вайханари чуть не вылезли из орбит.

Рэтклифф прилетел в Новую Зеландию за счет денег налогоплательщиков (позже я узнал, что Уоли прилетел вместе с ним) из-за этого пустякового случая.

– Немедленно убирайтесь из этой комнаты! – закричал я и повернулся к Вайханари: – Если он не уберется отсюда сейчас же, ты можешь им заняться.

Рэтклифф успокаивающе поднял руки и вышел спиной вперед из комнаты. Он понимал, что эта последняя выходка завтра же попадет в прессу, и он не хотел такой же огласки, как у истории с арестом в Париже. Новозеландская полиция гораздо более профессионально и тщательно, чем французская, обыскала

комнату. Они отвинтили все, что отвинчивалось: все осветительные приборы, розетки, они даже развинтили письменный стол. Все мои вещи были аккуратно разобраны. Спустя полтора часа толстый полицейский довольно улыбнулся, поднял тяжелый английский адаптер и окликнул своих коллег. Он нашел диск "Псиона". Я тоже улыбнулся, потому что как раз утром, сидя в Интернет-кафе, я поместил копию в Интернете.

Часов в одиннадцать полиция ушла, захватив с собой диск и некоторые бумаги, которые, как они решили, свидетельствуют о том, что я "угрожаю безопасности Новой Зеландии". Ужасно раздосадованный, я пошел в Оклендский даунтаун, чтобы напиться. Во втором пабе, на который я случайно набрел, был вечер водочного коктейля в банках под названием "КГБ". Когда я выпил половину первой банки, ко мне подошел молодой человек и хлопнул меня по плечу.

– А я знаю тебя, приятель, я тебя всю неделю каждую ночь по телевизору видел. Ты тот парень, которого эти английские ублюдки гоняют по всему миру, – с ухмылкой произнес он. – Давай, выпей "КГБ" за мой счет. – Он махнул официанту, и тот принес мне еще одну банку. Вскоре к нам присоединились его приятели, и я провел с ними всю ночь и тяжелый следующий день.

– Продолжай в том же духе, надуй этих английских бастардов, – подстегивали они меня. Их воинственный настрой и непочтительное отношение к властям резко контрастировали с отношением к этому моих английских знакомых, которые вяло советовали мне сдаться МИ-6.

Несмотря на поддержку со стороны моих ночных собутыльников и простых жителей Окленда, которые подходили ко мне на улице в течение следующих нескольких дней (один из них даже попросил автограф), я с сожалением пришел к выводу, что оставаться в Новой Зеландии мне не стоит. Если МИ-6 вынудила власти Новой Зеландии конфисковать мою собственность, то рано или поздно они попытаются предъявить мне обвинение. Я решил вернуться в Европу и выбрал Швейцарию благодаря ее репутации нейтральной страны.

Но сначала я должен был найти адвоката, который помог бы мне вернуть конфискованные у меня вещи, потому что в Европе я уже не смогу действовать сам. Одной из причин, по которым МИ-6 удерживала меня, было их желание, чтобы я потратил все сбережения на адвокатов для возвращения своих вещей. Имея в распоряжении неограниченные легальные средства, они знали, что мои финансы ограниченны. Поэтому я тем более был рад, что нашел адвоката, который был готов представлять мои интересы

pro bono. Уоррен Темплтон – усердный независимый адвокат из Окленда, который узнал о моем деле по новозеландскому телевидению и разыскал меня в отеле "Копторн". Я с радостью принял его щедрое предложение, и с тех пор он неустанно работает над тем, чтобы положить конец преследованию меня со стороны МИ-6 не только в Новой Зеландии, но и по всему миру.

Глава 15. Зловещие круги

Суббота, 30 августа 1998 г.

Аэропорт Джона Ф. Кеннеди, Нью-Йорк.

"Добрый вечер, леди и джентльмены. В целях безопасности пассажиров просим всех возвратиться на свои места". Послышались недовольные вздохи и ворчание пассажиров, запихивающих обратно на верхние полки свои пальто и ручную кладь, в то время как капитан авиакомпании "Свисс-айр" повторял свою просьбу на французском. Поскольку я не поднимался со своего места, чтобы присоединиться к устремившимся к выходам, то почти не обратил внимания на задержку, снова уткнувшись в "Экономист". Мой сосед в нетерпеливом ожидании сел обратно.

– Проклятый аэропорт, – сварливо проворчал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я выбрал окольный путь из Окленда в Мюнхен через Сингапур и Бангкок, надеясь на то, что МИ-6 потеряет где-нибудь в пути мои следы. После двух дней катания на роликовых коньках по английским садам Мюнхена для того, чтобы те, кто следил за мной, побегали, я сел в поезд, до Цюриха потом до Женевы. Немного времени спустя я уже поселился в новых постройках недалеко от Женевского озера, и адвокаты г-на аль-Файеда связались со мной, желая выяснить степень моей осведомленности по поводу отношений Анри Поля с МИ-6. Я не думал об этом с тех пор, как отправил письмо в "Хэрродс" год назад, но теперь, когда один журналист написал об этом, адвокаты аль-Файеда захотели полного отчета. Судья Харви Стефан, ведущий следствие по делу об аварии, в которой погибли принцесса Уэльская, Доди аль-Файед и Поль, вскоре пригласил меня в Париж для дачи показаний. Это было нарушением OSA, но я не чувствовал себя виновным, когда мне объяснили значительность трагедии. Я рассказал Стефану о досье МИ-6 на Поля, виденных мною записях его встреч с офицером МИ-6, планах Фиша убить президента Милошевича под видом автомобильной аварии в туннеле и о фотографе-папарацци, работавшем на UKN. Я не знаю больше ничего о той роковой аварии, но, я уверен, в файлах МИ-6 есть информация, которая была бы полезна следствию, особенно в отношении передвижений Анри Поля в вечер трагедии. Несмотря на тщательное расследование, проведенное полицией, не было выяснено его местонахождение в течение часа. Я подозреваю, что Поль выпивал в баре с агентом из МИ-6, поскольку у Поля в тот вечер была найдена большая сумма наличными. Проверка его дела в МИ-6

прояснила бы это, а также могла бы пролить свет на тот факт, что в его крови было обнаружено высокое содержание алкоголя и окиси углерода. К сожалению, Стефан не запросил файлов МИ-6 у английского правительства.

Телекомпания Эн-би-си хотела взять у меня интервью в прямом эфире для информационной программы "Тудэй" в понедельник, 31 августа, об этих показаниях и о том, как МИ-6 преследует меня по всему миру, поэтому я и прилетел в Нью-Йорк. Я планировал остаться на Манхэттене еще на пару дней после интервью. Наблюдая за группой вооруженных людей в форме, методично отсчитывающих ряды сидений самолета MD-11, я с опаской подумал, что у МИ-6 на этот счет другие идеи.

– Будьте любезны, предъявите ваш паспорт, сэр, – вежливо попросил очень полный сотрудник Службы иммиграции и натурализации (INS), как только он и еще трое не менее толстых его коллег остановились у моего ряда. Я отдал им свой паспорт, открытый на странице с многократной визой на неопределенный срок, полученной мной, когда я еще был студентом в MIT. Служащий открыл паспорт на странице с фотографией и посмотрел на меня, чтобы установить сходство.

– Пожалуйста, пройдите с нами, сэр, – приказал он.

Мой ворчливый сосед встал, чтобы дать мне пройти, и я ступил в проход. Два сотрудника INS тут же схватили меня за запястья, и я испытал знакомое ощущение, как наручники врезаются в руки. Я улыбнулся в ответ на враждебные взгляды пассажиров самолета, в то время как сотрудники INS выводили меня из самолета, двое спереди, двое сзади, через стыковочный отсек в переполненную зону прибытия и вниз в недра аэропорта.

Самым значительным предметом мебели в комнате для задержанных был внушительный стол на возвышающемся постаменте, за которым двое сотрудников опрашивали задержанных, сидевших в ряд на скамье вдоль противоположной стены. С меня сняли наручники и посадили между дремавшим мексиканцем в сомбреро и одетым в тесную футболку русским с засаленными волосами, а затем приковали мои ноги к скамейке.

– Я думал, что вы не надеваете кандалы на только что задержанных уже лет двести, – саркастически заметил я.

– Нам приказали не пускать вас в США, – без тени юмора ответил самый худой из офицеров.

– Ждите здесь своей очереди, и вы узнаете, почему. К счастью, моя очередь отвечать на вопросы подошла достаточно быстро.

– Сядьте вот здесь, – сказал сотрудник INS, показывая на пластмассовый стул в углу маленькой комнаты для допросов, в

которой были еще стол и компьютер.

– Итак, господин Томлинсон, – провозгласил он, после того как включил компьютер и сел, – у нас тут есть список стандартных вопросов, мы задаем их всем иностранцам, которым запрещен въезд в США. Во-первых, я полагаю, вы захотите узнать, почему вам был запрещен въезд.

– Я уже знаю, – ответил я. – Центральное разведывательное управление велело вам не пускать меня.

– Как вы это узнали? – спросил он, подтверждая мою догадку. Он придвинул директиву Государственного Департамента, запрещающую мне въезд по просьбе "дружественного государства".

– Но какие причины вы мне назовете? – спросил я, зная, что просьба другого государства, каким бы дружественным оно ни было, не будет являться достаточной законной причиной для того, чтобы выслать меня.

– Мы еще этим не занимались, – ответил он, занося мои паспортные данные в компьютер.

– Итак, первый вопрос, – сказал сотрудник INS. – Вы когда-нибудь обвинялись в нарушении закона, связанного с хранением или провозом наркотиков?

– Не-а, – уверенно ответил я и подождал, пока он заносил мой ответ в компьютер.

– Вы когда-нибудь обвинялись в нарушениях законов, связанных с огнестрельным оружием?

– Не-а.

– Обвинялись ли вы в каких-нибудь серьезных нарушениях, повлекших за собой тюремное заключение на срок более чем один год?

– Не-а, – честно ответил я.

– Вы когда-нибудь назывались вымышленными именами?

– О да, это было, – весело ответил я.

– Перечислите их, – приказал он.

– Дэниел Нунен, Ричард Харвин, Ричард Ледбури, Бен Пресли, Том Пэйн, Алекс Хантли, – отбарабанил я. Один за другим он заносил имена в компьютер, попросив меня повторять их по буквам. На последнем, должно быть, высветились какие-то данные INS, поскольку он изучал монитор в течение нескольких минут после того, как ввел это имя.

– Так, вы когда-нибудь имели отношение к шпионажу и терроризму? – наконец спросил он. Мгновение я колебался. По британским законам я не имел права признать, что работал в МИ-6, но моя ложь INS послужила бы основанием для того, чтобы мой въезд в США был запрещен.

– Да, я когда-то работал на английскую разведку, – признал я. Мой собеседник скептически посмотрел на меня из-за компьютера.

– Ладно, когда и где? – Он мучил меня вопросами о моей работе и операциях двадцать минут. Я отвечал исчерпывающе и содействовал допросу в полной мере. В конце допроса, взяв чернильную печать со стола, он ударил ею по паспорту и объявил:

– Господин Томлинсон, вы бывший офицер разведки, и в соответствии со статьями 217.4(b), 212(a) и 212(c) закона США об иммиграционной политике вам запрещается въезд на территорию Соединенных Штатов Америки.

Он отвел меня обратно в комнату для задержанных и приковал к скамье, на этот раз вместе с китайскими чернорабочими, одетыми в одинаковые синие костюмы, как у председателя Мао.

– Вы вернетесь обратно в Швейцарию следующим же подходящим рейсом примерно через семь часов. Мы принесем вам биг-мак и жареную картошку.

– Прекрасно! – ответил я с преувеличенным энтузиазмом. Когда мне это принесли, я отдал все моим китайским соседям, которые взволнованно затараторили, развернув зловонно пахнущую обертку. INS даже не разрешила мне позвонить продюсеру Эн-би-си, который ждал меня в зале прибытия.

Как признал сотрудник INS, за всем этим стояло ЦРУ. Именно оно запретило мне въезд на "землю свободных и храбрых", причем исключительно за критику иностранной службы разведки. Мое презрение к такому обращению уменьшилось, однако спустя несколько дней, когда я обнаружил, что МИ-6 невольно спасла мне жизнь. Если бы все произошло по плану, я бы сел на рейс SR-111 авиакомпании "Свисс-айр" в среду, 2 сентября, чтобы вернуться в Женеву. Самолет MD-11 взлетел строго по расписанию в 8 часов 19 минут вечера из аэропорта Джона Ф. Кеннеди и рухнул в Атлантический океан в 9 часов 40 минут, что повлекло за собой гибель всех 229 пассажиров и экипажа.

x x x

– Хочу, чтобы вы поняли, что не находитесь под арестом, – спокойно заверил меня майор Журдэн, – но мы думаем, вы могли бы помочь нам в обеспечении безопасности Швейцарии.

Его коллега, инспектор Брандт, активно закивал в подтверждение этих слов.

– Мы хотим, чтобы вы рассказали нам о незаконном

шпионаже Великобритании против Швейцарии, – добавил он.

Через несколько дней после моего возвращения из США Журдэн из Федеральной полиции Швейцарии и Брандт из Специального следственного департамента кантона Женева прислали мне "convoque", особое приглашение на допрос, которое обязывало меня явиться в главное управление Женевской полиции в понедельник, 21 сентября 1998 года.

– Англичане просили нас держать вас под наблюдением, когда вы приедете в нашу страну, поскольку вы являетесь опасным террористом и можете представлять угрозу для безопасности Швейцарии, – объяснил Журдэн, придвинув ко мне копию письма от МИ-6.

– Мы сначала наблюдали за вами пару недель. Вы заметили что-нибудь? – спросил Журдэн.

– Нет, ничего, – честно ответил я. Я не присматривался, но в любом случае я знал, что швейцарская слежка – одна из лучших в мире.

– Хорошо, – ответил Журдэн, довольный тем, что его люди себя не скомпрометировали.

– Мы видели, как вы прибыли на вокзал Хауптбан-хоф в Цюрихе в 12 часов 25 минут 17 августа, а потом остановились на ночь в отеле "Берн".

Если они засекли меня, когда я приехал на цюрихский вокзал, их, должно быть, предупредили о том, что я прибываю из Мюнхена. МИ-6 организовала крупную операцию по наблюдению за мной от Новой Зеландии.

– Затем мы следили за вами до 31 августа, когда вы пытались попасть в Нью-Йорк, – продолжил Брандт. – И когда мы поняли, что вы не представляете никакой опасности для Швейцарии, мы решили пригласить вас сюда, не исключено, что вы сможете нам помочь.

Журдэн и Брандт Ставили меня в затруднительное положение. Они хотели, чтобы я нарушил закон об охране государственной тайны, рассказав об английских спецоперациях в Швейцарии, за что меня могли обвинить в Великобритании. С другой стороны, поскольку необъявленные операции МИ-6 в Швейцарии были нелегальными по швейцарскому законодательству, отказ помогать полиции в уголовном расследовании мог стать правонарушением, за которое меня могли посадить, и это сделало бы невозможным для меня поселиться в Швейцарии. Журдэн как будто прочел мои мысли.

– Отказ в помощи не будет способствовать получению вами вида на жительство в Швейцарии, – прибавил он с угрозой.

Я должен был обдумать свою будущее. МИ-6 использовала

свое влияние, чтобы помешать мне начать все заново в Новой Зеландии и Австралии, несмотря на усиленные попытки Уоррена Темплтона и Джона Уэдхэма убедить их положить конец борьбе, победа в которой окажется пирровой. Я бы согласился на то, чтобы получить назад только мой компьютер и австралийскую визу, но МИ-6 неотступно следовала политике Тэтчер, не приемлющей компромиссов и отступлений. Столкнувшись с такой непреклонностью, я решил связать свое будущее со Швейцарией в надежде на то, что смогу получить постоянный вид на жительство, разрешение на работу и затем найти творческое и постоянное занятие.

– Хорошо, и как я могу помочь? – осторожно спросил я.

В течение следующих трех месяцев швейцарская полиция вызывала меня для допроса еще четыре раза. Каждый раз я в полной мере содействовал проведению расследований и наладил хорошие личные отношения с Журдэном и Брандтом, которые даже показывали мне все более настойчивые с течением времени требования МИ-6 арестовать меня и выслать в Великобританию или как минимум выдворить из страны. Журдэн заверял меня, что они игнорировали эти письма, поскольку я ничем не нарушал швейцарские законы.

x x x

– C'est vraiment vous? (это действительно вы? – фр.) – недоверчиво засмеялся французский таможенник, показывая на сведения обо мне, которые высветились на мониторе компьютера в его будке на границе, после того как он занес данные моего паспорта в компьютер. Под моей фотографией, сделанной в полиции, было написано по-французски:

Имя: ТОМЛИНСОН Ричард Джон Чарльз

Гражданство: Великобритания и Новая Зеландия

Место и дата рождения: Гамильтон, Новая Зеландия,

13. 01. 63

Постоянное местожительство: без постоянного местожительства

Подробности: Субъект является бывшим членом британских спецвойск и спецслужб, обучен пользованию огнестрельным оружием, обращению со взрывчатыми веществами, рукопашному бою, подводному плаванию со скубой; имеет лицензию пилота, парашютист, эксперт в криптографии. Субъект представляет угрозу безопасности Франции.

– Нелепость, – засмеялся я. – Это шутка, англичане смеются

над вами.

– Сядьте вот здесь, – ответил таможенник, игнорируя мои возражения. – Ждите, пока не приедет полиция. – Он показал на стул в углу своей будки.

В шестой раз за год меня задерживали по распоряжению МИ-6. Был уже поздний вечер среды, 6 января, и я встретил своих родителей в женевском аэропорту на взятой напрокат машине. Мы час ехали до границы, направляясь в арендованное шале во Французских Альпах, чтобы неделю покататься на лыжах. Однако МИ-6 узнала о моих планах, прослушивая телефон моих родителей, и решила испортить наш отдых. Она предупредила DST о намеченных мною передвижениях, а та предписала задержать нас на швейцарско-французской границе. Теперь я должен был ждать, пока появится кто-нибудь из регионального управления DST в Гренобле. Вечер был очень холодным, и, хотя мне было довольно тепло в таможенной будке, – мои родители ждали снаружи в остывающей машине. Четверо сотрудников DST появились в 10. 30 вечера. Хотя французские таможенники совершенно спокойно могли оставить меня без присмотра в своей будке, уверенные в том, что я не создам проблем, люди из французской контрразведки нацепили на меня наручники сразу, как только приехали.

– Итак, у нас есть к вам несколько вопросов, мсье Томлинсон, – объявил старший офицер. Они вывели меня из будки и сопроводили до главного здания полиции на границе, посадили в кабинет и допрашивали в течение полутора часов. Они не задавали вопросов относительно каких-либо видов правонарушений. Их интересовала только подробная информация об офицере МИ-6, у которого было шале в От-Савое, в окрестностях Гренобля. Я отказался помогать им, и в конце допроса, не сумев завербовать меня как агента против Великобритании, сотрудники DST вручили мне бумаги, запрещающие мне въезд на территорию Франции до конца моей жизни.

Так же, как и сотрудникам иммиграционной службы США, французам нужно было найти причину в соответствии с их предписаниями, чтобы оправдать запрет. Стандартная проформа, запрещающая въезд, предусматривала четыре возможных оправдания. Офицер не мог поставить отметку около графы "неполный комплект документов", поскольку мой английский паспорт давал мне право на въезд автоматически. Я мог продемонстрировать и наличие денежных средств для проживания во Франции, поэтому и этот вариант не подходил. Я не был носителем инфекционных заболеваний, так что он не мог

выбрать и это. Оставалась только графа "угроза безопасности Франции". Взмахом руки он отметил ее, поставил печать на документе и вручил его мне.

– Вы должны вернуться в Швейцарию, – приказал он. – Если вас обнаружат во Франции, вы будете немедленно заключены в тюрьму на шесть месяцев.

Я вернулся к взятой напрокат машине, двое офицеров с суровыми лицами стояли, преграждая дорогу на юг, чтобы я не попытался рвануть по ней. У меня не было выбора, как только развернуться и двинуться обратно к месту моего проживания. Было уже слишком поздно, чтобы ехать в шале, поэтому моим родителям пришлось остановиться в гостинице в Женеве.

DST явно нарушила европейские законы, не позволив обладателю английского паспорта въехать во Францию. МИ-6 и DST рискнули сделать это, надеясь, что я не пойду по трудному пути восстановления справедливости через европейские суды, но даже если бы я попытался, прошло бы много лет, прежде чем мое заявление было бы рассмотрено. За два дня до того, как 5 мая 2000 года, то есть спустя больше года с того момента, как я вынужден был подчиниться незаконному приказу, должно было состояться первое слушание моего дела в районном суде Гренобля, DST подала прошение о приостановке слушания. Я не мог обратиться в Европейский суд по правам человека в Страсбурге, пока все способы решения дела на месте не были использованы, так что у меня не было иного выхода, кроме как продолжать тратить деньги на адвокатов и ждать, возможно, еще годы.

Хотя мне нравилось жить в Швейцарии, я приобрел нескольких хороших друзей и имел кое-какие случайные заработки, получение разрешения на работу и поиски самой работы были делом сложным. Поэтому я подал жалобу по поводу запрещения на въезд в Австралию, воспользовавшись услугами адвокатской фирмы в Канберре. Я подозревал, что МИ-6 повлияла на Службу безопасности и разведки Австралии – ASIO, чтобы меня объявили вне закона, хотя МИ-6 это отрицает, делая неправдоподобные заявления в письме ко мне о том, что "они не пытаются влиять на политику других стран". Несколько месяцев спустя мои адвокаты благодаря австралийскому закону о свободе информации получили копию телеграммы, посланной МИ-6 в ASIO 2 ноября 1998 года, которая доказывала, что МИ-6 лгала. Хотя некоторые пункты в ней были вымараны цензорскими чернилами, из нее было очевидно, что это просьба о запрещении на въезд в Австралию, которую австралийцы беспрекословно выполнили. Более того, телеграмма написана через два дня после

моего ареста, то есть задолго до того, как я был обвинен в преступлении. Таким образом, британцы не хотели довольствоваться тем, что я получу наказание, которое, как им казалось, соответствует британским законам, но они еще решили во что бы то ни стало помешать моей эмиграции в Австралию. Разумные доводы на МИ-6 тоже не действовали, так что усилия Уоррена Темплтона и Джона Уэдхэма оказались напрасными. Мне снова оставалось только одно – призвать МИ-6 к ответственности с помощью гласности. В конце апреля я приобрел несколько компьютерных программ по веб-дизайну и научился создавать Интернет-страницы. Мой первый сайт, скорее забавы дилетанта, а вовсе не серьезная работа, появился на сервере Geocities поздним вечером 1 мая, в субботу. Страницы не содержали ничего секретного и были просто беззлобным подшучиванием над МИ-6. На первой странице находилась моя фотография в дурацкой шляпе, наложенная на изображение Воксхолл-кросс и сопровождаемая мелодией из "Монти Питон", в качестве напоминания об абсурдном преследовании, организованном МИ-6. Прочие страницы содержали копии документов, на основании которых власти Австралии, США и Франции по просьбе МИ-6 запретили мне въезд в эти страны. В понедельник утром я получил электронное письмо от сотрудника службы безопасности Geocities, мистера Брюса Занки с уведомлением о том, что в его компанию поступила жалоба на мой сайт от "третьего лица" и поэтому она закрывает его. Позже в то же утро мои страницы исчезли с сервера. Я тут же вновь поместил их в Интернет, но на другое свободное место в Geocities, добавив полученное мною электронное письмо. Несколько часов спустя мне пришло еще одно более разгневанное письмо от мистера Занки, который сообщил, что Geocities удалил мои страницы, а также попросил ничего более на их сервере не размещать. Чтобы продолжить игру, я скопировал письмо и снова отослал все на Geocities. Сайт был закрыт через несколько часов, а крайне раздосадованный Занка пригрозил мне юридическими мерами. К счастью, мне не пришлось еще раз помещать на сервер все материалы, поскольку слух о нелепых методах цензуры МИ-6 и Geocities стремительно распространился по всей Сети, в результате чего появилось бесчисленное количество "зеркальных отражений" моего сайта.

Несмотря на то, что на моих страницах не было ничего секретного, очень скоро другие сайты принялись поднимать завесу тайны вокруг МИ-6, размещая в Сети якобы засекреченную информацию о службе разведки. Тринадцатого мая на веб-сайте Линдона Ларуша, ненормального конспиратора-торговца и

неизменного кандидата в президенты США от правого крыла, появились дополнительные страницы, посвященные МИ-6. Новый документ представлял собой список из 115 имен будто бы нынешних и бывших офицеров МИ-6. Эта новость ворвалась на первые полосы газет всего мира. Из-за истории с моим сайтом меня тут же стали считать автором этого списка.

Я и по сей день не знаю, кто опубликовал этот несчастный список, но уж точно не я. Подозреваю, однако, что это была МИ-6. У них был мотив – подставить меня и очернить. Они обладали достаточной информацией, чтобы составить список и поместить его в Интернете, не оставив следов. И, несмотря на заявления МИ-6 об обратном, этот список не мог причинить британской разведке никакого особого вреда. Впоследствии я получил возможность ознакомиться с ним. Большинство имен из него я никогда не слышал, поэтому я не могу сказать точно, были это люди из МИ-6 или из FCO. А те имена, которые оказались мне знакомы, принадлежали людям, либо вышедшим на пенсию, либо уже раскрытым. Если бы МИ-6 собралась составить список, который навлек бы на меня максимум неприятностей, а им бы причинил минимум вреда, они не смогли бы сработать лучше.

Но самым странным оказался способ, с помощью которого о существовании списка узнала мировая пресса. Первое заявление было сделано, когда официальный цензор британского правительства, контр-адмирал Дэвид Пулвертафт, вынес предупреждение категории Д, запретив английским газетным изданиям публиковать веб-адрес списка, а также любое из содержащихся в нем имен. Лучшего способа заинтриговать общественность и придумать нельзя было – в тот же момент каждый журналист в Великобритании захотел узнать, против чего именно было направлено предупреждение. Кроме того, газетные издания всего мира, к которым Д-предупреждение не относилось, немедленно напечатали не только веб-адрес, но и сам список!

Причудливой оказалась также манера, в которой о случившемся сообщило FCO: если бы МИ-6 на самом деле пыталась уменьшить нанесенный ущерб, то кто-либо из младших сотрудников просто сделал бы заявление о том, что весь список является фальсификацией. Вместо этого министр иностранных дел Великобритании Робин Кук на срочно организованной пресс-конференции подтвердил, что список точен, и заявил, что ответственность за него несу я, не приведя при этом ни единого доказательства. Такую тактику можно объяснить только намерением МИ-6 оклеветать и дискредитировать меня.

Если моя догадка верна, то МИ-6, без сомнения, преуспела! До момента появления списка пресса, в общем, симпатизировала

мне, но после обвинения, сделанного Робином Куком, средства массовой информации набросились на меня со всем возможным сарказмом. В Англии "Санди телеграф", редактором которой теперь является SMALLBROW, возглавила травлю, объявив меня предателем, который безответственно подверг опасности жизни офицеров МИ-6 из одного только эгоистического стремления подать на МИ-6 в суд. "Телеграф" распространила по радио сообщение о том, что МИ-6 уволила меня за "ненадежность" и "несерьезность". Их корреспондент, Эндрю Робертс, мой однокурсник в Кембридже, а ныне известный прихлебатель МИ-6, сочинил в мой адрес статейку, полную мелких нападок и абсурдных обвинений, например, в том, что я жульничал, чтобы попасть в MIT. Также враждебно была настроена и желтая пресса. "Сан" отыскала Тоша, на тот момент уже уволившегося из отряда 602 и работающего где-то в Сити, и заплатила ему 500 фунтов, чтобы он заявил, что на его день рождения я отвел весь отряд в публичный дом в Сплите. После этого он отправил мне извинительное письмо. Впрочем, у него хотя бы хватило мужества назвать газете свое имя, тогда как остальные анонимно свидетельствовали о том, что якобы имело место в то время, когда я служил в Территориальной армии. "Сан" Америки также опубликовала мой электронный адрес и всячески вдохновляла своих читателей посылать мне гневные письма. В течение следующей недели я получил больше тысячи электронных посланий, в некоторых из них мне даже угрожали смертью. Тем не менее эти письма никакой реальной угрозы не представляли. Примерно половина из связавшихся со мной читателей "Сан" считали опубликование списка офицеров МИ-6 неплохой идеей, а один даже написал, что я достоин премии за службу на благо человечества. По всем признакам публикация списка была делом I/OPS, чтобы извлечь меня из крепости под названием Швейцария, и эта цель ею была достигнута через три недели. Седьмого июня, в понедельник, инспектор Брандт позвонил мне, чтобы назначить встречу в 2 часа дня в отделении Женевской полиции. Когда я приехал, то увидел каменное лицо майора Журдэна, который не был настроен на беседу.

– Вы должны немедленно покинуть Швейцарию, – сказал он. – Вам запрещен въезд на территорию нашей страны до 7 июня 2004 года, и вам нужно уехать сегодня же до 18.00. – Он не отреагировал на мои возражения, что это слишком скоро и что за это время я едва ли успею упаковать чемодан. – И мы не хотим огласки, – продолжил Журдэн. – Если вы расскажете обо всем прессе, то мы увеличим срок до десяти лет.

– Итак, куда бы вы хотели поехать? – спросил Брандт. – Мы

купим вам билет.

– Я вообще-то не знаю, – зло ответил я.

Почти все разумные пути были для меня закрыты. Все англоговорящие страны отметались сразу. Вообще если бы я остался в Европе, у меня были бы юридические проблемы.

– О'кей, – немного подумав, ответил я, – купите мне билет в Москву. – На самом деле, мне вовсе не хотелось лететь туда, но я знал, что Журдэну будет очень неприятно выставлять меня из Швейцарии по просьбе МИ-6, чтобы я искал убежище в Москве. Журдэн с минуту смотрел на меня, размышляя над скрытым смыслом моего ответа.

– Вы не хотите туда ехать, – наконец сказал он. – Там холодно, и вы не знаете русского.

– Хорошо, тогда я полечу в Гавану. Там тепло, и я говорю по-испански.

С точки зрения Журдэна, этот вариант был не лучше, и он должен был посоветоваться с начальством.

– Подождите здесь, пока я позвоню в Берн, – заявил он. – Хорошо, – сказал он, вернувшись через несколько минут. – Берн дал вам разрешение остаться здесь до 18.00 завтрашнего дня, чтобы вы смогли за это время найти место, куда поехать. – Он слегка улыбнулся. – Позвоните завтра до 12 инспектору Брандту и сообщите ему свое решение.

Я был крайне разочарован отношением ко мне швейцарских властей. У Швейцарии была репутация нейтральной страны, дающей убежище людям, которых травят власти других стран, а, кроме того, за последние 6 месяцев я очень помог швейцарской службе контрразведки. А теперь они бесстыдно сотрудничали с МИ-6, высылая меня за публикацию списка, притом, не имея доказательств, что это сделал я. Даже при продленном сроке пребывания в Швейцарии у меня не было времени составить план. Я успел обосноваться в этой стране, хотя и не получил вид на жительство. Я свободно говорил по-французски и сумел приобрести хороших друзей. К тому же я был на нескольких серьезных собеседованиях и был уверен, что получу работу, что это только вопрос времени. Швейцарские власти вынуждали меня к тому, чтобы начать все сначала где-нибудь в другом месте. Уже позже я понял все их лицемерие: каждый раз после моего собеседования в какой-нибудь компании Журдэн звонил им и убеждал не брать меня на работу. Мои угрозы поехать в Гавану или в Россию дали мне немного времени, но ни в одну из этих двух стран я ехать не хотел. Я мог бы поработать там, но понимал, что через несколько месяцев мне это надоест. Я также был не настроен на долгое путешествие. Я позвонил в женевский

участок и попросил купить мне железнодорожный билет до ближайшего города не во Франции и не в Швейцарии. Они купили мне билет на поезд, уходящий в 17.35, за 25 минут до крайнего срока моего отъезда и прибывающий в Констанц, город на юге Германии в 22.35.

– Герр Томлинсон? – услышал я откуда-то сзади дружелюбный, но с оттенком легкого раздражения голос. Это было поздно вечером, когда я приехал в странноватый город в мало знакомую мне страну, где люди говорили на языке, которого я почти не понимал. Шел дождь, и я не знал, где остановиться. Я не успел еще отойти и нескольких ярдов от станции со своими тяжелыми чемоданами, как ко мне уже пристал кто-то, похожий на государственного служащего. Я обернулся с хмурым видом:

– Nein, Ich bin nicht Herr Tomlinson" (нет, я не Герр Томлинсон – нем.). – Этой фразой исчерпывались мои познания в немецком языке.

Один полицейский в форме с непроницаемым лицом и двое в штатском, мужчина за сорок и светловолосая женщина, уже стояли возле меня.

– Ausweis bitte, – сказал тот, что в форме.

– Что? – нетерпеливо и не слишком вежливо переспросил я.

– Ваши документы, пожалуйста, – перевел мужчина в штатском.

– Да идите вы, – ответил я и поднял свой багаж. Я не был уверен, что они меня поняли, но меня это мало волновало. Швейцарцы, должно быть, предупредили немцев и, если те хотели меня арестовать, то я не собирался облегчать им эту задачу.

– Нет, нет, подождите, мы не собираемся вас арестовывать, герр Томлинсон, – проговорил мужчина в штатском, мягко беря меня за плечо, как будто просто пытаясь привлечь мое внимание, а вовсе не удержать.

– Мы просто хотим поговорить с вами, Ричард, – очаровательно улыбаясь, заговорила женщина.

Все еще не доверяя им, я повернулся к своим собеседникам.

– Я Герр Кугель из контрразведки BfV, а это моя коллега фрейлейн Гаябски.

– Ваше путешествие, должно быть, было утомительным, и сейчас так поздно, мы забронировали вам комнату в отеле на эту ночь, – сказала Гаябски на безупречном английском.

– Мы поможем вам с багажом, – добавил Кугель. Он отпустил полицейского в форме, а потом окрикнул носильщика, и тот подошел, толкая перед собой тележку.

– Не волнуйтесь, все в порядке, – уверила меня Гаябски, – мы

просто выпьем с вами сегодня вечером, а завтра, если вы не против, вместе пообедаем.

Кугель и Гаябски под мелким дождем довели меня до отеля "Рамада" напротив вокзала. Носильщик шел спереди, везя мой тяжелый багаж. Пока Гаябски рассчитывалась и отпускала носильщика, Кугель зарегистрировал меня и заплатил по счету вперед.

– Наверное, вы захотите подняться ненадолго в свою комнату. Встретимся в баре в одиннадцать, – сказал Кугель.

Это было больше похоже на настойчивое предложение, чем на приказ, но мне все-таки было интересно, что же им нужно. Кроме того, очень хотелось пива.

– Фрейлейн Гаябски и я работаем в BfV, – объяснил Кугель, когда нам принесли три стакана и три бутылки "Бекс". – Наша обязанность охранять немецкую конституцию, особенно от иностранных разведслужб. Мы в курсе вашего дела и надеемся, что вы сможете нам помочь в расследовании британских и американских операций против Германии.

Журдэн уже спрашивал меня об ORCADA, шпионе в министерстве финансов Германии, которого Маркхем арестовал в Бонне, и даже предлагал мне деньги за эту информацию. Швейцарская федеральная полиция тесно сотрудничает со своими немецкими коллегами, особенно в банковском и финансовом секторах, и Журдэн наверняка рассказал обо всем немцам. Два офицера BfV особенно не давили на меня при первой встрече, но попросили подумать над их предложением и настаивали на том, чтобы я пообедал с ними на следующий день.

– Ну как, вы будете сотрудничать с нами? – с надеждой спросил Кугель, когда мы уже почти заканчивали обед в дорогом ресторане, из окон которого открывался прекрасный вид на озеро Констанц. Кугель и Гаябски, на которой была надета очень короткая юбка, испробовали все уловки, усвоенные мною во времена IONEC. Они сочувствовали моей ситуации, делали комплименты моему весьма скудному немецкому, уверяли меня в том, что все, что я им расскажу, будет строго конфиденциально, и даже предложили мне поселиться в Германии. Теперь, когда обед закончился, они исчерпали свои вербовочные хитрости. Я видел, с каким нетерпением они ждали моего ответа. В мыслях они, должно быть, уже представляли, что будут писать в своих отчетах.

– Нет, мне очень жаль, но я не могу вам помочь, – ответил я, отметив разочарование, появившееся в из глазах. Они поняли, что им придется докладывать своему начальству о том, что у них ничего не вышло. – Согласно OSA, меня могут посадить в тюрьму в Британии на сорок лет. Игра не стоит свеч.

Официальный закон об охране государственной тайны, который прервал сотрудничество британцев с потенциальным врагом, был издан еще в 1911 году, незадолго до начала Первой мировой войны, исключительно для того чтобы британские инженеры перестали помогать Германии перестраивать свой военно-морской флот. Я с трудом мог вообразить свидетеля вроде Редда, утверждающего, что Германия все еще является потенциальным врагом.

– Но мы можем вас заверить, Ричард, что никто, кроме нас, не узнает о том, что это вы нам помогли, – настаивала Гаябски. Именно так нас учили говорить потенциальным информаторам, и я отлично знал, что это неправда.

– Но даже если я соглашусь сотрудничать с вами, – ответил я, – как я могу быть уверен в том, что вы потом тоже мне поможете? Я помогал швейцарской полиции и где я теперь?

Кугель и Гаябски не нашлись что ответить.

Хотя по дороге в Констанц я думал, что надолго в Германии не задержусь, но общение с представителями BfV убедило меня в том, что лучше остаться здесь. После того как немцы пытались меня завербовать, вряд ли они будут донимать меня по просьбе МИ-6. Поскольку в Констанце была языковая школа, я решил пойти туда учить немецкий, чтобы иметь возможность найти здесь работу. Я снял комнату и начал проходить интенсивный курс немецкого языка, занимаясь по четыре часа в день. Жизнь в стране, входящей в состав Европейского Содружества, имела свои преимущества. В отличие от Швейцарии в Германии мне не требовалось специальное разрешение на работу или проживание, потому что мой британский паспорт автоматически давал мне эти права. Я зарегистрировался как постоянный житель, открыл счет в банке, получил собственный телефонный номер и даже купил машину. Маленькая подержанная БМВ, проданная мне дилером в Гамбурге, обеспечила мне мобильность, и, если бы мне потребовалось быстро уезжать, то не пришлось бы бросать многие свои вещи, как это случилось в Швейцарии.

В течение следующих нескольких месяцев Кугель и Гаябски еще не раз связывались со мной, и мы два раза вместе обедали. Они все еще пытались убедить меня рассказать об ORCADA или о других операциях США и Британии, направленных против Германии. Наконец они поняли, что сотрудничать с ними я не буду, и объявили, что наша встреча в сентябре будет последней. Я ощутил облегчение, когда они сказали, что я могу остаться в Германии и они больше не будут меня беспокоить.

Как-то в одно из воскресений сентября по дороге из Австрии, куда я ездил на день, я сбился с пути и заехал на швейцарский

пограничный пункт рядом с Брегенцом. Когда я осознал свою ошибку, ко мне в окно уже стучался пограничник, требуя документы. Я опустил стекло.

– Nein, nichts (нет, у меня их нет – нем.), – с искренним видом произнес я и попытался выехать с контрольного пункта. Но это только усилило подозрительность пограничника, и он загородил мне дорогу.

– Ausweis, – рявкнул он, протягивая руку за моим паспортом.

Выхода у меня не было, я отдал свой паспорт, и он ушел в караулку. Несколько минут спустя из нее вышли двое, вытащили меня из машины и бросили в камеру. Полиция приехала через два часа. Они тщательно меня обыскали, надели наручники и отвезли в полицейский участок. День, проведенный в камере швейцарского полицейского участка, не доставил мне особенных неудобств. Камера была комфортабельная, с чистым постельным бельем и сияющими чистотой туалетом и раковиной. А на кровати лежали аккуратно сложенное полотенце и кусок мыла, прямо как в "Хилтоне".

К октябрю я уже довольно свободно говорил по-немецки и нашел работу в качестве репетитора по математике в одной богатой немецкой семье в маленьком городке на юге Баварии. Я переехал в соседнюю с этим городом крошечную деревушку Оберстдорф, расположенную у подножия Немецких Альп. Я работал репетитором всего лишь по паре часов каждый вечер, поэтому, как только выпал снег, я устроился еще на одну работу и каждый день обучал людей катанию на сноуборде на близлежащей горной цепи Фелхорн. Положение начинало улучшаться. Я зарабатывал достаточно, чтобы сводить концы с концами. У меня появились друзья в Оберстдорфе, да и МИ-6, похоже, оставила меня в покое. Однако так только казалось.

С тех пор как я приехал в Германию, я избегал общаться с журналистами, и в британской прессе едва ли появилась хоть одна статья про меня за это время. Тем временем Уоррен Темплтон энергично искал способ провести переговоры с МИ-6 и положить конец конфликту. Несмотря на мои искренние попытки заключить перемирие, МИ-6 была полна решимости доставить мне столько неудобств, трат и трудностей, сколько могла.

В феврале 2000 года Патрик, мой женевский друг, пригласил меня провести две недели в своем шале в Шамони у подножия Монблана, чтобы покататься на лыжах и сноуборде. Вообще-то мне нельзя было появляться во Франции, но я рискнул, решив, что DST меня не обнаружит. Я только-только туда приехал, как позвонил мой домовладелец.

– Что вы натворили? – осуждающе спросил он. – Здесь

полиция. – Он объяснил, что в шесть утра его разбудил резкий стук в дверь. Когда он открыл дверь, то был сбит с ног двумя людьми в полицейской форме и двумя гражданскими, ворвавшимися в дом. Впоследствии оказалось, что двое последних были мои старые друзья герр Кугель и фрейлейн Гаябски. У них был ордер на изъятие моего компьютера, и, пока мы разговаривали, они обыскивали квартиру.

По всей видимости, когда в BfV поняли, что я не буду рассказывать им о нелегальном шпионаже против Германии, они поддались давлению МИ-6. Планировал ли Кугель меня арестовывать или нет, но возвращаться в Германию мне не стоило. МИ-6 снова стала преследовать меня, очередной раз не пожелав уладить конфликт. К счастью, мой компьютер и другие ценности были при мне.

Я находился во Франции нелегально, поэтому не мог оставаться там надолго. Мне нужно было найти новый дом, исходя из имеющихся вариантов. Единственным разумным выбором была Италия. Через Интернет я нашел жилье и школу языков в Римини, на побережье Адриатики. Второго марта я собрал вещи, положил их в машину, попрощался с Патриком и покинул Шамони.

– Авария, авария – орал толстый, истекающий потом человек, взгромоздившийся на приставную лестницу немного ниже моего балкона. – Утечка газа! – крикнул он возбужденно по-итальянски. – Газ утекает, немедленно покиньте вашу квартиру!

Полицейские стучались в дверь моей трехкомнатной квартиры на набережной Римини на протяжении уже двух часов. Должно быть, они видели, как вскоре после часа дня я вернулся с занятий итальянским языком, и начали стучаться, как только я поставил велосипед в стойку. Я никого не ждал и, посмотрев в глазок, решил, что это полицейские – из-за их огромных усов и дурацких костюмов. Дверь была достаточно крепкая, поэтому я позволил им упражняться, а сам быстренько зашифровал всю важную информацию в лаптопе, хорошенько очистил жесткий диск и спрятал крохотное, но очень ценное устройство памяти "Псиона" в телевизор. После выполнения всех этих действий я прошел на балкон, чтобы не слышать все более настойчивого и громкого стука, уселся в шезлонг и открыл книгу. Эти придурки снаружи наконец признали свое поражение в битве с двухдюймовой дубовой дверью и вызвали пожарную команду. Обильно потеющий в разгар солнечного дня шеф полиции опять обратился ко мне со своего шатающегося насеста, пытаясь с помощью версии об утечке газа побудить меня открыть дверь.

– Вы выбрали не тот дом, – насмешливо ответил я шефу из

шезлонга. – Здесь все электрическое! – и предложил, указывая на соседнюю многоэтажку. – Попробуйте вон ту. Определенно, газом воняет именно из нее, – добавил я, карикатурно жестикулируя.

– Впустите нас, – приказал шеф раздраженно, доставая из кармана пиджака тяжелый хромированный полицейский значок и показывая его мне, причем от его движений лестница угрожающе закачалась. – Полиция, впустите нас.

– О'кей, – улыбнулся я, – но почему вы не захотели войти через дверь? Ведь это гораздо легче, чем забираться по лестнице. – Я нырнул назад в комнату, прежде чем смог увидеть его реакцию. Это было в среду, 17 мая, в тот самый день, когда миссис Стелла Римингтон, бывший глава МИ-5, заявила, что она намерена опубликовать свои мемуары о работе в МИ-5 и ведет переговоры с Британским издателем о гонораре размером в 500. 000 фунтов стерлингов. В отличие от меня ее не арестовали, а британские власти встретили публикацию ее книжки с восторгом. Британский круглосуточный канал новостей "Скай ньюс" обратился ко мне с просьбой дать прямое телефонное интервью в 15.30, чтобы обсудить это мерзкое лицемерие. Телефонный звонок раздался как раз тогда, когда итальянские полицейские начали ломиться в дверь моей квартиры.

– Встать к стене! – завопили двое ворвавшихся громил, их пистолеты были направлены мне в грудь.

– Хорошо, хороши, успокойтесь, – обратился я к ним. Это была моя десятая стычка с полицией, и я уперся руками в стену и расставил ноги, прежде чем они успели перевести дух. Пять других офицеров вошли в комнату, и один из них включил свет.

– Эй, выключи свет, – скомандовал я, вспомнив совет, данный мне Луковкой. – У вас может и есть ордер на обыск моей квартиры, но вы не имеете права воровать мое электричество.

Сердитый полицейский махнул им, чтобы они выключили свет, подошел к окну и открыл жалюзи. Несколько минут спустя до нас добрался потный шеф. Он представился как инспектор Веррандо из DIGOS – Специальной следственной полиции Италии, а также представил двух офицеров Британского SB, которые приехали сюда, прервав свой отдых на итальянском курорте. Если Петерс и Рэтклифф были все же достаточно приличными людьми, то эти двое оказались парой типичных тупых трудяг, безоговорочно следовавших приказам МИ-6.

Обыск квартиры занял около двух часов. Трудяги размахивали ордером, в котором в весьма туманных выражениях было сказано, что в соответствии с Актом о взаимопомощи им дается право конфисковывать все, что они захотят. Как всегда, первыми жертвами оказались мои компьютеры, а за ними – мои

компакт-диски, как с музыкой, так и с программами.

– Я недостаточно компетентен для того, чтобы искать скрытые файлы, – заявил трудяга номер 1.

Я участливо спросил:

– А вы хоть в чем-нибудь компетентны?

За дисками последовали все мои документы, за ними – мобильный телефон. Трудяга номер 2 объяснил:

– Теперь мы сможем отследить, кто вам будет звонить.

Следующим был пульт дистанционного управления телевизором.

– А теперь вы будете знать, что я смотрю по телеку? – язвительно спросил я. Под конец они, помогая друг другу, загрузили все в один из моих чемоданов и объявили, что вот теперь они готовы к разговору со мной в полицейском участке Римини. Когда они выводили меня, я окинул комнату взглядом и увидел, что они практически полностью очистили ее. Единственной ценной вещью, которую они не взяли, был телевизор, где находился мой драгоценный диск.

Веррандо "интервьюировал" меня в течение шести часов, пока не уразумел, что я не совершил ничего незаконного и что британская полиция злоупотребила Актом о взаимопомощи. Но произошло это слишком поздно. Трудяги с моими пожитками были уже на пути в Лондон. Они вернули мне чемодан несколько дней спустя, после того как я отправил факс главе SB с описанием их замечательных действий, но я так и не увидел больше ни моих компьютеров, ни программ, ни компакт-дисков, ни мобильного телефона, а также пульта дистанционного управления телевизором.

Несколько дней спустя Веррандо прислал мне письмо с просьбой еще раз посетить полицейский участок. Просьбу эту я проигнорировал, полагая, что она была вызвана его личной обеспокоенностью. Я только что занялся оформлением регистрации в Римини, чтобы узаконить свое пребывание в Италии, и предполагал, что Веррандо хотел уговорить меня не делать этого и покинуть Италию. Если бы они в самом деле очень хотели моего отъезда, то пришли бы ко мне сами. Я ничего больше не слышал о Веррандо, пока не наткнулся на него в центре города. Он был "не при исполнении" и вежливо спросил:

– Почему вы не пришли к нам на следующий день? Ваше разрешение готово. Английский посол в Риме звонил нам и просил не выдавать вам его. Именно поэтому мы решили выдать вам разрешение немедленно, чтобы они не смогли действовать через министра внутренних дел.

Как оказалось, я недооценивал силу ненависти моих

недоброжелателей. Утрата поддержки итальянской полиции не остановила МИ-6. Направляясь по автостраде в Милан на встречу с итальянским адвокатом относительно конфискованных у меня вещей, я заметил за собой "хвост". Наблюдение было установлено от самого Римини. Поначалу преследователи вели себя осторожно, но по мере приближения к Болонье я стал регулярно ловить в зеркалах одни и те же машины. Их было три – белый "фиат пунто", серебряный "фольксваген гольф" и серый "фиат браво". "Гольф" несколько раз подбирался ко мне настолько близко, что я даже отчетливо видел водителя – смуглого типа в красной куртке. Я позвонил своему адвокату в Милане, спрашивая совета, и тот вызвал полицию. Мне велели остановиться на автозаправочной станции Страдале-Норд возле Пьяченцы. В зеркало заднего обзора я наблюдал, как "пунто" и "гольф" по моему примеру свернули с шоссе и припарковались за зданием станции, частично спрятавшись за кустами. "Фиат браво" проехал вперед, очевидно, намереваясь занять пост на придорожной автостоянке, чтобы не дать мне уйти незамеченным. Спустя двадцать минут прибыла патрульная машина марки "фиат" с сотрудниками итальянской полиции, и я объяснил им суть дела. Они слушали меня скептически, и мне пришлось срочно вспомнить весь свой запас итальянских слов, дабы убедить их, что я не сумасшедший. Это им стало ясно, когда они все-таки решили приблизиться к двум автомобилям, на которые я показал. При виде полиции четверо мужчин, сидевших там, спешно покинули свои машины и рассыпались в близлежащей роще.

– Стреляйте, ну, стреляйте же! – подначивал я полицейских, тыкая в пистолеты, висевшие у них на поясе, но, к моему разочарованию, эта идея не вызвала у них особого энтузиазма.

Полицейские обыскали автомобили, надеясь обнаружить хоть что-то, дающее представление о личностях моих преследователей, но не нашли ничего, кроме пустых банок из-под кока-колы и оберток от гамбургеров.

– Это не полицейские, – заверили они меня.

Об этом я и сам уже догадался. Слежка велась непрофессионально, а значит, не по инициативе итальянских властей. К тому же лица, имевшие официальные полномочия, не стали бы убегать от полиции. Объяснение могло быть только одно: поскольку итальянцы отказали в помощи МИ-6, она наняла следить за мной команду непрофессионалов. Когда патрульная машина уехала, я купил в магазине на автозаправочной станции нож "Стэнли" и порезал шины автомобилей нежеланных сопровождающих. Вернувшись в свою машину, я вытащил "Псион"

и мобильный телефон, приобретенные взамен конфискованных, и по факсу направил сообщение послу Великобритании в Риме с просьбой послать мне чек в компенсацию за вынужденные покупки. Как и ожидалось, чек мне никто не прислал, ведь в противном случае я немедленно переправил бы его своему адвокату.

x x x

Спустя несколько дней мое пребывание в Римини было окончено. Хозяйку квартиры, которую я снимал, смутил визит полиции, и она попросила меня освободить площадь в недельный срок, поскольку якобы ожидала приезда неких немцев, "зарезервировавших квартиру еще в прошлом году". Я остался без крыши над головой, а, поскольку надвигался туристический сезон, найти другое жилье в Римини не представлялось возможным. Впрочем, наверно, все, что ни делается, к лучшему. Я отправился на север и по прошествии нескольких недель, на протяжении которых я перекочевывал из гостиницы в гостиницу, нашел квартиру в Рива-дель-Гарда, куда более симпатичном городке на северном берегу озера Гарда. Для любителей активного отдыха это был райский уголок. Здесь имелись все условия для пеших прогулок, а также для занятий велоспортом и виндсерфингом в летний сезон, а зимой – лыжами. МИ-6 меня не беспокоила, и я решил обосноваться там на какое-то время.

x x x

Радовался я недолго. Спустя несколько дней я отправился на собеседование с работодателем в Монте-Карло, где по указке МИ-6 был вновь арестован сотрудниками Отдела специальных расследований Монако, поместивших меня в камеру полицейского участка в порту. Несколько часов я просидел на жесткой скамье, с грустью думая о том, что скоро буду знать тюремные камеры лучше Ронни из Белмарша. МИ-6 попросила монакскую полицию конфисковать у меня новые приобретения – мини-компьютер и мобильный телефон, но те, к счастью, догадались обратиться за советом в Управление территориальной безопасности Франции, где им порекомендовали отпустить меня. Через шесть часов мне предоставили свободу при условии, что я немедленно уеду в Италию.

По возвращении в Рива-дель-Гарда я выяснил, что МИ-6 не

бездействовала в мое отсутствие. Мне позвонили из агентства по недвижимости, через которое я снял свою квартиру, и пригласили зайти в их контору под тем предлогом, что им нужна копия моего паспорта.

– Ричард, – сказала мне старшая из двух сестер, возглавлявших агентство, – пока вы были в отъезде, нам нанесли визит двое мужчин, назвавшихся сотрудниками полиции. – Очередное вторжение со стороны МИ-6 взбесило меня, во мне заклокотал гнев, но худшее мне еще предстояло услышать.

– Мы сразу поняли, – продолжала Бетти, – что на самом деле это не полицейские. Слишком уж странные вопросы о тебе они задавали.

– Что они спрашивали? – осведомился я.

– Их интересовало, сколько ты платишь за квартиру и есть ли у тебя телефон. Настоящие полицейские вряд ли стали бы проявлять любопытство по этому поводу.

– А еще что-нибудь они говорили?

– Да. – Бетти помедлила в нерешительности. – Сказали, что ты педофил, и предупредили, чтобы я не подпускала к тебе свою дочь.

x x x

Офис Бетти я покинул, едва сдерживая отчаяние и ярость. Похоже, МИ-6 стремилась на корню губить все мои шансы осесть где-либо. Пусть Бетти и сообразила, что на самом деле происходит, но ведь Рива-дель-Гарда маленький городок и тупорылые наемники МИ-6 наверняка успели побеседовать не с ней одной. Мои подозрения вскоре подтвердились: я стал ощущать враждебность со стороны многих знакомых, которых попотчевали той же басней, а месяца через два трусость проявила и моя новая хозяйка, попросив меня съехать с квартиры. Я опять остался без крова, но МИ-6, судя по всему, не собиралась прекращать борьбу со мной.

x x x

Мне необходимо было съездить в Милан. Наблюдатели не замедлили заявить о себе. На этот раз слежка велась из белого "фольксвагена поло". За рулем сидел тот же толстый детина в красной куртке, в пассажирском кресле – какой-то длинноволосый тип неряшливого вида. Они даже не пытались

соблюдать приличия – ехали за мной впритык. Когда я останавливался на придорожной автостоянке, чтобы свериться с картой, белый "поло" тормозил прямо за моей машиной. Если я включал левый поворот, а сворачивал вправо, они делали то же самое. Возле Центрального вокзала в центре Милана я скользнул в поток машин на кольцевой транспортной развязке с односторонним движением и поехал по кругу, включая поворот на каждом ответвлении, но в последний момент вновь швырял машину в основной ряд. Мои преследователи продолжали висеть на хвосте, повторяя все мои трюки. Я сделал еще один круг, на этот раз поддав газу. Они не отставали, оглушая округу визгом узких шин своего "поло". Я увеличил скорость и, крепко держа руль своего БМВ, оторвался на целую машину от них. Еще один объезд по кольцу, и я уже впереди на полкруга. Еще два круга гибельной гонки, и я, наконец, на хвосте белого "поло". В зеркале заднего обзора машины преследователей я видел искаженную от растерянности морду толстого детины, его напарник что-то кричал в мобильный телефон, – очевидно, консультируясь со своим начальником. Я мигнул фарами и дружелюбно помахал им на прощание. "Когда же все это кончится?" – думал я, не зная, то ли плакать, то ли смеяться.

Эпилог

МИ-6 потратила огромные средства британских налогоплательщиков, пытаясь не допустить, чтобы я подал иск на их ведомство в Апелляционный суд по трудовым спорам или оповестил общественность о том, каким образом неподотчетная деятельность спецслужб отразилась на моей судьбе. Мои невзгоды – яркий пример того, какой вред способна нанести закрытая организация неугодным ей людям, безнаказанно попирая их гражданские свободы. МИ-6 преследовала меня в судебном порядке и сажала в тюрьму на основании законов, которые в докладе ООН по правам человека в Великобритании от 20 июля 2000 года были подвергнуты резкой критике. Нарушая законы, регулирующие принципы свободы слова в цивилизованном обществе, МИ-6 неоднократно добивалась – за немалые деньги – вынесения судебных запретов в отношении меня как в Великобритании, так и в других странах – Швейцарии, Германии, США и Новой Зеландии, догадываясь, что я не располагаю средствами, позволяющими мне искать справедливости в суде. Меня арестовывали и задерживали в общей сложности одиннадцать раз на территориях Великобритании, Франции, Новой Зеландии, США, Швейцарии, Германии, Монако и Италии, и каждое задержание использовалось как удобный предлог для изъятия ценных личных вещей, которые мне так и не были возвращены. На их исследование Специальная служба потратила тысячи человеко-часов. Используя свои связи в разведслужбах дружественных государств, руководители МИ-6 добились того, что мне запретили въезд во Францию, США и Австралию, опять-таки верно предположив, что из-за ограниченности в средствах я не стану обжаловать эти решения.

x x x

Перед правительством МИ-6 ни разу не отчиталась в обоснованности столь непомерных затрат. А с какой стати, если МИ-6 неподотчетная организация? Ее руководители уклончиво заявляют, что мои попытки обратиться в Апелляционный суд по трудовым спорам якобы "ставят под угрозу национальную безопасность", и все государственные ведомства, а также спецслужбы других стран немедленно бросаются им на помощь. Эти голословные утверждения никогда не подкреплялись

никакими доказательствами, ни разу не было дано никаких объяснений по поводу того, каким именно образом мои действия "ставят под угрозу национальную безопасность". (Зато, когда недавно один из их сотрудников, напившись в баре, потерял портативный компьютер, а еще один, заснув в поезде, посеял свой портфель, МИ-6 со всей серьезностью стала уверять граждан, что утрата секретных документов "не нанесет никакого ущерба безопасности страны".).

x x x

Направленные против меня происки МИ-6 с целью защиты "национальной безопасности" имели обратный эффект. Привлекая иностранные разведки к гонениям на меня, представители службы уведомляли их о моем местонахождении. Некоторые иностранные спецслужбы тут же спешили воспользоваться моим бедственным положением, пытаясь выудить у меня сведения о МИ-6. Таким образом, МИ-6 просто подтвердила, что она больше заинтересована в причинении мне всякого рода неудобств, вплоть до тюремного заключения, чем в сохранении государственных тайн, которыми, как предполагается, я владею.

МИ-6 не может найти достойной причины для оправдания своих издержек в целях "зашиты национальной безопасности". В эпоху "холодной войны" ставки были достаточно высоки, что, возможно, давало этому ведомству основания нарушать права и свободы граждан ради сохранения строгой секретности. Однако "холодная война" окончилась больше двадцати лет назад. МИ-6 стала искать приложения своим талантам на новом поприще, переключившись на борьбу с распространением ядерного и биологического оружия, с организованной преступностью, "отмыванием" денег и торговлей наркотиками. Все это – потенциальные источники опасности для Великобритании, но на протяжении многих лет они входили в сферу компетенции полиции, таможенной службы и открытой дипломатии, которые успешно справлялись со своими обязанностями. МИ-6 пытается узурпировать эти новые сферы деятельности, отбирая хлеб у других государственных ведомств, хорошо знающих свое дело, но при этом не желает расставаться с психологией, выработанной в период "холодной войны". Чиновники МИ-6 даже не стремятся избавиться от зловредных побочных явлений – следствия чрезмерной секретности и отсутствия подотчетности, – низкой эффективности, негодных механизмов принятия решений, высокомерного стиля руководства. И ей это сходит с рук, потому

что, несмотря на все перипетии последних лет, МИ-6 по-прежнему вызывает восхищение у представителей влиятельных кругов британского общества и пользуется непререкаемым авторитетом среди чиновников Уайтхолла. И против моей книги МИ-6 выступила вовсе не потому, что в ней содержится некая угроза национальной безопасности. Она не поскупилась в средствах из страха, что книга моя развеет мифы, окутывающие это учреждение.

На протяжении всей этой бесславной бойни я неоднократно пытался полюбовно договориться с МИ-6 через своих адвокатов Уоррена Темплтона в Новой Зеландии, Анн-Софи Леви во Франции, Джона Уэдхема и позже Мадлен Эбас в Великобритании. Я просил об одном – чтобы было вынесено независимое заключение относительно правомочности и справедливости решения о моем увольнении. В течение последних пяти лет МИ-6 могла бы в любое время урегулировать этот конфликт, стоило кому-то из ее уполномоченных снять телефонную трубку и вступить в открытый честный диалог ради реализации этого элементарного гражданского права. Они же просто дразнили меня, держа на поводке, и если вступали в переговоры, то вовсе не с искренними намерениями найти приемлемое решение, а лишь для того, чтобы цинично выведать мои планы и узнать, где я нахожусь в данный момент. Полученные сведения, которые я сообщал им по доброй воле, они вероломно использовали против меня, склоняя полиции иностранных государств к принятию карательных мер в отношении меня или конфискации моего имущества.

Своей дорогостоящей тактикой МИ-6 лишь загнала меня в угол, вынуждая отбиваться. Мне пришлось покинуть Великобританию и искать приюта за границей, перебираясь из страны в страну, раз в несколько месяцев меняя место проживания. По милости британских спецслужб, активно пытающихся лишить меня всяких средств к существованию, я фактически не могу устроиться на интересную работу. Как это ни смешно, но они сами же подталкивают меня к опубликованию данной книги. У меня просто не осталось выбора. Когда история моей жизни получит широкую огласку, МИ-6 будет трудно доказать, что я действительно представляю серьезную угрозу для общества, и на основании этого требовать от полиции и спецслужб других государств принятия санкций в отношении меня как "террориста". Надеюсь, публикация этой книги положит конец затянувшемуся конфликту между мною и МИ-6 и впредь я смогу жить спокойно.

Я решил сначала опубликовать книгу в Интернете, – это

единственный способ обойти запретительные меры МИ-6 и противостоять ее прочим вероломным методам борьбы. Практически сразу, же, после того как я послал свою рукопись в одно из британских издательств, "Форт истейт", туда нагрянула полиция и конфисковала редакционные компьютеры. В результате "Форт истейт" отказалось публиковать мою книгу, а все остальные британские издательства были предупреждены, что их ожидают серьезные неприятности как законного, так и незаконного характера, если они попытаются пойти наперекор МИ-6. Я обратился с предложением к одному из американских издателей, и ему не замедлили нанести зловещий визит люди из ФБР, действовавшие по поручению МИ-6. Они убедили его отказаться от данного проекта. Далее ФБР завербовало некоего литературного агента в своей стране, чтобы тот снабжал их сведениями о моих планах и водил меня за нос, вынуждая впустую тратить время и деньги. Издателей в Австралии и Новой Зеландии, которым я предлагал свою книгу, постигла аналогичная участь: все они имели неприятные разговоры с представителями спецслужб своих стран. Даже швейцарский литературный агент, которому поначалу удалось пристроить мою книгу, вскоре стал жертвой сурового судебного запрета и был вынужден отказать мне в своих услугах. Я также трижды предлагал подвергнуть рукопись данной книги освидетельствованию в МИ-6 на предмет выявления в ней сведений, наносящих ущерб национальной безопасности, на что мне отвечали письмами с угрозой заключить меня в тюрьму или же просто использовали мое признание о существовании рукописи как повод для изъятия моих компьютеров.

x x x

Подобное разбазаривание денег, времени и людских ресурсов было бы невозможно, если бы МИ-6 была подотчетна правительству. Корень зла кроется в убежденности чиновников МИ-6 в том, что их организация стоит над законом, и этот принцип кратко сформулирован в тезисе начальника департамента кадров: "Шефу никто не указ". Будь Шеф разведслужбы подотчетен кому-либо, он постарался бы обеспечить департамент кадров квалифицированными специалистами, которые разбираются в трудовом законодательстве и обеспечивают строгое соблюдение законодательных норм. (Скандал в связи с книгой "Поимка шпиона", разразившийся в 1980 году, тоже был спровоцирован

некомпетентностью кадровиков: МИ-5 отказалась учитывать предыдущий стаж работы Питера Райта в другой сфере государственной службы, чем вызвала его резкое недовольство). Трата денег налогоплательщиков на карательные меры против таких "паршивцев", как я или Райт, отнюдь не поможет избежать повторения аналогичных фарсов в будущем. Нужно просто не допускать подобных конфликтов, осуществляя грамотную политику в системе кадров. Это станет возможно только тогда, когда Шеф разведслужбы, да и вся деятельность данного ведомства будут подотчетны правительству, избранному демократическим путем.

Шаг вперед в этом направлении был сделан, когда Комитет парламента по вопросам разведдеятельности и госбезопасности под председательством Тома Кинга был наделен ограниченными полномочиями проверять работу спецслужб. В сущности, парламентскому комитету отвели роль консультативного органа, и все попытки Кинга расширить эти полномочия встречали отпор со стороны руководства МИ-6, игнорировавшего его рекомендации. В 1998 году в своем ежегодном отчете премьер-министру Кинг высказал несколько критических замечаний в адрес МИ-6, в том числе, косвенно ссылаясь на меня, указал, что "скандальные происшествия последних лет, имевшие место по обе стороны Атлантики, подчеркивают необходимость принятия ряда эффективных мер по урегулированию насущных проблем в системе кадровой политики". Кинг имел в виду также дело Эдварда Ли Говарда, который был уволен из ЦРУ без объяснения причин и был вынужден искать убежища в Москве, после того как его бывший работодатель жестко подавил все его попытки опротестовать несправедливое решение. Но руководители МИ-6, игнорируя рекомендации Кинга, не принимая во внимание ошибку, допущенную ЦРУ, продолжали применять ту же контрпродуктивную тактику в отношении меня и на протяжении всего 1999 года. В отчете за 1999 год господин Кинг повторил свою рекомендацию, но уже более настоятельно и с прямой ссылкой на меня, выделив жирным шрифтом строчку: "Мы считаем, что нельзя отказывать в праве на обращение в Апелляционный суд по трудовым спорам". МИ-6, так и не прислушавшись ни к его критике, ни к советам, отказалась признать за мной это право. И руководство МИ-6 будет пренебрегать рекомендациями Кинга до тех пор, пока не будут радикально пересмотрены система организации разведывательной службы и Закон о сохранении государственной тайны.

x x x

Закон о сохранении государственной тайны следует немедленно упразднить и вместо него принять Закон о свободе информации, аналогичный правовым актам, действующим в Австралии и Новой Зеландии, и закон этот должен содержать четкое определение понятия "национальная безопасность". Вместо руководителей ведомств МИ-6 и МИ-5 следует учредить пост единого руководителя спецслужб, причем на эту должность необходимо назначить человека, ранее не служившего в разведке, который не проникся духом тотальной секретности и укрывательства. Он должен быть полностью подотчетен Специальному комитету парламента. Только тогда можно говорить об установлении демократического контроля над спецслужбами. Более того, новому руководителю следует разработать и реализовать план слияния двух разведывательных служб в единое ведомство, которое следует переименовать – хотя бы в Службу безопасности и разведки Великобритании. Держать в стране два дорогостоящих самостоятельных разведуправления – службу внешней разведки и службу внутренней разведки – столь же нелепо и бессмысленно, как делить систему здравоохранения на мужскую и женскую.

Слияние двух разведуправлений в единый организм ни в коей мере не нанесет ущерба национальной безопасности страны. Подобный механизм прекрасно работает и в США, и в Канаде, и в Новой Зеландии. Напротив, национальная безопасность только выиграет, оттого что подотчетное правительству ведомство быстро наведет порядок в своей системе администрирования, исключающий многочисленные провалы в сфере разведдеятельности, которые потерпела наша страна в последние пять лет.

Я не знаю, как поведет себя МИ-6 после публикации этой книги. Хочется надеяться, что реакция будет положительная и ее руководители наконец-то начнут устранять явные недостатки в своей работе во избежание повторения случая, аналогичного моему. К сожалению, опыт прошедших лет показывает, что рассчитывать на их благоразумие не приходится. Скорей всего они опять бросятся растрачивать общественные деньги на то, чтобы воспрепятствовать распространению книги, конфисковать доходы от распроданных тиражей и, возможно, даже попытаются добиться моего ареста и выдачи Великобритании. В оправдание этих новых затрат они через своих мягкотелых друзей в правительстве и парламенте распространят злостные слухи о том, что меня уволили за "неблагонадежность" и "недостойное

поведение" (интересно, почему они не стали обосновывать эти "причины" в Апелляционном суде по трудовым спорам?), и поручат I/OPS подкинуть в газеты голословную информацию о том, что я – "предатель", "продававший секреты" и "ставивший под угрозу жизни агентов службы". На самом деле мстительные попытки этого учреждения воспрепятствовать опубликованию моей книги никоим образом не продиктованы необходимостью защитить какие-то важные секреты, – ведь я оставил службу шесть лет назад, да и тогда не имел доступа к каким-то сведениям особой важности, – просто контора не желает огласки собственных неуклюжих действий, связанных с моим увольнением, и неумелых попыток не допустить проведения беспристрастного судебного разбирательства по моему делу.

А ведь служба МИ-6 могла бы избавить себя от всех этих трудов, юридических баталий и трат значительных сумм за счет британских налогоплательщиков, если бы согласилась принять от меня одно простое обещание. Я добровольно вернусь в Великобританию, передам на благотворительные цели все средства, полученные за эту книгу, соглашусь с любыми юридическими обвинениями, которые МИ-6 пожелает выдвинуть против меня, и даже, если придется, снова сяду в тюрьму, – но при одном условии: сначала мой иск против МИ-6 рассмотрит Апелляционный суд по трудовым спорам. Если бы служба МИ-6 была благородным и справедливым учреждением, которое воистину заинтересовано в защите национальной безопасности и привыкло отчитываться за расходуемые им бюджетные средства, мое предложение было бы с радостью принято. Но я хорошо знаю МИ-6 уже почти десять лет – сначала служил в этом ведомстве, затем стал для него объектом преследования, – и потому сильно сомневаюсь, что оно примет мое предложение.